

**Российская Академия наук
Институт истории материальной культуры
Russian Academy of Sciences
Institute for the Material Culture History**

**Институт истории Литвы
Institute for the History of Lithuania**

Russian Academy of Sciences
Institute for the Material Culture History

Institute for the History of Lithuania

**ARCHAEOLOGY AND HISTORY OF LITHUANIA
AND NORTH-WESTERN RUSSIA
IN EARLY / LATE MIDDLE AGE**

The Materials of International Russian-Lithuanian conference
Saint-Petersburg, 2006, December, 4–8

NESTOR-HISTORY
Saint-Petersburg
2009

Российская Академия наук
Институт истории материальной культуры

Институт истории Литвы

**АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТВЫ
И СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ
В РАННЕМ И ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

Доклады Международного российско-литовского семинара
Санкт-Петербург, 4–8 декабря 2006 г.

НЕСТОР-ИСТОРИЯ
Санкт-Петербург
2009

УДК 902+94(1-924.7/.9)
ББК 63.4

Археология и история Литвы и Северо-Запада России в раннем и позднем средневековье.
СПб. : Нестор-История, 2009. — 174 с.

ISBN 978-59818-7390-4

Редакционная коллегия:

Е.Н. Носов (отв. редактор), *А.Н. Кирпичников*, *Н.И. Платонова* (отв. секретарь)

В сборнике представлены статьи ученых Литвы и России, посвященные различным проблемам изучения археологии, истории, культуры и общественной жизни в период от римской эпохи до позднего средневековья.

Сборник рассчитан на историков, археологов, студентов и аспирантов гуманитарных специальностей, а также на всех интересующихся археологическим и культурным наследием народов Европы.

УДК 902+94(1-924.7/.9)
ББК 63.4

Публикация осуществлена при финансовой поддержке Президиума РАН

© Институт истории материальной культуры РАН, 2009
© Институт истории Литвы, 2009
© Коллектив авторов, 2009

От редколлегии

В настоящем сборнике читателю предлагаются материалы I Международного российско-литовского семинара «Археология и история Литвы и Северо-Запада России» состоявшегося 04–08 декабря 2006 г. в Санкт-Петербурге, в Институте истории материальной культуры РАН. Упомянутый научный форум стал важным мероприятием на пути сотрудничества ученых России и Литвы в области археологии после длительного перерыва. Ныне необходимость подобного сотрудничества все в большей степени осознается, как российской, так и литовской сторонами.

В ходе семинара было подчеркнуто, что процессы развития культуры, становления этнических общностей, возникновения городов и т. д. на территории Северной России и Балтии не должны рассматриваться изолированно, т. к. история этих регионов, в действительности, была тесно связана с древнейшими временами. Заинтересованность литовской стороны в сотрудничестве дополнительно стимулировалась тем, что в архивах Санкт-Петербурга содержится огромное количество источников, как по древней, так и по новой истории Литвы, по большей части не освоенных или даже вообще не известных литовским ученым.

Доклады, представленные на семинар, отличались высоким профессионализмом, широтой охвата и тщательностью анализа материала. В настоящий сборник включены статьи по отдельной сюжетной археологии Восточной Европы сер. I тыс. н.э. и связям Руси с Прибалтикой, новейшим исследованиям русских городов VIII–XII вв. и синхронных им погребальных памятников, а также позднесредневековой городской археологии Литвы и России. Необходимо подчеркнуть особую актуальность проведенных в 2006–2007 гг. исследований Русского конца Вильнюса — квартала, где с самого основания города проживало православно-русское население.

Данный квартал средневекового Вильнюса, где сосредоточено около десятка православных церквей (в том числе XIV в.), никогда не исследовался ранее — ни в эпоху первой Литовской республики, ни в советское время. Однако сейчас в Литве постепенно приобретает влияние историческая концепция Эдвардаса Гудавичюса, автора «Истории Литвы с древнейших времен до 1569 г.» (Вильнюс: изд-во Союза писателей Литвы, 1999), о многонациональном характере Великого княжества Литовского, ставшего родиной не для одних этнических литовцев, но и для большой массы русского («русинского») населения. Подразумевается, что это население внесло немалый вклад в формирование современной литовской нации. Следует подчеркнуть плодотворность данного подхода, противостоящего узкому национализму, как в истории, так и в политике.

Важнейшим результатом семинара является то, что он способствовал налаживанию прерванных ранее связей России и Литвы в гуманитарной сфере. Формальное и неформальное общение ученых обеих стран, имевшее место в ходе семинара, показало настоятельную необходимость и плодотворность углубления научных связей. Сотрудничающие стороны единодушно приняли решение о проведении в Литве следующего семинара по теме «Культура и история Литвы и России в эпоху средневековья». Литовская сторона внесла предложение об участии российских ученых-археологов ИИМК РАН в изучении Русского конца (*Civitas Ruthenica*) Вильнюса.

Проведение семинара на высоком уровне и дальнейшая публикация материалов оказались возможными, благодаря финансовой поддержке РАН (в лице ее вице-президента акад. Н.А. Платэ), а также неизменной благожелательности и помощи со стороны Консульства Литовской республики в Санкт-Петербурге (в лице Генерального консула Эйтвидаса Баярунаса). Учитывая положительные итоги семинара, в его резолюцию, принятую на заключительном заседании, было включено обращение в Президиум РАН и Институт истории Литвы с предложением поддержать дальнейшее сотрудничество ученых России и Литвы в области археологии.

В связи с этим следует отметить, что еще ранее, 25–28 сентября 2005 г., Институтом истории Литвы при участии Фонда Русской культуры Литвы был проведен литовско-русский семинар «Процессы становления средневековых городов Восточной Балтии и Северо-Западной России: сходство и различия». В нем приняли участие ученые обеих стран, а также представители власти и общественные организации Вильнюса и Литвы.

С литовской стороны присутствовали представители от Института истории Литвы, исторического факультета Вильнюсского университета, Вильнюсского технического университета им. Гядиминаса, Института консервации памятников, Кедайнского краеведческого музея, Центра исследований замков Литвы «Замки Литвы» мэрии г. Вильнюса, Департамента национальных меньшинств при правительстве Литовской республики, политической организации «Союз русских Литвы». Российскую сторону представляли делегаты от Института истории материальной культуры Российской Академии наук, Государ-

ственного Эрмитажа, Староладожского музея-заповедника, Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН.

На заключительном заседании семинара был подписан «Протокол о намерениях сотрудничества в области археологии между Институтом истории Литвы и Институтом истории материальной культуры РАН». Все статьи данного протокола остаются в силе и в настоящее время. Ниже мы приводим текст этого значимого, на наш взгляд, документа, утвержденного директором Института истории Литвы проф. Альвидасом Никженткайтисом и директором Института истории материальной культуры РАН, членом-корреспондентом РАН Евгением Николаевичем Носовым:

Ссылаясь на продолжительное позитивное сотрудничество между археологами Литвы и России, стороны договорились о следующем:

1. Считать важным и актуальным расширение литовско-российского научного сотрудничества на северо-западной территории России и территории Литвы, что естественно ввиду многолетних традиций исследования литовских и древнерусских археологических памятников.
2. Считать важным наиболее широкое и многостороннее использование ресурсов как в области полевых, так и в иных сферах археологических исследований.
3. Считать наиболее плодотворными результаты, достигнутые объединением усилий и возможностей научных учреждений и музеев обеих стран.
4. Поддержать организацию научных исследований, симпозиумов и различных выставок с целью максимально оперативной и актуальной публикации результатов в обеих странах. Считать целесообразными регулярные научные тематические встречи археологов, историков, искусствоведов, архитекторов-реставраторов двух стран.
5. Каждая из договаривающихся сторон привлекает по договорным условиям ученых, аспирантов и студентов к археологическим работам в Литве и в России.
6. Целесообразным является обмен новой литературой по археологии Литвы и России.
7. Приветствуется содействие и помощь, которые смогут оказать власти Литвы и России в развитии научных и творческих контактов между учеными, студентами, аспирантами и работниками музеев обеих стран.
8. Литовская сторона публикует состоявшиеся на семинаре доклады

Срок действия протокола не ограничен. Его действие может быть приостановлено по желанию каждой из договаривающихся сторон.

Протокол вступает в действие с момента его подписания.

*По уполномочию литовской стороны
Руководитель отдела исследований городов
Института истории Литвы
Доктор исторических наук*

Гядиминас Вайткявичюс

*По уполномочию российской стороны
Заведующий отделом славяно-финской археологии
Института истории материальной культуры
Доктор исторических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации
Кирпичников Анатолий Николаевич*

Выход настоящего издания представляет собой один из конкретных шагов на пути реализации узаконенных договоренностей. В частности, оно возобновляет собой прерванную почти на два десятилетия традицию публикации научных материалов и разработок литовских археологов на русском языке. Редакция выражает надежду на то, что эта добрая традиция будет вскоре продолжена. В лице российских археологов и историков эти публикации, несомненно, найдут самых благодарных читателей. Исторические связи наших стран в минувшем тысячелетии были настолько тесны, что взаимный интерес учёных друг к другу остаётся непреходящим и не может зависеть от сиюминутных веяний политики.

В подготовке книги приняли активное участие сотрудники Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН.

РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Находки римской эпохи на Северо-Западе России

О. В. Шаров

Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург

В последние годы в научных изданиях, посвященных археологии и истории Северо-Запада, появился ряд публикаций находок римского времени (Булкин, Седых, Каргопольцев 2005; Каргопольцев, Седых 2002; Каргопольцев, Щукин 2001; Кулешов 2005; Носов 2003; Носов, Плохов, Горюнова 2005; Щукин, Платонова 2000; Шаров 2006; Сорокин, Шаров 2008).

В большинстве случаев были опубликованы единичные типы вещей римского времени из культурного слоя более поздней эпохи и поэтому не раз возникал вопрос: это полная случайность — их попадание в культурный слой городских и сельских поселений Северо-Запада древнерусского времени или все же некая закономерность: и на Северо-Западе можно выделить *более ранний стратиграфический горизонт не только находок, но и комплексов римского времени?*

Недавние находки римских фибул в Старой Ладогe (Шаров 2006) и в районе д. Удосолово Кингисеппского района Ленинградской области (Сорокин, Шаров 2008) дали нам для постановки этого вопроса достаточно серьезные основания.

Маленькая бронзовая фибула (рис. 2) была обнаружена в 2004 году в кв. 3 — XIX, в слое E2 Земляного городища Старой Ладоги. (рис. 1–12). Она была зафиксирована на глубине 4,7 м. от современной дневной поверхности в темно-коричневом слое с щепой и навозом. По общепринятой классификации европейских фибул Оскара Альмгрена ладожская находка относится к классу перекладчатых фибул V группы 1 серии, но ее трудно сопоставить с определенным типом, следуя приведенным таблицам О. Альмгрена (Almgren 1897: 50–51, Taf. V; Almgren 1923: 50–51, Taf. V), так как она относится к вариантам местных балтийских фибул, распространенным в Южной Эстонии почти исключительно в ареале Tarandgräberkultur (Moora 1938; Laul 2001; Шмидехельм 1955).

Существуют различные точки зрения на данный тип фибул. Остается спорной и их хронология.

О. Тишлер писал, что восточнопруссские перекладчатые фибулы можно датировать *не ранее второй половины III века н. э.* (поздним периодом «С» — 250–300 гг.), отметив при этом, что фибулы с тремя перекладинами не римского происхождения и были изготовлены на месте варварами (Tischler 1879: 222).

А. Хакман датировал фибулы с трубчатым футляром всем периодом «С» О. Тишлера (175–300 гг.), но фибулы с шарниром вместо футляра и отверстием в головной перекладине отнес уже только к IV веку, т. е. к периоду «D» (Hackman 1905: 165).

Оскар Альмгрен также датировал восточнобалтийские фибулы первой формы обобщенно только позднеримским периодом (200–300 гг.) или периодом «С» по О. Тишлеру (Almgren 1897: 50).

Макс Эберт очень кратко коснулся вопросов классификации и хронологии восточнобалтийских перекладчатых фибул (Ebert 1913: 537–538). При этом он использовал в качестве иллюстративного материала публикацию экспонатов археологической выставки в Риге, подготовленной к X Археологическому съезду (Riga-Katalog 1896: Taf. 4, 5). М. Эберт к началу периода «С» относит еще переходные

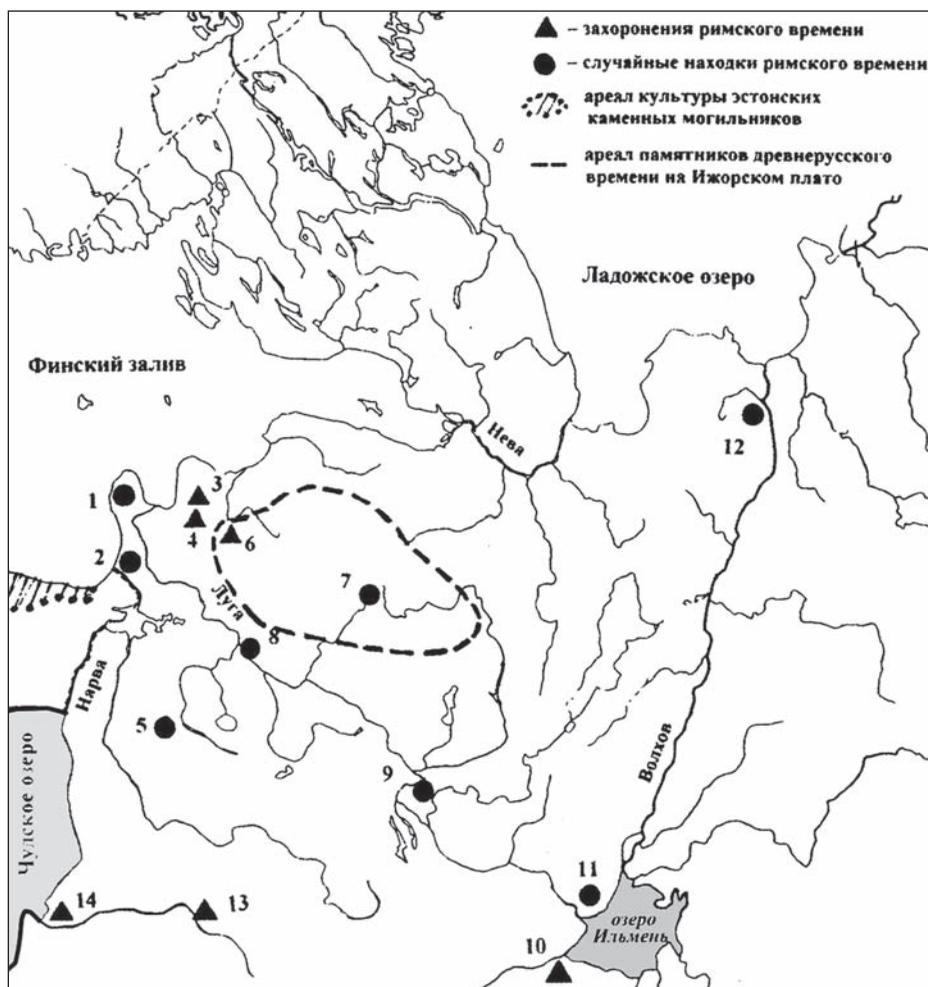

Рис. 1. Карта археологических находок римского времени на территории Северо-Запада России. 1 — Выбье; 2 — Куземкино; 3 — Великино; 4 — Валговицы; 5 — Доложское; 6 — Удололово; 7 — Глумицы; 8 — Большой Сабск; 9 — Турово; 10 — Солоницко; 11 — Георгий; 12 — Старая Ладога; 13 — Среднее течение р. Желчь; 14 — Залахтове; (по: Сорокин, Шаров 2008: рис. 1)

формы фибул от сильнопрофилированных к перекладчатым с широкими и короткими перекладинами (RK 1896: Taf. 4: 24, 25). Далее он выделяет группу близкостоящих к ним маленьких и средних размеров перекладчатых фибул, которые имеют длинные узкие перекладины с одним узким желобком посередине (RK, 1896: Taf. 5: 18, 19, 27, 28). Так как к позднему отрезку периода «С» он отнес только большие перекладчатые фибулы с узкими перекладинами, фигурными ножками и треугольной головкой с окончаниями в виде рогов (тип В3 по М. Шмидехельм 1923; RK 1896: Taf. 5, 16, 17, 22–25), то в данном случае маленькие перекладчатые фибулы, близкие по типу ладожской фибуле, относятся им еще к III веку, скорее всего, ко второй половине (250–300 гг.)

А. Хакман в статье, посвященной балтийским фибулам из Финляндии, датировал комплекс из Ускела-Кетохака, в котором найдена маленькая перекладчатая фибула с трубчатым футляром, железной осью и железной иглой второй половиной III — первой половиной IV вв. При этом автор считает, что эта фибула относится уже к его 4 ступени эволюции, когда футляр не функционален, и есть отверстие для крепления иглы. Я полагаю, что данная фибула относится ко 2 ступени эволюции перекладчатых фибул, и может датироваться даже первой половиной III века н. э., так как наиболее близкая по типу фибула с осью-шарниром в футляре из *Wihksnas Karusils, Ronnenburg* относится к этому времени (Hackman 1921: 73).

М. Шмидехельм в работе 1923 года отнесла выделенные ею типы А1, А2, А3 перекладчатых фибул к периоду «С» по хронологии Тишлера-Кемке, при этом лишь прототип этих фибул — тип А1 сильнопрофилированных фибул с валиками она отнесла к раннему отрезку периода «С». Перекладчатые

фибулы типа А4, с узкими перекладинами и штангой вместо футляра, М. Шмидехельм датировала поздним отрезком периода «С» и началом периода «D». Таким образом, фибулы типа А3, к которому относится ладожская фибула, может датироваться только III веком, не заходя в IV в. н. э. (Schmiedehelm 1923: 96–98).

Харри Моора полагал, что ранние прототипы перекладчатых восточнобалтийских фибул его первой серии — мазурские фибулы *со спиральной конструкцией в футляре* и прототипы второй серии — *литовско-южнолатвийские* фибулы с такой же конструкцией, можно датировать около 200 г. н. э. или началом III века. Фибулы *с сильно уплощенными перекладинами, с осью в футляре* уже датируются автором только III веком, а многие, встреченные в Литве, деградированные типы *больших фибул* можно отнести только к IV веку (Моора 1938: 92).

Все фибулы второй «*южноэстонской серии*» он предлагает датировать не ранее, чем рубежом III–IV вв., большей частью, *уже только IV веком н. э.* Некоторые данные, по его мнению, говорят о том, что эти фибулы были в употреблении и в V в. н. э. (Моора 1938: 92). При этом, он выделяет среди южноэстонской серии *фибулы ранней 1 ступени* (Моора 1929: Taf. VI, 1, 2), которые имеют футляр с осью внутри (Моора 1929: Taf. VI, 3–6). Ладожская фибула, несомненно, относится к первой ранней ступени эволюции этих фибул.

М. Шмидехельм в работе 1955 г., в которой она анализирует материал римского времени Северо-Восточной Эстонии, в основном принимает даты бытования перекладчатых фибул, предложенные Х. Моора в его диссертации (Шмидехельм 1955). Сильнопрофилированную фибулу с валиками и трубчатым футляром со спиралью внутри — прототип перекладчатых фибул, из могильника «Б» Ябара она датирует III веком н.э. (Шмидехельм 1955: 82, рис. 18, 1). Одну из самых ранних для северо-востока Эстонии перекладчатых фибул, происходящую из могильника Е Ябара, с двумя небольшими перекладинами и спиральной конструкцией в футляре она датирует рубежом II–III вв. (Шмидехельм 1955: 92, рис. 22, 1). Перекладчатую фибулу, очень близкую по типу ладожской, происходящую из VII оградки могильника Пада, она относит уже к рубежу III–IV вв. н.э. Фибула имеет небольшие, почти одинаковые перекладины, украшенные плоским широким желобком и равномерную по ширине уплощенную дужку с окончанием в форме кнопки. Такие фибулы, по ее мнению, очень характерны для южной Эстонии и для территории распространения каменных могильников в северной Латвии (Шмидехельм 1955: 120, рис. 29, 5).

В более поздней работе М. Шмидехельм и С. Лаул, разбирая материал каменного могильника с оградками Лоози (Loosi) в Выруском районе Юго-Восточной Эстонии, датировали маленькие перекладчатые фибулы «южноэстонского типа» также III–IV вв. н.э. При этом трупосожжения в оградках на этом могильнике продолжались до VI в. н.э. включительно (Schmiedehelm, Laul 1970: 154–155, рис. 2, 6).

В главе, посвященном археологии Эстонии в I–V вв. н.э., перекладчатые фибулы «южноэстонского» типа датируются очень обобщенно — III–V вв. (Jaanits, Laul, Lõugas, Tõnisson 1982: 227, рис. 155, 4).

Рис. 2. Бронзовая фибула из культурного слоя Земляного городища Старой Ладogi.
1 — фас; 2 — анфас; 3 — профиль (по: Шаров 2006: рис. 1)

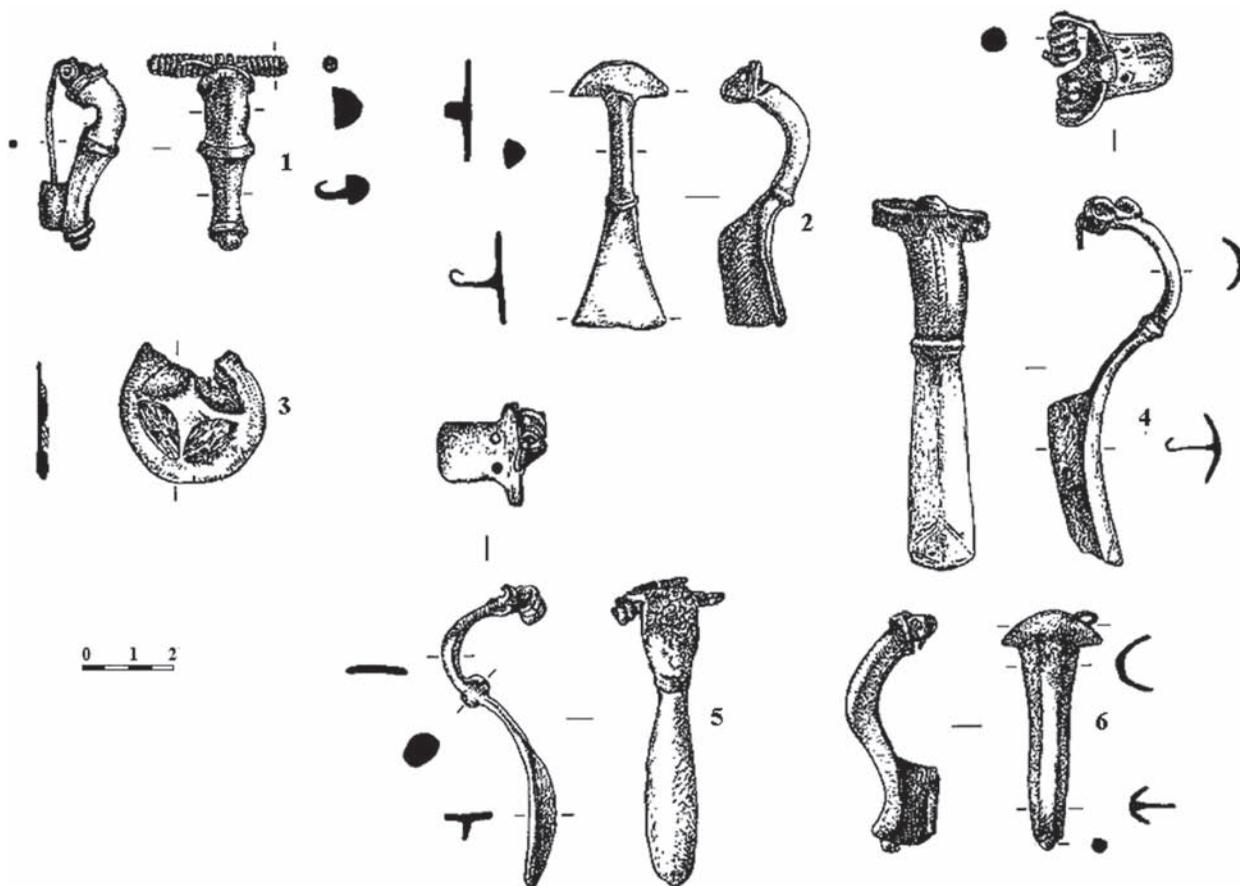

Рис. 3. Комплекс находок римского времени из района д. Удосо́лово Кингисе́ппского района Ленинградской области (по: Сорокин, Шаров 2008: рис. 2)

М. Михельбертас принимает для так называемых «угро-финских» или «эстонских» фибул датировку X. Моора — основное время их бытования падает на III–IV вв., но некоторые из них доживают до V в. н.э. (Michelbertas 1998: 428).

Т. Хауптман датирует свой первый вариант 5 серии «северо-восточнобалтийских фибул, принимая также датировку X. Моора: от конца III в. н.э. до V в. н.э. включительно (Hauptman 1998: 170).

Сильвия Лаул в не так давно вышедшей монографии разбирает перекладчатые фибулы Юго-Восточной Эстонии (Laul 2001: 103–107, рис. 37). Из 160 найденных на этой территории перекладчатых фибул, 14 фибул являются прототипами или предшественниками и датируются ею рубежом II–III вв. (Laul 2001: 103, рис. 37, 3, 7, 9). Далее, сравнительно большие фибулы, у которых головная перекладина удалена от футляра и в этой части есть отверстие для крепления иглы, она считает более ранними типами перекладчатых фибул для данного региона и датирует их III–IV вв. (Laul, 2001: 105–106, 268, рис. 37, 1). Маленькие фибулы «южноэстонской серии с футляром для оси-шарнира С. Лаул относит к самым поздним типам перекладчатых фибул и датирует их IV–V вв. н.э. (Laul 2001: 106–107, 268, рис. 37, 2). К сожалению, ни доказательства этих выводов, ни хотя бы иллюстраций выделяемых ею комплексов внутри отдельных оградок для проверки этих данных в монографии не приведено. К выводам о хронологии данной фибулы мы обратимся позднее.

Комплекс находок, также связанный с римским временем, был обнаружен в 2005 г. на северо-западной окраине Ижорского плато — в районе д. Удосо́лово Кингисе́ппского района Ленинградской обл. (рис. 1, б). Он был обнаружен на краю поля вблизи трассы дороги Санкт-Петербург-Кингисе́пп. В составе комплекса находок представлены две глазчатые фибулы III группы по О. Альмгрену (рис. 3, 4, 5), сильнопрофилированная фибула IV группы (рис. 3, 1), и две прибалтийские фибулы с головным щитком (рис. 3, б). Подобное сочетание фибул очень характерно для эстонских каменных могильников начала II в. н.э. Отсюда же происходит фрагмент подковообразной фибулы с выемчатой эмалью крас-

ного цвета (рис. 3, 3). Осмотр места находок показал, что на склоне естественной возвышенности расположена искусственная каменная насыпь размерами 50×40 м и, судя по всему, здесь же располагается некрополь, принадлежащий к культуре эстонских каменных могильников.

В отдельной статье, посвященной находкам у д. Удосолово, были рассмотрены только глазчатые фибулы (Сорокин, Шаров, 2008). Аналогии фибулам с Ижорского плато не пришлось искать долго: они представлены в значительном количестве также среди материалов культуры эстонских каменных могильников (Tarandgräberkultur) и рядом авторов называются глазчатыми фибулами «эстонской» серии (Moora 1938: 59; Шмидехельм 1955: 64; Laul 2001).

В работе 1938 года о железном веке Латвии Х. Моора коснулся вопросов типологии, датировки и распространения глазчатых фибул (Moora 1938: 57–65. По его мнению, фибулы эстонской серии бытуют много дольше, чем фибулы «основной» и «прусской» серий. Он привел комплекс с большой глазчатой фибулой из Storkåge из Швеции, который датировал IV в. н.э. и находку большой фибулы из клада в Пийлси, которую на основании фибулы со звездчатой ножкой (Sternfussfibel) отнес даже к V в. н.э. (Moora 1938: 60). Идеи о длительном бытовании глазчатых фибул эстонской серии были развиты и продолжены в работах М. Шмидехельм (Шмидехельм 1955: 64–65). М. Шмидехельм разделила глазчатые фибулы по морфологии на три серии: 1) «основную»; 2) «эстонскую» 3) «южнобалтийскую» или «прусскую». Ранние фибулы «эстонской» серии очень похожи на фибулы «основной» серии, но, в отличие от последних, их спираль обычно изготавливалась отдельно от дужки. Ось и булавка у фибул «эстонской» серии часто делались из железа. В дальнейшем спираль удлиняется, дужка становится полый с нижней стороны, и вся фибула делается значительно крупнее. Самые поздние фибулы, по мнению М. Шмидехельм, были очень большие и совсем тонкие, как из жести. Глазчатые фибулы «эстонской» серии, по ее представлениям, оставались в обиходе до начала VI в. н.э. На это указывает, например, клад из Пийльси близ Авинурме, Муствекского района, где вместе с поздними глазчатыми фибулами и разными другими украшениями была найдена арбалетная фибула V века со звездчатой ножкой. Эта традиция «длинной» хронологии глазчатых фибул была продолжена в дальнейшем в трудах ведущих эстонских ученых (Шаров 2008).

С. Лаул считает, что отдельные оградки каменных могильников Юго-Восточной Эстонии «наиболее точно датируют фибулы (рис. 8). Среди фибул представлено 13 глазчатых, из них две «основной» серии начала II в. н.э. (Laul 2001: рис. 33, 2, 5), 10 балтийской (имеется в виду «прусской», — *авт.*) серии, которые могут быть отнесены ко второй половине II в. н.э. (Laul 2001: рис. 33, 1, 4), и фрагмент фибулы «эстонской» серии III–IV вв. (Laul 2001: рис. 33, 3). Можно заметить, что датировка глазчатых фибул «основной» и «прусской» серий прибалтийскими учеными расходится с датировками таких фибул европейскими археологами на 80–100 лет (см. обзор: Kupow 1998: 105–108) — если конечно не принять постулат о том, что все фибулы «основной» серии не импортные, а сделаны на месте, точнее, скопированы, и, соответственно, вошли в моду у населения, хоронившего умерших в коллективных семейных или родовых усыпальницах, на 80–100 лет позднее.

Таким образом, в работах конца XIX — первой четверти XX вв. авторы совершенно иначе датировали маленькие перекладчатые фибулы и глазчатые фибулы «эстонской серии». Лишь после выхода работ Х. Моора все его последователи — представители эстонской археологической школы — стали датировать перекладчатые и глазчатые фибулы в очень широких рамках. Зададимся вопросом: почему?

К вопросу о прибалтийской хронологии позднеримского времени

Можно видеть из приведенного выше обзора, до сих пор существуют достаточно серьезные расхождения между центральной европейской и прибалтийской хронологией римского времени и эпохи переселения народов. Последняя имеет явную тенденцию к сильному завышению абсолютных дат границ всех трех периодов — «В», «С» и «D» (Шукин 2005: 323).

Одной из важных причин, которая, по нашему мнению, повлекла за собой серьезное «запаздывание» абсолютных дат для эпохи позднего Рима в Прибалтике, по сравнению со шкалой абсолютной хронологии римского времени, принятой в Центральной Европе и Скандинавии, явилось принятие хронологической системы О. Тишлера в интерпретации Г. Кемке. Г. Кемке подготовил неизданные материалы раскопок могильника Доллькайм уже после смерти О. Тишлера. В предисловии он указал, что период «С» по относительной системе хронологии О. Тишлера необходимо понимать в абсолютных датах, как III–IV вв. н.э. (Tischler, Kemke 1902: 13). Эта ошибка или, скорее, личная поправка Г. Кемке, поддержанная в 1913 г. мнением такого крупного авторитета, как Макс Эберт (Ebert 1913), была принята

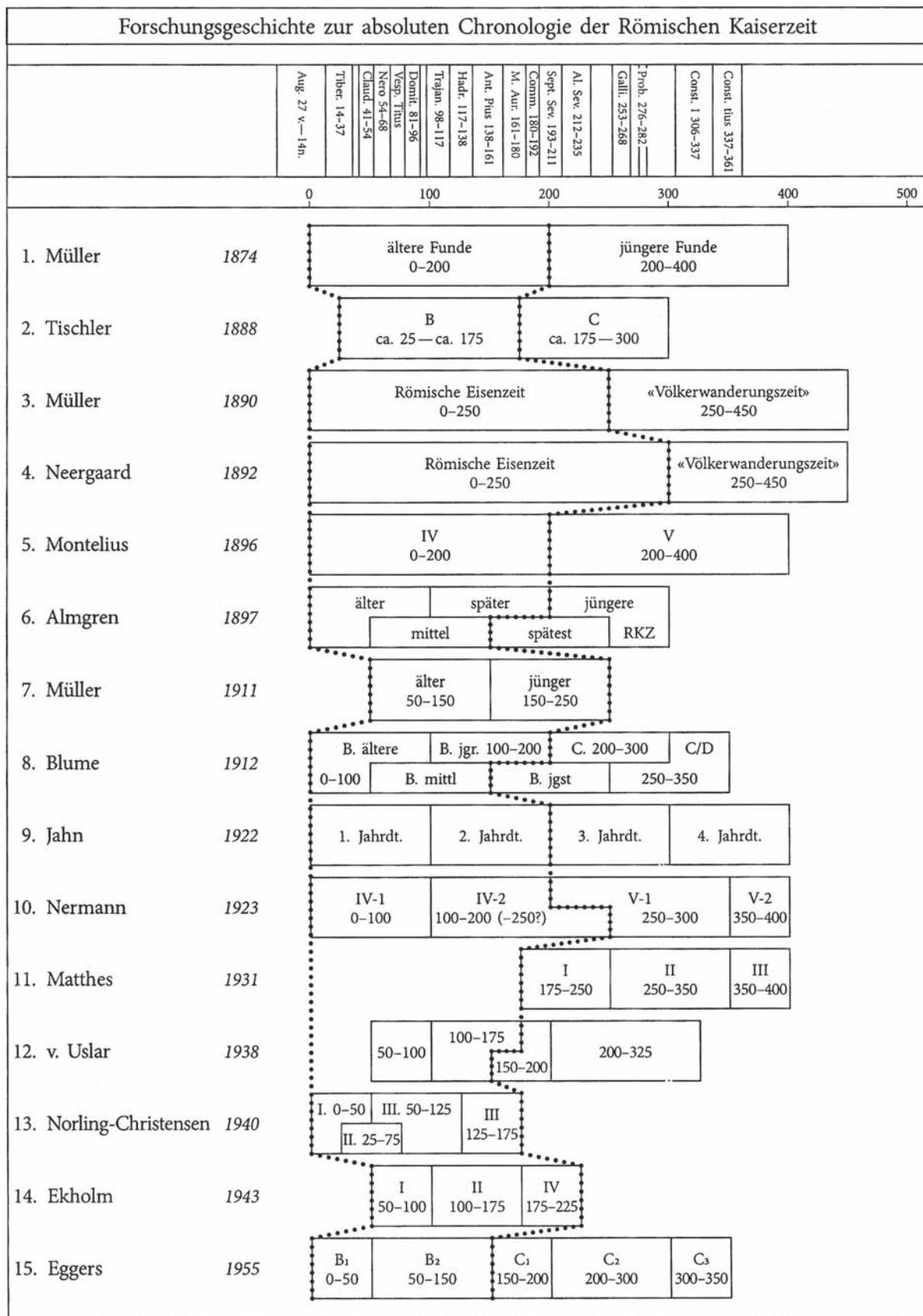

Рис. 4. История создания системы абсолютной хронологии римского времени в Западной Европе и Скандинавии по Г. Ю. Эггерсу (Eggers 1955: Taf. 12)

также в работе Марты Шмидехельм 1923 г., а также в каталоге археологической выставки в Риге в 1930 г. Так с легкой руки Г. Кемке неразрывные в системе прибалтийской хронологии появились III–IV вв. н. э., или в абсолютных датах — 200–400 гг., которые полностью соответствовали: периоду «поздних находок» («jüngere Funde») С. Мюллера в его работе 1874 г. и «периоду V» Оскара Монтелиуса, в работе 1890 г. (рис. 4). Г. Кемке были сделаны и попытки изменения хронологии О. Тишлера (Kemke 1902: 13) для создания собственной шкалы прибалтийской хронологии.

Во всех своих прижизненных публикациях О. Тишлер, не приводя, правда, при этом особых доказательств, датировал свой период «С» либо отрезком времени между 200–300 гг., либо между 175–300 гг. н. э. (Tischler 1880; 1880a; 1888). Правильно цитировали и использовали хронологическую систему О. Тишлера такие исследователи, как А. Хакман (1905; 1921); Р. Хауссман (1896; 1896a); О. Альмгрен (1897; 1923), Э. Блюме (1912); причем два последних автора развили его взгляды далее и создали собственные хронологические системы европейской хронологии (Almgren 1897; 1923; Blume 1912). О. Альмгрен в работе о фибулах 1897 г. ограничил период позднеимского времени «С» отрезком *между 200 и 300 гг.*, следуя в этом именно О. Тишлеру, а не своему непосредственному учителю О. Монтелиусу. Э. Блюме также датировал свой позднеимский период «С» только *200–300 гг.* (рис. 4).

В статье, заказанной М. Эбертом для XIII тома «Real Lexicon» о Юго-Восточной Прибалтике, А. Фриденталем вновь была повторена схема Тишлера-Кемке: римское время подразделялось на два периода — раннеимский «В», датированный 0–200 гг. и позднеимский «С» — 200–400 гг. (Friedenthal 1928: 7).

В. Гинтерс в тексте каталога по римскому времени для археологической выставки в Риге 1930 г. написал, что существует переходный период, когда находки ранне- и позднеимского времени в Прибалтике в первой половине III века сосуществуют. Поэтому границу между периодами нужно проводить не около 200 г. н. э., как у О. Тишлера, а около 250 г. н. э. При этом его позднеимский период, соответствующий позднеимскому периоду «С» для Восточной Пруссии по Тишлеру-Кемке, заканчивается не в 400 г., а раньше, в 350 г. н. э. Далее начинается период «D» (Ginters 1930: 4).

Можно заметить, что в данном случае позднеимский период В. Гинтерса полностью соответствовал периоду V:1 позднеимского времени Оскара Альмгрена — Биргера Нермана, выделенному ими на материалах могильников о. Готланд (Almgren, Nerman 1935).

Позднее, в 1938 г., с выходом второго тома диссертации Х. Моора «Железный век Латвии до 500 г. н. э.» ситуация изменилась еще более странным образом. Х. Моора прекрасно знал работы самого О. Тишлера (Moora 1938: 96–97, 585–586) но полагал, что применять его систему относительной и абсолютной хронологии для восточнобалтийского материала нельзя. Он писал: «так как германские и восточнопруссские формы, как правило, здесь быстро трансформируются (изменяются) и в отдельных культурных группах часто имеют совершенно иную продолжительность жизни, чем в местах их происхождения и бытования, то невозможно в восточнобалтийском регионе, за исключением области Мемеля, принять систему периодизации Отто Тишлера. Отклонение отдельных восточнобалтийских типов от восточнопруссских настолько сильно, что втискивание местного материала в рамки восточнопруссских ступеней приведет к многочисленным ошибкам. Исходя из этого, в данной работе весь римский материал разделяется не по общепринятой у нас и многократно используемой схеме (Тишлера — авт.), а мы разделяем изначально римский материал на две ступени, из которых первая — раннеимская, охватывает время до 200 г. н. э., а вторая — позднеимская — от 200 до 400 гг.» (Moora 1938: 636–637).

Таким образом, отказываясь принимать для восточнобалтийских древностей хронологическую систему самого О. Тишлера (Tischler, 1880, 1880a, 1888), Х. Моора принял абсолютные даты для своих двух ступеней в варианте Г. Кемке, которую большинство прибалтийских ученых, особенно после работ М. Эберта и М. Шмидехельм, считали *окончательным вариантом системы периодизации самого Отто Тишлера*. Постулаты Х. Моора об иных темпах развития восточнобалтийских комплексов, по сравнению с восточнопруссскими, о другой продолжительности времени бытования местных типов вещей, чем в Восточной Пруссии или в Повисленье, остались в его работах интересной и, несомненно, важной гипотезой, но, увы, не подкрепленной никакими строгими научными доказательствами.

В итоге сложилась парадоксальная ситуация. Те ученые, которые искали аналогии своим находкам в закрытых комплексах восточнопруссских могильников, датировали их, опираясь на хронологию О. Тишлера (в изложении Г. Кемке — *авт.*). При этом, если в тридцати приведенных Г. Кемке таблицах, составленных О. Тишлером еще к Берлинской выставке 1880 г., предмет был отнесен им к периоду «С», то сам О. Тишлер понимал, что данный тип датируется только III веком, но с поправками Г. Кемке 1902 года, данная аналогия уже датировалась III–IV вв. н. э. (рис. 5).

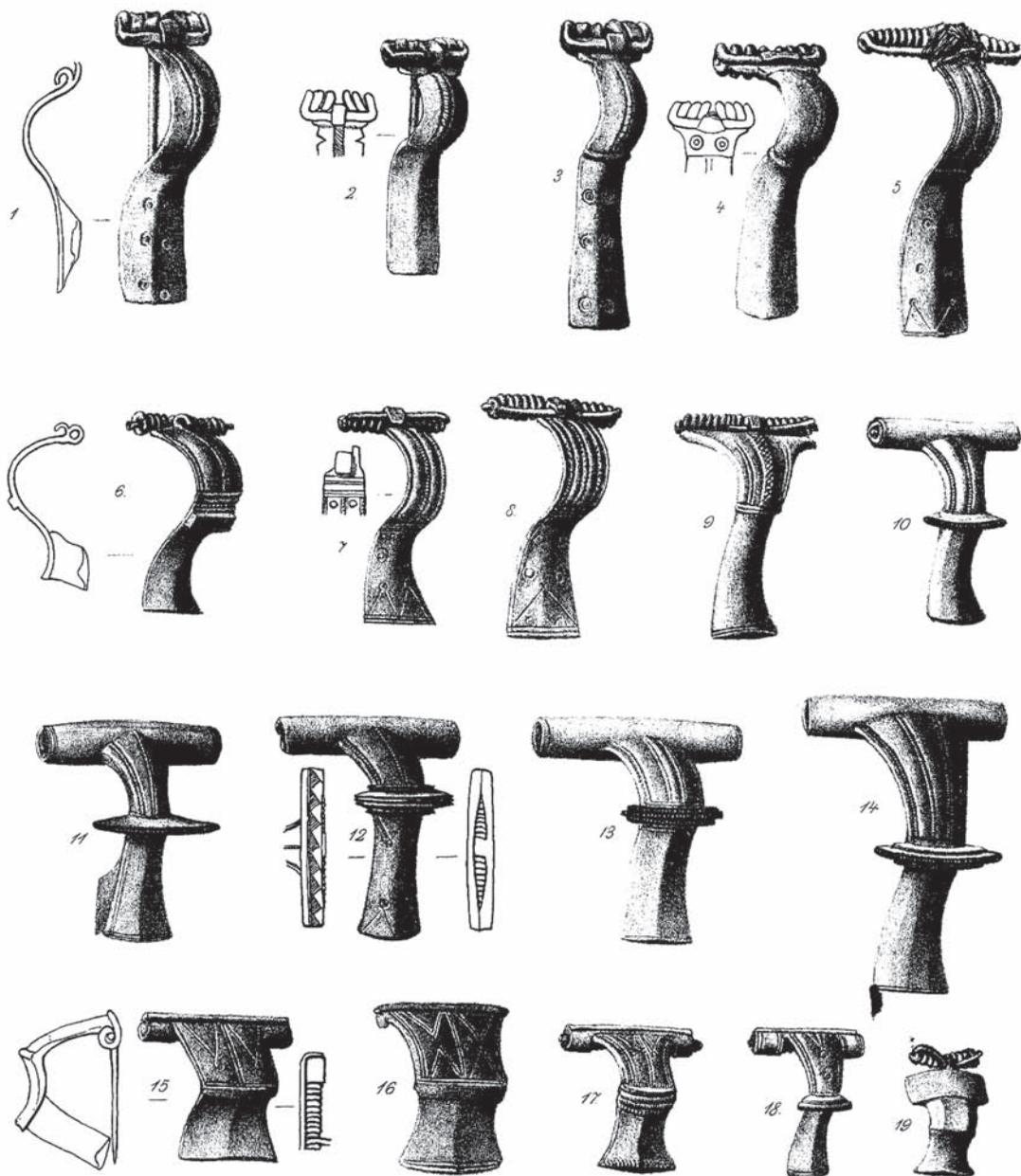

Рис. 5. Таблица № 1 по О. Тишлеру, подготовленная к печати Г. Кемке (по: Tischler, Kemke 1903: Taf. 1)

Те же, кто следовал в своих работах системе прибалтийской хронологии по Х. Моора, получал для своих комплексов или отдельных типов вещей те же широкие даты одной из двух ступеней: либо раннеримской — 0–200 гг., либо позднеримской — 200–400 гг.

В итоге, применение любой хронологической системы (восточнопрусской или прибалтийской) по совершенно разным причинам приводило к одинаковым завышенным датировкам целого ряда комплексов или отдельных типов находок.

Авторитет О. Тишлера, М. Эберта, М. Шмидехельм в довоенное время был настолько велик, что никто не усомнился в том, что возможна ошибка в датах периодов по О. Тишлеру. Усомнился лишь Ганс Юрген Эггерс, когда создавал свою систему абсолютной и относительной хронологии (Eggers 1951;1955). Он даже не упомянул работы О.Тишлера — Г. Кемке 1902 г., при этом все небольшие статьи и заметки самого О. Тишлера были им тщательно разобраны и на хронологической таблице Г.Ю. Эггерса (рис. 4) видно, что никогда ни в одной из работ сам О. Тишлер не датировал свой период «С» — III–IV вв. н.э. (Eggers 1955:

230–233, abb. 12). Точно так же никто не усомнился в достоверности предложенных Х. Моора абсолютных датах его периодов, и в его идеях о запаздывании в целом прибалтийских типов находок римского времени при сравнении с восточнопруссскими и центральноевропейскими. Высказанные им в 1938 г. гипотезы стали научными постулатами, особенно после Второй Мировой войны. К тому времени в советской Прибалтике нельзя было опираться на мнение буржуазных немецких ученых. В то же время идеи о *самобытности* прибалтийских древностей и создание на этой основе *своей системы хронологии* римского времени и эпохи переселения народов, подкрепленные непререкаемым авторитетом профессора Тартуского университета д.и.н. Харри Моора, на долгое время стали аксиомой для прибалтийских археологов. Эти идеи о разных темпах развития местных типов вещей и «восточнопруссских импортов» были, по сути, продолжением спора между сторонниками «короткой» и «длинной» хронологии в европейской науке.

Г.Ю. Эггерс в 1951 г. выпустил монографию, представлявшей собой блестящее исследование римского импорта в *Germania Libera*. Эти исследования во многом предопределили основные методические принципы в его следующей известной работе по созданию системы абсолютной хронологии римского времени в Свободной Германии (Eggers 1955). Во многом система хронологии Г.Ю. Эггерса была построена на ранних работах О. Тишлера, его буквенных обозначениях периодов (A, B, C, D, E) и предложенных им еще в 70–80 гг. XIX в. условных абсолютных датах периодов (Tischler 1879; 1880; 1880a; 1888).

В своей знаменитой работе Г.Ю. Эггерс ставит перед собой два основных вопроса:

1) был ли римский импорт дольше в обращении и позднее попал в землю, чем соответствующие германские находки, или короткое время и поэтому для импорта в целом нет других законов бытования, чем для местных форм?

2) можно ли говорить на основе римского импорта об абсолютном возрасте ступеней римского времени в Свободной Германии (Eggers 1955: 198)?

Г.Ю. Эггерс показал, что темпы бытования импорта не отличаются от темпов бытования местных типов вещей, но импорт имеет выход на абсолютные даты и поэтому каждая ступень системы относительной хронологии может быть достаточно точно датирована.

Дальнейшее совершенствование системы европейской хронологии шло по линии сужения и уточнения дат периодов и проверки их письменными источниками (Godlowski, 1970; Wolagiewicz, 1970). При этом работа велась только с закрытыми комплексами и ввиду приведенных Г.Ю. Эггерсом — К. Годловским — Р. Волангевичем доказательств единых темпов бытования местных и импортных типов находок на огромных пространствах Барбарикума, всюду была принята система короткой хронологии Эггерса — Годловского (рис. 6). Всюду, но только не в Прибалтике. По этому пути восточнобалтийская археология не пошла.

Одна из причин представляется вполне понятной и объективной: отсутствовали *серии закрытых комплексов* римской эпохи на территории Эстонии и Латвии. Вторая причина была уже субъективной: даже то немногое, что было раскопано, почти не было опубликовано или опубликовано на местных языках. Поэтому проверить запаздывание местных типов вещей или их синхронность с восточнопруссскими и европейскими «импортами» оказалось практически невозможно. По этим двум причинам ни О. Альмгрен, ни Г.Ю. Эггерс, ни К. Годловский не смогли обработать обширный прибалтийский материал, за исключением восточнопрусского, равно, как и сопоставить его с материалом европейского Барбарикума.

Можно указать несколько причин «запаздывания» абсолютных дат шкалы римского времени в Прибалтике. Первой и наиболее важной из них явилось ошибочное понимание системы абсолютной хронологии О. Тишлера, ввиду поправок Г. Кемке. В итоге было установлено, что те немногочисленные идентичные типы фибул, которые распространены и в восточно-, и в западнобалтийском регионах, и в Средней Европе, прекращают бытовать в Пруссии и в Польше в III в. н.э., исходя из абсолютных дат, принятой для этих регионов хронологической системы Эггерса-Годловского. Но при этом они якобы продолжают бытовать в Эстонии, Латвии и Литве в IV в. В свою очередь, те типы изделий, которые прекратили свое бытование в европейском Барбарикуме в IV в., якобы продолжают бытовать и в V веке, так как период «D» по Г. Кемке датировался также широко: IV-V вв. н. э. (300–500 гг.).

Второй причиной явилось ставшее аксиомой предположение Х. Моора о запаздывании местных типов предметов по отношению к импортам и особым темпам их бытования. На сегодняшний день мы знаем целый ряд работ, где проанализирован материал римского времени Литвы, Латвии и Эстонии (Beckman 1969; Michelbertas 1986; Nowakowski 1996; 1998; Hauptman 1998; Кулаков 2004; Quast 2004). В них показано, что местный материал датируется вполне синхронно «европейским импортам», и у него нет иных специфических темпов бытования. К этому вопросу не так давно обратился Войцех Новаков-

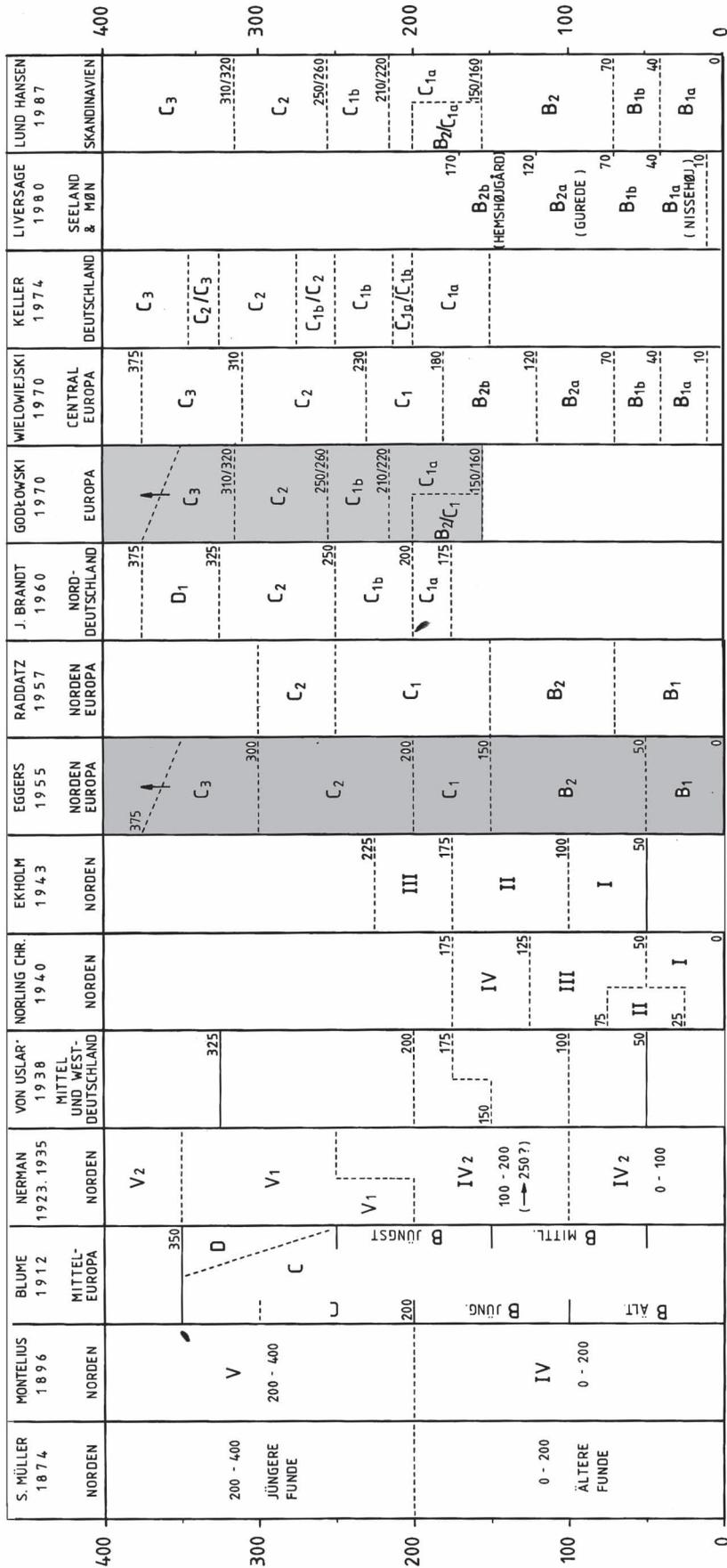

Рис. 6. Таблица основных хронологических систем, лежащих в основу современной абсолютной хронологии римского времени. Серым цветом выделены системы Г. Ю. Эггера и К. Годловского (по: U. Lund-Hansen 1987: Fig. 10)

ский (Nowakowski 1998: 121–122). Он рассмотрел хронологию глазчатых фибул А55–56, которые, как мы уже отмечали выше, происходят почти исключительно из коллективных погребений Tarandgräberkultur. Автор считает, что «ввиду захоронения в прямоугольных каменных оградках многочисленных, перемешанных между собой погребений различных поколений, определение и выделение закрытых комплексов невозможно» (Nowakowski 1998: 121).

Датировка глазчатых фибул «лифляндско-эстонской» серии, по мнению В. Новаковского, возможна только на основании хронологии других групп фибул, также встреченных в каменных оградках, но также присутствующих и в закрытых комплексах других культур римской эпохи. Во многом фибулы «лифляндско-эстонской» серии параллельны в своем развитии глазчатым фибулам «прусской» серии, хронология которых, благодаря закрытым комплексам могильников Самбии, хорошо разработана (Nowakowski 1996: 48–50). Глазчатые фибулы «лифляндско-эстонской» серии, по мнению автора, были в обращении до начала позднеримского времени, т. е. до момента появления в комплексах эстонских каменных могильников перекладчатых и подвязных фибул. Их развитие в Эстонии (появление, бытование и выход их моды) параллельно развитию глазчатых фибул «прусской» серии в Самбии, и поэтому можно датировать их всем периодом В2 (70/80 — 150/160 гг.), что подтверждает старую датировку О. Альмгрена (Nowakowski 1998: 122). Большая глазчатая фибула «эстонской серии» по Х. Моора — М. Шмидехельм из комплекса Storkåge в Швеции никоим образом не меняет эту датировку. Подковообразные фибулы с эмалью (Hufeisenfibeln), по которым ранее датировали этот комплекс III–IV вв., сегодня датируются ступенями В2/С1–С1а (150/150 — 220/230 гг.). С кладом из Пийльси, как считает В. Новаковский, также все объяснимо. Фибула со звездчатой ножкой из этого клада относится к периоду «D» (350–450 гг.), и именно она фиксирует, как наиболее поздняя вещь, дату зарывания клада (Nowakowski 1998: 122).

На сегодняшний день периоды по 200 лет для датировок отдельных типов вещей или комплексов являются анахронизмом. «Лишнее время» действует сегодня только в Прибалтике, и необходимо произвести «перевод часов» назад, на европейское время.

Хронология фибул, найденных на Северо-Западе

На основании анализа работ, посвященных восточнобалтийским перекладчатым фибулам, я отнес ладожскую фибулу к *первой восточнобалтийской группе* фибул О. Тишлера, к *первой восточнобалтийской форме* перекладчатых фибул *первой серии V группы* О. Альмгрена, к типу А3 по М. Шмидехельм, ко 2 ступени развития фибул перекладчатых фибул по А. Хакману, ко второй «южноэстонской» серии подгруппы «А» северо-восточнобалтийских фибул по Х. Моора и к 1 варианту 5 серии северо-восточнобалтийских фибул по Т. Хауптману (Шаров 2006: 185).

В силу того, что ладожская фибула имеет трубчатый футляр, примыкающий непосредственно к верхней перекладине, и игла в ней крепится, вероятнее всего, к оси-шарниру в футляре, а не в отверстии на головной перекладине, мы считаем, что ладожская фибула занимает промежуточное положение между самыми ранними перекладчатыми фибулами со спиральной конструкцией в футляре фазы В2/С1 и фибулами со штангой-шарниром. На основании этого, данная фибула датируется с большой степенью вероятности **только III в. н.э.**

Коснемся датировки глазчатых фибул, найденных у д. Удосолово.

Мы нашли ближайшие аналогии фибулам из д. Удосолово среди фибул «эстонской» (по М. Шмидехельм) серии могильника «С» в Ябара. Фибула из восточной части могильника «С» в Ябара, из оградки VII (Шмидехельм 1955: рис. 14, 7) изготовлена по образцу довольно ранних глазчатых фибул «основной» серии: она небольших размеров со сквозными дырочками-глазками. Из этой оградки происходят также браслеты с шишечками на концах и шейные гривны с концами в виде раструбов, что позволило датировать весь материал оградки VII — только II в. н. э. (Шмидехельм 1955: 70–71). Этим временем мы и датируем две фибулы, найденные у с. Удосолово Кингисеппского района Ленинградской области.

Вместо заключения

Как уже отмечалось, ареал распространения как глазчатых фибул «эстонской» серии, так и северо-восточнобалтийских перекладчатых фибул совпадает с ареалом распространения эстонских каменных могильников с оградками или ареалом Tarandgräberkultur (Moora 1938: Kartebeil.VII; Hauptman 1998: Abb. 11; Nowakowski 1998: Abb.3). О комплексах, которые можно связать с этим импульсом из региона

Эстонии, писалось уже неоднократно (Моога 1938: 18; Шмидехельм 1955: 220). Недавно эта тема была затронута вновь (Кулешов 2005; Шаров 2006; Сорокин, Шаров 2008). На карте, представленной в томе «Археологии СССР», посвященном ранним славянам, В. В. Седов показал те памятники Северо-Запада, которые можно сопоставить с культурой эстонских каменных могильников с оградками (Седов 1982: 49–52, карта 8). В Ленинградской области также зафиксированы подобные каменные могильники. Это Великино, Валговицы (Рябинин, 1987; 1994) (рис. 1, 3, 4), Солоницко (Alexandrov, Tallgren 1930; Кулешов 2005) (рис. 1–10) и Удосолово (Сорокин, Шаров 2008) (рис. 1, 6). Вполне вероятно, что арбалетная подвязная фибула из Городца также относится именно к этому горизонту (Казанский 1999). Это касается и находки ранней арбалетной подвязной фибулы с городища Георгий в северо-западном Приильменье (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 86). Рядом в 300 м находится селище Васильевское 1, в культурном слое которого встречены фрагменты сетчатой и штрихованной керамики, которую исследователи склонны датировать второй четвертью 1 тыс. н.э. Находка фибулы III в. н.э. связана с населением, проживающим в этих местах в римское время.

Я полагаю, что находки перекладчатой фибулы южноэстонской группы и глазчатых фибул «эстонской» серии являются далеко не случайными находками на Северо-Западе. Вероятно, речь идет о проникновении во II — начале III вв. в этот регион носителей культуры эстонских каменных могильников, причем с момента начала формирования этой культуры. Остатки захоронений и сопровождающий инвентарь, выявленные у Северо-Западной окраины Ижорского плато у деревень Великино, Валговицы и Удосолово, могут свидетельствовать или о включении данного региона в ареал культуры эстонских каменных могильников, или о существовании к востоку от основного ареала этой культуры какой-то другой родственной и синхронной ей культурной общности.

Литература

- Булкин В.А., Седых В.Н., Каргопольцев С.Ю. 2005. Реки восточной части Балтийского бассейна и Северо-Запад России в позднеантичное время (письменные и археологические данные) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 2. История. 2005. Вып. 3. С. 142–152.
- Казанский М. М. 1999. О балтах в лесной зоне России в эпоху великого переселения народов // АВ. № 6. С.-Пб.
- Каргопольцев С.Ю., Шукин М. Б. 2001. О находках оружия позднеимского времени на западе Ленинградской области // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.
- Каргопольцев С. Ю. Седых В. Н. 2002. Комплекс находок на Кургальском полуострове // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры. Шестые чтения памяти Анны Мачинской. Сборник статей. С.-Пб. — С. 111–116.
- Кулаков В.И. 2004. Доллькайм-Коврово. Исследования 1879 г. // Prussia Antiqua. Т. 2. Минск.
- Кулешов В. С. 2005. Памятники культуры Tagandgräberkultur на северо-западе европейской части России // Альманах молодых археологов. С.-Пб. — С. 183–198.
- Михельбертас М. 2004. Находки перекладчатых фибул типа А96 в Литве // Восточная Европа в средневековье. К 80-летию Валентина Васильевича Седова. М. — С. 109–116.
- Носов Е. Н. 2002. О находке позднеимской фибулы в Ильменском Поозерье // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. С.-Пб. — С. 74–76.
- Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. 2005. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. — Труды ИИМК РАН. Т. XIII. С.-Пб.
- Рябинин Е.А. 1987. Об исследовании средневековых могильников в Ленинградской области // Изв. АН Эстонской ССР. 36/4. Таллин. — С. 408–410.
- Рябинин Е.А. 1994. К проблеме этногенеза восточных славян // Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов. С.-Пб. — С. 23–29.
- Седов В. В. 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. — Археология СССР. М.
- Сорокин П.Е., Шаров О.В. 2008. О новых находках римской эпохи на северо-западе // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Древности ижорской земли. Вып. 2. С.-Пб. — С. 167–201.
- Шаров О.В. 1992. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. С.-Пб. — С. 152–208.
- Шаров О. В. 2006. О находке перекладчатой фибулы в Старой Ладоге // Славяне и финны. Контактные зоны и взаимодействие культур. С.-Пб. — С. 176–211.
- Шаров О. В. 2006а. О появлении восточнобалтийских перекладчатых фибул // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной. С.-Пб. — С. 42–45.

- Шаров О. В. 2008. Перекладчатая фибула из Старой Ладogi. // *Stratum plus*. № 5–6. 2005–2006.
- Шмидехельм М. X. 1955. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин.
- Шукин М. Б. 2005. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. С.-Пб.
- Шукин М. Б., Платонова Н. И. 2000. Странная случайная находка в окрестностях Луги // *АВ*. Вып. 7. С.-Пб. — С. 178–188.
- Aleksandrov B.V., Tallgren A.M. 1930. Funde aus der römischer Eisenzeit in Gouv. Novgorod // *Eurasia Septentrionalis Antiqua* V. Helsinki. №5. — S. 100–108.
- Almgren O. O. 1897. Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinziarrömischen und südrussischen Formen. Stockholm.
- Almgren O. O. 1923. Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinziarrömischen und südrussischen Formen. Mannus-Bibliothek, № 32, Leipzig.
- Almgren O. 1914. Die ältere Eisenzeit Gotlands. 1 Heft, Stockholm.
- Almgren O., Nerman B. 1923. Die ältere Eisenzeit Gotlands. 2 Heft, Stockholm.
- Almgren B., Böhner K. 1998. Oskar Almgren — zum 100jährigen Jubiläum seines Buches \\ 100 Jahre Fibelformen nach Oskar Almgren. Internationale Arbeitstagung 25. — 28. Mai 1997, Kleinmachnow, Land Brandenburg. In: *Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg*. 5. Wünsdorf. — S. 19–28.
- Beckman Chr. 1969. Metallfingeringe der römischen Kaiserzeit im freien Germanien. Saalburg-Jahrbuch 26.
- Blume E. 1912. Die germanischen Stämme und die Kulturen zwischen Oder und Passarge zur römischen Kaiserzeit. Teil 1. Mannus — Bibliothek 8., Würzburg.
- Ebert M. 1913. Die baltischen Provinzen Kurland, Livland, Estland. *Prachistorische Zeitschrift*, V, Heft 3/4. — S. 498–559.
- Eggers H.J. 1951. Der römische Import im freien Germanien. Hamburg.
- Eggers H.J. 1955. Zur absoluten Chronologie der römischen Kaiserzeit im freien Germanien. *JRGZM*, Jhrg. 2.
- Friedenthal A. 1928. Südostbalticum. C. Nachchristliche Eisenzeit // *Reallexicon der Vorgeschichte*. Hrg. M. Ebert, Bd. XIII, Berlin. — S.7–29.
- Ginters V. 1930. Katalog der Ausstellung zur Konferenz der baltischer Archäologen in Riga.
- Godłowski K. 1970. The Chronology of the Late Roman and Early Migration periods in Central Europe. Krakow.
- Hackman A. 1905. Die ältere Eisenzeit in Finnland. Helsingfors.
- Hackman A. 1921. Baltische Sprossenfibeln aus Finnland // *Festschrift Adalbert Bezzenberger*. Göttingen. — S. 68–76.
- Hauptman T. 1998. Studien zu den Dreisprossenfibeln // 100 Jahre Fibelformen nach Oskar Almgren. Internationale Arbeitstagung 25. — 28. Mai 1997, Kleinmachnow, Land Brandenburg. In: *Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg*, 5. Wünsdorf. — S. 159–174.
- Hausman R. 1896. Grabfunde aus Estland. Eine archäologische Studie. Reval.
- Hausman R. 1896. Einleitung zur Abtheilung Archäologie. In: *Katalog der Ausstellung zum X. Archäologischen Kongress in Riga 1896*. Riga. — S. IX–XVIII.
- Jaanits L., Laul S., Lõugas V., Tõnisson E. 1982. Eesti esiajalugu. Tallinn.
- Kunow J. 1998. Die Hauptserie der Augenfibeln: Gruppe III, Fig. 45–54 // 100 Jahre Fibelformen nach Oskar Almgren. Internationale Arbeitstagung 25. — 28. Mai 1997, Kleinmachnow, Land Brandenburg. In: *Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg*, 5. Wünsdorf, S. 93–118.
- Laul S. 2001. Rauaaja kultuuri kujunemine eesti kaguosas (500 e.Kr. — 500 p. Kr.). Tallinn.
- Machajewski H. 1998. Die Fibeln der Gruppe V, Serie 8, im östlichen Teil Mitteleuropas // 100 Jahre Fibelformen nach Oskar Almgren. Internationale Arbeitstagung 25. — 28. Mai 1997, Kleinmachnow, Land Brandenburg. In: *Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg*, 5. Wünsdorf. — S. 187–196.
- Michelbertas M. 1986. Senasis geležies amžius lietuvoje. Vilnius.
- Michelbertas M., Die römerzeitlichen Fibeln in den baltischen Staaten // 100 Jahre Fibelformen nach Oskar Almgren. Internationale Arbeitstagung 25. — 28. Mai 1997, Kleinmachnow, Land Brandenburg. In: *Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg*, 5. Wünsdorf. — S. 425 — 432
- Moora H. 1923. Über de Augenfibeln in Est- und Lettland. In: *Sitzungsberichte der Gelehrten estnischen Gesellschaft*, Dorpat. — S.109–123.
- Moora H. 1929. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500. n.Chr. I. Theil, Die Funde. Tartu, Dorpat.
- Moora H. 1938. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500. n.Chr. II. Theil, Analyse. Tartu.
- Nowakowski W. 1996. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg-Warszawa.
- Nowakowski W. 1998. Die Fibeln Almgren 55 und 56 aus heutigen Sicht. \\ 100 Jahre Fibelformen nach Oskar Almgren. Internationale Arbeitstagung 25. — 28. Mai 1997, Kleinmachnow, Land Brandenburg. In: *Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg*, 5. Wünsdorf, S. 119–123.

- Quast D.* 2004. Ein skandinavisches Spathascheidenmundblech der Völkerwanderungszeit aus Pikkjärve (Põlvamaa, Estland). In: Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz . Jhrg.51. — S.243–279.
- Riga-Katalog, 1896 (RK, 1896). Katalog der Ausstellung zum X. Archäologisches Kongress in Riga 1896. Riga.
- Schmiedehelm M.* 1923. Beiträge zu der sogenannten gotischen Frage im Balticum- In: Sitzungsberichte der Gelehrten estnischen Gesellschaft, 1922. Dorpat. — S. 76–108.
- Schmiedehelm M., Laul S.* 1970. Asustusest ja etnilistest oludest kagu-eesis i aastatuhandel. In: Studia archaeologica. In memoriam Harri Moora. Tallinn. — S. 154–165.
- Tischler O.* 1879. Ostpreussische Gräberfelder III. Königsberg.
- Tischler O.* 1880. Katalog der Ausstellung prähistorischer und anthropologischer Funde Deutschlands i zu Berlin. (vom 5. — 21. August 1880). Ostpreussen, Berlin. — S.390–453.
- Tischler O.* 1880a. Über ein ostpreussischen Gräberfeld. Die Rede auf den vierten Sitzung am Montag, den 9. August 1880. Verhandlungen der XI. Allgemeinen Versammlung der deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte zu Berlin im August 1880. In: Correspondenz-Blatt der deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. Jg-XI. — S. 81–85.
- Tischler O.* 1888. Über das Gräberfeld von Oberhof. Correspondenz-Blatt der deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, Jg-XIX. — S. 118–122.
- Tischler O., Kemke H.* 1902. Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt. Königsberg.
- Wołagiewicz R.* 1970. Napływ importów rzymskich do Europy na północ od środkowego Dunaju // Archeologia Polski. Tom XV, zeszyt 1.

Новые находки памятников древнерусской сфрагистики в Старой Ладоге

А.Н. Кирпичников, С.В. Белецкий

Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург

В 2006–2007 гг. Староладожская археологическая экспедиция ИИМК РАН продолжала раскопки на Земляном городище Старой Ладоги (рис. 1). Были вскрыты и исследованы отложения супесчаного гумусированного культурного слоя, содержащего фрагменты сгоревших и истлевших деревянных конструкций, подо печей, скопления камней, прослойки и пятна глины, золы и песка. Судя по найденной в слое керамике и обширной коллекции индивидуальных находок, культурные напластования формировались в XVI–XVII вв., но содержали также предметы более раннего времени. Среди них обращают на себя внимание многочисленные памятники древнерусской сфрагистики — печати, пломбы, а также заготовки для печатей и пломб. Они не составляли компактного скопления, а были рассеяны по всей площади раскопа (рис. 2, 2) и зафиксированы в отметках от -20 до $+100$ от репера с тяготением к $+20$ — $+80$ (рис. 2, 1). Их публикации и посвящена настоящая статья.

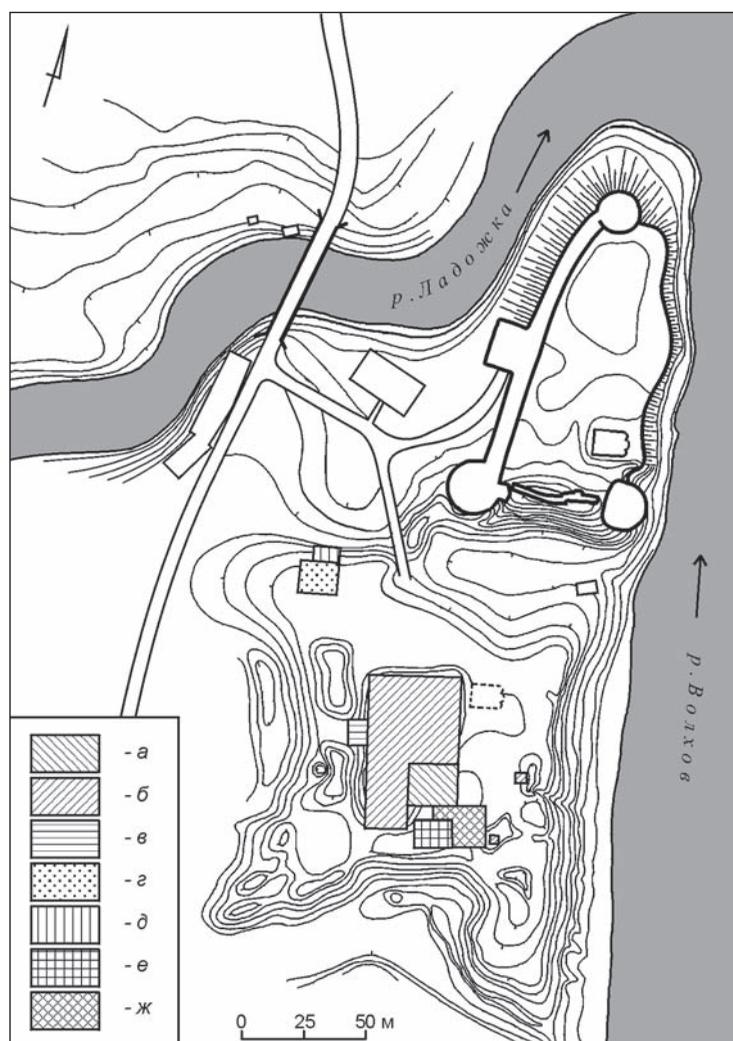

Рис. 1. План Земляного городища Старой Ладоги с обозначением раскопов разных лет (а — раскоп 1911–1913 гг.; б — раскоп 1938–1939, 1945–1950, 1957–1959 гг.; в — раскоп 1973–1975 гг.; г — раскоп 1984–1991 гг.; д — раскоп 1992–1998 гг.; е — раскоп 1999–2005 гг.; ж — раскоп 2006 г.). Пунктиром обозначено местоположение ц.Климента, исследованной раскопками 1912–1913, 1938–1939 и 1979–1980 гг.

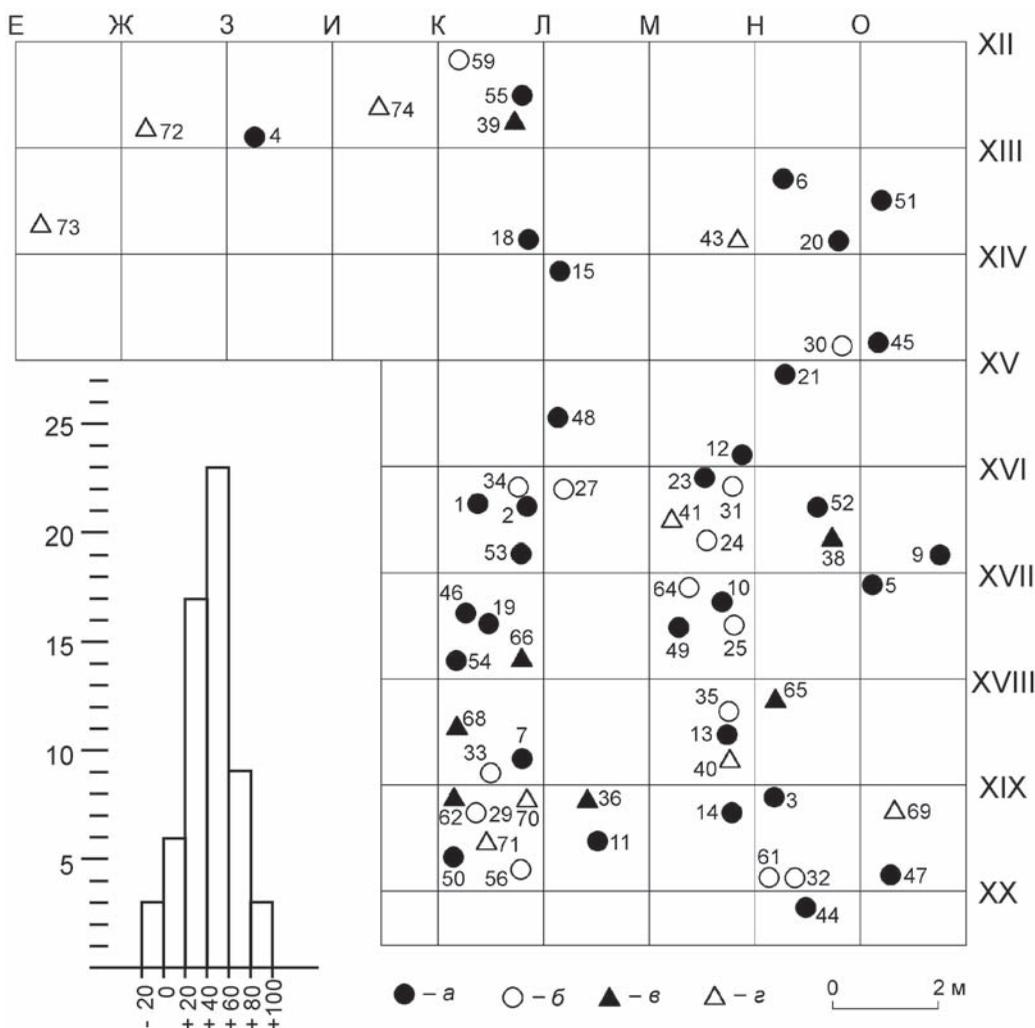

Рис.2. Распределение памятников древнерусской сфрагистики из раскопок 2006–2007 гг. в Старой Ладоге в слое (1) и в площади (2) раскопа. *а* — печати; *б* — заготовки для печатей; *в* — пломбы; *г* — заготовки для пломб. Номера соответствуют номерам описаний в тексте и на рис. 3–12

Номера, присвоенные находкам в предварительных публикациях (Кирпичников, Белецкий 2006; 2008) и соответствующие номерам на рис. 2–12, сохраняются. В описаниях использованы следующие сокращения: *Av* — лицевая сторона (аверс); *Rv* — оборотная сторона (реверс); *Д.* — диаметр; *В.* — вес; *М.н.* — место находки (р. — раскоп; кв. — квадрат; гл. — глубина); *Инв. №* — инвентарный номер полевой описи (полевой шифр находки). Обозначение сфрагистических разрядов дано в соответствии с ранее предложенной систематизацией памятников древнерусской сфрагистики (Белецкий 2001: 25–34; 2003: 260–267).

Печати

Печати с изображением Богоматери и легендой (разряд III/3)

№ 44 (рис. 9, 44). *Av*: погрудное изображение Богоматери Оранта (Знамение?). *Rv*: многострочная греческая надпись. Печать оттиснута по составной заготовке, изготовленной из двух тонких свинцовых пластин. Гурт округлый, оплавленный. Булла сломана по каналу; в изломе, а также по гурту хорошо виден шов между пластинами. *Д.*: 20–24 мм. *В.*: 6,42 г. *М. н.*: р. IV, кв. Н-XX; гл.: +43. *Инв. №*: САЭ-2007/164.

Хотя аверс печати сильно стерт и от изображения сохранилась лишь часть правой руки Богоматери, а в надписи на реверсе читаются только отдельные буквы в правой нижней части поля, можно в качестве аналогии для этой буллы указать на печать № 56 Корпуса актовых печатей древней Руси (Янин 1970а: 177, № 56), позднее «переименованную» в № 53в (Янин, Гайдуков 1998а: 29). Судя по формуле легенды (+Αγνη σμελοζ με τον θυτην Νωβοурадων), принадлежность печати № 56 (53в) одному из новгородских епископов конца XI или начала XII вв. не вызывает сомнения (ЛСА: табл. XXIV, 1; Порфиридов 1959: 88–89). В. Л. Янин после некоторых раздумий (Янин 1957: 114–116) предложил атрибутировать печать № 56 (53в) епископу Аркадию, занимавшему Софийскую кафедру в 1156–1163 гг. (Янин 1970а: 54–55). Однако позднее исследователь признал высказанную ранее точку зрения «поспешной», и связал печать № 56 (53в) с деятельностью либо епископа Ивана Попьяна (1110–1130), либо — епископа Нифонта (1131–1156) в первые годы святительства последнего (Янин, Гайдуков 1998а: 29). Не исключена, впрочем, принадлежность печати № 56 (53в) епископу Никите, занимавшему новгородскую святительскую кафедру в 1096–1107 гг. (Белецкий 2001: 49).

Возможно, новгородской епископской печатью являлась и публикуемая булла из Ладого. Однако более или менее уверенно атрибутировать ее можно будет только после реставрации этой находки.

№ 1 (рис. 3, 1). Печать оттиснута по цельнолитой плоской заготовке. Гурт округло-плоский, отчетливо видны следы обруbanия литейного затека свинца и фрагменты не полностью обруbленного затека. *Av:* погрудное изображение Богоматери Воплощение, по сторонам **MP** — **Φ·Υ**. Ободок точечный. *Rv:* греческая надпись в пять строк: «+Αγνη / σμελοιο με / Νηφοντα / Νωβοуρα / δ [ου]», т. е. «Пресвятая, воззри на меня, Нифонта Новгородского». Буква δ в последней строке под титлом. Ободок точечный. *Д.:* 20 мм. *В.:* 11,99 г. *М. н.:* р. IV, кв. К-ХVI, гл. +35. *Инв. №:* САЭ-2006/1289.

Печать принадлежит епископу Нифонту, занимавшему новгородскую святительскую кафедру в 1131–1156 гг. Она оттиснута парой матриц № 54 Корпуса актовых печатей древней Руси (Янин 1970а: 254, 287, табл. 6, 39). Из четырех экземпляров печати от этой пары матриц, учтенных в Корпусе, одна булла происходит из Новгорода, еще одна найдена на Новгородском (Рюриковом) городище (далее — Городище). Места находок двух других экземпляров не установлены (Янин 1970а: 176–177; Янин, Гайдуков 1998а: 119). В Ладого печать Нифонта найдена впервые.

№ 2 (рис. 3, 2). Печать оттиснута по цельнолитой заготовке линзовидного сечения. Гурт острый. Отчетливо видны следы обруbanия литейного затека свинца. *Av:* изображение Богоматери в типе Воплощение в рост, по сторонам **MP** — **Φ·Υ**. Ободок точечный. *Rv:* надпись в четыре строки + **Илиа / еп(и)с(ко)пъ Но / въгрьдъ / скин**. Слово **еп(и)с(ко)пъ** в третьей строке — в сокращении и под титлом. Ободок точечный. Обратное соотношение осей. *Д.:* 20 мм. *В.:* 11,07 г. *М. н.:* р. IV, кв. К-ХVI, гл. +42. *Инв. №:* САЭ-2006/1328.

Печать принадлежит новгородскому епископу (позднее — архиепископу) Илье, рукоположенному в сан весной 1165 г. и занимавшему новгородскую святительскую кафедру вплоть до 1186 гг. Булла оттиснута парой матриц № 57а Корпуса. Судя по тому, что в легенде на реверсе Илье именуется епископом, печать следует датировать временем до получения владыкой титула архиепископа, то есть — 1165 г. Еще один экземпляр печати от этой пары матриц был найден на Троицком раскопе Новгорода (Янин, Гайдуков 1998б: 341, 347, рис. 9).

Публикуя новгородский экземпляр печати, В. Л. Янин и П. Г. Гайдуков отмечали, что на аверсе буллы изображена Богоматерь в типе Оранта (Янин, Гайдуков 1998б: 341). Однако на груди Богоматери изображен Младенец, поддерживаемый складками мафория, так что на печати помещено изображение Богоматери в типе Воплощение. В Ладого ранее уже была найдена печать Ильи, однако она оттиснута иной, по сравнению с публикуемым экземпляром, парой матриц (№ 58 Корпуса), и датируется, судя по титулованию владыки «архиепископом», более поздним временем (Янин 1970а: 177; Белецкий, Петренко 1994: 193–194).

Печати с изображениями «эмблемы» и святого (разряд IV/2)

№ 3–4 (рис. 3, 3–4) *Av:* Княжеский знак в виде трезубца с вертикальными зубцами и ножкой. На левом зубце отрог влево, на центральном — отрог вправо. Завершения зубцов и основание ножки трезубца оформлены в виде треугольных расширений. Ободок точечный. *Rv:* изображение святого Анании в рост, по сторонам колончатые надписи: **Θαγιο[с] // Ана[нна]**. Ободок точечный.

№ 3 (рис. 3, 3). Печать оттиснута по цельнолитой плоской заготовке. Гурт плоский, отчетливо видны следы обрезания литейного затека свинца. *Д.:* 20 мм. *В.:* 4,84 г. *М. н.:* р. IV, кв. Н-ХIX, гл. +66. *Инв. №:* САЭ-2006/1336.

№ 4 (рис. 3, 4). Печать оттиснута по составной заготовке. По округлому гурту хорошо виден шов между пластинами. *Д.*: 20 мм. *В.*: 5,2 г. (фрагм., не менее 6,5 г). *М. н.*: р. IV, кв. 3-ХII, гл. +30. *Инв. №*: САЭ-2006/724.

Печати оттиснуты парой матриц № 296 Корпуса. Еще один экземпляр от этих же матриц происходит из Новгорода (Янин 1970а: 219).

Публикуемая печать принадлежит к одному из заметных сфрагистических разрядов домонгольской Руси. На протяжении длительного времени историки расценивали такие печати в качестве сфрагистических регалий русских князей (Лихачев 1930: 203, 205; Орешников 1930: 105; Рыбаков 1940: 232–236). Только после исследований В. Л. Янина стало очевидно, что печати являлись атрибутом юрисдикции не самих князей, а их уполномоченных лиц — чиновников княжеского аппарата. При этом княжеский знак на аверсе буллы символизировал власть князя, от лица которого выступал владелец печати, а святой, изображенный на реверсе, был тезоименит держателю буллотирия (Янин 1970а: 141–146).

В.Л. Янин предположил, что печати с изображениями княжеского знака и святого могли принадлежать княжеским тысяцким, отметив при этом: «Нам не известны имена тысяцких новгородских князей, и поэтому атрибуция им печатей с княжескими знаками... может быть только общей, принципиальной, лишенной конкретности персональных определений» (Янин 1970а: 145). А.А. Молчанов связал печати с изображениями княжеского знака и святого с деятельностью новгородских посадников, и полагал, что знак на печати принадлежал князю, занимавшему новгородский стол, а святой обозначал имя новгородского посадника, находившегося в это время в степени (Молчанов 1974: 20; 1976; 1985; 1987: 27–28). Указанная точка зрения представляется нам предпочтительной (Белецкий 2001: 64–66), однако вопрос о персональной приуроченности печатей с изображением княжеского знака и святого остается открытым до персонификации княжеских знаков, помещенных на этих печатях. Соответственно, открытым остается и вопрос об узкой дате печати, оттиснутой матрицами № 296 Корпуса: пока буллу приходится датировать широко — в пределах XII–XIII вв.

Печати с изображением эмблемы и легенды (разряд IV/3)

№ 5 (рис. 3, 5). Печать оттиснута по цельнолитой заготовке фигурного сечения. Гурт плоский, по периметру буллы имеется валикообразный выступ. Печать фрагментирована: сохранилась свернутая вдвое половинка буллы, сломанной по каналу. При частичном «разворачивании» буллы выяснилось, что «внутренняя сторона» практически полностью стерта. «Внешняя сторона»: фрагмент четырехстрочной (?) надписи **Пе[...]** // **ьв[...]** // **го[...]** // **го[...]**. Буквы третьей и четвертой строк оттиснуты слабее, чем буквы первых двух строк. *Д.*: (по каналу) 20 мм. *В.*: 3,9 г. (не менее 7,5–8 г). *М. н.*: р. IV, кв. О-ХVII, гл. +67. *Инв. №*: САЭ-2006/660.

Печать оттиснута неизвестной парой матриц. Реконструкция легенды, фрагменты которой сохранились на «внешней стороне» буллы: **Пе[чат]** // **ь в[елико]** // **го [Нова]** // **го[рода]**. Очевидно, что эта сторона представляет собой реверс печати. Судя по известным печатям с формулой «Печать Великого Новгорода» (Янин 1970б: 291–294), на аверсе должно было быть помещено изображение эмблемы — четвероногого хищника, птицы, всадника или воина. Ранее в Ладоге уже были найдены как минимум пять печатей с формулой «Печать Великого Новгорода» и изображением четвероногого (Янин 1970б: 222; Белецкий, Петренко 1994: 198; Янин, Гайдуков 1998а: 213–216).

Печати с легендой «Печать Великого Новгорода», найденные в Ладоге, скрепляли документы, утвержденные высшими боярскими магистратами Новгорода XV в. Такие печати употреблялись как для утверждения документов внутриновгородского значения, так и для скрепления грамот, уходивших из Новгорода вовне, причем последние достаточно многочисленны. Поэтому поступление в Ладогу документов, скрепленных рассматриваемыми печатями, именно из Новгорода представляется весьма вероятным.

Печати с изображениями композиции и святого (разряд V/1)

№ 45 (рис. 9, 45). *Ау*: изображение композиции Благовещение. Ободок из частых точек, слившихся между собой. *Ру*: изображение Св. Федора в рост, слева колончатая надпись **ѣдор** (буква **р** зеркальная). Колончатая надпись справа не читается (в основном она осталась за пределами оттиска). Ободок из частых точек, слившихся между собой. Печать оттиснута на цельнолитой заготовке, гурт округлый, около выходов канала видны следы обрубания литка. *Д.*: 23–24 мм. *В.*: 9,96 г. *М. н.*: р. IV, кв. О-ХIV; гл.: +21. *Инв. №*: САЭ-2007/346.

Печать оттиснута той же парой матриц, что и № 133 Корпуса (Янин 1970а: 193). В настоящее время известно не менее 20 печатей от этой пары матриц. Большинство их происходит из Новгорода (Янин 1970а: 193; Янин, Гайдуков 1998а: 129; 2000: 290; 2001: 184; 2002: 161), однако печати этого типа найдены также в Старой Рязани (Янин, Гайдуков 2000: 290) и на селище у д. Могутово в Московской обл. (Янин, Гайдуков 2002: 161; 2004: 144). В Ладогe печать от этой же пары матриц была найдена в 1992 г. (Янин, Гайдуков 1998а: 129; Белецкий, Петренко 1994: 200).

№ 6 (рис. 3, 6). Печать оттиснута по цельнолитой плоской заготовке. Гурт округлый, хорошо видны следы обруbanия литейного затека свинца. Булла фрагментирована. *Ав:* фрагмент фигуры архангела с запрокинутой головой. *Рв:* почти совершенно стерта, угадывается фигура воина (?), опирающегося левой рукой о щит. *Д.:* более 20 мм. *В.:* 4,26 г (не менее 9 г). *М. н.:* р. IV, кв. Н-ХIII, гл. +20. *Инв. №:* САЭ-2006/1286.

Печать сломана по каналу, сохранилась крайне плохо. Тем не менее, можно определенно считать, что булла оттиснута парой матриц № 134 Корпуса: на аверсе помещено изображение композиции Благовещение, а на реверсе — изображение святого Федора в рост с копьем и щитом. В Корпусе учтено не менее 28 экземпляров этой печати (Янин 1970а: 193; Янин, Гайдуков 1998а: 129; 1998б: 344; 2000: 290; 2002: 161; 2003: 356; 2004: 144). Большинство из них происходит из Новгорода или с Городища. Однако две печати, оттиснутые этой парой матриц, найдены на селище у с. Могуты (Московская обл.), одна печать происходит с Передольского погоста (Новгородская обл.), а еще одна найдена на Белоозере (Янин, Гайдуков 2002: 161; 2003: 356; 2004: 144).

№ 46 (рис. 9, 46). *Ав:* изображение композиции Благовещение, над головами архангела и Марии надпись *радоуіса*. Ободок точечный. *Рв:* изображение Св. Федора в рост, справа колончатая надпись *[ѡѣ] ѡдорос*. Колончатая надпись слева не читается (в основном она осталась за пределами оттиска). Ободок точечный. Печать оттиснута на цельнолитой заготовке, гурт острый. *Д.:* 22–23 мм. *В.:* 10,46 г. *М. н.:* р. IV, кв. К-ХVII; гл.: +32. *Инв. №:* САЭ-2007/203.

Печать оттиснута той же парой матриц, что и № 137 по Корпусу В.Л.Янина (Янин 1970а: 194). На 2005 г. зафиксировано более 30 экземпляров печатей от этой пары матриц: большинство происходит из Новгорода (Янин 1970: 194; Янин, Гайдуков 1998а: 130; Янин, Гайдуков 2000: 290; Янин, Гайдуков 2001: 184;), однако печати этого типа найдены также на Белоозере (Янин, Гайдуков 1998а: 130; 2003: 357; 2004: 144; 2006: 84) и на селищах в Московской обл. (Янин, Гайдуков 2002: 161; 2003: 357; 2006: 84). В Ладогe печать от этой же пары матриц была найдена в 1911 г. (Янин 1970а: 194; Белецкий, Петренко 1994: 200).

В. Л. Янин атрибуировал печати с изображениями Благовещения и святого Федора князю Всеволоду-Гавриилу Мстиславичу (†1138). Вместе с печатями, несущими на аверсе изображение Благовещения, а на реверсе изображение святого, эти печати были отнесены к обширному сфрагистическому разряду VI/1, объединяющему буллы с изображениями святых на обеих сторонах, тезоименитых владельцу печати и его отцу (Янин 1970а: 108–110). Однако еще Н. П. Лихачев подчеркивал, что изображение композиции Благовещение не может быть истолковано как синонимичное изображению архангела Гавриила (Лихачев 1930: 33–36). Некорректность истолкования композиции Благовещения в качестве символического обозначения имени «Гавриил» или отчества «Гавриилович» была предметом специального рассмотрения (Белецкий 2002: 155–168). Очевидно, что печати с изображением композиции Благовещение и святого никак не связаны с разрядом печатей, несущих изображения святых на обеих сторонах, а относятся к совершенно иному сфрагистическому классу — печати с изображениями на аверсе многофигурной композиции, символизировавшей храм или монастырь соответствующего посвящения (Белецкий 2001: 66–69). Это сравнительно редко встречающиеся памятники древнерусской сфрагистики: в настоящее время известны буллы с изображениями всего пяти композиций — Благовещение, Успение Богородицы, Крещение, Преображение Господне и Троица Ветхозаветная (Чукова 2006: 41).

Датировка печати № 134 Корпуса XII в. сомнений не вызывает. Ранее была высказана гипотеза о принадлежности печатей с изображениями Благовещения на аверсе и святого Федора либо святого Иоанна Предтечи на реверсе устроителям новгородского Благовещенского монастыря (основан в 1170 г.) владыке Григорию-Гавриилу, и его брату, владыке Илье-Иоанну Белецкий, Петренко 1994: 203; Алексахин, Белецкий 2002: 204–207). Эта гипотеза не встретила принципиальных возражений, однако, комментируя ее, Т. В. Чукова отмечала: «... приняв построения С. В. Белецкого, мы не можем объяснить, почему, например, на печатях № 138 и 139 изображение Благовещения выполнено разными матрицами, а на другой стороне — одного и того же персонажа (Иоанна Предтечи) — разными» (Чукова 2006: 47). На самом деле ничего удивительного в смене матрицы нет: факты замены утраченных матриц буллотирия, как и факты наследования матриц, фиксировались неоднократно (Белецкий 1999: 209–211). В данном

случае замена матрицы реверса у печати может объясняться порчей или утерей первоначальной матрицы. Во всяком случае, на высказанную гипотезу о персональной принадлежности печатей № 138 и 139 замена матрицы реверса никак не влияет.

В самое недавнее время была опубликована еще одна печать с изображением Благовещения, оттиснутая неизвестной ранее парой матриц (Янин, Гайдуков 2004: 141–142, № 40Аа): *Ав*: изображение композиции Благовещение, *о. с.*: греческая благопожелательная надпись). Публикуя эту буллу, В. Л. Янин и П. Г. Гайдуков подчеркивали: «С. В. Белецкий подверг сомнению нашу атрибуцию печатей с изображением Благовещения на одной стороне и святых Федора (№ 133–137) или Иоанна Предтечи (№ 138–139) князьям, подкрепляя это сомнение ссылкой на слова Н.П.Лихачева... Публикуемая находка служит к опровержению этого сомнения. Она находится в том ряду русских булл XI – начала XII вв., на которых греческая благопожелательная формула с именем владельца сочетается с изображением его святого патрона на другой стороне печати» (Янин, Гайдуков 2004: 141–142). На наш взгляд, печать № 40Аа вовсе не «служит к опровержению ... сомнения». Эта булла принципиально не отличается от печатей Ефросиньи Полоцкой, на аверсе которой помещено изображение композиции Преображения Господня, а на реверсе в круговой надписи размещена кириллическая благопожелательная формула (Янин 1970а: 231–232, № 121а). Смысловое значение печати Ефросиньи Полоцкой очевидно: поименованная в легенде владелица буллы выступала представителем Спасо-Преображенской обители (Янин 1970а: 231–232). Владельцем же печати № 40Аа, как следует из легенды, являлся некий Гавриил, выступавший представителем храма или обители Благовещенского посвящения. Важность опубликованной В. Л. Яниным и П. Г. Гайдуковым находки заключается, на наш взгляд, в том, что булла № 40Аа является, как будто бы, первой находкой печати греко-русского типа, на которой помещено изображение Композиции — до этой находки были известны только более поздние печати с изображением Композиции и кириллической легендой, содержащей благопожелательную формулу. Датировка печати № 40Аа концом XI в. или рубежом XI–XII вв. весьма вероятна. Очевидно, что сфрагистический класс, объединяющий печати с изображением Композиции на аверсе, начал формироваться раньше XII в. (ср.: Белецкий 2001: 30, табл. 1), и в настоящее время печать № 40Аа является наиболее ранней из известных булл, принадлежавших лицам, выступавшим в своей деятельности представителями храма или монастыря.

Печати с изображениями святых на обеих сторонах (разряд VI/1)

Печати разряда VI/1 относятся к одному из самых представительных сфрагистических разрядов Руси: в настоящее время известно около 700 булл, оттиснутых почти двумя сотнями пар матриц. География распространения находок охватывает всю территорию древнерусского государства — от Белоозера и Ладogi на севере до Крыма на юге и от Владимира Волынского на западе до Поволжья на востоке. Печати этого разряда связаны с деятельностью русских князей XII–XIV вв.: принципиальная атрибуция разряда была установлена Н.П. Лихачевым, и он же убедительно показал, что изображения святых на печатях передают крестильные имена владельца печати и его отца (Лихачев 1928: 52–53), то есть — крестильные имя и отчество князя.

Процедура установления владельцев печатей разряда VI/1 справедливо уподобляется в литературе «раскладыванию небывалого пасьянса» (Янин 1970а: 89), когда приходится учитывать многие факторы: крестильные имена князей и их отцов, количество найденных оттисков от одних и тех же пар матриц, географию находок печатей, технические и стилистические особенности булл и проч. Однако предлагавшиеся в литературе опыты персонификации для подавляющего большинства печатей разряда VI/1 пока остаются, все-таки, сугубо гипотетическими. Дело в том, что основной опорой для персонификации печатей разряда VI/1 традиционно являются «сведения о хронологии новгородского княжения, о времени, которое в общей сложности каждый князь занимал на новгородском столе, и о достоверно известных по показаниям различных письменных источников христианских именах и отчествах новгородских князей» (Янин 1970а: 90). В этом нет ничего удивительного: подавляющее большинство известных в настоящее время печатей этого разряда происходит из Новгорода, точнее — с новгородского Городища. С учетом же широко распространенного мнения, согласно которому «место находки печати булл в подавляющем большинстве случаев совпадает с местом ее применения при документе» (Янин 1970а: 157), естественно желание а priori считать большинство новгородских по происхождению печатей принадлежащими лицам, непосредственно связанным в своей деятельности именно с Новгородом.

Однако большинство сфрагистических находок из Новгорода происходит с Городища, что связывает буллы с документами, хранившимися в городищенском архиве. Об источниках поступления документов

«на вечное хранение» в этот архив можно только догадываться. Безусловно, какая-то часть документов из городищенского архива могла быть скреплена печатями в самом Новгороде. Но, весьма вероятно, что многочисленные документы поступали в этот архив извне (Белецкий 2001: 120–127). Следовательно, вряд ли правомерно использовать в качестве опорных сведений для персонификации печатей список только новгородских князей: в расчет необходимо принимать все известные сведения о представителях княжеских родов на Руси. При этом следует учитывать князей не только XII – первой трети XIII вв., но и представителей княжеских родов более позднего времени: традиция использования русскими князьями печатей с изображениями святых на обеих сторонах прослеживается на протяжении всего XIII в. и начала XIV в., что надежно зафиксировано буллами, сохранившимися при подлинных актах.

Соглашаясь со смысловым значением изображений на печатях разряда VI/1 — христианские имя и отчество владельца — мы неизбежно вынуждены признать эти печати в качестве эквивалента личной подписи владельца. При этом оказывается, что на печатях не остается места для символики, указывающей на властные полномочия держателя буллотирия. Иными словами, печати с изображениями святых на обеих сторонах лишены изобразительного символа, указывающего на юридические полномочия владельца печати. Действительно, принимая за лицевую сторону буллы ту ее сторону, на которой помещено изображение святого, тезоименитого владельцу печати, мы лишь определяем «начало подписи», «окончание» которой, фиксирующее «отчество» владельца, перенесено на оборотную сторону. Такое оформление буллы является свидетельством неофициального характера печатей разряда VI/1 (Белецкий 1990: 10–14). И, следовательно, печати разряда VI/1 не принадлежали к числу юридических регалий русских князей, а являлись их личными печатями, предназначенными, в первую очередь, для частной (неофициальной) переписки, следы которой дошли до нас в виде цитат, включенных в погодные статьи летописи (Рыбаков 1963: 319–334).

Сказанное противоречит существующему мнению, согласно которому печатью с изображениями святых на обеих сторонах скреплялись частные акты. Утверждение последних, по мнению В. Л. Янина, входило в полномочия новгородского князя после событий 1136 г. (Янин 1962: 81; 1970а: 156–159; Подвигина 1976: 116–117). Однако напомним, что в основе вывода о перераспределении после 1136 г. полномочий между князем и республиканскими властями Новгорода лежит гипотеза о расцвете в Новгороде с 1130–х годов института княжеской печати при одновременном затухании этой традиции в других центрах и областях Руси (Янин 1962: 81; 1970а: 156–159). Гипотеза эта обосновывается, как известно, признанием новгородскими по происхождению печатей, составивших комплекс сфрагистических находок на Рюриковом городище. Если же отказаться от гипотезы, признающей печати с Рюрикова городища скрепами исключительно новгородских по происхождению документов, то неизбежно приходится отказываться и от всех выводов, опирающихся на эту гипотезу.

Сказанное, казалось бы, вступает в противоречие с употреблением печатей разряда VI/1 при официальных документах типа договорных грамот князей с Новгородом и грамот «за рубеж». Однако это противоречие, как представляется, мнимое. При договоре Новгорода с князем, в частности, «печать князя является необходимой принадлежностью как выражение его согласия на выраженные в тексте условия» (Лихачев 1928: 39). Если признать, что личная печать князя, синонимичная его подписи, являлась при договоре лишь «выражением согласия», то противоречие снимается.

№ 7–8 (рис. 3, 7–8). Ав: погрудное изображение св. Петра с крестом у левого плеча. Слева колончатая надпись: **Петръ**. Нимб линейный. Ободок точечный. Рv: погрудное изображение св. Георгия с копьем у правого плеча. По сторонам колончатые надписи: **Ге** // **орги**. Нимб точечный. Ободок точечный.

№ 7 (рис. 3, 7). Печать оттиснута на цельнолитой плоской заготовке. Гурт плоский. Хорошо видны остатки не полностью обрезанного литейного затека свинца. Д.: 22–24 мм. В.: 8,54 г. М. н.: р. IV, кв. К-XVIII, гл. +48. Инв. №: САЭ-2006/1488.

№ 8 (рис. 3, 8). Печать оттиснута на цельнолитой плоской заготовке. Гурт округло-плоский. Видны остатки не полностью обрезанного литейного затека свинца. Д.: 21–23 мм. В.: 9, 48 г. М. н.: р. IV, отвал. Инв. №: САЭ-2006/1223.

Печати, оттиснутые этой же парой матриц, зарегистрированы в Корпусе под № 2316б (первоначально обозначалась под № 280): одна булла происходит с Белоозера (Янин, Гайдуков 1998б: 345, 347, рис. 14), одна — из Смоленска (Янин 1970а: 216), еще одна найдена на селище у д. Воронцово в Тверской обл. (Янин, Гайдуков 2004: 359), а два экземпляра происходят из Новгорода — один из них обнаружен на Троицком раскопе, а еще один найден на Городище (Янин, Гайдуков 2000: 296; 2004: 359). Вопрос о персональной принадлежности печати данного типа в литературе, кажется, пока не обсуждался, как не обсуждалась и датировка печати. Изображения святых погрудные, что для печатей разряда VI/1 являет-

ся архаичным признаком. В то же время слово «**Агнос**» перед именами святых отсутствует, что является признаком сравнительно позднего (в рамках XII–XIII вв.) времени. Решимся датировать печать рассматриваемого типа XIII в., однако окончательное решение оставляем до нового изучения персональной принадлежности печатей разряда VI/1.

№ 9 (рис. 4, 9). Печать оттиснута на цельнолитой заготовке линзовидного сечения. Гурт острый. *Ав:* изображение архангела в рост с жезлом и сферой. *Рв:* изображение святого воина в рост с копьем в правой руке. *Д.:* 20–22 мм. *В.:* 6,48 г. *М. н.:* р. IV, кв. О-ХVI, гл. +53. *Инв. №:* САЭ-2006/1062.

Булла оттиснута матрицами № 152 Корпуса. Печати этого типа известны в настоящее время не менее, чем в 27 экземплярах (Янин 1970а: 197; Янин, Гайдуков 1998а: 132; 1998б: 344). На более сохранных экземплярах, оттиснутых этой парой матриц, читаются колончатые надписи: **архн** // **Михаил** на лицевой стороне и **оагѣу** // **Феодоръ** на оборотной. Подавляющее большинство булл происходит из Новгорода или с Городища, однако фрагмент печати от этой пары матриц был найден в начале 1980–х годов в Ладозе (Янин, Гайдуков 1998а: 132, № 152–24). В. Л. Янин и П. Г. Гайдуков (Янин 1970а: 197; Янин, Гайдуков 1998а: 132) атрибутируют печати рассматриваемого типа вместе с группой печатей, несущих изображения архангела Михаила и св. Федора (№ 152а, 153, 153а, 154, 155) князю Ростиславу Мстиславичу (†1167), и стилистически противопоставляют эту группу печатей печатям от матриц № 183–186, на которых также изображены архангел Михаил и св. Федор; последние, по мнению исследователей, принадлежали князю Мстиславу Ростиславичу (†1180). Разумеется, предложенные персонификации следует считать только догадкой. Н. П. Лихачев датировал печать XII (ЛСА: л.29) или первыми десятилетиями XIII в. (ЛСА: л. 31, 37) и с этой датировкой можно согласиться.

№ 10 (рис. 4, 10). Печать оттиснута по составной заготовке. Гурт острый. По гурту, а также в изломе буллы хорошо виден шов между пластинами. *Ав:* изображение св. Федора в рост с копьем и щитом. По сторонам колончатые надписи: **[Фод]** // **оръ**. Фрагменты слившегося из точек ободка. *Рв:* изображение св. Георгия в рост с копьем и щитом. По сторонам колончатые надписи: **Гор** // **[гнѣ]**. Печать сломана по каналу, видны следы нитей, пропитанных окислами свинца. *Д.:* 24–26 мм. *В.:* 13,68 г. *М. н.:* р. IV, кв. М-ХVII, гл. +60. *Инв. №:* САЭ-2006/1375.

Булла оттиснута матрицами № 157 Корпуса. Печати этого типа известны не менее чем в 13 экземплярах (Янин 1970а: 198; Янин, Гайдуков 1998а: 133; 2000: 291; 2002: 162; 2004: 145). Подавляющее большинство булл найдено в Новгороде или на Городище, но один экземпляр печати происходит из Брянской обл. (Янин, Гайдуков 2004: 145), а еще один — из окрестностей Аюдага в Крыму (Янин, Гайдуков 1998а: 133). В. Л. Янин и П. Г. Гайдуков (Янин 1970а: 198; Янин, Гайдуков 1998а: 44.) атрибутируют печать рассматриваемого типа вместе с группой печатей, несущих изображения свв. Федора и Георгия (№ 158, 159), князю Мстиславу Юрьевичу († после 1161). Эти персонификации также носят характер догадки. Н. П. Лихачев датировал печать XIII в. (ЛСА: л.38), что весьма вероятно.

№ 11 (рис. 4, 11). Печать оттиснута по цельнолитой заготовке линзовидного сечения. Гурт острый. *Ав:* изображение св. Василия Кесарийского в рост. По сторонам колончатые надписи **Васи** // **лсе**. *Рв:* изображение св. Никиты с крестом в правой руке. У левой ноги святого изображена маленькая фигурка «беса». По сторонам колончатые надписи: **[Ни]ки** // **та**. *Д.:* 22–23 мм. *В.:* 6,05 г. *М. н.:* р. IV, кв. Л-ХIX, гл. +57. *Инв. №:* САЭ-2006/1362.

Булла оттиснута матрицами № 230б Корпуса; все четыре учтенных экземпляра происходят с Городища (Янин, Гайдуков 1998а: 144; 2001: 186). Вопрос о персональной принадлежности печати данного типа в литературе, кажется, пока не обсуждался. С наибольшим вероятием буллу следует отнести к XIII в., скорее всего — к середине или второй половине этого столетия.

№ 12 (рис. 4, 12). Печать оттиснута по цельнолитой плоской заготовке. Гурт плоский, хорошо видны следы обруbanия литейного затека свинца. *Ав:* изображение св. Павла на престоле. По сторонам колончатые надписи: **оагѣос** // **Павлос**. *Рв:* изображение св. Иоанна Богослова в рост с кодексом в левой руке. Правая рука в жесте благословения. По сторонам колончатые надписи: **о[Іw]** // **[оѣ]логос**. *Д.:* 23–24 мм. *В.:* 9,39 г. *М. н.:* р. IV, кв. М-ХV, гл. +45. *Инв. №:* САЭ-2006/1637.

Печать оттиснута матрицами № 235 Корпуса. Из пяти зарегистрированных в Корпусе экземпляров печати три происходят из Новгорода (Янин 1970а: 212; Янин, Гайдуков 1998а: 146), один экземпляр найден в Пскове (Янин, Гайдуков 1998а: 146), а еще один — на Белоозере (Янин, Гайдуков 2003:360). Датировка печати № 235 домонгольским временем (Колосова 1996: 72; Янин, Гайдуков 1998а: 54) сомнений не вызывает.

№ 47 (рис. 9, 47). *Ав:* изображение Св. Симеона в рост, по сторонам колончатые надписи **агѣос** **Сѣмевнъ**, ободок точечный. *Рв:* изображение Св. Никиты в рост, в правой руке копье, левой опирается

на щит, по сторонам колончатые надписи **догно Н(н)к(н)т(а)**. Печать оттиснута на цельнолитой заготовке, гурт острый. *Д.*: 22 мм. *В.*: 7 г. *М. н.*: р. IV, кв. О-ХІХ; гл.: +49. *Инв.№*: САЭ-2007/68.

Печать оттиснута той же парой матриц, что и найденная ранее в Ладого булла с изображениями св. Симеона Исповедника и святого воина (Белецкий, Петренко 1994: 210). Угадывавшаяся на реверсе печати буква М в правой колонке позволила высказать в публикации 1994 г. осторожное предположение о том, что изображенный воин — это св. Дмитрий Солунский. В Корпусе актовых печатей древней Руси булла получила № 263д, причем составители Корпуса отказались от прочтения правой колончатой надписи на реверсе буллы (Янин, Гайдуков 1998а: 148). Лучшая сохранность публикуемого экземпляра по сравнению с ранее опубликованным, позволила установить, что на оборотной стороне печати изображен св. Никита, причем за букву *м* ранее была принята плохо оттиснутая буква *к*. Кажется, другие экземпляры от этой пары матриц, пока не известны. С наибольшим вероятием печати рассматриваемого типа можно датировать XII в. Княжеская принадлежность печатей сомнения не вызывает, но от персональной принадлежности мы пока предпочитаем воздержаться.

№ 48 (рис. 9, 48). *Ав.*: изображение архангела Гавриила в рост, по сторонам зеркальные колончатые надписи **(а)рхіст(р)ат (Г)аврил**. *Рв.*: изображение Св. Дмитрия Солунского в рост с копьем и щитом, по сторонам зеркальные колончатые надписи **агнос // Дмитри**. Печать оттиснута на цельнолитой заготовке, гурт острый. *Д.*: 21–22 мм. *В.*: 7,48 г. *М. н.*: р. IV, кв. Л-ХV; гл.: +40. *М. хр.*: ИИМК РАН, инв. № САЭ-2007/417.

Печать оттиснута той же парой матриц, что и № 196 Корпуса актовых печатей древней Руси. К настоящему времени известно не менее 7 экземпляров, принадлежащих этой паре матриц: пять из них происходят с новгородского городища, а место находки еще двух в черте Новгорода не локализовано (Янин 1970а: 205; Янин, Гайдуков 1998а: 139; 2000: 293). В.Л. Янин и П.Г. Гайдуков полагают, что печати принадлежали Святославу Всеволодичу (1196–1252), сыну Всеволода Большое Гнездо (Янин 1970а: 106–107; Янин, Гайдуков 1998а: 47). Теоретически это не исключено, однако пока не доказано, так что ограничимся констатацией того, что печати рассматриваемого типа можно с большой степенью вероятности относить к концу XII – XIII вв. Княжеская принадлежность печатей сомнения не вызывает.

№ 13 (рис. 4, 13). Печать оттиснута по цельнолитой заготовке линзовидного сечения. Гурт острый. *Ав.*: схематичное изображение св. Тимофея (?) в рост с мученическим крестом в руках. По сторонам плохо читающиеся колончатые надписи: **Агнос // [Г]мо[о-ен]**. *О.с.*: схематичное изображение св. Георгия (?) в длинных одеждах в рост. По сторонам плохо читающиеся колончатые надписи: **А[г]н[о]с // Георг[и]**. *Д.*: 20–21 мм. *В.*: 6,59 г. *М. н.*: р. IV, кв. М-ХVІІІ, гл. +77. *Инв. №*: САЭ-2006/489.

Булла оттиснута неизвестной парой матриц. Поверхность ее сильно попорчена коррозией. Если мы верно восстановили колончатые надписи, то на лицевой стороне печати помещено, вероятнее всего, изображение святого Тимофея Газского, а на оборотной стороне — святого Георгия, возможно — митрополита Митиленского¹. Впрочем, уверенности в прочтении надписей нет, так что решение вопроса об изображенных на печати святых следует оставить до обнаружения более сохранных экземпляров. Схематичность изображений святых на печати позволяет предположительно датировать буллу XIII в.

№ 14 (рис. 4, 14). Печать оттиснута по цельнолитой заготовке линзовидного сечения, фрагментирована. Гурт острый. *Ав.*: изображение святого воина, опирающегося левой рукой о щит. *Рв.*: изображение святого в длинных орнаментированных одеждах (архангел?). *Д.*: более 22 мм. *В.*: 4, 47 г (не менее 13 г.). *М. н.*: р. IV, кв. М-ХІХ, гл. +98. *Инв. №*: САЭ-2006/284.

Печать оттиснута неизвестной парой матриц. Датировка ее домонгольским временем сомнений не вызывает. Надписи не сохранились, так что решение вопроса об изображенных на печати святых следует оставить до обнаружения более сохранных экземпляров.

№ 15 (рис. 5, 15). Печать оттиснута по цельнолитой заготовке линзовидного сечения. Гурт острый. *Ав.*: изображение святителя в рост, благословляющего правой рукой и с кодексом в левой. Фрагмент точечного ободка. *Рв.*: изображение архангела в рост с жезлом в правой руке и сферой в левой. Фрагмент точечного ободка. *Д.*: 23–24 мм. *В.*: 6,77 г. *М. н.*: р. IV, кв. Л-ХІV, гл. +56. *Инв. №*: САЭ-2006/1527.

Печать оттиснута неизвестной парой матриц. Датировка ее домонгольским временем также не вызывает сомнений. Надписи не сохранились, поэтому решение вопроса об изображенных на печати святых оставляем до обнаружения более сохранных экземпляров.

¹ Пользуемся случаем поблагодарить А. Е. Мусина, принявшего участие в обсуждении изображений святых на этой печати.

№ 16 (рис. 5, 16). Печать оттиснута по цельнолитой плоской (?) заготовке, фрагментирована. Гурт плоский, хорошо видны следы обруbanия литейных затеков свинца. *Av*: в площади сохранившейся части буллы читается схематичное изображение головы святого в линейном нимбе. *Rv*: в площади сохранившейся части буллы читается схематичное изображение головы святого в линейном нимбе. *Д.*: более 24 мм. *В.*: 4,11 г (не менее 12 г). *М. н.*: р. IV, отвал. *Инв. №*: САЭ-2006/1475.

Хотя печать сохранилась крайне плохо, она, как будто бы, оттиснута матрицами № 382 Корпуса. Если это так, но на одной из сторон печати помещено изображение святого Афанасия в рост, а на другой стороне — изображение святого Федора в рост с копьем и щитом. В Корпусе зарегистрировано не менее 14 экземпляров, оттиснутых этой парой матриц. Большинство из них происходит из Новгорода или с Городища (Янин 1970б: 159–160; Янин, Гайдуков 1998а: 164; 2000: 301; 2001: 190), одна булла найдена на Белоозере (Янин, Гайдуков 2004: 151), а еще одна происходит из Торопца (Янин 1970б: 160). Кроме того, два экземпляра печати от этой же пары матриц (моливдовул и позолоченный аргировул) сохранились при договорной грамоте Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами 1262/63 г. Печати принадлежали князю Ярославу Ярославичу, скончавшемуся в 1271 г. (Янин 1970б: 9–11).

№ 17 (рис. 5, 17). Печать оттиснута по цельнолитой заготовке линзовидного сечения. Гурт острый. *Av*: изображение святого всадника влево с мечом в правой руке. Над шеей коня буква **К**, вырезанная без учета на оттиск, слева от меча плохо читающаяся буква **А**. Буквы над крупом коня, известные по другим экземплярам печати, на публикуемой булле не читаются. *Rv*: изображение св. Федора Стратилата в композиции «Чудо о змие». Над головой коня фрагмент надписи **ФѢД [оръ]**. *Инв. №*: САЭ-2006/9. *М. н.*: р. IV, верхний слой. *Д.*: 26–28 мм. *В.*: 10,86 г.

Печать оттиснута матрицами № 375 Корпуса. Известно не менее 26 булл, оттиснутых этой парой матриц; все они происходят из Новгорода или с Городища (Янин 1970б: 157–158; Янин, Гайдуков 1998а: 162; 1998б: 349; 2000: 301). В первом выпуске «Материалов для истории византийской и русской сфрагистики» Н. П. Лихачев восстанавливал надпись на левой половине лицевой стороны печати как «**Алехндр**» и отмечал: «Принимая **Х** за **З** мы имеем полное имя св. *Александра* (курсив Н.П. Лихачева — А. К., С. Б.). Св. Александр, воин, мученик египетский, празднуется 9 июля» (Лихачев 1928: 24). Букву **К** над шеей коня исследователь не комментировал. Позднее, в описании печати, воспроизведенной на табл. XXIX, 2 «Сфрагистического альбома» (= № 375–2 Корпуса), Н. П. Лихачев отмечал: «Соблазнительно видеть перед **К** буквы **АА**, и перед **Д** букву **Н**, что дало бы гипотетическое чтение имени Александра» (ЛСА: л. 303).

В.Л. Янин (1970б: 7) также считал, что на лицевой стороне изображен святой Александр. В левой половине буллы исследователь читал буквы **АНДР** и, с учетом буквы **К** над шеей коня, уверенно восстанавливал имя изображенного на печати святого всадника — «**Александр**».

Реконструкцию надписи, предложенную Н. П. Лихачевым в первом выпуске «Материалов», поддержал В.К. Зиборов. Опираясь на фрагмент буллы, приобретенной на петербургском нумизматическом рынке, исследователь утверждал: «Новый экземпляр, представленный левой половинкой, имеет только надпись имени. Сохранность букв разная: буква **А** видна отчетливо, вторая буква **А** — лишь фрагментарно, в начале третьей строки, хотя и фрагментарно, читается буква **Є**, которая учеными не отмечалась, далее лишь фрагментарно сохранилась буква **Д** и концевая буква **Р** в зеркальном изображении. Таким образом, экземпляр дает нам только одну новую деталь — букву **Є**, да и то при плохой сохранности печатей этой разновидности предложенное прочтение весьма предположительно» (Зиборов 1995: 146–147). В целом В.К. Зиборов восстанавливает левую часть надписи как «**Алє...др**» (Зиборов 1995: 147). Зеркальное изображение буквы **К** над шеей коня он рассматривал (ссылаясь на устно высказанное мнение М.П. Сотниковой), «как изобразительный элемент, например прапор» (Зиборов 1995: 147). К сожалению, В.К. Зиборов не счел возможным воспроизвести фото или прорисовку экземпляра печати, на основании которого он восстанавливал надпись, так что все рассуждения оставались непроверяемы. Но, после публикации фотографии этого экземпляра печати (Янин, Гайдуков 1998а: 384, табл. 126, № 375–21) стало очевидным, что сохранность буллы слишком плохая, чтобы уверенно читать какие-либо буквы надписи. Таким образом, реконструкцию, предложенную Зиборовым, можно не учитывать.

Хотя сохранность публикуемого экземпляра печати оставляет желать лучшего и ничего нового к прочтению надписи на лицевой стороне этот экземпляр не добавляет, полагаем, что верная реконструкция надписи на лицевой стороне печати этого типа была предложена в рукописи Сфрагистического альбома. Действительно, на экземпляре № 375–2 над левой ногой коня отчетливо просматривается буква **А**, вырезанная без учета на оттиск, а перед мордой коня не менее отчетливо читается буква **Л**. Эти буквы на прорисовке печати в Корпусе по какой-то причине не обозначены (Янин 1970б: 157). С учетом того,

что над головой коня правее буквы **К** угадывается фрагмент буквы **Є** (Янин 1970б: 157), надпись в целом может быть восстановлена как «**Дл[є]к // [с]андр**».

В персональной принадлежности печати № 375 исследователи единодушны. В первом выпуске «Материалов» Н. П. Лихачев осторожно обозначал группу печатей с изображением всадника и св. Федора как «приписываемые в. кн. Александру Невскому» (Лихачев 1928: 90–92), и в окончательной персонификации печатей Александру Невскому опирался, главным образом, на буллы, атрибутированные сыновьям Александра, Дмитрию и Даниилу (Лихачев 1928: 92–96). В комментариях к таблицам сфрагистического альбома исследователь высказывался более определенно: «В данном случае мы имеем дело с печатями, принадлежащими великому князю Александру Ярославичу Невскому» (ЛСА: л.303). В.Л. Янин (1970б: 7–8) также уверенно атрибутировал эту печать вместе с другими буллами, несущими изображения всадника и св. Федора, князю Александру Ярославичу (†1263). С мнением Н. П. Лихачева и В.Л. Янина были вполне солидарны А.Л. Хорошкевич (1995: 140–145) и В.К. Зиборов (1995: 146–150). По-видимому, с существующей персонификацией можно согласиться.

Печати с изображением святого и легендой (разряд VI/2)

№ 49 (рис. 9, 49). Ав: погрудное изображение Св. Василия Кесарийского в крещатых ризах, правая рука в благословляющем жесте, в левой — кодекс, по сторонам от изображения колончатые надписи $\sigma\alpha\upsilon\iota\sigma\ \beta\alpha\sigma\iota\lambda\iota$ Нимб линейный. Ободок из частых, слившихся в линию точек. Кв: надпись в шесть строк + $K(\upsilon\rho\iota)\ \epsilon\ \beta(\sigma\eta)\theta\ \tau\omega\ \sigma\omega\ \delta(\sigma)\upsilon(\lambda\omega)\ \beta\alpha\sigma\iota\lambda\iota\omega\ \beta\lambda\alpha\delta\iota\mu\epsilon\rho\ \tau\omega\ \mu\omicron\nu\omicron\upsilon[\mu]\alpha\chi$. Ободок состоит из частых, слившихся в линию точек. Печать оттиснута на составной заготовке, состоящей из двух тонких свинцовых пластин. По плоскому гурту видны следы оплавленности, однако шов между пластинами читается вполне отчетливо. Д.: 25–29 мм. В.: 16,57 г. М. н.: р. IV, кв. М–XVII; гл.: +30. Инв. №: САЭ-2007/183.

Печать оттиснута той же парой матриц, что и № 25а Корпуса актовых печатей древней Руси, другой экземпляр печати этого типа происходит из Киевской области (Янин, Гайдуков 1998б: 340, рис. 3). Из формулы легенды следует, что печать принадлежала Владимиру-Василию Всеволодичу Мономаху (1053–1125). Ранее, при раскопках 1957 г., в Ладогe уже была найдена печать Владимира Мономаха, оттиснутая иной по сравнению с публикуемой буллой парой матриц (Янин 1970: № 38).

Все известные в настоящее время печати, приписываемые в литературе Владимиру Мономаху, можно разделить на две группы: раннюю, объединяющую буллы с греческими легендами, и позднюю, включающую в себя буллы с кириллическими легендами. Публикуемая печать принадлежит к ранней группе, и верхняя дата ее вряд ли выходит за пределы XI в.

№ 50–51 (рис. 10, 50–51). Л. с: изображение Св. Федора в рост с копьем и щитом, по сторонам колончатые надписи $\sigma\alpha\upsilon\iota\ \theta\epsilon\omicron\delta\omega\rho\omicron\sigma$. Ободок точечный. О. с: греческая надпись в пять строк + $\text{Протопроедрон Ев:}\sigma\tau\alpha\theta\iota\omicron\nu\ \mu\epsilon\ \sigma\chi\epsilon\lambda\epsilon$. Ободок точечный.

№ 50 (рис. 10, 50). Оттиснута по цельнолитой заготовке. Гурт плоский, хорошо видны следы вертикального обруbanия. Д.: 21–22 мм. В.: 14,22 г. М. н.: р. IV, кв. К–XIX; гл.: -2. Инв. №: САЭ-2007/2213.

№ 51 (рис. 10, 51). Оттиснута по составной заготовке, изготовленной из двух тонких свинцовых пластин. По плоскому гурту хорошо видны следы обруbanия и оплавленности, однако шов между пластинами читается вполне отчетливо. Д.: 19–22 мм. В.: 6, 97 г (фрагментирована, не менее 9 г). М. н.: р. IV, кв. О–XIII; гл.: -5. Инв. №: САЭ-2007/1410.

Обе печати принадлежат той же паре матриц, что и № 72 Корпуса актовых печатей древней Руси. К настоящему времени известно не менее 40 булл этого типа. Подавляющее большинство находок происходит из Новгорода (Янин 1970: 182; Янин, Гайдуков 1998а: 122; 1998б: 341), однако такие печати были найдены также в Киеве (Янин, Гайдуков 1998а: 122), Белгороде (Янин 1970: 182), Витачеве (Янин, Гайдуков 1998а: 122), Волковыске (Янин, Гайдуков 1998а: 122), Пскове (Янин, Гайдуков 1998а: 122), Белоозере (Янин, Гайдуков 1998б: 341; 2001: 183; 2006: 82), в Тверской обл. (Янин, Гайдуков 2006: 82) и на селище Могутово Московской обл. (Янин, Гайдуков 2002: 159). В Ладогe печать от матриц № 72 была найдена при раскопках 1939 г. (Янин 1970: 182; Белецкий, Петренко 1994: 212–213).

В настоящее время существуют две точки зрения на персональную принадлежность печатей от матриц № 72. По мнению В. Л. Янина, эти буллы, как и близкородственные им печати от матриц № 73, принадлежали новгородскому посаднику Завиду, отправлявшему должностные обязанности в годы первого княжения в Новгороде Мстислава Владимировича (1088–1094) малолетнего сына Владимира Всеволодича Мономаха, будущего Мстислава Великого (Янин 1970: 64–67). А.В. Куза полагал, что печати

являлись атрибутами юрисдикции ближнего боярина великого киевского князя Всеволода Ярославича, отправлявшего обязанности дядьки воспитателя вначале при младшем сыне Всеволода Ростиславе-Михаиле, а затем — при его старшем внуке (Куза 1977: 125; см. также: Белецкий, Петренко 1994: 214–217; Белецкий 2001: 42–43). Но, вне зависимости от персонификации владельца, датировка ее не выходит за пределы конца XI — начала XII вв.

№ 52 (рис. 10, 52). Аверс: изображение Св.Петра в рост, по сторонам плохо читающаяся надпись петра. Ободок линейный. Реверс: надпись в пять строк **Г(господ)и по // мозі ра // воу свок // моу Пе // троу**. Слово **Г(господ)и** в первой строке — в сокращении и под титлом. Ободок линейный. Оттиснута на цельнолитой заготовке, гурт округлый. *Д.*: 20–23 мм. *В.*: 8,96 г. *М. н.*: р. IV, кв. Н-ХVI, гл.: +39. *Инв. №*: САЭ-2007/278.

Печать оттиснута той же парой матриц, что и № 129 Корпуса актовых печатей древней Руси. Известно не менее 4 экземпляров печатей этого типа (Янин 1970: 192, 234; Янин, Гайдуков 2000: 290): три из них происходят из Новгорода, а один был найден в Ладогe в 1912 г.

Печать относится к представительной группе древнерусских булл, несущих на реверсе благопожелательную (греческую или кириллическую) формулу, а на аверсе — изображение тезоименитого владельцу святого. Н.П. Лихачев убедительно доказал, что эти печати принадлежали русским князьям XI — начала XII вв. (Лихачев 1928: 103–154). В.Л.Янин полагал, что часть печатей данного разряда принадлежала князьям, а часть — новгородским посадникам (Янин 1970: 71–73). Печать № 129, в частности, исследователь приписывал посаднику Петриле Микульчичу, находившемуся в степени в 1131–1134 гг. (Янин 1970: 72). Однако, разделение однородного сфрагистического разряда между двумя различными институтами власти представляется нам искусственным. Полагаем, что публикуемая булла (как и другие печати с кириллической благопожелательной надписью и изображением святого, тезоименитого владельцу) принадлежала одному из русских князей рубежа XI–XII вв. — первой трети XII в.

№ 18 (рис. 5, 18). Печать оттиснута по составной заготовке, причем пластины заготовки соединены со смещением. Гурт плоский, хорошо видны следы обрубания литейных затеков свинца. *Ав*: изображение св. Иакова в рост. По сторонам изображения колончатые надписи: **Θαγιο[с] // Илко[вѣ]**. Ободок точечный. *Рв*: Надпись в пять строк: **Г(господ)и по // мозі р[а] // вѣ свої[е] // мѣ И[а] // [ковоу]**. Ободок точечный. Слово **Г(господ)и** в первой строке — в сокращении и под титлом. *Д.*: 20 мм. *В.*: 10,47 г. *М. н.*: р. IV, кв. К-ХIII, гл. +50. *Инв. №*: САЭ-2006/520.

Буллa оттиснута матрицами № 131 Корпуса. Известно не менее 8 экземпляров печатей от этой пары матриц: пять булл происходит из Новгорода или с Городища (Янин 1970а: 192; Янин, Гайдуков 1998а: 128), по одной найдено в Старой Рязани (Янин, Гайдуков 1998а: 128), на Белоозере (Янин, Гайдуков 1998б: 344) и на селище Совково во Владимирской области (Янин, Гайдуков 2001: 184).

Комментируя экземпляр печати, обозначенный в Корпусе под № 131–1, Н. П. Лихачев писал: «Печать должна принадлежать одному из неизвестных нам по имени старейших русских князей. Памятник мы относим ко второй половине XI столетия с вероятностью и для первой четверти XII в.» (Лихачев 1928: 111). В. Л. Янин (Янин 1962: 66; 1970а: 72–73; 2003: 118; Янин, Гайдуков 1998а: 42) атрибуировал печати от матриц № 131 новгородскому посаднику Мирославу Гюрятиничу (†1136). Однако, как уже отмечалось, разделение однородного сфрагистического разряда между двумя различными институтами власти представляется нам искусственным. Полагаем, что прав в оценке печати был, все-таки, Н.П.Лихачев.

Кстати, В. Л. Янин начал, как будто бы, постепенно пересматривать предлагавшиеся ранее персональные атрибуции для «посадничьих булл» с формулой «Господи, помози...». Комментируя новонайденные экземпляры печатей № 131 и 132 Корпуса, исследователь отметил: «Впрочем, мы не исключаем, что печати с формулой благопожелания Якову (№№ 131, 132), пять экземпляров которых найдены в Новгороде, но два — в Городце, а один в Старой Рязани, могли принадлежать Ростиславу Юрьевичу, княжившему в Новгороде в 1138–1139, 1141–1142 гг. (Янин, Гайдуков 1998а: 42).

№ 19 (рис. 5, 19). Печать оттиснута по цельнолитой заготовке линзовидного сечения. Гурт острый. *Ав*: изображение св. Иоанна Богослова в рост с кодексом в левой руке. Правая рука в жесте благословения. По сторонам изображения фрагментарно сохранившаяся надпись: **[Бог]о//слов[ъ]**. *Рв*: надпись в три строки **Єва[н]//ова п[е]//чат[ь]**. *Д.*: 25–28 мм. *В.*: 13,71 г. *М. н.*: р. IV, кв. К-ХVII, гл. +73. *Инв. №*: САЭ-2006/280.

Печать оттиснута неизвестной парой матриц. Аналогиями ей являются хорошо известные печати с легендой, составленной по формуле «имя владельца + слово «печать»» на реверсе и изображением тезоименитого владельцу печати святого на аверсе. Таковы печати, оттиснутые матрицами № 681, 682, и 683 Корпуса актовых печатей древней Руси. Первая из перечисленных булл сохранилась при грамо-

те Новгорода Риге 1303–1307 гг.; булла принадлежала новгородскому посаднику Андрею Климовичу, активная политическая деятельность которого началась в 1286 г. и продолжалась вплоть до гибели в битве под Торжком (†10.02.1316). Печать № 682 Н.П. Лихачев датировал началом XIII в. (ЛСА, л. 195), а В.Л. Янин — концом этого столетия (Янин 1970б: 117). Печать № 683, по мнению Н.П. Лихачева, следует датировать XIII или началом XIV в. (ЛСА, л. 405–406). В.Л. Янин полагает, что «правильнее относить ее к концу XIII — первой половине XIV в.» (Янин 1970б: 118).

Таким образом, датировка перечисленных печатей, при всех расхождениях в оценках, не выходит за пределы XIII–XIV вв. Публикуемую буллу можно с известной гипотетичностью датировать концом XIII или самым началом XIV в. Заметим, что печать № 683 Корпуса также происходит из Ладого (Янин 1970б: 216; Белецкий, Петренко 1994: 217).

Печати неопределимые

№ 20 (рис. 5, 20). Печать оттиснута по составной заготовке, фрагментирована. По округлому гурту хорошо виден шов между пластинами. На одной из сторон печать прослежен фрагмент точечного ободка. Вторая сторона полностью стерта. *Д.:* (по каналу) 26 мм. *В.:* 3,76 г (не менее 7–7,5 г). *М. н.:* р. IV, кв. Н-XIII, гл. +52. *Инв. №:* САЭ-2006/518.

№ 21 (рис. 6, 21). Печать оттиснута по цельнолитой заготовке линзовидного сечения, фрагментирована. Гурт острый. Фиксируются следы обрубания литейных затеков свинца. Изображения и надписи практически полностью стерты, хотя на одной из сторон как будто бы угадывается фрагмент фигуры святого (?) в рост. *Д.:* более 21 мм. *В.:* 3,21 г. (не менее 8 г). *М. н.:* р. IV, кв. Н-XV, гл. +51. *Инв. №:* САЭ-2006/1022.

№ 22 (рис. 6, 22). Печать оттиснута по составной заготовке, фрагментирована: смята, частично свернута. По плоскому гурту и на изломах хорошо виден шов между пластинами. Изображения и надписи не читаются. *Д.:* не менее 24 мм. *В.:* 6,74 г (не менее 8 г). *М. н.:* р. IV, отвал. *Инв. №:* САЭ-2006/1333.

№ 23 (рис. 6, 23). Печать оттиснута по плоской (?) заготовке, сильно коррозирована, гурт выкрошился. Поверхность одной из сторон слегка оплавлена, поверхность второй стороны забита. Изображения и надписи не читаются. *Д.:* не менее 14–20 мм. *В.:* 3,69 г. *М. н.:* р. IV, кв. М-XVI, гл. +50. *Инв. №:* САЭ-2006/1510.

№ 53 (рис. 10, 53). Печать оттиснута на составной заготовке, состоящей из двух тонких свинцовых пластин. Гурт округлый, по нему хорошо виден шов между пластинами. Изображения и надписи не читаются. *Д.:* 20–21 мм. *В.:* 8,79 г. *М. н.:* р. IV, кв. К-XVI, гл.: +24. *Инв. №:* САЭ-2007/453.

№ 54 (рис. 10, 54). Печать оттиснута на составной заготовке, состоящей из двух тонких свинцовых пластин. Гурт округлый, по нему, а также по излому печати хорошо виден шов между пластинами. Изображения и надписи не читаются. *Д.:* 25 мм. *В.:* 7,25 г. *М. н.:* р. IV, кв. К-XVII, гл.: +23. *Инв. №:* САЭ-2007/351.

№ 55 (рис. 10, 55). Печать оттиснута на цельнолитой (?) заготовке, на поверхности хорошо видны следы оплавленности (пожара?). Изображения и надписи не читаются. *Д.:* 18–20 мм. *В.:* 6,33 г. *М. н.:* р. IV, кв. К-XII, гл.: +22. *Инв. №:* САЭ-2007/33.

Все печати очень плохой сохранности. К домонгольскому времени можно более или менее определенно отнести печать № 20. Три остальные буллы типологически неопределимы, но, судя по типам заготовок, по которым были оттиснуты эти печати, они вряд ли относятся ко времени более позднему, чем XII–XIII вв.

Заготовки для печатей

№ 24 (рис. 6, 24). Заготовка линзовидная. Гурт острый. Заготовка сильно коррозирована. На одной из сторон поверхность над каналом выкрошилась, так что угадывается диаметр канала — 1,5–2 мм. *Д.:* 25 мм. *В.:* 10,59 г (не менее 11–11,5 г). *М. н.:* р. IV, кв. М-XVI, гл. +89. *Инв. №:* САЭ-2006/258.

№ 25 (рис. 6, 25). Заготовка линзовидная. Гурт острый. Диаметр канала 1,5 мм. *Д.:* 25 мм. *В.:* 16,52 г. *М. н.:* р. IV, кв. М-XVII, гл. +86. *Инв. №:* САЭ-2006/279.

№ 26 (рис. 6, 26). Заготовка линзовидная (литейный брак). Гурт острый. При отливке заготовки литейная форма была не полностью заполнена свинцом, поэтому канал с одной из сторон остался частично открытым. Диаметр канала 1,5–2 мм. *Д.:* 17–19 мм. *В.:* 6,38 г. *М. н.:* р. IV, верхний слой. *Инв. №:* САЭ-2006/15.

№ 27 (рис. 6, 27). Заготовка линзовидная. Гурт острый. Диаметр канала 1,5–2 мм. *Д.:* 19–20 мм. *В.:* 10,76 г. *М. н.:* р. IV, кв. Л-XVI, гл. +69. *Инв. №:* САЭ-2006/470.

№ 28 (рис. 7, 28). Заготовка линзовидная (литейный брак). Гурт острый, сохранился фрагмент необруленного литника. При отливке заготовки литейная форма была не полностью заполнена свинцом, поэтому с одной из сторон заготовки канал открыт. Возможно, это связано с тем, что литейная форма была плохо очищена после предыдущего использования. Диаметр канала 1,5 мм. *Д.*: 16–18 мм (без учета литника). *В.*: 4,83 г (с литником). *М. н.*: р. IV, отвал. *Инв. №*: САЭ-2006/1331.

№ 29 (рис. 7, 29). Заготовка линзовидная. Гурт острый. Канал читается плохо из-за коррозии гурта. *Д.*: 19–20 мм. *В.*: 6,7 г. *М. н.*: р. IV, кв. К-ХІХ, гл. +59. *Инв. №*: САЭ-2006/764.

№ 30 (рис. 7, 30). Заготовка линзовидная (литейный брак). Гурт острый. При отливке заготовки литейная форма была не полностью заполнена свинцом, так что на одной из сторон заготовки образовалась вмятина, а на другой стороне вместо выпуклости сформировалась плоская поверхность. Не исключено, что это связано с тем, что литейная форма была плохо очищена после предыдущего использования. Диаметр канала 1–1,5 мм. *Д.*: 18–19 мм. *В.*: 5,09 г. *М. н.*: р. IV, кв. Н-ХІV, гл. +35. *Инв. №*: САЭ-2006/1300.

№ 31 (рис. 7, 31). Заготовка уплощенная. Гурт округлый. Хорошо видны следы обрубления литейных затеков свинца. Канал сплюснен, ширина его 3 мм. *Д.*: 19–20 мм. *В.*: 9,66 г. *М. н.*: р. IV, кв. М-ХVI, гл. +80. *Инв. №*: САЭ-2006/441.

№ 32 (рис. 7, 32). Заготовка уплощенная. Гурт плоский. Хорошо видны следы обрубления литейных затеков свинца. Диаметр канала 1 мм. *Д.*: 19–20 мм. *В.*: 6,56 г. *М. н.*: р. IV, кв. Н-ХІХ, гл. +75. *Инв. №*: САЭ-2006/625.

№ 33 (рис. 7, 33). Заготовка уплощенная. Гурт плоский. Хорошо видны следы обрезки по периметру литейных затеков свинца. Диаметр канала 1,5 мм, канал незначительно сплюснен. *Д.*: 17 мм. *В.*: 6,11 г. *М. н.*: р. IV, кв. К-ХVІІІ, гл. +51. *Инв. №*: САЭ-2006/1649.

№ 34 (рис. 7, 34). Заготовка уплощенная, со слабо выраженным валикообразным выступом под канал на обеих сторонах. Гурт острый. Близ устьев канала и по гурту хорошо видны следы обрубления литейных затеков свинца. Диаметр канала 1,5–2 мм. *Д.*: 21–22 мм. *В.*: 7,3 г. *М. н.*: р. IV, кв. К-ХVI, гл. +82. *Инв. №*: САЭ-2006/462.

№ 35 (рис. 8, 35). Заготовка уплощенная, со слабо выраженным валикообразным выступом под канал на одной из сторон. Валик канала на другой стороне сплюснен в центральной части заготовки, прослежен фрагментарно. Диаметр канала 1,5–2 мм. Гурт округлый. *Д.*: 20–21 мм. *В.*: 9,33 г. *М. н.*: р. IV, кв. М-ХVІІІ, гл. +72. *Инв. №*: САЭ-2006/609.

№ 56 (рис. 11, 56). Испорченная цельнолитая заготовка, гурт острый, диаметр канала 1,5 мм, один из двух выходов канала сплюснен. *Д.*: 20 мм. *В.*: 6,73 г. *М. н.*: р. IV, кв. К-ХІХ; гл.: +40. *Инв. №*: САЭ-2007/925.

№ 57 (рис. 11, 57). Заготовка цельнолитая, гурт острый, диаметр канала 1,5 мм, один из двух выходов канала заплавлен (литейный брак). *Д.*: 20 мм. *В.*: 7,03 г. *М. н.*: р. IV, из отвала. *Инв. №*: САЭ-2007/5.

№ 58 (рис. 11, 58). Испорченная цельнолитая заготовка линзовидного сечения, гурт острый, диаметр канала 1,5 мм, оба выхода канала сплюснены. *Д.*: 20 мм. *В.*: 6,62 г. *М. н.*: р. IV, из отвала. *Инв. №*: САЭ-2007/6.

№ 59 (рис. 11, 59). Заготовка цельнолитая, линзовидного сечения гурт острый, диаметр канала 1,5 мм, один из двух выходов канала заплавлен, на одной из плоскостей заготовки канал открытый (литейный брак). *Д.*: 20 мм. *В.*: 6,81 г. *М. н.*: р. IV, кв. К-ХІІ; Гл.: +20. *Инв. №*: САЭ-2007/423.

№ 60 (рис. 11, 60). Заготовка цельнолитая, линзовидного сечения гурт острый, диаметр канала 1,5 мм, один из двух выходов канала заплавлен, на одной из плоскостей заготовки канал открытый (литейный брак). *Д.*: 17–18 мм. *В.*: 3,39 г. *М. н.*: р. IV, из отвала. *Инв. №*: САЭ-2007/303.

№ 61 (рис. 11, 61). Заготовка цельнолитая, линзовидного сечения гурт округлый, диаметр канала 1 мм. *Д.*: 12 мм. *В.*: 5,11 г. *М. н.*: р. IV, кв. Н-ХІХ; гл.: +45. *Инв. №*: САЭ-2007/97.

Столь представительная серия заготовок для печатей на древнерусских памятниках обнаружена впервые. Все найденные заготовки цельнолитые. Их можно разделить на три типа, различающихся между собой по сечению: линзовидные с острым гуртом, уплощенные с округлым или плоским гуртом и уплощенные со слабо выраженным валикообразным выступом. Заготовки типа 1 распадаются по размерам на две группы — более крупные, диаметр которых достигает 25 мм и более мелкие, размеры которых укладываются в пределы 16–20 мм. Размеры заготовок типа 2–17–20 мм, что сближает их с более мелким заготовкам первого типа, а заготовки типа 3 несколько крупнее — 20–22 мм.

По весу заготовки типа 1 можно разделить на три группы — легкие, вес которых 5–7 г, средние, вес которых приближается к 11 г, и тяжелая — более 16,5 г. Среди заготовок типа 2 выделяются более легкие — ~ 6,5 г, и более тяжелая — ок. 10 г. Вес заготовок типа 3 укладывается в пределы 7,5–9,5 г.

Конечно, публикуемая серия заготовок статистически невелика и любые наблюдения носят предварительный характер. Тем не менее, отметим, что среди заготовок типа 1 по массивности выделяются «малые», «средние» и «большие» заготовки. Заготовки типа 2 в целом укладываются в параметры «малых» заготовок типа 1, а заготовки типа 3 близки параметрам «средних» заготовок типа 1. Все это соответствует наблюдениям, сделанным ранее на материалах псковской сфрагистики — в делопроизводстве Руси существовало до трех стандартов заготовок. Использование заготовок разного размера могло находиться в зависимости от важности утверждавшегося моливдовулом документа (Белецкий 1994: 23; 2001: 22–23).

Датировка публикуемых заготовок в известной мере осложнена недостаточностью имеющегося сравнительного материала. Дело в том, что заготовки для древнерусских печатей, к сожалению, публикуются крайне редко, так что приводимые ниже сопоставления носят случайный характер и могут рассматриваться только как сугубо предварительные.

Заготовки линзовидного сечения, аналогичные заготовкам типа 1, происходят из Новгорода (Лихачев 1928: 4, рис. 3). Аналогичные заготовки обнаружены также при раскопках в Среднем Городе Пскова, где они «происходят из напластований XII–XIV вв.» (Лабутина, Волочкова, Лабутин 1985: 226, № 7; Колосова 1996: 85–86, № 22, 23, 25–28, рис. 9: 1, 3–6). Заготовка такого же типа была найдена на Ратминском поселении (древнерусская Дубна), погибшем в 1216 г. (Белецкий, Крымов 1990: 243–245, № 3). Линзовидная заготовка обнаружена при раскопках городища Воронич в слое, нарушенном распашкой и содержащем предметы XIII–XVI вв. (Белецкий, Плотников, Нанобашвили 2005: 18).

Плоские и уплощенные заготовки для древнерусских печатей, аналогичные заготовкам типа 2, как будто бы, ранее не публиковались. Обращают на себя внимание следы обрубания или обрезки по гурту. С одной стороны, это, безусловно, чисто технологическая особенность изготовления заготовок: при литье в двусторонней форме свинец неизбежно должен был затекать между створками формы, так что после отливки заготовок гурт приходилось обрубать либо обрезать. Многочисленные заготовки с такими затеками найдены, например, при раскопках в Преславе (Иорданов 1993: табл. 1–4). С другой стороны, известны экземпляры древнерусских печатей домонгольского времени, обрубленные не полностью, вследствие чего моливдовул сохранял элементы первоначальной формы, отличной от кружка. Такова, например печать № 133–10 Корпуса (Янин, Гайдуков 1998а: 326, табл. 68). Эта особенность буллы, отмеченная при первой публикации (Белецкий, Петренко 1994: 200), к сожалению, в Корпусе не комментируется. Не исключено, что вырубание кружка заготовки из свинцовой пластины иной, не круглой формы связано с особенностями изготовления заготовок, а эти особенности, в свою очередь, могут оказаться хронологически значимыми.

Прямые аналогии для заготовок типа 3, кажется, также пока не публиковались. Две плоские заготовки с валикообразным выступом происходят из комплекса т. н. «архива», обнаруженного при раскопках в Довмонтовом городе Пскова (Белецкий, Белецкий 2003: 55; Древности 1995: 187, 190, кат. № 583–584.); этот комплекс датируется последней третью XV — началом XVI вв. (Белецкий, Белецкий 2003: 55–56; Белецкий 2001: 138–142). Кроме того, при раскопках городища Воронич в слое начала XV в. была найдена литейная форма для отливки плоских заготовок с валикообразным выступом «под канал» (Белецкий, Щеглова 2002: 6–11). Однако и заготовки, отливавшиеся в литейной форме из раскопок Воронича, и заготовки из псковского «архива» несколько отличаются от ладожских заготовок типа 3: общим является только наличие валикообразного выступа.

Но заметим, что старолadoжские заготовки типа 3 не плоские, а уплощенные, и ближе к каналу свинцовый кружок толще, чем по краям. Очевидно, что при стискивании подобной заготовки клещами буллотирия оттиск будет чрезвычайно близок оттискам по заготовке линзовидного сечения. В то же время, при использовании плоских заготовок с валиком под канал, аналогичных заготовкам из псковского «архива», качество оттиска в разных частях буллы различное: в пространстве над каналом оттиск матриц читается хорошо, в то время, как по сторонам от канала оттиск заметно менее отчетливый, а иногда и вообще отсутствует (Древности 1995: кат. № 547, 551, 560, 566, 571, 572, 575, 576, 580). Можно думать, поэтому, что старолadoжские заготовки типа 3 и заготовки из комплекса псковского «архива» хотя типологически и близки, однако относятся к разному времени: если ладожские заготовки находятся в начале типологического ряда, то псковские заготовки оказываются ближе к его финалу.

Среди найденных в 2006 г. в Старой Ладогe заготовок для печатей отсутствуют плоские заготовки с «фигурным сечением», образовавшимся за счет валикообразного выступа для канала и валикообразного же утолщения по периметру свинцового кружка. Именно к этому типу относятся три заготовки, найденные при раскопках на Земляном городище Старой Ладогe в 1909–1913 гг. (Белецкий, Петренко 1994: 243, 283, рис. 79–81). К сожалению, ни в отчете Н.И. Репникова (1948: 11–70), ни в описании на-

ходок из раскопок 1909–1913 гг. (Гроздилов, Третьяков 1948: 71–107) эти заготовки не упомянуты, так что локализовать места находки их в пределах Земляного городища не удастся.

Такая же заготовка была найдена в Ладоге на берегу Волхова в 1910 г. (ЛСА: л. 540, табл. LVII, 9). Аналогичные заготовки обнаружены в Пскове — при раскопках в Среднем городе в слое «кон. XIV — первой пол. XV в.» (Колосова 1996: 86, № 24, рис. 9, 2) и на Запсковье в слое XV в. (Белецкий 1986: 79). Формочка для отливки подобных заготовок была также найдена при раскопках 1985 г. на новгородском Городище (Носов 1990: 129, 131, рис. 51, 3). Комментируя находку, Е.Н. Носов и А.В. Плохов отмечали, что формочка обнаружена при разборке культурного слоя над остатками постройки, возведенной в XIII в., неоднократно подновлявшейся и прекратившей существование около середины — третьей четверти XV в. (Носов, Плохов 2002: 252). Еще одна, литейная форма, происходящая из случайных находок на Городище, пока не издана (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 46). Не опубликованы пока также заготовки для печатей, найденные при раскопках на Городище (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 34, 53).

В связи с находками в Ладоге заготовок с фигурным сечением было отмечено, что такие заготовки использовались в делопроизводстве Руси в XV в., в то время как заготовки линзовидного сечения относятся к более раннему времени — XIII и XIV вв. (Белецкий, Петренко 1994: 244). И.О. Колосова также отмечала, что «найденные в раскопах на ул. Ленина (в Пскове — А.К., С.Б.) заготовки линзовидной формы происходят из напластований XII–XIV вв., а уплощенная заготовка (заготовка с фигурным сечением — А.К., С.Б.) ... из слоя кон. XIV — первой пол. XV в.» (Колосова 1996: 87). Исследовательница полагала, однако, что «вопрос об изменениях в форме заготовок печатей не может пока быть окончательно решен» (Колосова 1996: 87).

Действительно, технические особенности древнерусских моливдовулов пока изучены недостаточно. Уверенно определять тип использовавшихся заготовок по фотографиям — занятие рискованное, а описания гурта буллы в подавляющем большинстве публикаций вообще отсутствуют. Тем не менее, публикуемые печати позволяют, как кажется, высказать некоторые соображения о хронологии разнотипных заготовок. На цельнолитых заготовках линзовидного сечения и на цельнолитых плоских заготовках были оттиснуты печати XII–XIII вв., в то время как по цельнолитой заготовке фигурного сечения оттиснута единственная найденная печать XV в. По-видимому, есть серьезные основания датировать найденные при раскопках 2006 г. заготовки для печатей XII–XIII вв.

Среди найденных при раскопках в Старой Ладоге заготовок для печатей пока, как будто бы, отсутствуют составные заготовки, хотя в публикуемой коллекции серийно представлены печати XII–XIII вв., оттиснутые именно по таким заготовкам. Подобная заготовка, найденная в Новгороде, была опубликована Н.П. Лихачевым (Лихачев 1928: 4, рис. 2). Значит ли это, что составные заготовки в делопроизводстве Ладоги не использовались вовсе, или же подобные находки еще будут обнаружены, покажут будущие раскопки.

Пломбы

Пломбы с изображениями креста и святого (разряд II/2)

№ 62 (рис. 12, 62). Ав: четырехконечный процветший крест с трехточечными завершениями концов, ободок точечный. Rv: голова святого в нимбе из мелких слившихся точек. Оттиснута на цельнолитой заготовке. Гурт острый, местами выкрошенный. Д.: 10–11 мм. В.: 1,31 г. М. н.: р. IV, кв. К-ХІХ; гл.: +30. Инв. №: САЭ-2007/975.

Пломбы, оттиснутые этой же парой матриц, как будто бы ранее не публиковались. Датировка пломбы домонгольским временем сомнений не вызывает.

По чисто сфрагистическим признакам пломбы данного разряда соответствуют печатям с изображением креста и святого. Как и печати, они могут быть атрибуированы светским правителям, обладавшим суверенным правом, не требующим уточнения титула и полномочий держателя буллотирия. Речь может идти только о князьях. Именно с деятельностью русских князей связывает печати с изображениями креста и святого и Н.П. Лихачев (Лихачев 1928: 51, 52).

Адресуя пломбам с изображениями креста и святого ту же принципиальную атрибуцию, что и адекватно оформленным печатям, мы вправе полагать, что пломбы, как и печати, являются сфрагистическими регалиями общерусскими. Именно на это указывает ранее отмеченный факт (Белецкий, Петренко 1994: 232) распространения оттисков от одной и той же пары матриц в городах, находящихся на значительном удалении друг от друга. И, следовательно, памятники, обнаруженные в этих городах, совер-

шенно не обязательно связаны своим происхождением именно с теми местами, где они были найдены: механизм попадания пломб данного разряда в удаленные друг от друга центры еще предстоит выяснить (хотя некоторые соображения нами уже высказывались, см.: Белецкий, Петренко 1994: 233–234).

Пломбы с изображениями креста на обеих сторонах (разряд II/6)

№ 63 (рис. 12, 63). *Ав:* процветший четырехконечный крест с расширяющимися завершениями лопастей и мачты, в средокрестии сияние; ободок из слившихся мелких точек. *Рв:* процветший четырехконечный крест с расширяющимися завершениями лопастей и мачты, в средокрестии сияние; ободок точечный. Оттиснута на цельнолитой заготовке. Гурт острый. *Д.:* 11–12 мм. *В.:* 1,33 г. *М. н.:* р. IV, из отвала. *Инв. №:* САЭ-2007/72. Еще одна пломба, оттиснутая чрезвычайно близкой парой матриц, была найдена в Ладого в 1980-е гг. (?), и в начале 1990-х гг. она находилась в частной коллекции в Санкт-Петербурге (Белецкий, Петренко, 1994: 234–235). Обе пломбы можно определенно датировать домонгольским временем.

Пломбы данного разряда не принадлежат к числу широко распространенных. По данным Б.Д. Ершевского, в сфрагистическом собрании Новгорода таких пломб зафиксировано (на 1987 г.) всего 35, причем все они происходят с Городища (Ершевский 1987: 52). За пределами Новгорода подобные пломбы, кажется, не фиксировались: во всяком случае, их нет в Пскове, на Ратминском поселении, в Дрогичине и на Белоозере, то есть — на тех памятниках, откуда происходят более или менее значительные собрания пломб. Размещение на лицевой и оборотной сторонах двух равнозначных символов, безусловно, имело значение, но смысл его остается неясным (некоторые соображения ранее уже высказывались, см.: Белецкий, Петренко 1994: 234–235). Решить этот вопрос можно только после проведения поатричного анализа новгородских пломб.

Пломбы с изображениями креста и «звезды» (разряд II/10)

№ 36 (рис. 8, 36). Пломба оттиснута по цельнолитой плоской заготовке. Гурт плоский. Хорошо видны следы обруbanия литейных затеков свинца. Фрагмент затека сохранился близ одного из устьев канала. *Ав:* изображение четырехконечного креста с точечными завершениями концов. Фрагмент точечного ободка. *Рв:* изображение восьмилучевой «звезды». *Д.:* 8–10 мм. *В.:* 1,11 г. *М. н.:* р. IV, кв. Л-ХІХ, гл. +56. *Инв. №:* САЭ-2006/1611.

Пломба оттиснута неизвестной парой матриц. Аналогичные изображения креста (Болсуновский 1894: табл. VIII, 332, IX, 388, 394, X, 450, 451, XI, 473, 479, XII, 528, XIII, 561, XXI, 930; Лихачев 1930: 75, 79, 85, рис. 54, «первая сторона», верхний ряд, крайняя слева; рис. 61, ряд второй снизу, третья слева; ряд шестой снизу, крайняя справа; рис. 69, ряд третий сверху, четвертая слева; Захаров: 2005: 47, рис. 7, 71, 72, рис. 9, 98, рис. 15, 41, 42), и «звезды» (Болсуновский 1894: табл. III, 88, 117, IV, 146, 147, V, 201, 207, VI, 230, 231, IX, 406–409, 411–413, XII, 548, XIII, 592–600, XIX, 873, 913, XXI, 957; Лихачев 1930: 75, 82, рис. 54, «первая сторона», третий сверху ряд, крайняя справа; рис. 65, третий снизу ряд, третья, четвертая и пятая слева) встречаются на древнерусских пломбах достаточно часто, однако в таком сочетании, как на публикуемой пломбе, эти изображения, кажется, ранее не фиксировались.

Пломбы с изображениями «эмблемы» и святого (разряд IV/2)

№ 37 (рис. 8, 37). Пломба оттиснута по цельнолитой заготовке линзовидного сечения. Гурт острый. *Ав:* знак в виде треугольника, увенчаного крестом. Концы креста оформлены точками, во внутреннем пространстве треугольника — три точки. Основание треугольника — за пределами оттиска. *Рв:* погрудное (?) изображение кудрявого безбородого святого. Фрагмент точечного ободка. *Д.:* 14–15 мм. *В.:* 2,27 г. *М. н.:* р. IV, отвал. *Инв. №:* САЭ-2006/1068.

Экземпляры пломб от этой же пары матриц, найденные в Новгороде, были опубликованы Н.П. Лихачевым (ЛСА: табл. VIII, 8, 12). Подобные знаки встречены еще на ряде новгородских (ЛСА: табл. VIII, 9, 11, 13–20) и Белоозерских (Захаров 2005: 38, 43, рис. 5, 47–49, рис. 10, 128) пломб, оттиснутых иными матрицами. Б.Д. Ершевский зафиксировал среди новгородских сфрагистических находок 31 пломбу с таким знаком на аверсе и изображением различных святых на реверсе (Ершевский 1978: 243). Исследователь связал эти пломбы с деятельностью новгородских посадников рубежа XI–XII вв., а знак обозначал, как «двузубец с перечеркнутым отрогом внизу и перекладиной, соединяющей во внутренней части

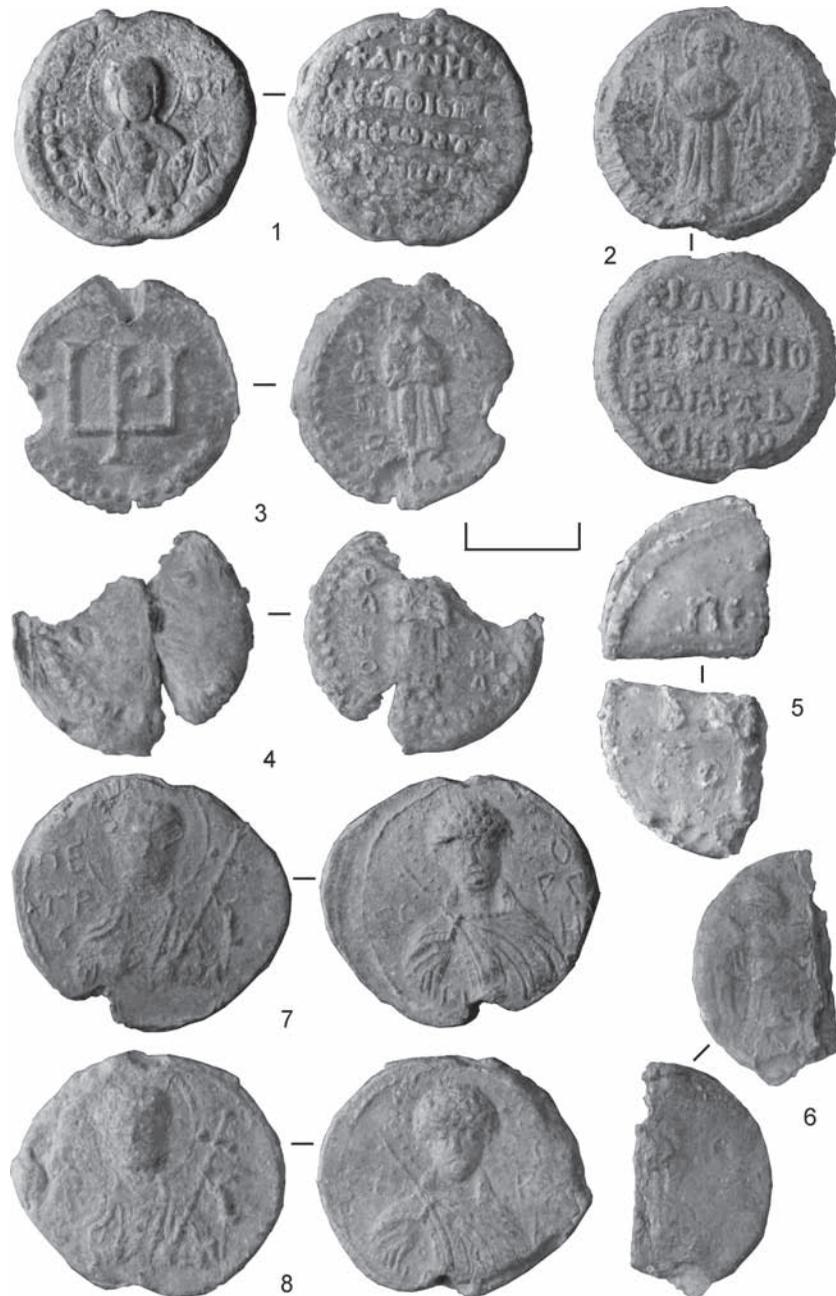

Рис. 3. Памятники древнерусской сфрагистики из раскопок 2006 г. в Старой Ладоге.
Номера соответствуют номерам описаний в тексте

зубцы» и атрибуировал его князю Мстиславу Владимировичу, старшему сыну Владимира Мономаха, занимавшему новгородский стол в 1088–1094 и 1096–1117 гг. (Ершевский 1978: 248).

Соглашаясь с принципиальной атрибуцией княжеским посадникам пломб, несущих на аверсе изображение символа социального престижа князя, а на реверсе — изображение святого, тезоименитого держателю буллотирия (Белецкий 1992: 5–8), мы, однако, не можем принять предложенную Б.Д. Ершевским персональную атрибуцию рассматриваемых пломб. Прежде всего, изображения святых на рассматриваемых пломбах слишком схематичны (Ершевский 1978: 245, рис. 1), чтобы уверенно определять иконографические особенности изображенных. Таким образом, поименные отождествления владельцев пломб с конкретными новгородскими посадниками, предложенные Б.Д. Ершевским (Там же: 246), теряют доказательную силу. Кроме того, князю Мстиславу Великому принадлежал знак совершенно иного типа — двузубец с отогнутыми наружу завершениями зубцов и вертикальной ножкой (Белецкий

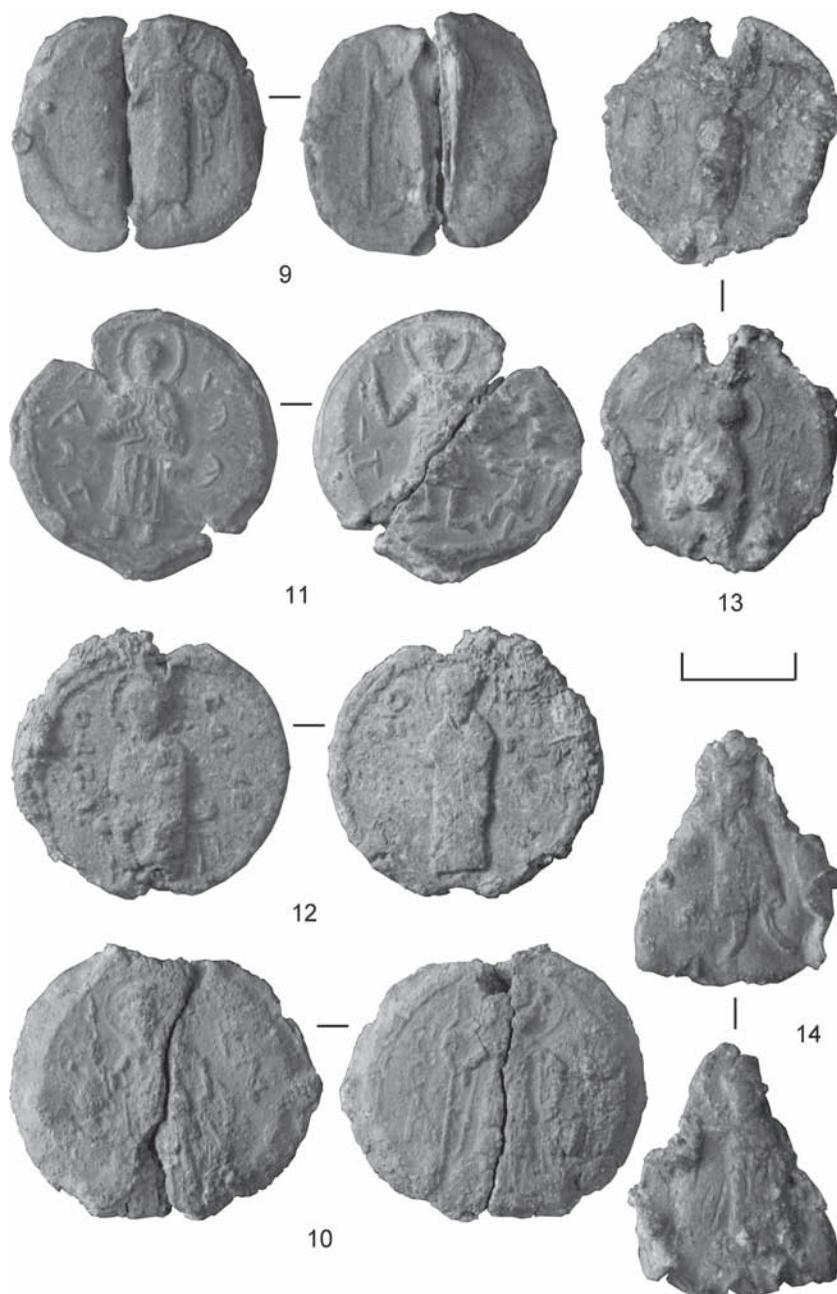

Рис. 4. Памятники древнерусской сфрагистики из раскопок 2006 г. в Старой Ладогe.
Номера соответствуют номерам описаний в тексте

1999б: 11–19). Знак же, помещенный на новгородских и ладожской пломбах, как представляется, вообще не имеет отношения к знакам Рюриковичей. Н.П. Лихачев обозначал этот знак как имеющий «форму буквы Д, увенчанной крестом» (ЛСА: л.78), и это определение более точно характеризует изображенную на пломбе эмблему, нежели определение Б. Д. Ершевого.

В комментарии к найденным в Пскове пломбам, несущим изображения рассматриваемого знака и святого, была высказана гипотеза о принадлежности сфрагистических регалий княжеским посадникам, представлявшим интересы князя Довмонта-Тимофея (†1299). При этом знак, изображенный на аверсе пломб, был атрибуирован самому князю (Белецкий 1993: 6–8). Разумеется, это отождествление, при всей своей заманчивости, остается пока только догадкой.

№ 38 (рис. 8, 38). Пломба оттиснута по цельнолитой заготовке линзовидного (?) сечения. Сохранился фрагмент острого гурта. Ав: поверхность разрушена вдоль канала, сохранились фрагменты гео-

Рис. 5. Памятники древнерусской сфрагистики из раскопок 2006 г. в Старой Ладоге.
Номера соответствуют номерам описаний в тексте

метрического знака (?). *Rv*: погрудное (?) изображение безбородого (?) святого (в типе св. Дмитрия Солунского?). У левого плеча фрагмент буквы **М** ([Д]М?). *Д.*: 10–13 мм. *В.*: 2,15 г. *М. н.*: р. IV, кв. Н-XVI, гл. +52. *Инв. №*: САЭ-2006/1429.

Пломбы от этой пары матриц, как будто бы, ранее не публиковались. Причисляя пломбу к сфрагистическим регалиям древнерусских княжеских чиновников (в должности посадника?), мы оставляем более подробные комментарии до обнаружения более сохранных экземпляров, оттиснутых этой парой матриц.

№ 64 (рис. 12, 64). *Av*: двузубец колоколовидных очертаний, зубцы отогнуты наружу, на левом зубце отрог внутрь, ножка не вошла в площадь заготовки; ободок точечный. *Rv*: погрудное изображение святого; ободок из мелких слившихся точек. Оттиснута на цельнолитой заготовке. Гурт острый. *Д.*: 12–16 мм. *В.*: 2,68 г. *М. н.*: р. IV, кв. М-XVII, гл.: +55. *Инв. №*: САЭ-2007/45.

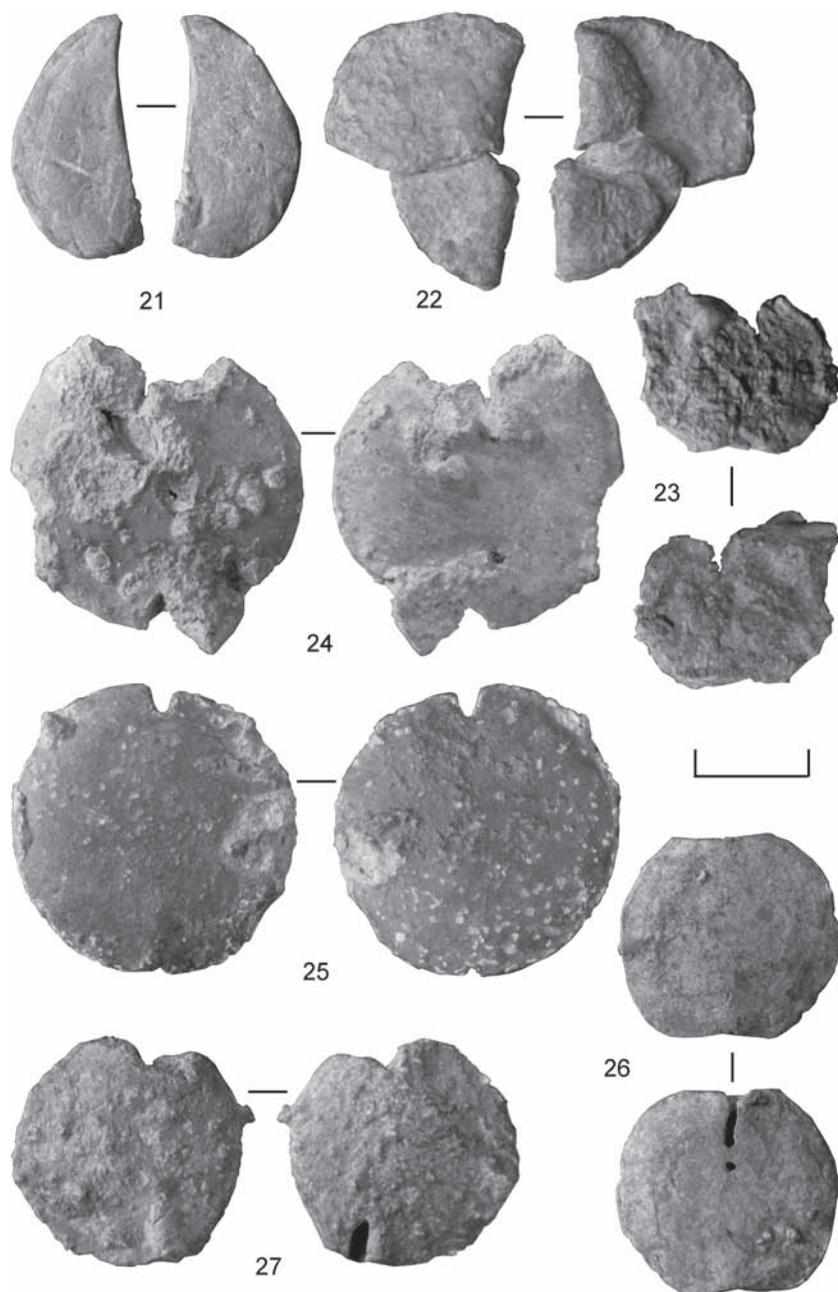

Рис. 6. Памятники древнерусской сфрагистики из раскопок 2006 г. в Старой Ладогe.
Номера соответствуют номерам описаний в тексте

Датировка публикуемой пломбы домонгольским временем не вызывает сомнений. Пломбы рассматриваемого разряда известны во многих древнерусских городах (Новгород, Псков, Дубна и др.). С известной степенью гипотетичности их можно атрибуировать княжеским посадникам (Белецкий 1992: 6) — должностным лицам княжеского аппарата, обеспечивавшим «княжеское управление городами и окружающими их волостями» (Свердлов 1983: 219). Причисляя публикуемую буллу к сфрагистическим регалиям древнерусских княжеских посадников, мы оставляем подробные комментарии до обнаружения более сохранных экземпляров, оттиснутых той же парой матриц (два экземпляра пломб, оттиснутых той же парой матриц, были найдены в Пскове, однако и на этих экземплярах нижняя часть двузубца не вошла в площадь заготовки). Ранее в Ладогe было найдено не менее семи пломб данного разряда (Белецкий, Петренко 1994: 239–240), однако все они принадлежат другим парам матриц.

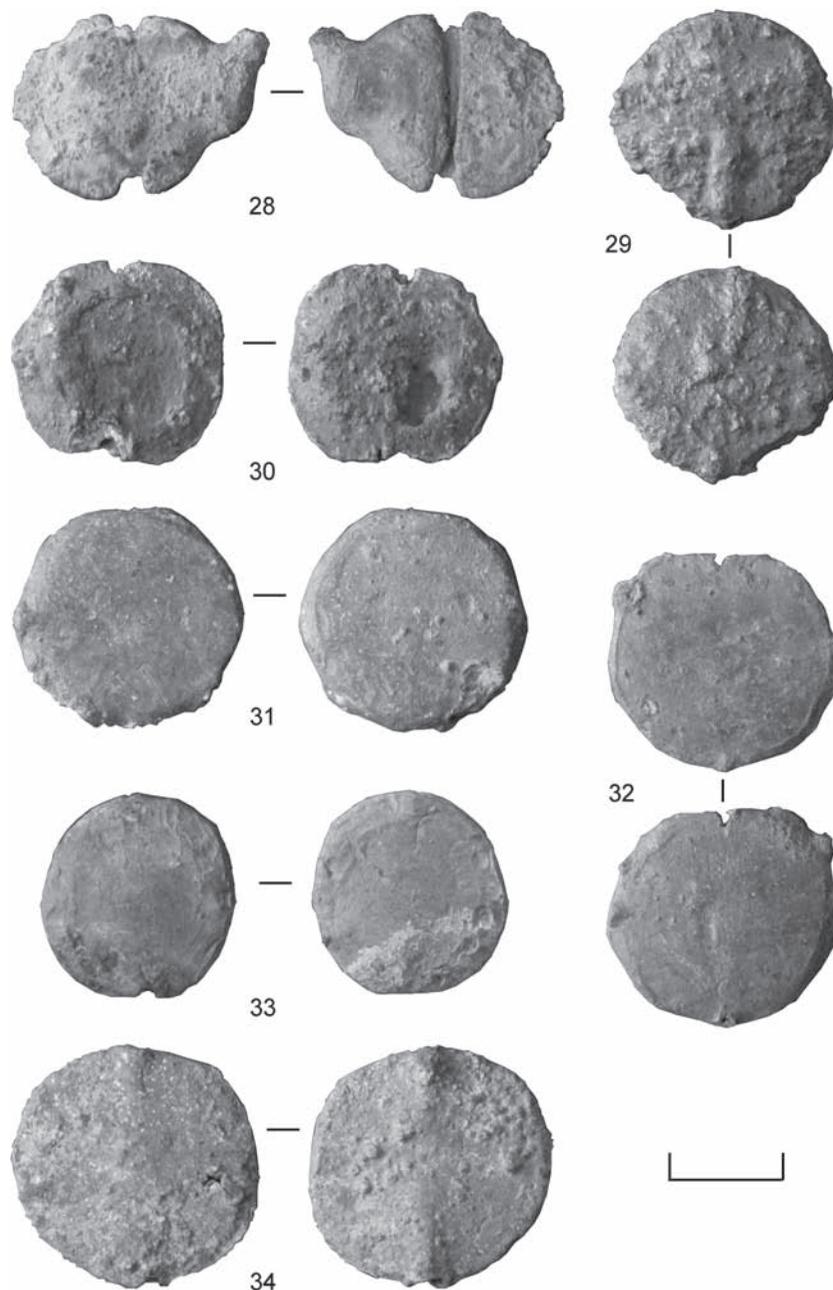

Рис. 7. Памятники древнерусской сфрагистики из раскопок 2006 г. в Старой Ладоге.
Номера соответствуют номерам описаний в тексте

Пломбы с изображениями «эмблемы» и буквы (разряд IV/4)

№ 39 (рис. 8, 39). Пломба оттиснута по цельнолитой плоской (?) заготовке. Гурт округло-уплощенный. *Av*: знак в виде треугольника. Вершина раздвоенная, завершения концов оформлены точками. Углы основания треугольника также оформлены точками, одна из которых оттиснута нечетко. *Rv*: буква В. *Д.*: 12–15 мм. *В.*: 1,97 г. *М. н.:* р. IV, кв. К-ХII, гл. +28. *Инв. №:* САЭ-2006/1483.

Пломбы от этой пары матриц, как будто бы, ранее не публиковались. Однако изображения таких же (Болсуновский 1894: табл. XIII, 579) или сходных знаков (Болсуновский 1894: табл. XV, 668, XIX, 911; Лихачев 1930: 82, рис. 63, ряд третий сверху, пять пломб слева), на пломбах известны. Близкородственный характер знака рассмотренному выше знаку на пломбе № 37 весьма вероятен, однако, решение вопроса о соотношении этих знаков между собой следует отложить до специального рассмотрения всей

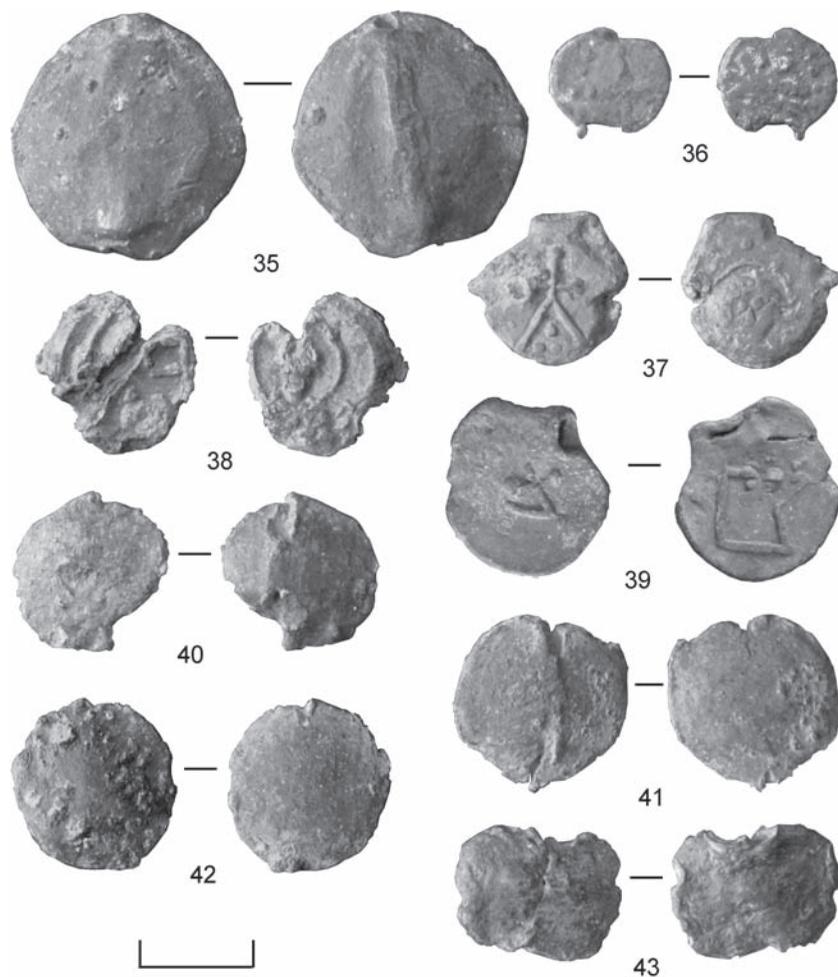

Рис. 8. Памятники древнерусской сфрагистики из раскопок 2006 г. в Старой Ладого. Номера соответствуют номерам описаний в тексте

группы знаков, в основу которых положена фигура треугольника. Заметим, что изображение на аверсе символа социального престижа, а на реверсе — буквы характерно именно для древнерусских пломб, а не для печатей (Белецкий 2001: 32, табл. 2)¹.

Пломбы с изображениями святых на обеих сторонах (разряд VI/1)

№ 65 (рис. 12, 65). *Ав:* голова святого в линейном нимбе, слева от нимба буква П. Фрагмент точечного ободка. *Рв:* фрагмент головы святого в точечном нимбе. Фрагмент двойного точечного ободка. Оттиснута на цельнолитой заготовке, сломана по каналу. Гурт округлый. *Д.:* 15 мм. *В.:* 2,35 г. *М. н.:* р. IV, кв. Н-ХVII, гл.: +40. *Инв. №:* САЭ-2007/669.

№ 66 (рис. 12, 66). *Ав:* погрудное изображение святителя (?), слева нечитаемые буквы колончатой надписи. Ободок из мелких слившихся в линию точек. *Рв:* погрудное изображение святителя (?), справа нечитаемые буквы колончатой надписи. Ободок линейный. Оттиснута на цельнолитой заготовке. Гурт плоский, частично выкрошился. *Д.:* 12 мм. *В.:* 1,64 г. *М. н.:* р. IV, кв. К-ХVII, гл.: +37. *Инв. №:* САЭ-2007/319.

В отличие от печатей с изображениями святых на обеих сторонах, пломбы рассматриваемого разряда принадлежат к числу редчайших памятников древнерусской домонгольской сфрагистики. В Новго-

¹ Пользуемся случаем отметить, что в таблице, на которую мы ссылаемся, имеется досадная опечатка: при форматировании «потерялась» последняя строка («Разряд XI/2. Буква — буква»), и вместо 40 в таблице оказалось всего 39 разрядов. На опечатку указал С.Д. Захаров (2005: 24, примеч. 9); правда, к этому времени опечатка уже была исправлена (Белецкий 2003: 265, табл.1).

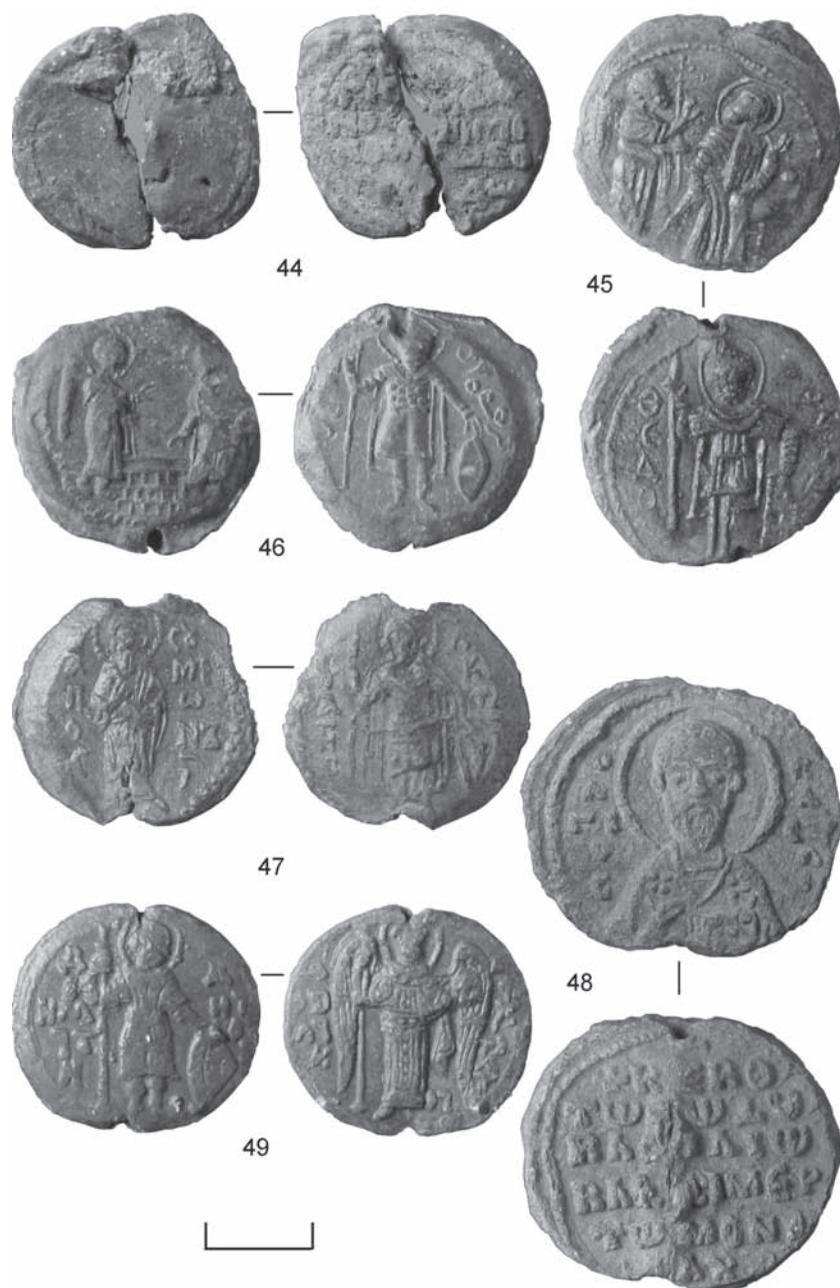

Рис. 9. Памятники древнерусской сфрагистики из раскопок 2007 г. в Старой Ладоге.
Номера соответствуют номерам в тексте

роде вне пределов Городища найдена, как будто бы¹, всего одна такая пломба (Ершевский 1979: 12–13), в Пскове их найдено три. В Киеве, Дрогичине, Рязани, Дубне, Белоозере подобные памятники пока, как будто бы, не зафиксированы, хотя пломбы других сфрагистических разрядов представлены там значительными сериями. Но значит ли это, что пломбы разряда VI/1 представляли собой локальное новгородско-псковское явление в русской сфрагистике, утверждать не будем. Ясно только, что буллы данного разряда не только оттискивались по заготовкам для пломб, но и матрицы для этих пломб были по своему диаметру меньше матриц, которыми оттискивались печати аналогичного разряда.

¹ Не исключено, что какая-то часть пломб разряда VI/1 включена составителями в Корпус актовых печатей древней Руси. Однако в связи с тем, что в каталоге Корпуса отсутствуют сведения о массивности включенных в него памятников сфрагистики, проверить это можно только при визуальном осмотре всех опубликованных в Корпусе булл.

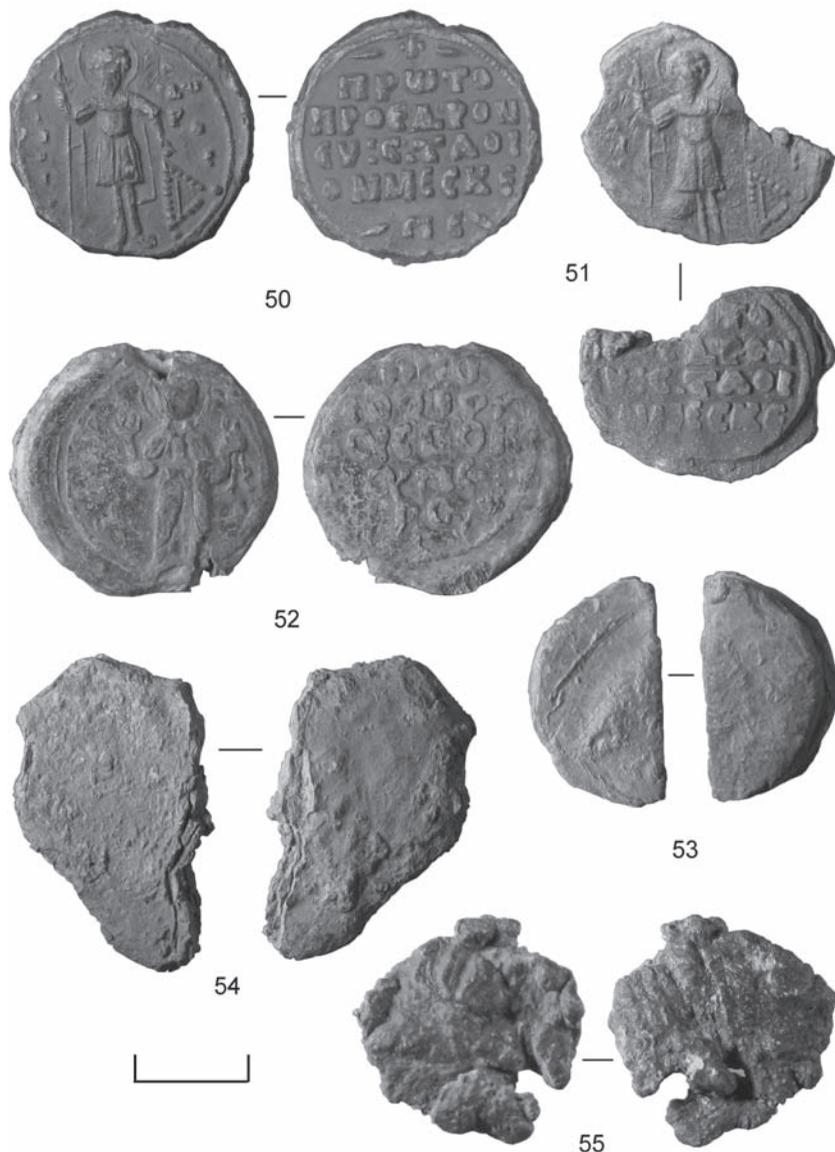

Рис. 10. Памятники древнерусской сфрагистики из раскопок 2007 г. в Старой Ладого.
Номера соответствуют номерам в тексте

Пломбы неопределимые

№ 67 (рис. 12, 67). *Av*: не читается (оплавлена?). *Rv*: фрагмент буквы (?). Оттиснута на цельнолитой заготовке. Гурт округлый. *Д.*: 11 мм. *В.*: 1,74 г. *М.н.*: р. IV, из отвала. *Инв. №*: САЭ-2007/317.

№ 68 (рис. 12, 68). Изображения и надписи не читаются. Оттиснута на цельнолитой заготовке, сломана по каналу. Гурт округлый, частично выкрошился. *Д.*: 13 мм. *В.*: 2,04 г. *М.н.*: р. IV, кв. К-XVIII, гл.: +19. *Инв. №*: САЭ-2007/1364.

Заготовки для пломб

№ 40 (рис. 8, 40). Заготовка линзовидная (литейный брак). Гурт острый. При отливке заготовки литейная форма была не полностью заполнена свинцом, что повлияло на правильность формы кружка, его размеры и массивность. Диаметр канала 1,5 мм. *Д.*: 13–14 мм (не менее 14–15 мм). *В.*: 2,88 г (не менее 3,5 г). *М.н.*: р. IV, кв. М-XVIII, гл. +55. *Инв. №*: САЭ-2006/1144.

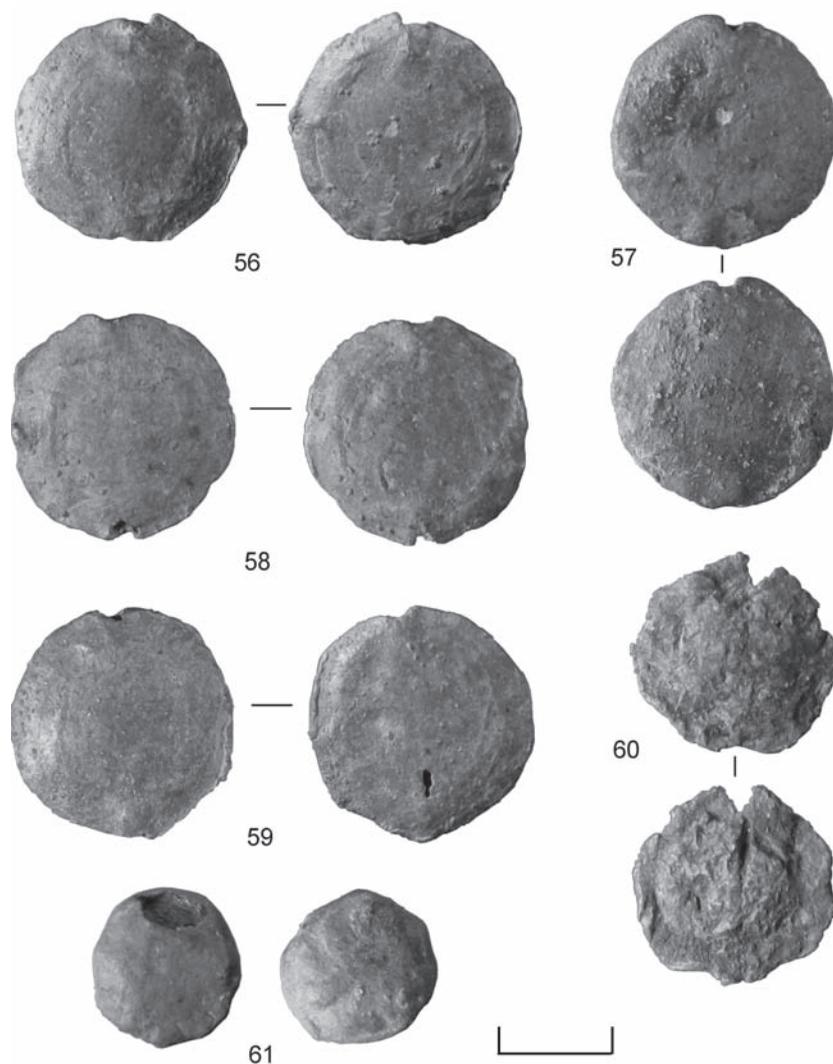

Рис. 11. Памятники древнерусской сфрагистики из раскопок 2007 г. в Старой Ладоге.
Номера соответствуют номерам в тексте

№ 41 (рис. 8, 41). Заготовка линзовидная. Гурт острый. Диаметр канала 1,5–2 мм. Д.: 14–15 мм. В.: 3,73 г. М. н.: р. IV, кв. М-XVI, гл. +64. Инв. №: САЭ-2006/710.

№ 42 (рис. 8, 42). Заготовка линзовидная (литейный брак). Гурт острый. Диаметр канала 1,5 мм. Д.: 14–15 мм. В.: 3,1 г. Одно из двух отверстий канала заплавлено. М. н.: р. IV, отвал. Инв. №: САЭ-2006/1384.

№ 43 (рис. 8, 43). Заготовка неправильно-овальная. Гурт острый. Хорошо видны следы обрубания литейных затеков свинца. Отверстия канала смяты. Диаметр канала — не менее 1,5 мм. Д.: 10–14 мм. В.: 3,59 г. М. н.: р. IV, кв. М-XIII, гл. +51. Инв. №: САЭ-2006/450.

№ 69 (рис. 12, 69). Цельнолитая овальная заготовка для пломбы, гурт с одной стороны острый, с другой — округлый, диаметр канала 1,5 мм. Д.: 10–13 мм. В.: 4,14 г. М. н.: р. IV, кв. О-XIX; гл.: +45. Инв. №: САЭ-2007/350.

Все найденные в Старой Ладоге заготовки для пломб цельнолитые. Среди них отчетливо выделяются два типа заготовок — правильные кружки линзовидного сечения и неправильно-овальная заготовка с максимальным утолщением над пространством канала и заметно более тонкими краями. Отметим, что заготовки типа 1 имеют стандартный вид (диаметр кружка 14–15 мм, вес — 3,1–3,8 г) и, возможно, отлиты в одной и той же литейной форме.

К сожалению, заготовки для пломб публикуются крайне редко — еще реже, чем заготовки для печатей. Впервые цельнолитые заготовки для пломб и бракованные отливки таких заготовок были,

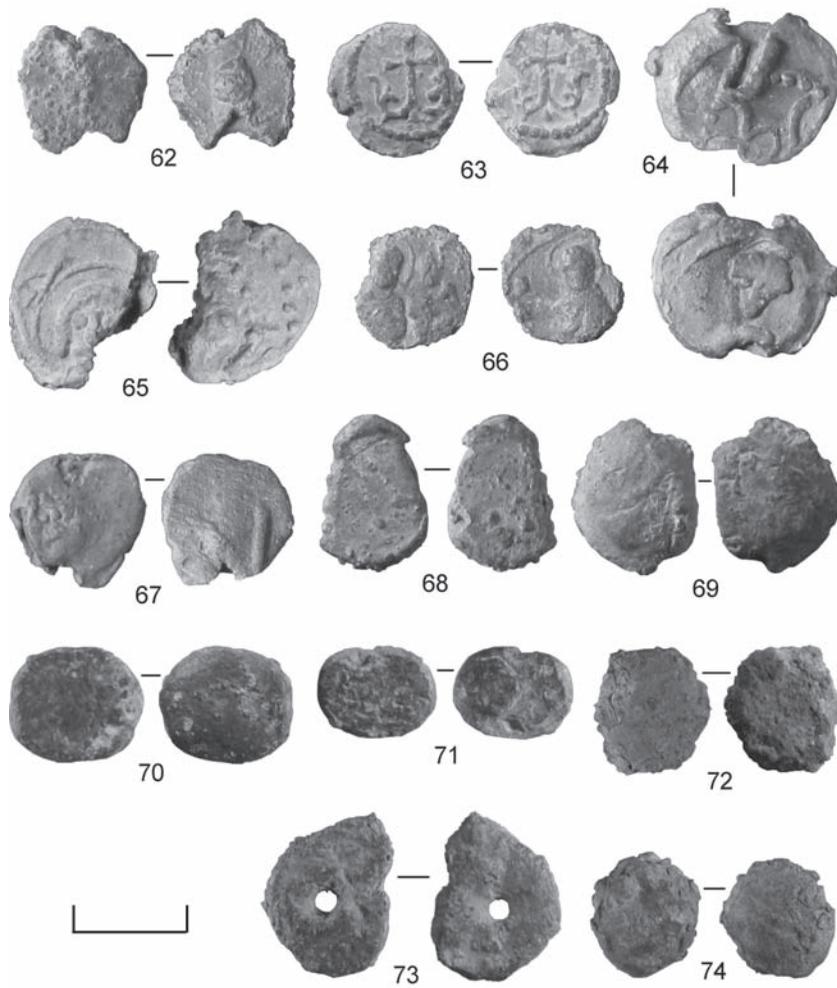

Рис. 12. Памятники древнерусской сфрагистики из раскопок 2007 г. в Старой Ладогe.
Номера соответствуют номерам в тексте

как будто бы, зафиксированы среди подъемного материала из Дрогичина (Болсуновский 1894: табл. XIX, 889; XXI, 922, 923). Серия заготовок для пломб, близких по форме заготовке типа 2 из Ладогe, происходит из древнерусской Дубны (Белецкий, Крымов 1990: 26–28); все они сходны с заготовками типа 2, но меньшего размера. Не менее пяти цельнолитых заготовок для древнерусских пломб найденных на Белоозере, зафиксированы С.Д. Захаровым: одна из этих заготовок близка заготовкам типа 1 (Захаров 2005: 46, рис. 13, 175), а еще три сходны с заготовками типа 2 (Захаров 2005: 46, рис. 13, 176–178). Пятая из белозерских заготовок, судя по описанию и опубликованной фотографии, имеет форму, близкую шаровидной (Захаров 2005: 46, 59, рис. 13, 179). Судя по фотографиям, опубликованным С.Д. Захаровым, в составе коллекции белозерских пломб имеется еще не менее шести заготовок; одна из них типологически сходна со староладожскими заготовками типа 1 (Захаров 2005: 46, 59, рис. 12, 151), а остальные — аналогичны староладожским заготовкам типа 2 (Захаров 2005: 45–46, рис. 12, 157; 13, 169–171, 173). Кроме того, при раскопках новгородского городища была найдена литейная форма, в которой, возможно, отливали заготовки для пломб (Носов 1990: 129, рис. 51, 5). На такую возможность использования литейной формы обратил внимание С.Д. Захаров (2005: 22).

Заметим, что ладожские заготовки типа 1, как и аналогичные им белозерские, представляют собой как бы уменьшенный вариант заготовок для печатей типа 1. В то же время ладожская заготовка типа 2 и сходные по форме заготовки из Белоозера, заметно отличаются от заготовок для печатей. Но означает ли это, что разнотипные заготовки использовались по-разному, или же нет, судить пока не беремся: имеющийся сравнительный материал явно недостаточен.

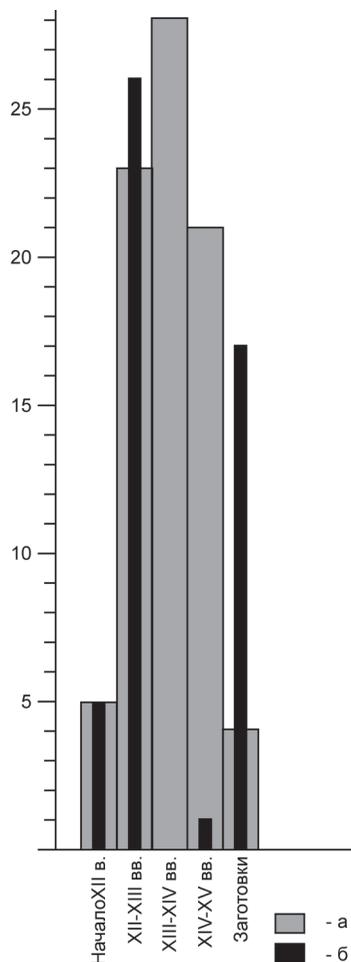

Рис. 13. Соотношение состава сфрагистических находок 2006–2007 гг. (2) и ладожской коллекции памятников древнерусской сфрагистики (1)

Сомнительные

№ 70 (рис. 12, 70). Овальный свинцовый цельнолитой «кружок», гурт округлый. Канал не читается. Возможно, это бракованная отливка заготовки для пломбы. *Д.*: 9–11 мм. *В.*: 3,19 г. *М. н.*: р.IV, кв. К-XIX, гл.: +36. *Инв. №*: САЭ-2007/949.

№ 71 (рис. 12, 71). Овальный свинцовый цельнолитой «кружок», гурт округлый. С одной стороны плохо читается сплюснутый выход канала, с противоположной стороны выход канала не прослежен. Возможно, это бракованная отливка заготовки для пломбы. *Д.*: 7–10 мм. *В.*: 1,46 г. *М. н.*: р.IV, кв. К-XIX, гл. +2. *Инв. №*: САЭ-2007/2615.

№ 72 (рис. 12, 72). Свинцовый кружок с округлым заплавленным гуртом. В одном месте гурт выкрошился, поэтому отчетливо виден шов между двумя пластинами, из которых состоит кружок. Канал не читается. Возможно, это бракованная составная заготовка для пломбы. *Д.*: 10 мм. *В.*: 1,67 г (не менее 1,8–1,9 г). *М. н.*: р.IV, кв. Ж-XII, гл. +1. *Инв. №*: САЭ-2007/2376.

№ 73 (рис. 12, 73). Свинцовый кружок с округлым заплавленным гуртом. В одном месте гурт выкрошился, поэтому отчетливо виден шов между двумя пластинами, из которых состоит кружок. Канал не читается. Возможно, это бракованная составная заготовка для пломбы. *Д.*: 10 мм. *В.*: 1,61 г. *М. н.*: р. IV, кв. Е-XIII, гл. –12. *Инв. №*: САЭ-2007/2175

№ 74 (рис. 12, 74). Половинка свинцового цельнолитого кружка, пробитого сквозным отверстием, гурт округлый, окатанный, угадываются следы обрубования. Излом окатан, поэтому не ясно — является ли данный предмет сломаной по каналу и пробитой заготовкой для печати, или же это просто фрагмент свинцовой пластинки. *Д.*: 15 мм. *В.*: 2,55 г (не менее 6 г). *М. н.*: р.IV, кв. И-XII, гл.+7. *Инв. №*: САЭ-2007/1100.

Заключение

Сфрагистическая коллекция из раскопок 2006 г. представляет для Ладого явление уникальное. Впервые в пространстве одного, сравнительно небольшого (менее 250 кв. м) раскопа обнаружено такое значительное скопление древнерусских печатей и пломб. Для сравнения отметим, что во все остальных раскопах, в разные годы заложенных на Земляном городище, было найдено менее десятка печатей и пломб (большинство памятников сфрагистики, найденных в Ладого, напомним, происходит из случайных находок).

Обнаруженный сфрагистический комплекс можно было бы назвать остатками «архива», подобно тому, как «архивами» принято называть в литературе сфрагистические комплексы из раскопок в Довмонтовом городе Пскова и с Городища под Новгородом. Однако ладожский комплекс имеет важную особенность, отличающую его и от новгородского, и от псковского «архивов». Речь идет о массовых находках заготовок, которые составляют треть от общего числа найденных раскопками 2006–2007 гг. сфрагистических памятников. Большая часть найденных заготовок представляла либо литейный брак, либо предметы со следами повреждения, которые чисто технически было невозможно использовать в делопроизводстве. Ни одного подобного комплекса на территории древней Руси до настоящего времени найдено не было. Единственную аналогию ладожской находке составляет исследованный раскопками Преслава (Болгария) комплекс служб канцелярии местного стратега (971–1088); в состав этого комплекса входят 552 (71%) печати и 222 (29%) заготовки для печатей (Иорданов 1993). Публикуя сфрагистические находки 2006 г. мы предположили, что обнаруженные памятники «свидетельствуют о существовании в этой части посада средневековой Ладого постройки, занятой городскими административными службами. Найденные печати, в таком случае, скрепляли документы, хранившиеся в архиве администрации, а заготовки использовались в процессе производившегося здесь текущего делопроизводства» (Кирпичников, Белецкий 2006: 295). Совпадение количественного соотношения печатей и заготовок в составах ладожского и преславского сфрагистических комплексов, как представляется, подтверждает эту гипотезу.

Подавляющее большинство печатей, пломб и заготовок, найденных в раскопе 2006–2007 гг., датируются XII–XIII вв.¹ В то же время среди известных ранее печатей из Ладого решительно преобладают буллы XIV–XV вв., хотя памятники домонгольского времени также представлены заметной серией (рис. 13). Очевидно, что накопление документов, которые были скреплены печатями из раскопок 2006–2007 гг., прекратилось не позднее рубежа XIII–XIV вв. Отсутствие в составе обнаруженного сфрагистического комплекса печатей ладожских владычных наместников конца XIII–XIV вв. позволяет предполагать, что накопление документов завершилось в тот момент, когда Ладога перешла под управление наместника новгородского архиепископа. А так как ладожское наместничество было образовано в годы святительства архиепископа Климента (1276–1299), верхней датой формирования открытого раскопками 2006–2007 гг. комплекса следует признать последнюю четверть XIII в.

Литература

- Алексакин С. С., Белецкий С. В. 2002. Сфрагистические памятники Передольского погоста // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. С. -Пб.
- Белецкий С. В. 1986. Раскоп Богоявленский-2 // Археология и история Пскова и Псковской земли. [Вып. 6]. Псков.
- Белецкий С. В. 1990. О функциях домонгольских печатей с изображениями святых на обеих сторонах (к пересмотру историографической традиции) // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. М.
- Белецкий С. В. 1992. Данные сфрагистики о княжеском аппарате в домонгольской Руси // Образование древнерусского государства. Спорные проблемы. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М.
- Белецкий С. В. 1993. Лично-родовой знак князя Довмонта-Тимофея // Восточные славяне в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М.
- Белецкий С. В. 1994. Сфрагистика Пскова XIV–XV вв. Материалы для истории властных структур в средневековом городе // Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. С. -Пб.

¹ Исключение составляет печать № 5, датированная XV в. Возможно, эта находка не имеет отношения к основному сфрагистическому комплексу: переотложенный характер значительной части напластований культурного слоя, из которого происходят заготовки, пломбы и печати, делает такое предположение весьма вероятным.

- Белецкий С.В. 1999а. Судьба матриц актовой печати на Руси // Древности Пскова. Археология, история, архитектура. К юбилею И.К. Лабутиной. Псков.
- Белецкий С.В. 1999б. Каменное грузило с изображениями княжеских знаков из раскопок в Пскове // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. С.-Пб.
- Белецкий С.В. 2001. Введение в русскую допетровскую сфрагистику // Исследования и музеефикация древностей Северо-запада. Вып. 4. С.-Пб.
- Белецкий С.В. 2002. О печати князя Ивера Всеволодича // Ладога и Северная Евразия. От Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры. Шестые чтения памяти Анны Мачинской. С.-Пб.
- Белецкий С.В. 2003. Сфрагистика // Специальные исторические дисциплины. С.-Пб.
- Белецкий В.Д., Белецкий С.В. 2003. «Архив» актовых печатей из раскопок в Пскове // Русское искусство в Эрмитаже. К 60-летию Отдела истории русской культуры. С.-Пб.
- Белецкий С.В., Крымов Е.Ю. 1990. Памятники актовой сфрагистики из древнерусской Дубны // СА, № 3.
- Белецкий С.В., Крымов Е.Ю. 1990. Таможня домонгольского времени на Верхневолжье // Материалы Третьей научно-практической конференции «Проблемы изучения Плеса». Плес.
- Белецкий С.В., Петренко В.П. 1994. Печати и пломбы из Старой Ладogi (свод) // Новые источники по археологии Северо-запада. С.-Пб.
- Белецкий С.В., Плотников С.Л., Нанобашивили Т.В. 2005. Раскопки в Пушкинских горах // АО-2004. М.
- Белецкий С.В., Щеглова О.А. 2002. Литейная форма из раскопок на городище Воронич в 2002 году // Новое в византийской сфрагистике. Международная научная конференция, посвященная юбилею В.С. Шандровской. ТД. С.-Пб.
- Болсуновский К. В. 1894. Дрогичинские пломбы. Ч. I. Киев.
- Гроздилов Г.П., Третьяков П.Н. 1948. Описание находок из раскопок в старой Ладoge, произведенных Н.И. Репниковым в 1909–1913 гг. // Старая Ладoga. Л.
- Древности северо-западной России. К 90-летию со дня рождения Г.П. Гроздилова. Каталог выставки. С.-Пб., 1995.
- Ершевский Б.Д. 1978. Древнейшие печати новгородских посадников (1096–1117 гг.) // СА, № 2.
- Ершевский Б.Д. 1979. Новгородские свинцовые пломбы конца XI – первой трети XIII вв. как источник для политической истории Новгорода // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Ершевский Б.Д. 1987. О хронологии и общей атрибуции одной группы памятников новгородской сфрагистики // История и археология Новгородской земли. Новгород.
- Захаров С. Д. 2005. Свинцовые пломбы Белоозера // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М.
- Зиборов В.К. 1995. О новом экземпляре печати Александра Невского // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. С.-Пб.
- Иорданов И. 1993. Печати от стратегията в Преслав (971–1088). София.
- Кирпичников А. Н., Белецкий С. В. 2006. Памятники древнерусской сфрагистики из раскопок земляного городища в Старой Ладoge в 2006 г. // Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет. 2006. С.-Пб.
- Кирпичников А.Н., Белецкий С.В. 2008. Памятники древнерусской сфрагистики из раскопок земляного городища в Старой Ладoge в 2007 г. // Ладoga и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 2. С.-Пб.
- Колосова И.О. 1996. Памятники сфрагистики // Археологическое изучение Пскова. Вып. 3. Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991). Материалы и исследования. Т. 1. Псков,
- Куза А.В. 1977. Печати Евстафия (о некоторых особенностях русской сфрагистики конца XI в.) // СА, № 3.
- Лабутина И.К., Волочкова О.К., Лабутин В.И. 1985. Новые сфрагистические находки в Пскове // СА, № 1.
- Лихачев Н.П. 1928. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 1, Л.
- Лихачев Н.П. 1930. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Вып. 2, Л.
- ЛСА — Лихачев Н.П. Сфрагистический альбом. Рукопись. Архив ИИМК РАН, ф.35, оп.2, д.444.
- Молчанов А.А. 1974. Новгородские посадничьи печати с изображением княжеских знаков // Проблемы истории СССР. IV. М.
- Молчанов А.А. 1976. Знаки княжеской собственности в политико-административной и хозяйственной жизни древней Руси / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Молчанов А.А. 1985. Об атрибуции лично-родовых знаков Рюриковичей X–XIII вв. // ВИД, Т. XVI, Л.
- Молчанов А.А. 1987. Новгородская посадничья булла XI–XV вв. (к вопросу о типологической эволюции сфрагистических атрибутов высшей республиканской администрации Новгорода) // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 16. М. — С. 27–28.
- Носов Е.Н. 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.
- Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. 2005. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя. Новые материалы и исследования. С.-Пб.

- Носов Е.Н., Плохов А.В. 2002. Некоторые сфрагистические находки 1985–1988 гг. с Рюрикова городища // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. С.-Пб.
- Орешников А. В. 1930. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам // Известия АН СССР, № 2,
- Подвигина Н.Л. 1976. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII–XIII вв. М.
- Порфиридов Н.Г. 1959. Очерки памятников новгородской сфрагистики. Печати владык Великого Новгорода // Новгородский исторический сборник. Вып. 8. Новгород.
- Репников Н.И. 1948. Раскопки в городище Старой Ладого. Отчет о работах 1909–1913 гг. // Старая Ладога. Л.
- Рыбаков Б.А. 1940. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X–XII вв. // СА, VI.
- Рыбаков Б. А. 1963. Древняя Русь Сказания, былины, летописи. М.
- Свердлов М.Б. 1983. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л.
- Хорошкевич А.Л. 1995. «Конные печати» Александра Невского и традиции средневековой сфрагистики // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. С.-Пб.
- Чукова Т.А. 2006. Иконография Христа, Божией Матери и святых на древнерусских металлических актовых печатях X–XV вв. (фрагменты книги) // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры древней Руси и Византии. Памяти Татьяны Чуковой. С.-Пб.
- Янин В.Л. 1957. Из истории русской художественной и политической жизни XII в. // СА, № 1.
- Янин В.Л. 1962. Новгородские посадники. М.
- Янин В.Л. 1970а. Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. 1, М.
- Янин В.Л. 1970б. Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. 2, М.
- Янин В.Л. 2003. Новгородские посадники. М.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г. 1998а. Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. 3, М.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г. 1998б. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1997 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 12. Новгород.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г. 2000. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1998–1999 гг. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 14. Новгород.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г. 2001. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2000 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 15. Новгород.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г. 2002. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2001 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 16. Новгород.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г. 2003. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2002 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 17. Великий Новгород.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г. 2004. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2003 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 18. Великий Новгород.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г. 2006. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2005 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 20. Великий Новгород.

Орнаментация лепной керамики Рюрикова городища¹

А. В. Плохов

Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург

Орнаментация лепной керамической посуды Новгородского (Рюрикова) городища до настоящего времени не подвергалась специальному исследованию. В монографии Е.Н. Носова, посвященной этому памятнику, дана лишь краткая её характеристика. Она основана на изучении материалов, накопленных ко второй половине 1970–х годов. Описывая керамический комплекс Рюрикова городища, Е.Н. Носов отметил, что орнаментация не характерна для лепной посуды поселения. По наблюдениям исследователя, только «на единичных сосудах по плечу или краю венчика были нанесены пальцевые и ногтевые вдавления, насечки, отпечатки гребенчатого штампа. По плечу одного горшка проходил горизонтальный желобок (каннелюра), а на двух — в верхней части тулова — ломаная линия и волна» (Носов 1990: 134).

За последние десятилетия на Северо-Западе России и на соседних территориях Восточной Европы было раскопано значительное количество памятников второй половины I тыс. н.э. Появились обобщающие работы по керамике некоторых поселений и регионов. Детальному анализу были подвергнуты разнообразная выразительная орнаментация посуды Белозерья (Макаров 1985; 1991: 144–154) и декор керамики древнейших слоев Старой Ладogi (Сениченкова 1995; 2002). Существенно увеличился за прошедшие годы и объем керамического материала Рюрикова городища. В связи с этим, представляется важным не только дать как можно более детальный анализ орнаментации, встреченной на глиняной посуде городища, но и определить её возможности для изучения этнокультурных процессов на просторах Северной Руси в конце I тыс. н.э.

Основой для работы стали материалы из раскопок Рюрикова городища под руководством Н.П. Пахомова (1967–1969 гг.), М.В. Шорина (1983 г.), Е.Н. Носова (1975–1989, 1993–1996 гг.), а также подъемный материал, собранный на поселении в течение нескольких последних десятилетий.

Источниковедческая база исследования составляет 73 образца орнамента на целых лепных сосудах и фрагментах, восстанавливаемых от венчика до максимального расширения тулова, а также еще 56 небольших обломков декорированной посуды. Орнаментированная керамика составляет около 6,5% от числа верхних частей сосудов из раскопок Е.Н. Носова. Это меньше, чем в коллекциях Старой Ладogi (~10%) (Сениченкова 1998: 19; 2002: 105) или на памятниках к востоку от Поволжья — в Белозерском регионе (Белоозеро — 53,9%, Крутик — 49,6%, памятники Мининской группы — 42,6 %) и Мстинско-Моложском междуречье (13–34%) (Макаров 1985: 95; Мокрушин 2008: табл. 101; Исланова 1988: 127; 1997: 67). В то же время это значительно больше, чем в древностях Пскова, Изборска, Камно, Городка на Ловати, где отмечены лишь единичные экземпляры орнаментированной керамики.

Основой для анализа посуды Рюрикова городища послужили работы Н.А. Макарова по изучению декора белозерской лепной керамики (Макаров 1985; 1991: 144–154), а также разработки саратовских археологов по исследованию орнамента на сосудах поздней бронзы Нижнего Поволжья (Кочерженко, Малов, Слонов 1994; Изотова, Слонов 1994).

Орнамент на лепной керамике Рюрикова городища, как и на посуде других памятников раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы, относится к геометрическому типу. Декор имеет, как правило, четкое ярусное строение. Его композиция состоит из одной или нескольких лент, опоясывающих сосуд. Для описания последних использовано пять характеристик: местоположение на поверхности сосуда, элементы орнамента, узор², кратность и усложнения узора.

Местоположение орнаментальных лент на сосудах

На посуде Рюрикова городища выделяется всего две орнаментальные зоны: венчик или его наружный край, а также область наибольшего расширения сосуда, включающая плечико и верх придонной части тулова, причем основной является последняя. Больше трех четвертей (76,7%) образцов орнамен-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ: № 05–06–80415.

² Под узором в работе понимается часть орнамента, представленная совокупностью мотивов, подчиненных орнаментальной композиции сосуда. Мотивы, состоящие из отдельных элементов и являющиеся повторяющейся частью декора, в качестве самостоятельной характеристики не рассматриваются, поскольку находят соответствия в типах узоров.

тированной керамики имеют узор на уровне наибольшего расширения тулова, а 62,8% декорировано только здесь. Превалирование этой зоны становится еще более выраженным, если оценивать процентное соотношение только по целым сосудам и большим фрагментам верхних частей. В этом случае узор на уровне наибольшего расширения имеет 91,4% посуды, а только по верхней части тулова орнаментировано 69,1% сосудов. Значительно меньше декорирована зона венчика — 37,2% от всех орнаментированных образцов. Только по венчику украшено 23,3% посуды, а среди целых и крупных фрагментов процент таких сосудов падает до 8,6. Почти четверть керамики (22,2%) имеет орнамент, как по тулову, так и по венчику.

Определенный интерес представляет сравнение данных об орнаментации разных частей сосудов Рюрикова городища с материалами других территорий Восточной Европы конца I тыс. н.э. На славянских памятниках правобережья верхней Оки основной орнаментальной зоной является венчик. У более, чем 90% декорированных сосудов украшен только он, тогда как плечико — у менее, чем 10% (Григорьев 2005: 125, 126). Похожая ситуация наблюдается на городищах боршевской культуры Подонья (Винников 1978: 57). Исключительно венчик украшен у 53–81% керамики этого региона. 13–31,5% сосудов имеют декор лишь по тулову, а обе зоны орнаментированы у 6–15,5% глиняных изделий. Похожую картину дает материал раскопок Гнездовского поселения¹. Около 67% от орнаментированной посуды этого памятника украшено только по венчику, 14,3% — по тулову, а у 18,4% керамики декорированы обе зоны. Орнаментация по венчику доминировала на лепной посуде последней четверти I тыс. н.э. правобережья Среднего Поднепровья (Петрашенко 1992: 32) и Северной Буковины (Тимошук 1976: 22, 23, 25, 27. Рис. 8; 9), на мерянской керамике (Праздников 1991: 40–42), на сосудах ярославских курганных могильников (Дубов 1976: 85. Рис. 2: 35; Макаров 1985: 97. Табл. 2) и других памятников Волго-Окского междуречья (Лапшин 1991: 130, 131. Рис. 1: 2, 9, 10, 19; 2: 11, 20–24; 3: 2, 10, 16, 23, 25; Леонтьев, Самойлович 1991: 56. Рис. 1: 4, 5; Исланова 1982: 193, 194. Рис. 4: 12, 14, 27; 5: 56). Совершенно иная ситуация в расположении узоров наблюдается в материалах Старой Ладogi. Здесь от всех декорированных лепных фрагментов только около 14% украшено в зоне венчика, тогда как исключительно по верхней части тулова нанесен узор у 78% образцов². Еще около 8% сосудов имеют орнаментацию, как по венчику, так и тулову. Близкая ситуация наблюдается на памятниках Белозерья (Макаров 1985: табл. 2). Исключительно по венчику украшено лишь 4,3% от всей декорированной посуды поселения Крутик и 1,1% — Белоозера. На сосудах из курганов по рр. Суда, Колпь, Кабожа эта зона вообще не орнаментирована. Для лепных сосудов средневековых памятников Мининского археологического комплекса наиболее характерно нанесение узоров на обе зоны (62,6% декорированных изделий). Но среди посуды, украшенной только по венчику или по плечику, в этом регионе, как и на поселениях Белозерья, численно преобладает вторая группа (соответственно: 9% и 26,9%) (Мокрушин 2008: 281, табл. 101).

Таким образом, картина, наблюдаемая в расположении орнамента на сосудах Рюрикова городища, имеет значительное сходство с ситуацией в керамическом комплексе Старой Ладogi и Белозерья, в отличие от соотношений в материалах памятников более южных территорий Восточной Европы.

Элементы орнамента

Керамика Рюрикова городища, как и других памятников Северо-Запада России раннего средневековья, украшена только рельефным узором. Элементы орнамента выделены на основании формы (контура) и характера следов, оставленных на поверхности сосудов рабочими частями орудий, которыми наносился декор.

Основная масса узоров состоит из отдельных отпечатков, оставленных штампами. В качестве последних гончары использовали или специально изготовленный инструмент (зубчатый штамп, веревочку, намотанную на палочку, а также палочку, расщепленную крест-накрест) или пользовались подручными средствами (гребнем, палочкой, пальцем). Существенно меньше представлены орнаменты, исполненные в технике резьбы или прочерчивания, которые наносились на поверхность сосуда орудием с острым рабочим краем, палочкой, либо зубчатым штампом. Как особые элементы выделяются каннелюры и валики.

¹ Раскопки И.И. Ляпушкина 1967–1968 гг. и В.А. Булкина 1970 г. Фонды Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа (далее: ОАВЕС ГЭ). Оп. хр. 153. Благодарю И.И. Еремеева за возможность использования его рисунков для подсчетов.

² Посчитано по таблицам в публикации Т.Б. Сениченковой (Сениченкова 2002: табл.6; 7).

Следует отметить, что, хотя доля орнаментированной керамики на Рюриковом городище составляет небольшую часть от всех лепных сосудов, здесь представлено довольно много элементов, по сравнению с другими памятниками Приильменья. Всего на Городище их выделено одиннадцать (рис. 1; табл.1).

1. Гребенчатый штамп

Гребенчатый орнамент наносился орнаментиром, изготовленным из дерева или кости, с рядом зубцов на рабочей части. Судя по представленным на Рюриковом городище образцам, у зубцов были округлые в сечении концы (рис. 1: 1). Возможно, для нанесения узора использовались части одностороннего наборного костяного гребня. Отметим, что оттиски гребенки представлены на фрагментах только двух лепных горшков из культурного слоя центральной части памятника, причем ими украшены обе орнаментальные зоны (табл.2). В то же время данный элемент орнамента отмечен на многих раннегончарных сосудах Городища (Горюнова 1997: 156, 159–161, 165. Рис. 2: II–В; 3: III–Б; 8: 6; 10: 19; 11: 5, 6; 12: 10; 13: 1, 2, 7).

Отпечатки гребенчатого штампа на керамике известны на территории Северо-Запада России с эпохи неолита. Довольно широко они были распространены и на посуде раннесредневековых памятников Восточной Европы. По данным Т.Б. Сениченковой, сосуды, украшенные гребенчатыми вдавлениями, в значительном количестве встречаются в Старой Ладого (Сениченкова 2002: 94. Табл.3, 4)¹. Они представлены также на поселениях и в могильниках IX–XII вв., расположенных по берегам Белого и Кубенского озер, на рр. Шексна, Кемь, Колпь, Кобожа, Порозовица и Суда (Голубева 1973: 50, 53, 54, 145, 150–154. Рис. 8: 1; Калинин 2005: 86. Рис. 3: 2, 3; Макаров 1982: 127, 128. Рис. 1: 1, 4, 6; 2: 2; 1983: 21. Рис. 1: 1, 3, 5; 2: 2; 1985: 81, 82; 1990: 59. Рис.Х: 1–5, 9–11, 31; 1991: 145. Рис. 8: 1, 3, 5, 11; 9: 1–3; Макаров, Зайцева 2007: рис. 8: 3; Макаров, Захаров, Бужилова 2001: рис. 23; 24: 2; 54: 8, 12; 55: 7, 11, 15; 62; 63: 1, 9, 10; 71: 17, 19; Мокрушин 2002: 30. Табл.3; 2008: 279, табл. 104). На ряде памятников Белозерья и Мининского археологического комплекса отпечатками гребенчатого штампа декорировано от 40,9% до 64,3% орнаментированной керамики (Макаров 1985: 84; Мокрушин 2002: табл.3; 2008: табл.104; Раковская 2007: 131–134). Кроме этого региона, местом широкого распространения керамики, украшенной подобными вдавлениями, является Камско-Вычегодский край (Голдина 1985: 96, 97, 142, 143; Голдина, Водолаго 1990: 89, 90; Макаров 1985: 82; Кананин 1979: 95, 96. Рис. 2: 3–6, 9, 10, 12; Семенов 1980: 55. табл.ХІХ). В небольшом количестве сосуды с подобными оттисками встречаются на памятниках конца I — начала II тыс. н.э. на Онежском озере (Кочуркина 1972: 108. Рис. 4; Гроздилов 1947: 114), а также в бассейне Северной Двины (Верещагина, Овсянников 1992: 139. Рис. 1: 2, 3; Иванищева 1996: 119. Рис. 6: 1, 2; Колпаков, Рябцева 1996: 209. Рис. 2; Назаренко, Овсянников, Рябинин 1984: 209. Рис. 9: 2–4), в Мстинско-Моложском междуречье (Исланова 1981: 89; 1997: 144, 147. Рис. 9: 5; 10: 10), в Ярославском Поволжье (Седых 1982: 117; 1982а: 193, 194; 1988: 108–110. Рис. 8; Смирнова 1987: 95, 96, 98. Рис. 1: 9, 11, 12, 14, 16; 4: 1, 3, 4)², в бассейне Верхней Оки (Никольская 1959: 67), а также в Гнездове, Суздале (Лапшин 1991: 131. Рис. 1: 3), на славянских городищах Подонья (Винников 1978: 56, 57, 60) и в древностях эпохи викингов Швеции (Selling 1955: Taf.47: 4; 50: 2; 53: 6).

2. Веребочка на палочке

Этот вид штампа представляет собой веревочку, намотанную с разной плотностью на палочку (рис. 1: 2). Подобный орнамент отмечен на обломках тридцати шести лепных и слегка подправленных на круге сосудов Рюрикова городища. В большинстве случаев оттисками веревочки декорированы и венчик, и верх тулова (табл.2). Значительно реже ими украшена только одна из зон.

В последней четверти I тыс. н.э. орнамент в виде отпечатков веревочки, намотанной на палочку, имеет широкое распространение на территории Восточной Европы. В Приильменье веревочный штамп встречен на двух сосудах поселения Холопий городок под Новгородом (Носов, Плохов 1997: 137. Рис. 6: 6; 7: 5), на нескольких мелких фрагментах посуды с селища Васильевское на р. Веряже (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 134. Табл.149: 18, 25, 27; 153: 4; 157: 2), а также на городищах Сельцо (1 экз.)³,

¹ Необходимо отметить, что в некоторых случаях исследователи ошибочно причисляют к гребенчатым отпечаткам оттиски веревочки, намотанной на палочку.

² Благодарю Л.И. Смирнову за предоставленные мне рисунки керамики из Ярославских могильников.

³ Раскопки Е.Н. Носова 1974 г.

Молвотицы (1)¹ и Княжая Гора в бассейне р. Пола (10)², в комплексах памятников у деревень Золотое колено (2) (Носов, Плохов 1991: 128. Рис. 2: 12) и Нестеровичи в бассейне р. Мсты (12–8)³, на селище у д. Малые Полищи⁴, в древнейших отложениях Новгорода (Смирнова 1976: 8. Рис. 3: VA; 4: 4)⁵. По подсчетам Т.Б. Сениченковой, оттиски веревочки, намотанной на палочку, отмечены на восьми сосудах из древнейших напластований Старой Ладogi (Сениченкова 2002: 94. Табл.3; 4). Кроме того, один обломок горшка, украшенного подобным орнаментом, найден при исследовании поселения Новые Дубовики у Волховских порогов⁶. На соседних территориях единичные образцы лепных горшков, украшенных отпечатками веревочного штампа, встречены в ранних слоях Пскова (Белецкий 1983: 52. Рис. 7: 7, 9; Белецкий 1996: 57. Рис. 45: 7, 9), Изборска (Седов 1978: 64; Седов 2007: 79, 81. Рис.60: 4, 5; 213: 8), Городка на Ловати (Горюнова 1991: рис. 7: 7; 11: 10), а также материалах городища Рыуге в Эстонии (Аун 1992: 43. Табл.VII: 3; Шмидехельм 1959: табл.I: 7). Довольно многочисленны такие сосуды и на некоторых памятниках верховьев Мсты и Мологи второй половины I — начала II тыс. н. э. (Волкова 1996: 22. Рис. 3: 15; Исланова 1986: рис. 3: 5, 8; 1988: 127, 128, 132, 279. Рис. 91: 2, 4; 94: 2; 1991: 47, 50. Рис. 1: 5; 3: 2, 8; 1997: 58, 60, 62, 63, 67, 110, 111, 117, 144–147. Рис. 9: 3; 12; 13: 6; 14: 3; 97: 8; 98: 2; 100: 6; 103: 12, 13; 106: 2; 131: 2; 158: 9, 10; 162: 6; 2006: 95. Рис. 95: 4). Сосуды, украшенные отпечатками веревочки, представлены в материалах Крутика и Белоозера (Макаров 1982: 127. Рис. 2: 1; 1985: 83, 84; 1991: 149. Рис. 8: 4, 7, 10), Зафиксирован такой штамп и на других поселениях⁷, а также на керамике из курганных могильников Белозерья (Макаров 1985: 83; Макаров, Захаров, Бужилова 2001: рис. 23; Мокрушин 2002: табл.3; Тухтина 1990: 134. Рис.III: 1).

За пределами Северо-Запада России посуда, украшенная отпечатками веревочки, в большом количестве встречается на памятниках славянских культур Среднего Поднепровья, Подонья, Верхнего Поочья (Петрашенко 1992: 30, 31. Рис. 1: 5; Ляпушкин 1958: 32, 34. Рис. 18; 19; Винников 1978: 55. Табл.1; Дьяченко 1988: 48, 49; Сухобоков 1975: 77, 79; Григорьев 2005: 126). Веревочный штамп является основным видом орнаментации горшков культуры смоленских длинных курганов (Шмидт 1958: рис. 6: 1; 1963: 109; 2002: 171. Илл.8: 3; 2005: 10. Илл.3: 13; 2005a: 55; 2005b: 106, 108. Илл.3: 1, 2; 10: 2; 18: 1; Третьяков, Шмидт 1963: 187. Рис. 4: 1, 8, 9; Енуков 1990: 88, 89. Рис. 30: 1, 2, 4, 9, 13, 16; 40: 8, 9, 11; Шарганова 2007: 277). Украшает он сосуды раннесредневековых поселений Белоруссии (Драгун 1967: 425. Рис. 1: 9; Еремеев, Штыхов 2007: 112–114. Рис. 3: 13, 14; 6.1: 1; 13.2: 2, 3; Еремеев, Бубенько, Штыхов 2007: 7, 8. Рис. 1: 23; 2: 8; 3: 9; 6: 6; 14: 5, 7; Зверуго, Медведев 2003: 89. Рис. 10: 5; 13: 7; Зверуго, Медведев 2003a: 88. Рис. 20: 3, 4; 22: 5; 24: 1; Плавинский, Штыхаў 2006: 66. Мал.6: 14), Гнездовского археологического комплекса (Каменецкая 1977: 17; Каменецкая 1998: 126; Пушкина 1973: 88–90; Сизов 1902: 104. Рис. 76), а также раннеславянских памятников Подмосковья (Юшко 1998: 324, 329, 333, 334. Рис. 14). Встречена посуда с веревочными отпечатками в древностях Тверского⁸ (Арсланова, Ковалец 1991: 99. Рис.6: 2; Арсланова 1993: 38. Рис. 1: 24; Олейников 2002: 527, 532, 536, 538, 543. Рис. 9: 1a; 10: 2; 15: 2, 7; 21: 4, 7, 11; 22: 1) и Ярославского Поволжья (Макаров 1983: 21; Седых 1988: 109, 110; Смирнова 1987: 96, 98. Рис. 4: 2). В странах Балтии аналогичный орнамент в единичных экземплярах известен на поселениях типа Рыуге в Эстонии (Аун 1992: 43. Табл.VII: 3), а также в материалах эпохи викингов Швеции (Selling 1955: Taf.46: 3; 53: 9; 59: 7, 8; 62: 3). В большом количестве черепки сосудов, декорированные веревочным штампом, найдены на памятниках среднего — начала позднего железного века Латвии (Цимермане 1977: 75. Рис. 5: 1–15).

3. Пальцевые вдавления

Выполненные подушечками пальцев, они представляют собой округлые или овальные ямки, иногда со следами ногтевой пластины по краю (рис. 1: 3). Отпечатки наносились с разной силой. Большая

¹ Работы С.Н. Орлова 1969 г. Фонды Новгородского государственного объединенного музея-заповедника (далее НГОМЗ).

² Раскопки С.Н. Орлова 1973, 1976–1978, 1980 гг. Фонды НГОМЗ.

³ Раскопки В.Я. Конецкого 1984–1985 гг. Фонды НГОМЗ.

⁴ Сборы В.В. Милькова 1977 г. НГОМЗ.

⁵ Троицкий VII раскоп. 1986 г. Фонды НГОМЗ. КП 35697/5464.

⁶ Раскопки Е.Н. Носова 1972 г.

⁷ В том числе селище Угол (1 экз.) (оз. Великое, верховья р. Кобожа, раскопки Г.Н. Пронина 1980 г.) и Бельково II (р. Кушавера, раскопки Н.И. Петрова 2003 г.).

⁸ Селища Благовещенье, раскопки О.М. Олейникова 1984–1986 гг. и Шитовичи, раскопки О.М. Олейникова 1989, 1990 гг. Фонды Тверского государственного объединенного музея (далее ТГОМ).

часть их неглубокие, слабозаметные¹. В коллекции лепной посуды Рюрикова городища имеются части 42 сосудов, украшенных пальцевыми вдавлениями и расположенных, главным образом, на уровне наибольшего расширения тулова (табл.2). Заслуживает внимания то обстоятельство, что больше половины черепков с таким орнаментом встречено при исследовании мысовой части поселения. Очевидно, концентрация керамики с определенным способом орнаментации на определенном участке памятника отражает какие-то локальные особенности и традиции в украшении посуды отдельными гончарами.

В Приильменье орнамент, нанесенный пальцевыми вдавлениями, имеется среди материалов поселения Прость (1 экз.)², селищ Васильевское (3 экз.) (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 134. Табл.149: 21, 22; 151: 9), Губинская Лука на р. Ловати (1 экз.)³, Городка на р. Маяте⁴ (1 экз.), городищ Молвотицы (1 экз.) и Княжая Гора (2 экз.), из окрестностей п. Любытино (1 экз.)⁵, поселений Золотое Колено⁶ (3 экз.) (Носов, Плохов 1991: 128) и Нестеровичи (1 экз.), а также древнего Новгорода (Смирнова 1976: 5. Рис. 3: ПВ; Смирнова 1978: 166. Рис. 1: 4; Плохов 2002: Рис. 6: 6, 13)⁷. В древностях Старой Ладogi он представлен на нескольких десятках сосудов (Сениченкова 2002: 94. Табл.3; 4). Единичные изделия, украшенные пальцевыми вдавлениями, имеются среди посуды курганов юго-восточного Приладожья (Спиридонов 1986: 25; 1989: 306. Рис. 3: 1), могильника Залахтовье (Хвошинская 2004: 108, 109. Табл. LXXXV: 7) и из культурного слоя Изборска (Лопатин 2006: рис. 1: 1). Сосуды, декорированные пальцевыми вдавлениями, представлены также в материалах культуры смоленских длинных курганов (Седов 1970: 100; Шмидт 2005а: 65, 68. Илл.17: 1; 19: 3; 21: 6, 7; 2005б: 106, 113. Илл.14: 4; Шарганова 2007: 277), из раннесредневековых слоев поселений Белоруссии (Драгун 1967: 425. Рис. 1: 10, 12; Еремеев, Штыхов 2007: 112, 114. Рис. 5.1: 1–3, 6; Еремеев, Бубенько, Штыхов 2007: 7, 8. Рис. 7: 1–4; 8: 3; 14: 14; Плавинский, Штыхаў 2006: 66. Мал.4: 2; 6: 14), а также Гнездовского археологического комплекса (Каменецкая 1977: 17; Пушкина 1973: 89; Сизов 1902: 106. Рис. 73). Встречен подобный декор и на керамике памятников Тверского (Олейников 2002: 522, 532, 536. Рис. 4: 8; 10: 3, 4; Хохлов 1989: 51, 52. Рис. 3: 1, 2) и Ярославского Поволжья (Макаров 1985: 84; Седых 1988: 109. Рис. 8), Волго-Окского междуречья (Исланова 1982: 193, 194. Рис. 4: 9, 25; Юшко 1998: 327), верховьев Камы (Кананин 1979: 95, 96. Рис. 2: 7). В значительном количестве встречается он на посуде славянских поселений верховьев Оки, Дона и Среднего Поднепровья (Григорьев 2005: 126; Винников 1978: 56, 57; Дьяченко 1988: 48; Носов 1974: 8. Рис. 4: 2, 3, 7, 8; Петрашенко 1992: 30. Рис. 1: 1). Неглубокие пальцевые вдавления украшают некоторые сосуды Белоозера, поселения Крутик, курганов и селищ XI–XII вв., расположенных на Кубенском озере, на рр. Суда, Колпь, Кобожа, Порозовица, Шексна, в нижнем течении р. Мологи (Башенькин, Васенина 2007: 60. Рис. 15; Голубева 1973: 50, 53, 54, 151, 152, 155. Рис. 8: 2; Макаров 1985: 83, 84; 1990: 59. Рис.Х: 26; 1991: 149; Мокрушин 2002: табл.3; Мокрушин 2008: 279. Табл.104; Раковская 2007: 131, 132. Рис. 1: 8; Соболев 2007: рис.6: 2). На памятниках бассейнов Верхней Мсты, Верхней и Средней Мологи конца I — начала II тыс. н. э. такая орнаментация является наиболее распространенной (Волкова 1996: рис. 3: 13, 16; Голубева 1966: 59. Рис. 3: 6; Голубева 1973: 54. Рис. 8: 5; Исланова 1981: 89. Рис. 3: 4, 5; Исланова 1986: рис. 3: 7, 10; Исланова 1988: 127, 128, 132, 133, 279. Рис. 88: 2, 3, 5, 6; 93: 2, 4, 10; 94.6: 1–3, 5; Исланова 1991: 50, 54. Рис. 1: 7; 3: 1, 4; Исланова 1991а: 112. Рис. 6: 3, 6, 8, 13; Исланова 1997: 58, 59, 62–64, 67, 98, 117, 145, 147. Рис. 9: 6; 11: 3; 13: 6; 91: 9, 10; 97: 8; 98: 4, 14; 104: 1, 2; 106: 6; 131: 5; 161: 1; 171: 2; Лагуткина 1998: 161; Лагуткина, Лагуткин 2004: 269; Тухтина 1990: 134; Тухтина 1993: 142; Харитонов, Портнягин 1976: 97. Рис. 2: 1, 2, 6). Н.А. Макаров полагает, что бассейн Мологи является местом наибольшей концентрации пальцевых узоров (Макаров 1985: 84).

4. Ногтевые вдавления

Выполненные концом пальца, они представляют собой углубления с включением отпечатка ногтевой пластины (рис. 1: 4). В случае слабого нажима на поверхности изделия оставались только следы

¹ В некоторых случаях возникают сомнения, что вдавления являются орнаментом, а не следами формовки верхней части сосуда.

² Раскопки Е.Н. Носова и А.А. Плохова 1998 г.

³ Раскопки В.Я. Конецкого 1989–1991 гг. Фонды НГОМЗ.

⁴ Сборы Е.Н. Носова.

⁵ Фонды Любытинского филиала НГОМЗ.

⁶ Раскопки Е.Н. Носова 1974–1975 гг.

⁷ Троицкий XI раскоп. 1998 г. Благодарю П.Г. Гайдукова за возможность работы с неопубликованными материалами.

ногтя (ногтевые насечки)¹. Ногтевые вдавления украшают обломки, как венчиков, так и верхних частей туловищ 19 сосудов Рюрикова городища (табл.2).

В Приильменье и Поволховье этот способ орнаментации на единичных фрагментах керамики встречен в материалах городища Любша (Петренко, Шитова 1985: рис. 3: 17), селищ Васильевское (1 экз.) (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 134. Табл.149: 20), комплекса памятников в урочище Губинская Лука на р. Ловати (3 экз.), в предматериковых слоях Новгорода (1 экз.)², а также кургана 6 в могильнике Бокково в бассейне р. Польш³. В нижнем Поволховье орнамент в виде ногтевых насечек представлен почти на двух десятках образцах Старой Ладogi (Станкевич 1951: 230. Рис. 4: 3; 6: 1; Сениченкова 2002: табл. 3; 4), а также на одном обломке из Новых Дубовиков (Носов 1976: 77). Встречен он в керамических материалах Белоозера и Луковца (Голубева 1973: 151, 152, 154; Раковская 2007: 131), на памятниках бассейна Верхней и Средней Мологи, а также верховьев Мсты (Исланова 1988: 127; 1997: 61. Рис. 104: 2) и Тверцы⁴. Отдельные сосуды, украшенные ногтевыми вдавлениями, представлены на селищах и в могильниках культуры смоленских длинных курганов (Шмидт 2005: 12. Илл.3: 12; Шарганова 2007: 277), а также в Гнездове, на раннеславянских поселениях Подмосковья (Юшко 1998: 329–332, 334. Рис. 7, 9, 14). Значительно чаще такие отпечатки встречаются на памятниках роменской и боршевской культур (Винников 1978: 56, 57, 59, 60; Дьяченко 1988: 48).

5. Вдавления с плоским дном

К этому виду отнесены отпечатки, нанесенные плоским штампом — «гладко обрезанным торцом или боковой стороной плоской палочки» (Макаров 1985: 82). Они неглубокие и имеют, как правило, вытянутый контур (рис. 1: 5). На Рюриковом городище встречено четыре черепка, имеющих по венчику и тулову подобные вдавления.

В Приильменье известны единичные образцы керамики, декорированные подобным орнаментом. Один сосуд, украшенный «вдавлениями с плоским дном» в верхней части тулова, найден в древнейших слоях Троицкого раскопа в Новгороде (Плохов 2002: рис. 6: 3). Еще один обломок с селища Золотое Колено имеет аналогичный декор на венчике (Носов, Плохов 1991: 128). По данным Т.Б. Сениченковой, в материалах Старой Ладogi имеется больше десятка сосудов, украшенных подобным штампом (Сениченкова 2002: табл.3; 4). Еще два образца такой орнаментации отмечено на обломках посуды из Новых Дубовиков (2 экз.). Вдавления с плоским дном, главным образом, по краю венчика, встречены на керамике Суздаля и Тимеревского могильника (Макаров 1985: 82), а также на посуде селища Шурскол II под Ростовом (Исланова 1982: 193, 194. Рис. 4: 12, 14). В значительно большем количестве этот штамп отмечен при раскопках Крутика, Белоозера и Луковца (Макаров 1985: 82, 84; 1991: 145). Зафиксирован он также на памятниках в бассейнах рр. Суда, Кемь, Колпь, Кобожа, Шексна, Прозовица и Кубенского озера (Башенькин 1985: 79; Макаров 1985: 82; Мокрушин 2002: табл.3; 2008: табл.104). Поскольку за пределами Белозерья «вдавления с плоским дном» встречаются очень редко, Н.А. Макаров отнес этот элемент к «собственно белозерским» (Макаров 1991: 149).

6. Фигурный штамп

Из всего разнообразия деревянных или костяных фигурных штампов, употреблявшихся средневековыми гончарами Северо-Востока Восточной Европы, на Рюриковом городище был использован лишь один — округлая палочка, торец которой был расщеплен крест-накрест (рис. 1: 6). Отпечатком этого орнамента украшен фрагмент стенки лепного горшка. Крестообразные вдавления имеются также на обломке раннегончарного сосуда с того же поселения (Носов, Горюнова, Плохов 2005: табл. 69: 1)⁵.

Небольшой лепной черепок с нанесенным на него отпечатком, аналогичным встреченному на Рюриковом городище, найден на селище Васильевское (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 134. Табл. 149: 24).

¹ В последнем случае, при отсутствии системы в расположении отпечатков не всегда есть уверенность в преднамеренном их нанесении.

² Троицкий XI раскоп. 1998 г.

³ Раскопки Г.Н. Пронина 1978 г. Фонды НГОМЗ.

⁴ Селище и курганный могильник у д. Шитовичи. Раскопки О.М. Олейникова 1989, 1990 гг. Фонды ТГОМ.

⁵ При раскопках последних лет были найдены еще три обломка (один лепной и два гончарных) сосудов с отпечатками крестовидного штампа (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 85. Табл.69: 2, 3, 6).

Обломки лепных горшков, украшенных отпечатками крестообразного штампа, обнаружены при раскопках остатков сопки у п. Деревяницы под Новгородом¹ и в древнейших напластованиях Новгорода². В Старой Ладобе подобные оттиски встречены на обломке раннегончарного сосуда, относящегося ко второй половине X в. (Сениченкова 2002: 98). С этого же памятника происходят несколько глиняных дисков от вертикального ткацкого станка, украшенных таким орнаментом (Гроздилов 1950: Рис. 4: 3; Сениченкова 2002: 98). Фигурные штампы с различным контуром, среди которых имеется и крестообразный, в незначительном количестве встречены в районах Белого и Кубенского озер (Макаров 1985: 82, 84. Рис. 2: 8; 1991: 145. Рис. 7: 8; Мокрушин 2002: табл.3; 2008: табл.104). Отпечатки, подобные зафиксированным на Рюриковом городище, украшают лепной горшок из могильника у д. Кобожа в Белозерье (Тухтина 1990: 134. Рис. IV: 1), обломок сосуда из Витебска (Еремеев, Бубенько, Штыхов 2007: 7, 8. Рис. 14: 9), а также отмечены на лепной посуде и глиняных дисках поселения Тимерево под Ярославлем (Дубов, Седых. 1984: 114. Рис. ж, з; Седых 1988: 111). Н.А. Макаров отнес фигурные штампы к элементам «камско-вычегодского происхождения, sporadически встречающимся за пределами этой культурной области» (Макаров 1991: 149). Для большинства орнаментов это, по-видимому, так, однако орудие с крестообразно расщепленным концом было известно гораздо шире. Им декорировано значительное количество сосудов и глиняных дисков на памятниках Балтийского региона (Cleve 1943: 158. Fig. 49: 3; Kivikoski 1946: fig.39; Kivikoski 1973: 89. Taf.72: 654; Kivikoski 1980: Pl.15: 6; Handbuch 2001: Taf. 9: 2; 20: 6; 23: 3; 25: 1, 13; 27: 3; 31: 9; 33: 6; 35: 6; 44: 3; 48: 2; 50: 2; 65: 6; 75: 2, 3; 77: 2, 7, 8; 268: 5; 274: 2; 302: 8; 308: 2; Selling 1955: Taf.22: 11). В.М. Горюнова относит «отпечатки штампов в виде крестовидных розеток» к типичным для западных славян (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 85).

7. Вдавления округлой палочкой

Этот элемент орнамента представляет собой отпечаток, нанесенный боковой стороной округлой палочки (Рис. 1: 7). В коллекции лепной посуды Рюрикова городища встречены обломки двух венчиков сосудов, украшенных таким образом.

Вдавления округлой палочкой известны нам на обломке венчика с селища Губинская Лука и черепке с Городка на Шелони³. Подобный же элемент отмечен на венчиках и тулове ряда горшков Гнездовского поселения. Он украшает значительное количество сосудов славянских памятников Среднего Поднепровья и Подонья (Петрашенко 1992: 30. Рис. 1: 2; Винников 1978: 56, 57; Дьяченко 1988: 48). В.А. Петрашенко относит прием декорирования венчиков глиняных изделий пальцевыми оттисками и вдавлениями округлой палочкой к числу общеславянских (Петрашенко 1992: 30).

8. Короткие насечки

Элемент представляет собой узкие прямые углубления, которые наносились на поверхность сосуда орудием с острым рабочим краем (Рис. 1: 8). На Рюриковом городище найдено восемь сосудов, украшенных этим способом (в основном, по венчику).

Орнамент в виде коротких насечек распространен на значительной территории Восточной Европы. В Приильменье он отмечен на поселении Васильевское (2 экз.) (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 134. Табл. 149: 14; 154: 3), поселении Прость у истоков р. Волхов (2 экз.) (Носов, Горюнова, Плохов 2005: табл.166: 4), селищах у д. Золотое Колено (2 экз.) (Носов, Плохов 1991: 128) и д. Нестеровичи (1 экз.), а также городище Городок на р. Маяте (1 экз.) (Еремеев 2006: 270. Рис. 6: 1). Представлены насечки среди материалов древнейших слоев Неревского раскопа Новгорода⁴, старолadoжского поселения (Сениченкова 2002: табл.2: 13, 14; 3; 4), Новых Дубовиков (1 экз.) (Носов 1976: 77) и сопки Нижнего Поволжья (1 экз.)⁵. Единичные находки обломков горшков с насечками отмечены на Городце под Лугой (Ефимова 1977: 100. Рис. 2), на городище Камно (Белецкий 1977: 93. Рис. 3: 2), в могильнике Залахтовье (Хвошинская 2004: 108. Табл.XLV: 10) и на памятниках типа Рыуге юго-восточной Эстонии (Аун 1976: 356). Сосуды, украшенные подобным образом, составляют значительную часть орнаментированной посуды

¹ Раскопки В.Я. Конечского 1977–1979 гг. Фонды НГОМЗ.

² Троицкий VII раскоп. 1986 г. Фонды НГОМЗ. КП 35697/5464.

³ Раскопки С.Н. Орлова 1969, 1970 г. Фонды НГОМЗ.

⁴ Неревский XXVI. 1959 г. Фонды НГОМЗ.

⁵ Южное Победище, насыпь №3. Раскопки В.П. Петренко 1972 г.

поселений Крутик и Белоозеро — 16,1% и 7,6% соответственно (Макаров 1985: 84; 1991: 149. Рис. 8: 2, 8). Керамика, декорированная короткими насечками, встречается на других поселениях, а также в могильниках, которые расположены на берегах Белого и Кубенского озер, на рр. Суда, Колпь, Кобожа, Кема и Шексна (Башенькин 1985: 79; Макаров 1985: 83; Макаров, Захаров, Бужилова 2001: Рис. 24: 1; 63: 2, 7; 71: 2; Мокрушин 2002: табл.3; 2008: 279. Табл.104; Тухтина 1990: 134. Рис. IV: 2; Тухтина 1993: 142). Представлен такой орнамент на посуде некоторых памятников бассейна р. Сухона (Иванищева 1996: 119), Мстинско-Моложского междуречья (Исланова 1988: 127, 279. Рис. 94: 4; 1991: 50. Рис. 3: 5, 11; 1997: 23, 58, 59, 62, 65, 67, 117, 146, 147. Рис. 14: 5; 98: 5; 100: 8; 105: 6; 131: 10; 135: 4), Верхнего Поволжья (Олейников 2002: 527, Рис. 9: 1г, 2б), на горшках культуры смоленско-полоцких длинных курганов (Археология Беларуси 2000: 21; Енуков 1990: 88; Шмидт 2005а: 66. Илл.19: 11; Седов 1970: 100; Шмидт 2005б: 106, 113. Илл.14: 1; Шарганова 2007: 277), раннесредневековых поселений Белоруссии (Еремеев, Штыхов 2007: 112, 113. Рис. 3: 5; 6.2: 3; 13.2: 4; Еремеев, Бубенько, Штыхов 2007: 7, 8. Рис. 1: 4; 7: 5; 8: 4; 10: 1, 3; 12: 5, 7; 14: 6; Плавинский, Штыхаў 2006: 66. Мал.4: 12; 6: 18) и Гнездовского археологического комплекса (Каменецкая 1977: 17; Каменецкая 1998: 126; Пушкина 1973: 88, 90). Насечки украшают мерянскую керамику (Праздников 1991: 41, 42) и посуду из древнейших слоев Углича (Томсинский 2004: 132. Рис. 50: 5, 7, 14), Тимерева (Седых 1982: 116, 117; Седых 1982а: 193, 194; Седых 1988: 108–110. Рис. 8; Смирнова 1987: 95), Суздаля (Лапшин 1991: 130, 131. Рис. 1: 2, 9, 10, 19; 2: 11, 20–24; 3: 2, 16, 25) и Ростова (Леонтьев, Самойлович 1991: 56. Рис. 1: 3–5; Леонтьев 1996: Рис. 134: 4, 5, 7, 8), ряда средневековых сельских поселений Волго-Окского междуречья (Исланова 1982: 193. Рис. 4: 14; 5: 56; Юшко 1998: 330). Встречены они на сосудах из тверских и ярославских курганов (Хохлов 1989: 52. Рис. 3: 4; Дубов 1976: 85. Рис. 2: 35; Макаров 1985: 83). Известны «вдавления острым предметом» на керамике со славянских памятников Подонья (Винников 1978: 57, 59, 60; Дьяченко 1988: 48), Среднего Поднепровья (Петрашенко 1992: 30. Рис. 1: 3, 4; Сухобоков 1975: 77), в финно-угорских древностях Прикамья (Голдина 1985: 96, 97, 142; Голдина, Водолага 1990: 89; Макаров 1985: 83; Кананин 1979: 95. Рис. 2: 2), а также на посуде эпохи викингов Швеции (Selling 1955: Taf.46: 5; 54: 1; 58: 1, 2, 4; 59: 6; 62: 9).

9. Прочерченный орнамент

Этот декор представляет собой неглубокие бороздки на поверхности сосуда, нанесенные по сырой глине деревянным, костяным или металлическим предметом (Рис. 1: 9). Судя по оставленным на керамике следам, в качестве орнамента гончары использовали предметы, рабочий конец которых имел небольшую площадь (скорее всего, приостренные палочки) или гребенчатые штампы. Прочерченный орнамент украшает стенки двенадцати лепных и подправленных на круге сосудов Рюрикова городища, среди которых имеются обломки пяти лощеных мисок и фрагменты семи горшков. На этих последних он появился явно в подражание декору круговых сосудов.

Прочерченный орнамент очень редок на лепной посуде памятников третьей четверти I тыс. н. э. Приильменя. Известно несколько сосудов из комплекса памятников культуры длинных курганов у оз. Крюково¹, с селищ Юрьевская Горка, Овсище 1, а также из грунтового могильника Норфино в бассейне р. Мсты (Исланова 1997: 23, 28. Рис. 40: 5; 74: 8; 2006: 93, 96. Рис. 83: 5; 87: 2), декорированных по плечу (реже по шейке) одной-тремя прямыми линиями. Орнамент на горшке из Норфино И.В. Исланова связывает с позднейяковской традицией (Исланова 2006: 96). Несколько обломков сосудов из комплекса VIII в. поселения Прость украшены прочерченными линиями по шейке (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 142. Табл.166: 6, 11, 12). Единичные сосуды, декорированные таким же образом, встречаются в Новгороде на лепной и подправленной на круге посуде (Смирнова 1976: 4, 5, 8. Рис. 3: I, ПД; 4: 1, 2; Смирнова 1978: 165, 166. Рис. 1: 1, 2). В значительном количестве подобный элемент зафиксирован на лепной керамике Старой Ладogi (Сениченкова 2002: табл.2: 15–17; 3; 4). Мелкий обломок стенки с частью прочерченного узора в виде пересекающихся косых крестов или косой клетки найден на селище Губинская Лука. В погребении одного из курганов могильника Боково² встречен миниатюрный горшок, украшенный двумя прочерченными волнами. Образцы прочерченной орнаментации имеются на памятниках Приладожья, Белозерья, Кубенозерья, Тверского и Ярославского Поволжья, Прикамья, а также на мерянской керамике (Макаров 1985: 84; Мокрушин 2002: табл.3; Мокрушин 2008: 279. Табл.104; Раковская 2007: 131; Олейников 2002: 538. Рис. 20: 4; Седых 1988: 110. Рис. 8; Спиридонов 1989: 306.

¹ Раскопки С.Н. Орлова и В.В. Милькова. Фонды НГОМЗ.

² Раскопки Г.Н. Пронина 1977 г. Фонды НГОМЗ.

Рис. 3: 1, 2; Голдина 1985: 97, 143; Голдина, Водолаго 1990: 89; Семенов 1980: 55. Табл. XIX; Праздников 1991: 41, 42). Прочерченный декор широко распространен на лепной посуде второй половины I — начала II тыс. н.э. в Эстонии и Финляндии — особенно лощеной и подлощенной (Аун 1992: 43, 49–51. Рис. 19: 21–23, 25–28, 30–35. Табл. VII: 2; X: 11; XI; Лави, Лаул, Соколовский 1981: 414. Тал. XVIII: 5; Лави, Соколовский, Соколовски 1983: 318. Табл. XXV: 3; Тамла 1983: 304. Табл. XIII; Тамла, Тыниссон 1983: 312. Рис. 3; Шмидехельм 1959: табл. I: 8; III: 1–3; Янитс 1979: 380. Табл. IX: 1–4; Хирвилуото 1979: Рис. 9; Lang 1985: 196–206. Tab. 3–5; 1987: 364. Abb. 6: 2, 3; 1996: 110, 112. Joon. 31; 42; Lõugas 1967: Joon. 5: 1–4, 6; 1975: Taf. X: 1, 2; 1976: Abb. 1: 7; MägI–Lõugas 1997: 35. Fig. 4; Mägi 2002: pl. 1: 2; 11: 2; 12: 6; 18: 2; 21: 3; 22: 1; 23: 2; 25: 2; 27: 1; 34: 2; 41: 7; 43: 2, 4; 44: 3, 4, 6; 58: 1, 2; 60: 1; 63: 1; 65: 1; 66: 2, 3; 2005: 71. Fig. 6: 2, 4; Moora 1955: joon. 18: 3; 20: 2, 3; Schmiedehelm 1939: joon. 82–84; 1973: 192. Abb. 4: 1, 3, 4, 5, 8; Vassar 1939. joon. 29; 30; 57; 58; Moora 1967: tahl. VIII: 12; Краут 1980: 384. Табл. XVIII: 1–3, 5; Aroalho 1978: liite 7; 8; Carpelan 1963: kuva 3; Cleve 1943: 157. Fig. 49: 1; Cleve 1978: 190, 191. Pl. 16: 265; Hirviluoto 1996: 76. Fig. 40, 41. Pl. 35: 2–5, 7, 9; Kivikoski 1939: 199–201. Taf. XXXVIII: 2–8; 1946: fig. 42: 3; 1947: 60. Taf. 74: 613; 1951: 29. Taf. 120: 966; 1963: Taf. 5: 3, 5; 12: 8; 24: 3; 39: 9, 10; 43: 1; 57: 16; 1973: 88, 89, 130. Taf. 72: 651, 655; 113: 1022, 1024; 114: 1027; 1980: Pl. 16: 7; 17: 1–7; Lehtosalo–Hilander 1982: pl. 9: 16; 12: 28; 21: 12; 32. G 63: 5; 33: 8; 36: 10; 46: 5; 52: 11; 57. G 170: 3; 78: 13; 79. G 292: 5; 104: 18; 116: 6; 125. G 410: 2; 1982a: 76–84; 2000: pl. 4: 9; 9: 12; 14: 9; 16. G 568: 2; 20. G 668: 8; 29: 4; 31: 4, 4a; 34. G 822: 3; 40. G 878: 4; 56. G 1260: 7). Отмечен он и на отдельных керамических изделиях приграничных с Эстонией раннесредневековых памятниках Северо-Запада России (Лопатин 2006: Рис. 4: 1–3; Седов 1978: Рис. 2Б; Тараканова 1951: 147. Рис. 41; 1954: Рис. 8; Хвощинская 2004: 108. Табл. XVIII: Б; XXXI: 1), а также некоторых лощеных сосудах Латвии (Cimermane 1974: 5. att.: 1, 4–6, 8–10; 6. att.; Цимермане 1980: 77. Рис. 5). Прочерченное украшение поверхности в эпоху викингов типично для посуды группы АIII Швеции, которую Д. Селлинг связывает с народами восточной Балтики (Selling 1955: 140–155. Abb. 39: 11; Taf. 34: 7; 35–37; 38: 2, 3; 39; 41: 3; 42: 2–6; 43: 1). Присутствует такой элемент и на ряде лепных и подправленных на круге горшков, относимых исследовательницей к местным формам (группа IV) (Selling 1955: Taf. 45: 1, 2; 46: 2; 47: 8; 48: 1–4, 6; 50: 1, 6, 7; 51: 4; 53: 1–3; 57: 4; 58: 1–6; 59: 1; 62: 7–9; 64: 7, 10).

10. Каннелюра

Элемент орнамента в виде горизонтального желобка, нанесенного на стенку сосуда, по всей видимости, пальцем (Рис. 1: 10). На Рюриковом городище встречено девять изделий украшенных таким образом.

Посуда, декорированная каннелюрой, представлена на многих памятниках Северо-Запада России последней четверти I тыс. н. э. относимых исследователями к культуре сопков. По одному фрагменту такой керамики встречено на селище Васильевское (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 134. Табл. 152: 1) и поселении Прость (1 экз)¹. Три сосуда, украшенных горизонтальным желобком найдено на поселении Холопий городок под Новгородом (Носов, Плохов 1997: 137. Рис. 5: 8; 8: 13; 10: 7). В древнейших слоях Старой Ладogi Т.Б. Сениченковой зафиксировано семь сосудов украшенных подобным образом (Сениченкова 2002: табл. 3; 4). Каннелированные сосуды отмечены на поселении Золотое Колено (8 экз.) (Носов, Плохов 1991: 128. Рис. 8: 7), на селищах у деревень Нестеровичи (2 экз.) (Конецкий 1991: Рис. 7: 13), Малые Полищи², Бережок (Исланова 1997: 61. Рис. 104: 2), а также у Крюковского озера (1 экз.)³ в бассейне Мсты, на посаде Передольского погоста в Полужье (1 экз.) (Жеглова 1995: 30, 31; Платонова 1991: Рис. 4; Платонова, Жеглова, Лесман 2007: 163, 167. Рис. 10: 3; 15) и Городке на Шелони (1 экз.). Горшки с подобным орнаментом составляют значительный процент на поселении и в грунтовом могильнике у д. Которск в бассейне Плюссы (Кузьмин 1989: 37; Кузьмин 1991: 156. Рис. 3: 11; Кузьмин, Михайлова 2002: 105. Рис. 5: 8, 9; Михайлова 1994; 2008: 227. Рис. 9; Михайлова, Кузьмин 1994: Рис. 1: 21) и в Городце под Лугой (Лебедев 1973: 76; Ефимова 1977: 101. Рис. 2). Известны каннелированные сосуды среди находок из сопков в бассейнах рр. Волхова, Мсты⁴, Плюссы (Петренко 1994: Рис. 29; Носов, Плохов 1991: Рис. 2: 6; Кузьмин 1989: 39) и курганного ровика в Курово (Исланова 1991: 50; 1997: 145. Рис. 11: 1; 16: 5). Единичные сосуды, декорированные горизонтальным желобком, встречены в курганах

¹ Раскопки С.Н. Орлова 1979 г.

² Сборы В.В. Милькова 1977 г. Фонды НГОМЗ.

³ Раскопки С.Н. Орлова 1971 г. Фонды НГОМЗ.

⁴ Сопка №1 у д. Заручевье. Раскопки В.Я. Конецкого 1981 г. Фонды НГОМЗ.

Х в. юго-восточного Приладожья (Спиридонов 1985: Рис. 2: 1, 4; 1986: 27. Рис. 2: 8, 9), на городищах Изборск (Белецкий 1996: Рис. 5: 4; Лопатин 2006: 104. Рис. 3: 3), Камно (Белецкий 1977: 93. Рис. 3: 1; 1996: 46. Рис. 30: 3) и Рыуге (Белецкий 1996: 46. Рис. 26: 2). Несколько каннелированных горшков найдено также в Пскове (Белецкий 1983: 52. Рис. 7: 1, 2, 4, 6; 9: 7; 1996: 57. Рис. 45: 1, 3, 4, 6). Посуда, украшенная аналогичным орнаментальным элементом, имеется в древностях эпохи викингов Финляндии и Швеции (Carpelan 1963: kuva 3: 32, 33; Kivikoski 1973: 130. Taf.114: 1026; Lehtosalo-Hilander 1982: pl.4: 11; 46. G 118: 2; 78: 18; 117: 4; 1982a: 76–78, 80, 82–84. Fig.22: II:1c; Selling 1955: Taf.47: 2; 62: 2).

Каннелюру можно считать типичным элементом орнаментации сосудов на памятниках IX–X вв. значительной части Северо-Запада России. Нельзя исключать, что его появление на раннесредневековой посуде каким-то образом связано с керамическими традициями культуры луконсаари, относимой к раннему железному веку. Ареал этой культуры в основном охватывает западные районы Карелии и восточную часть Финляндии. Однако обломки типичных для луконсаари сосудов встречены также в южном Приладожье (Археология Карелии 1996: 239), а в последние десятилетия — в верховьях р. Луги (Курская Гора) и на ряде памятников Приильменья (Васильевское, Прость, Каменка, Городок на Маяте). Среди орнаментов, украшающих керамику луконсаари, в значительном количестве представлены и неглубокие желобки-каннелюры (Археология Карелии 1996: 246).

11. Валик

На Рюриковом городище встречено три лошенных миски, украшенных маленькими, вытянутыми из стенки сосуда валиками (Рис. 1: 11).

В Приильменье нам известны обломки нескольких сосудов, украшенных этим элементом. На изделии, происходящем с Городка на Маяте, валик расположен под венчиком (Еремеев 2006: 270. Рис. 6: 1). Он вылеплен из отдельного куска глины и орнаментирован косой насечкой. На селищах Нестеровичи (1 экз.) и Губинская Лука (1 экз.) встречены фрагменты посуды, декорированной на уровне основания шейки валиками, сформованными из материала изделий. Фрагменты горшков с большими оттянутыми валиками, выступающими в качестве декоративного оформления ребра, встречены на селище Нестеровичи (1 экз.), а также в сопке у д. Золотое Колено (1 экз.) (Носов, Плохов 1991: Рис. 2: 7). Во всех отмеченных случаях валики значительно крупнее тех, что украшают городищенские миски. Рассматриваемый элемент декора, как вытянутый из стенки, так и наlepной, имеется на посуде Белозерья, Волго-Окского междуречья и Вычегды (Голубева 1973: 155, 158. Рис. 53: 5, 30; Макаров 1985: 84. Рис. 2: 17; 1989: Рис. 3: 10, 12; 1991: 149. Рис. 4: 5, 6; 5: 7; Мокрушин 2002: табл.3. Рис. 3: 18; 2008: табл.104. Рис. 232, 1: 17; Леонтьев 1996: 55, 198, 214. Рис. 16: 12; 83: 6; 92: 10; Седых 1988: 108, 110. Рис. 8; Томсинский 2004: 130. Рис. 50: 7), но они отличаются от обнаруженных на городище образцов своими размерами. Валики, аналогичные встреченным на керамике Рюрикова городища, широко распространены в древностях Эстонии. Их наличие явилось основным признаком для выделения третьего типа, самого многочисленного среди лошенной и подлощенной керамики городища и селища Иру (Lang 1985: 196, 201–205. Joon.1: 9–14; 2; 3. Tahv.II: 2, 4–6; III; IV; V: 1, 3; 1987: 364. Abb.6: 1; 1996: 81–87, 109, 110. Joon.26–29; 41; Moora 1955: joon.20: 3). Подобная орнаментация посуды встречена на городищах Куусалу Паюлинн (Schmiedehelm 1939: joon.82, 84), Асва (Löugas 1967: 88, 89. Joon.5: 3), Тарту, Отепя, Унипиха (Аун 1992: 50. Табл.XI: 9) и поселении Пада (Тамла 1983: 304. Табл.XIII: 1–3, 5; 10). Имеются низкие валики на сосудах группы АIII эпохи викингов Швеции (Selling 1955: Taf.36: 1, 4; 37: 1; 38: 1; 42: 4). Для керамики раннесредневековой Финляндии такой декор не характерен. Нам известен только один сосуд, украшенный этим элементом, из могильника Иляне (Хирвилуото 1979: Рис. 9).

Рассматривая представленность различных элементов в орнаментальном наборе Рюрикова городища (табл. 1), нетрудно заметить, что чаще всего здесь встречаются пальцевые (30,4%) и ногтевые (13,8%) вдавления, а также отпечатки веревочки намотанной на палочку (26,1%). Довольно существенная часть керамики памятника украшена прочерченным орнаментом (8,7%), короткими насечками (5,8%) и каннелюрами (6,5%). Доля остальных элементов невелика.

Как правило, декор сосудов Рюрикова городища выполнен одним элементом. Сочетание двух различных элементов отмечено только на девяти сосудах. Прочерченный орнамент встречается с ногтевыми насечками (1 экз.), веревочными вдавлениями (1 экз.) и валиком (3 экз.). Пальцевые вдавления присутствуют на сосудах вместе с насечками (1 экз.) и вдавлениями с плоским дном (1 экз.). Единичными образцами представлены сочетания каннелюры с отпечатками веревочки, а также насечек с ногтевыми вдавлениями. Следует также отметить, что два горшка украшены двумя различными веревочными штампами.

Подавляющая часть элементов, представленных на посуде Рюрикова городища, очень просты и имеют довольно широкое распространение в древностях конца I тыс. н.э. Восточной Европы. Однако на памятниках разных регионов и культур в орнаментальных композициях, украшающих сосуды, они встречаются в различных соотношениях.

Существенные отличия бросаются в глаза даже при сравнении представленности различных элементов в орнаментальных наборах Рюрикова городища и Старой Ладogi (Сениченкова 2002: табл. 3; 4). Так, согласно подсчетам Т.Б. Сениченковой, в материалах Старой Ладogi в значительно большем количестве имеется гребенчатый штамп (9,6%), вдавления с плоским дном (6,6%) и прочерченный орнамент (18,1%). Более многочисленны на этом памятнике «глубокие вдавления» — 14,5%, элемент, совершенно не отмеченный в керамической коллекции Рюрикова городища. В значительно меньшем числе присутствуют в Старой Ладoge отпечатки веревочки, намотанной на палочку (4,8%), и пальцевые вдавления (17,5%). Такие отличия в соотношении элементов этих двух поселений, по всей видимости, можно объяснить разницей в направлении внешних связей населения Верхнего и Нижнего Поволжья.

Керамика Ладogi имеет определенное сходство в орнаментальном наборе посуды Белозерья, где преобладает гребенчатый штамп и имеется значительный процент вдавлений с плоским дном и глубоких вдавлений, тогда как пальцевые вдавления представлены небольшим количеством образцов (Макаров 1985: 84, 85). В то же время, орнаментации посуды Рюрикова городища гораздо ближе декор керамики бассейна Верхней и Средней Мологи, верховьев Мсты и Волги. Господствующим элементом орнамента в этом регионе являются пальцевые вдавления; широко распространены и отпечатки веревочки, намотанной на палочку (Исланова 1988: 127, 128. Табл.8; Олейников 2002: 522, 527, 532, 536, 538, 543. Рис. 4: 8; 9: 1a; 10: 2–4; 11: 3; 21: 4, 7, 11; 22: 1). О контактах обитателей Городища с финским населением Белозерья косвенно свидетельствуют только встреченные здесь единичные фрагменты горшков, украшенных вдавлениями с плоским дном.

Следует отметить, что на поселении также найдены мелкие обломки горловин двух сосудов, декорированных вдавлениями округлой палочкой, и фрагменты трех круглодонных мисок с валиками. Указанные находки достаточно определенно говорят, соответственно, о южных и западных связях Рюрикова городища.

Узоры, их кратность и усложнение

На лепной посуде Рюрикова городища выделено семь типов узоров, состоящих из различных элементов, два из которых имеют варианты (табл.3). В большинстве случаев в орнаментальной зоне наносился одиночный узор, и лишь на нескольких сосудах можно наблюдать увеличение кратности некоторых его типов. В ряде случаев имеет место определенное усложнение узора.

1a. Непрерывная прямая линия

Узор, представляющий прямую непрерывную горизонтальную линию, встречен на 18 экземплярах лепной керамики памятника (табл. 3). Им украшены только верхние части тулова сосудов. Каннелюрами и валиками исполнялись только такие линии, тогда как прочерчиванием они осуществлялись меньше, чем в половине случаев (табл. 4).

Как уже отмечалось, сосуды, декорированные каннелюрой, встречены на многих памятниках Северо-Запада России, тогда как изделия с низкими валиками характерны для прибалтийских финнов. Немногочисленные образцы лепной посуды, украшенной прочерченными прямыми линиями, в Приильменьи и Поволжье конца I тыс. н.э. известны только в Новгороде и Старой Ладoge (Сениченкова 2002: 95, 104. Табл.3; 4; 5: XI). В Белозерье (Макаров 1985: 90) и Ярославском Поволжье (Седых 1988: 110. Рис. 8) этот узор также представлен единичными экземплярами.

Каннелюры и валики имеют на посуде Городища единичную кратность узора. На четырех из шести сосудов, украшенных прочерченным орнаментом, она увеличивается. На двух горшках, декорированных гребенчатым штампом, отмечено от 4 и 8 параллельных линий, а на паре лощеных мисок узор удвоен.

Линейная орнаментация характерна для древнерусской гончарной посуды. Очевидно, что появление такого декора на лепных горшках Рюрикова городища связано с подражанием более качественной круговой посуде. Другое дело узор на округлодонных лощеных мисках. Прочерченные линии на них находят прямые аналогии на раннесредневековых памятниках Эстонии — так же, как и валики, которые они иногда заменяют в орнаментальных композициях (Аун 2002: 50, 51. Рис. 19. Табл.XI; Краут 1980:

384. Табл. XVIII: 1–3, 5; Лави, Соколовский, Соколовски 1983: табл. XXV: 3; Тамла 1983: 304. Табл. XIII; Тамла, Тыниссон 1983: 312. Рис. 3; Шмидехельм 1959: табл. III: 1–3; Янитс 1979: 380. Табл. IX: 2, 4; Lang 1985: 205, 206. Tab. 3–5; 1987: 364. Abb. 6: 2, 3; 1996: 110. Joon. 31; 42; Löugas 1967: Joon. 5: 1–4, 6; 1975: Taf. X: 1, 2; Mägi–Löugas 1997: 35. Fig. 4; Mägi 2002: pl. 1: 2; 11: 2; 12: 6; 18: 2; 21: 3; 22: 1; 23: 2; 25: 2; 27: 1; 58: 2; 60: 1; 63: 1; 65: 1; Мдги 2005: 71. Fig. 6: 2, 4; Moora 1955: joon. 18: 3; 20: 2, 3; Moora 1967: tahl. VIII: 12; Schmiedehelm 1939: joon. 82–84; 1973: Abb. 4: 4, 8; Vassar 1939: joon. 29; 30; 57). Декор, включающий несколько горизонтальных линий, присутствует на лепной посуде эпохи викингов Финляндии (Carpelan 1963: kuva 3; Cleve 1943: fig. 49: 1; Kivikoski 1939: Taf. XXXVIII: 3, 5, 6; Kivikoski 1947: Taf. 74: 613; 1963: Taf. 5: 3, 5; 24: 3; 39: 9; 43: 1; 1973: Taf. 72: 651, 655; 1980: Pl. 16: 7; 17: 1–4; Lehtosalo–Nilander 1982: pl. 9: 16; 12: 28; 32. G 63: 5; 125. G 410: 2; 1982a: 77; 2000: pl. 4: 9; 9: 12; 14: 9; 20. G 668: 8; 40. G 878: 4), Швеции (Selling 1955: Taf. 35: 1, 8; 36: 1–3, 5; 37; 38: 2, 3; 39; 41: 3; 42: 2, 5, 6; 43: 1; 48: 1, 6; 50: 7; 57: 4; 58: 6; 64: 10) и на лощеных сосудах второй половины I тыс. н.э. Латвии (Cimermane 1974: 5. att.: 4–6, 8–10 att.; Цимермане 1980: Рис. 5: 25, 28, 31, 33). Н.А. Макаров предположил, что появление подобного орнамента в Белозерье связано с проникновением в регион «элементов прибалтийско-финской культуры» (Макаров 1985: 90).

1б. Пунктирная прямая линия

Прямая горизонтальная линия, состоящая из ряда точечных вдавлений, является самым распространенным узором на Городище (табл. 3; 4). Ему принадлежит около двух пятых всей выборки. Пальцевые и ногтевые вдавления, а также фигурный штамп на керамике памятника образуют только этот узор. В одном случае орнамент выполнен отпечатками орнаментира, представляющего собой веревочку, накрученную на палочку в два оборота. Чаще всего пунктирной линией украшено тулово сосуда. Несколько реже такой декор встречается на венчике, причем эта часть сосуда в большинстве случаев орнаментирована ногтевыми вдавлениями (табл. 2).

В Приильменье узор в виде прямой пунктирной линии отмечен на керамике из древнейших слоев Новгорода (Смирнова 1976: Рис. 3: ПВ, ПГ, ПП2, VA, VB, VIB, VIB; 4: 3, 4; 1978: Рис. 1: 3; Плохов 2002: Рис. 5: 6, 10, 13), в материалах Холопьяго городка (2 экз.) (Носов, Плохов 1997: 137. Рис. 5: 7; 7: 11), поселения Прость (1 экз.), селищ Васильевское (2 экз.) (Носов, Горюнова, Плохов 2005: табл. 149: 20, 23) и Золотое Колено (3 экз.), Городка на Маяте (1 экз.), сопки и селища в урочище Губинская Лука (4 экз.), городищ Молвогицы (1 экз.) и Княжая Гора (2 экз.), поселения Новые Дубовики (1 экз.), а также в могильнике Боково.

В силу своей простоты этот узор имеет очень широкое распространение на территории Восточной Европы в конце I — начале II тыс. н.э. (Аун 1976: 355. Рис. 6. Табл. V–VIII; Аун 2002: Рис. 19: 37, 38; Белецкий 1983: Рис. 9: 4; Винников 1978: Рис. 1; Голдина 1985: 97. Табл. XLVI: 6, 10, 14; XLVII: 1, 12; Голубева 1973: Рис. 53: 2, 23, 26; 55: 46, 55; Драгун 1967: Рис. 1: 10, 12; Еремеев, Штыхов 2007: 112. Рис. 5.1: 1–3, 6; Еремеев, Бубенько, Штыхов 2007: 7. Рис. 7: 1–4; 8: 3; 14: 14; Плавинский, Штыхаў 2006: мал. 4: 2; 6: 14; Исланова 1982: 193, 194. Рис. 4: 9, 25; Олейников 2002: Олейников 2002: 522, 532. Рис. 4: 8; 10: 3, 4; 11: 4; 13: 1; Кананин 1979: Рис. 2: 7, 9; Петрашенко 1992: Рис. 1: 1; Семенов 1980: табл. XIX; Спиридонов 1986: 25; Спиридонов 1989: 306. Рис. 3: 1; Сухобоков 1975: Рис. 58: 5, 8–10, 13, 15, 16, 37; Шмидт 2005а: илл. 19: 3; 21: 6, 7; Шмидт 2005б: илл. 14: 4). Однако следует заметить, что на памятниках разных регионов для его построения использовались различные элементы. Так, если на керамике Рюрикова городища линейный орнамент в большинстве случаев состоит из пальцевых вдавлений, то на сосудах Старой Ладogi значительно чаще можно увидеть ряды ногтевых отпечатков (Сениченкова 2002: 99, 103, 105. Табл. 5). В отличие от Приильменя, для древностей Белозерья и Мининской группы памятников более характерны пояса, состоящие из отпечатков различных штампов и вдавлений (Макаров 1985: 85, 87. Рис. 3: 7–9; 4: 2, 4, 17, 19, 20; 6: 3, 5, 11, 13, 24, 25; 1989: Рис. 2: 1, 6, 7, 20; 3: 10, 16; 1991: 151. Рис. 1: 6; 3: 4, 5, 7, 11; 6: 11, 13, 14; Мокрушин 2002: Рис. 2: 1, 16, 19; 4; 2008: 279. Рис. 227: 5, 13; 228: 9; 230: 1, 13, 15, 17, 18; 232, 2: 3; Тухтина 1990: Рис. IV: 1). В то же время, ряд из пальцевых вдавлений, особенно на уровне наибольшего расширения тулова, является самым распространенным узором на памятниках бассейна Мологи, верховьев Мсты и Волги (Башенькин, Васенина 2007: 60. Рис. 15; Волкова 1996: Рис. 3: 13, 16; Голубева 1966: Рис. 3: 6; Исланова 1981: Рис. 3: 4, 5; 1986: Рис. 3: 7; 1988: 127, 128, 133. Рис. 88: 2, 3, 5, 6; 93: 2, 4, 10; 94: 1–3, 5; 1991: 50, 54. Рис. 1: 7; 3: 1, 4; 1991а: 112. Рис. 5: 3, 6, 8, 13; 1997: 67. Рис. 11: 3; 13: 6; 91: 9, 10; 97: 8; 98: 4, 14; 106: 6; 131: 5; 171: 2; Голубева 1973: Рис. 8: 2, 5; Лагуткина 1998: 161; Лагуткина, Лагуткин 2004: 269; Олейников 2002: 522. Рис. 4: 8; 10: 3, 4; Соболев 2007: Рис. 6: 2; Харитонов, Портнягин 1976: 97. Рис. 2: 1; Хохлов 1989: Рис. 3: 1, 2). Орнамент, выполненный кончиками пальцев, представлен также

на многих сосудах селищ Гнездово¹ и Новоселки, но здесь он, как правило, украшает венчики горшков (Шарганова 2007: 277. Рис. 1: 1, 2, 7; 2: 6, 10, 15, 19; 4: 3; 6: 7, 16, 21, 28; 7: 1, 2; 8: 5. 9).

Обычно рассматриваемый узор состоит из одинарной линии. Только на одном фрагменте он образован двумя рядами пальцевых вдавлений, помещенных выше и ниже уровня наибольшего расширения горшка. Единичные обломки посуды, украшенной в верхней части тулова узором «из повторяющихся одинаковых элементов, расположенных в два яруса», зафиксированы в Старой Ладоге (Сениченкова 2002: 103. Табл.5: 36). Подобная орнаментация известна на некоторых памятниках Белозерья (Голубева 1973: Рис. 55: 16, 26, 50; Макаров 1985: 88. Рис. 3: 27–31; 1989: Рис. 2: 16; 1991: 152), Кубенозерья (Мокрушин 2008: 279. Рис. 230: 2), юго-восточного Приладожья (Кочкуркина 1973: табл.5; Спиридонов 1986: 24), Верховьев Тверцы (Олейников 2002: Рис. 15: 1), в материалах боршевской культуры (Винников 1978: Рис. 1: 37), а также в финских древностях Северо-Востока Восточной Европы (Верещагина, Овсянников 1992: Рис. 1: 2; Голдина 1985: табл. XXXV: 6; XXXVIII: 22; Голдина, Водолаго 1990: табл. LX: 7; Макаров 1985: 88; 1991: 152; Семенов 1980: табл. XXIX: 13а, 29б, 30а).

На двух горшках Рюрикова городища узор в виде прямой пунктирной линии имеет усложнение. Пальцевые отпечатки, соединенные в группы по два, повторяются на них с определенным интервалом.

В центральном Приильменье единичные образцы керамики с подобным орнаментом, выполненным пальцевыми вдавлениями или ямками, встречены в древнейших слоях Новгорода (Смирнова 1978: Рис. 1: 4) и материалах поселения Нестеровичи (2 экз.). Немало посуды, декорированной одинаковыми элементами, объединенными в группы, отмечено в старолadoжских коллекциях (Равдоникас 1949: Рис. 31; Сениченкова 2002: 103. Табл.5: 22–24). Подобный узор присутствует на сосудах с памятников Белозерья и Мининского археологического комплекса (Голубева 1973: Рис. 55: 45; Макаров 1982: Рис. 2: 1; 1985: 87. Рис. 3: 15, 16; 1991: 151. Рис. 3: 5; 9: 1; Мокрушин 2002: Рис. 2: 20; 4; 2008: Рис. 227: 2, 5; 230: 19. Табл. 105).

Основным регионом распространения орнамента из сгруппированных элементов Н.А. Макаров считает район Белого озера, но, в отличие от Рюрикова городища, на памятниках этой территории он, как правило, образован отпечатками с вытянутым контуром: гребенчатым штампом, насечками, вдавлениями «с плоским дном» или «треугольными» (Макаров 1985: 87. Рис. 3; 1989: Рис. 3: 3, 5; 1990: 59. Табл. X: 9; 1991: 152. Рис. 4: 3, 9; 5: 2, 4, 7; 9: 1; Макаров, Захаров, Бужилова 2001: Рис. 24: 1; 55: 14).

IIa. Ряд наклонных отрезков

Узор из наклонных отрезков занимает второе место среди орнаментов Городища (табл.3). Чаше всего он выполнен отпечатками веревочки, намотанной на палочку (табл.4). Ряды наклонных отрезков, кроме оттисков этого орнамента, выполнялись насечками, вдавлениями с плоским дном и оттисками гребенчатого штампа. Последний был использован на лепной посуде Рюрикова городища только в этом узоре. В большинстве случаев рядом наклонных отрезков украшены венчики сосудов.

Пояски из отпечатков веревочного орнамента отмечены на горшках из Новгорода (Смирнова 1976: Рис. 3: VA; 4: 4), на обломках керамики с селищ Васильевское (2 экз.) (Носов, Горюнова, Плохов 2005: табл.149: 18; 153: 4), Губинская Лука (1 экз.), Малые Полищи (1 экз.), городищ Сельцо (1 экз.), Княжая Гора (7 экз.)² и Городок на Ловати (Горюнова 1991: Рис. 7: 7), а также на сосудах из комплекса памятников у д. Золотое Колено (Носов, Плохов 1991: Рис. 2: 12, 8: 10). Образцы такого узора, выполненного насечками (1 экз.) или отпечатками веревочки, намотанной на палочку (6 экз.), представлены на селище Нестеровичи. Посуда, украшенная по венчику и тулову наклонными вдавлениями, встречена в старолadoжских коллекциях (Станкевич 1951: 234. Рис. 8: 3, 4; Сениченкова 2002: табл.5), а также в материалах поселения Новые Дубовики (2 экз.)³.

Кроме Приильменья и Поволховья, орнамент, состоящий из насечек или наклонных отпечатков, сделанных различными штампами, представлен на памятниках конца I — начала II тыс. н.э. в разных частях Восточной Европы. Он известен во Пскове (Белецкий 1983: Рис. 7: 7, 9), Белозерье и Кубенозерье (Голубева 1973: 152, 154. Рис. 53: 4, 5, 18, 30; 55: 15, 31, 34, 35, 49; 56: 13, 25; 57: 5, 6, 12, 13, 22; Калинин 2005: Рис. 3: 1; Макаров 1982: Рис. 1: 1–5; 1983: Рис. 1: 1–4; 1985: Рис. 3: 2, 5, 6, 25; Рис. 4: 3, 18; 6: 1; 1989: Рис. 1: 4, 13, 14; 2: 6, 8; 3: 11, 13; 1990: табл. X: 1, 2, 12; 1991: Рис. 1: 5, 11; 2: 5, 7, 11; 3: 5, 6; 4: 5; 5: 5; 6: 7,

¹ Раскопки И.И. Ляпушкина 1967–1968 гг. и В.А. Булкина 1970 г. Фонды ОАВЕС ГЭ. Оп. хр. 153.

² На фрагменте одного горшка отмечены как наклонные, так и прямые отпечатки веревочного штампа.

³ На одном обломке узор занимает только часть диаметра венчика.

10; 8: 4, 7, 8; 9: 2, 5; Макаров, Захаров, Бужилова 2001: Рис. 23; 24: 1, 2, 12; 55: 11; 63: 1; 124: 3, 4; Мокрушин 2002: Рис. 1: 3, 4, 6, 9, 10, 12; 2: 3, 16, 18, 20; 2008: Рис. 227: 1, 3, 5–7, 10–12, 14; 228: 1; 229: 4–8, 12; 230: 11, 15, 16, 19; Раковская 2007: Рис. 1: 1; 2: 14, 15; 3: 22), в бассейне Северной Двины (Верещагина. Овсянников 1992: Рис. 1: 2, 3; Иванищева 1996: 119. Рис. 5: 1), верховьях Мсты и Мологи (Волкова 1996: Рис. 3: 15; Исланова 1986: Рис. 3: 5, 8; 1988: 127, 279. Рис. 91: 2, 4; 94: 2; 1991: Рис. 3: 2, 11; 1997: 67, 146. Рис. 9: 3, 5; 10: 10; 14: 5; 97: 17; 98: 2; 99: 8; 106: 2; 131: 10; 158: 9, 10; 2006: Рис. 95: 4), Тверском (Олейников 2002: 536. Рис. 10: 2; 15: 2, 7; 21: 11) и Ярославском Поволжье (Макаров 1983: Рис. 3: 2, 5–7; Седых 1988: Рис. 8), Прикамье (Голдина 1985: 97; Кананин 1979: 96. Рис. 2: 2, 8, 9, 10; Семенов 1980: табл. XIX), в культуре смоленских длинных курганах (Енуков 1990: 88. Рис. 30: 2, 4, 13, 16; 40: 8, 11; Шмидт 1958: 167. Рис. 5: 1; 2002: илл. 8: 3; 2005а: 66. Илл. 19: 11; 2005б: 108, 113. Илл. 3: 1, 2; 10: 2; 18: 1; 2005в: 158. Илл. 15: 4; Шарганова 2007: 277. Рис. 1: 4, 8, 16; 2: 11, 18, 20), на раннесредневековых поселениях Белоруссии (Драгун 1967: Рис. 1: 9; Еремеев, Штыхов 2007: 113, 114. Рис. 3: 13, 14; 6.1: 1; 6.2: 3; Еремеев, Бубенько, Штыхов 2007: 7. Рис. 1: 4; 2: 8; 3: 9; 6: 6; 7: 5; 8: 4; 10: 3; 12: 5, 7; 14: 6; Зверуго, Медведев 2003а: Рис. 20: 3, 4; 24: 1; Плавинські, Штыхаў 2006: 66. Мал. 4: 12; 6: 14, 18), в Гнездове (Сизов 1902: Рис. 76; Шарганова 2007: Рис. 6: 1, 10, 14, 20, 22; 8: 1, 7), на памятниках типа Луки-Райковецкой (Петрашенко 1992: Рис. 1: 2–5, 2: 2, 4, 5), а также роменской и боршевской культур (Дьяченко 1988: Рис. 15–21; 26; 27; Сухобоков 1975: 2, 11–16, 19, 21–23, 29–31, 44, 35, 38–40, 43, 44, 46, 48; Винников 1978: 56. Рис. 1: 1, 6, 7, 23, 25, 34, 45, 46, 53, 55–57, 62, 67, 68; Носов 1974: Рис. 4: 1, 4, 6, 9).

IIб. Ряд вертикальных отрезков

Значительно реже, чем ряд наклонных отрезков, посуду Городища украшает узор из вертикальных вдавлений и насечек (Табл. 3; 4). В основном, таким орнаментом украшены венчики сосудов.

В Приильменье орнамент из вертикальных отрезков отмечен на фрагментах сосудов с поселений Васильевское (1 экз.), Прость (2 экз.) (Носов, Горюнова, Плохов 2005: Табл. 149: 14; 166: 4), Золотое Колено (2 экз.)¹, также на обломках горшков с городищ Городок на Шелони (1 экз.) и Молвотицы (1 экз.), поселения Новые Дубовики (1 экз.)², а также из кургана у д. Нестеровичи (1 экз.). Встречен подобный узор на некоторых сосудах Старой Ладogi (Станкевич 1951: 8: 4; Сениченкова 2002: табл. 5: 5, 45, 52), на обломке венчика из сопочного могильника в урочище Победище близ этого памятника, а также в древностях Мстинско-Моложского междуречья (Исланова 1988: Рис. 94: 4; 1991: Рис. 3: 5; 1997: 67. Рис. 105: 6; 135: 4), верховьев Тверцы³, Белозерья и Кубенозерья (Голубева 1973: 152, 154. Рис. 53: 5, 23, 30, 35; 55: 8, 19, 44; 56: 5; 57: 15, 18, 23; Макаров 1982: Рис. 16 4, 6; 2: 6; 1983: Рис. 1: 1, 5, 8; 2: 1; 1985: Рис. 3: 1, 4, 24; 4: 1, 3, 4, 15, 16, 21, 22, 24, 25; 6: 7, 23; 1989: Рис. 2: 2; 3: 15; 1990: табл. X: 31; 1991: Рис. 6: 9, 12; 9: 3; Макаров, Захаров, Бужилова 2001: Рис. 24: 8; Мокрушин 2002: Рис. 1: 6; 2: 9; 2008: Рис. 227: 2; 230: 12, 17; Раковская 2007: Рис. 1: 7; 3: 23, 24), рр. Вага (Назаренко, Овсянников, Рябинин 1984: Рис. 9: 3) и Пинега (Колпаков, Рябцева 1996: 209. Рис. 2), верховьев Камы и Чепцы (Голдина 1985: 97; Голдина, Водолаго 1990: табл. LV: 17; LVII: 2; LVIII: 6; Кананин 1979: Рис. 2: 3, 12; Семенов 1980: 55. Табл. XIX: За, ба, 19а), в коллекции керамики из культурного слоя Гнездова, средневекового Витебска (Еремеев, Бубенько, Штыхов 2007: Рис. 10: 1), славянских городищ Подонья (Винников 1978: 56. Рис. 1: 31, 47, 54, 56, 61; Дьяченко 1988: Рис. 25: 3; 26: 16), а также из Тимеревского могильника (Макаров 1983: Рис. 3: 1, 4–6, 8; Седых 1988: 109. Рис. 8; Смирнова 1987: Рис. 4: 1; 5: 12).

III. Зигзагообразная линия

Узор в виде зигзагообразной линии входит в группу самых распространенных орнаментов на городищенской посуде (табл. 3). В большинстве случаев это одинарная линия украшающая венчик⁴ или тулово сосуда. На двух фрагментах такой узор нанесен на обе орнаментальные зоны. Чаще всего для декорирования использовали штамп из веревочки, намотанной па палочку. На нескольких горшках узор выполнен насечками или прочерчен.

¹ На одном фрагменте вертикальными насечками украшена только часть венчика, а другого обломок верхней части сосуда орнаментирован комбинацией из групп насечек и наколов (Носов, Плохов 1991: 128. Рис. 4: 9).

² Узор занимает только часть диаметра венчика.

³ Селище Шитовичи. Раскопки О.М. Олейникова 1989, 1990 гг. Фонды ТГОМ.

⁴ В одном случае зигзаг украшает часть диаметра венчика.

В Старой Ладогe зафиксирован десяток образцов посуды, которые были декорированы одинарной зигзагообразной линией, осуществленной различными элементами (Станкевич 1951: 234, 238. Рис. 5: 2, 5; 7: 3; Сениченкова 2002: 99, 103. Табл. 5: 4, 28–31, 54). Керамика, украшенная таким узором, представлена в Новгороде (Плохов 2002: Рис. 5: 3), на селищах Васильевское (3 экз.) (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 149: 25, 27; 154: 3), Нестеровичи (1 экз.) и Новые Дубовики (1 экз.), городищах Холопий Городок (2 экз.) (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 177: 10; 180: 11), Княжая Гора (4 экз.), Молвотицы (1 экз.), а также в Городке на Ловати (Горюнова 1991: Рис. 11: 10) и Изборске (Седов 2007: Рис. 60: 4, 5; 213: 8).

Встречена подобная орнаментация на поселениях и могильниках Белозерья (Голубева 1973: 152, 154. Рис. 8: 1; 53: 6, 13, 27; 55: 13; 56: 4, 8, 11, 23, 24, 29; 57: 9, 14, 16, 19, 21, 26–28; Калинин 2005: Рис. 3: 2; Макаров 1982: Рис. 2: 6; Макаров 1983: Рис. 2: 2, 4, 5; Макаров 1985: 87. Рис. 3: 17; 4: 15, 18, 19, 20, 23, 25; 6: 4, 9, 10, 12, 19, 23, 26; Макаров 1990: 59. Табл. X: 1–4; Макаров 1991: 151. Рис. 3: 1, 8; 4: 7; Макаров, Захаров, Бужилова 2001: Рис. 63: 1, 9, 10, 12; 124: 3; 125: 5, 6; Раковская 2007: 131–133. Рис. 1: 3, 6, 9; 2: 18, 19; Тухтина 1990: Рис. III: 1), на памятниках Мининского археологического комплекса (Мокрушин 2002: Рис. 1: 6, 12; 2: 13; 4; 2008: Рис. 227: 7, 12; 229: 5, 7; 230: 10; 232, 2: 7. Табл. 105), Мстинско-Моложского междуречья (Исланова 1988: 127, 279; 1991: Рис. 3: 8; 1997: 67, 146. Рис. 13: 6; 14: 3; 100: 6, 8; 162: 6) и верховьев Волги (Олейников 2002: 536, 538, 543. Рис. 15: 3, 4; 20: 4; 21: 4, 7; 22: 1). Известен этот довольно простой узор и на других территориях Восточной Европы (Винников 1978: 56. Рис. 1: 20, 24, 33, 42; Дьяченко 1988: Рис. 15: 13; 16: 3–5; 17: 5, 9; 19: 1, 3; 20: 1, 5; 21: 1–4; 26: 3, 4, 7; 27: 4, 5; Сухобоков 1975: Рис. 58: 19, 39; Еремеев, Штыхов 2007: 112, 114. Рис. 3: 5; 13.2: 2–4; Еремеев, Бубенько, Штыхов 2007: Рис. 14: 5, 7; Енуков 1990: 88. Рис. 30: 1, 9, 13, 16; 40: 8, 11; Зверуго, Медведев 2003: Рис. 10: 5; Шмидт 2005: 10. Илл.3: 13; 2005б: илл.18: 1; 2005в: 158. Илл.15: 4; Шарганова 2007: 277. Рис. 6: 18, 20; 6: 10, 24; Макаров 1983: Рис. 3: 7; 1985: 87; Носов 1974: Рис. 4: 4, 9; Петрашенко 1992: 30. Рис. 1: 11; 2: 5, 9; Седых 1988: 109. Рис. 8; Смирнова 1987: Рис. 2, 3; Голдина 1985: 97; Голдина, Водолаго 1990: 90; Семенов 1980: Табл. XIX: 20а; Аун 1992: 43. Табл. VII: 2, 3; Шмидехельм 1959: Табл. I: 8).

На семи керамических сосудах Рюрикова городища рассматриваемый узор удвоен или утроен. На двух горшках зигзагообразные линии, украшающие изделие на уровне наибольшего расширения тулова, выполнены отпечатками веревочки, намотанной на палочку, а на пяти округлодонных мисках они прочерчены зубчатым штампом.

В Приильменье декор в виде двойной зигзагообразной линии, нанесенной веревочным штампом, отмечен на городище Княжая Гора (2 экз.) и селище Бережок (Исланова 1997: Рис. 97: 8). Двойной или тройной узор, исполненный, в основном, гребенчатым штампом, широко представлен на памятниках Белозерья и Кубенского озера (Голубева 1973: Рис. 55: 8; Макаров 1982: Рис. 2: 5; 1985: 87, 88. Рис. 3: 18–20; 4: 11, 13, 14, 16, 26, 27, 30; 7; 1989: Рис. 1: 1; 2: 11; 3: 13, 17; 1990: Табл. X: 7; 1991: 151, 152; Макаров, Захаров, Бужилова 2001: Рис. 54: 8; 71: 19; Мокрушин 2008: Рис. 227: 9; 232, 2: 8. Табл. 105), а также Камско-Вычегодском районе (Голдина 1985: Табл. XLVI: 9, 19; XLVII: 7, 9, 10, 14, 15, 17, 19; Кананин 1979: Рис. 2: 4, 5, 12; Семенов 1980: Табл. XIX). За пределами этих регионов аналогии этому орнаменту немногочисленны (Макаров 1985: 87. Табл. 4; Винников 1978: 56. Рис. 1: 52; Дьяченко 1988: Рис. 18: 6; 26: 6, 16; Сухобоков 1975: Рис. 58: 20, 22, 23, 27, 43, 49). Многорядный прочерченный зигзаг характерен для раннесредневековой керамики Финляндии и Эстонии (Carpelan 1963: kuva 3; Cleve 1978: pl. 16: 265; Hirviluoto 1996: fig. 40. Pl. 35: 9; 1939: Taf. XXXVIII: 7, 8; 1946: fig. 42: 3; 1951: Taf. 120: 966; Kivikoski 1963: Taf. 12: 8; 39: 9, 10; 1973: Taf. 72: 655; 1980: Pl. 17: 5; Lehtosalo-Hilander 1982: pl.9: 16; 21: 12; 32. G 63: 5; 36: 10; 52: 11; 57. G170: 3; 104: 18; 1982a: 77. Fig. 22; 2000: pl. 14: 9; Аун 2002: Рис. 19. Табл. XI: 7–11; Краут 1980: Табл. XVIII: 3; Тамла 1983: 304. Табл. XIII: 1, 4; Янитс 1979: 380. Табл. IX: 3; Lang 1987: 364. Abb.6: 3; 1996: joon.24: 7, 8; 27: 9; 28: 1–4; 31; 39: 1–3; 41: 4–6; 42; Lõugas 1976: Abb.1: 7; Mägi 2005: 71. Fig.6: 4; 2002: pl.11: 2; 12: 6; 21: 3; 22: 1; 23: 2; 43: 4; 66: 2; Schmiedehelm 1939: joon.83; 84), а также встречен на прибалтийско-финской посуде могильника Северик (Тараканова 1951: Рис. 41; 1954: Рис. 8), Изборска (Лопатин 2006: Рис. 4: 1–3), Старой Ладогe, памятников эпохи викингов Средней Швеции (Selling 1955: Taf.36: 1–4; 39: 2; 42: 4) и на лощеных сосудах Латвии (Cimermane 1974: 5. att.: 4, 8; 6. att.: Cimermane 1980: Рис. 5: 28, 29, 31).

Фрагмент одного из керамических изделий с Городища украшен усложненным зигзагообразным узором. На этом обломке одинарный зигзаг, выполненный веревочкой, намотанной на палочку, на уровне наибольшего расширения тулова, заполнен сверху наклонными отпечатками того же штампа. Наиболее близкой аналогией данному виду декора является орнамент, входящий в XI тип композиций лепной керамики Белозерья (Макаров 1985: 90. Рис. 4: 18).

IV. Волнистая линия

Узор, образованный прочерченной волнистой линией, встречен на обломке верхней части всего одного сосуда Рюрикова городища.

Редкие образцы подобной орнаментации происходят из древнейших слоев Новгорода (Смирнова 1976: 4, 5, 8. Рис. 3: ПД; 4: 2; 1978: 166. Рис. 1: 2), Старой Ладogi (Сениченкова 2002: 104. Табл. 2: 15; 3; 4; 5: 44), кургана 15 могильника Боково, а также с памятников юго-восточного Приладожья (Спиридонов 1989: 206. Рис. 3: 1, 2), Белозерья (Макаров 1985: 90. Рис. 5: 10), Днепро-Двинского междуречья (Шмидт 2002: илл.8: 2), Тверского¹ и Ярославского Поволжья (Седых 1988: 110. Рис. 8). По всей видимости, они представляют собой подражание волнистому орнаменту, характерному для круговой посуды.

V. Ряд непересекающихся косых крестов

Один керамический обломок, найденный на Городище, принадлежит сосуду, украшенному по плечу узором из ряда крестовидных фигур, представляющих собой косую линию, пересеченную двумя параллельными более короткими насечками.

Узор в виде непересекающихся косых крестов представлен на единичных сосудах целого ряда раннесредневековых памятников Восточной Европы: в Староладожском поселении (Сениченкова 2002: 100, 101. Табл. 11, 12), Городце под Лугой (Ефимова 1977: Рис. 2), Белоозере (Голубева 1973: Рис. 57: 24; Макаров 1985: Рис. 4: 12), Мининском археологическом комплексе (Мокрушин 2008: Рис. 227: 11), поселениях Мстинско-Моложского междуречья (Исланова 1988: 127. Рис. 96: 12), городище Лукомль (Еремеев, Штыхов 2007: 113, 114. Рис. 6.2: 2), смоленских длинных курганах (Шмидт 2005б: 106, 108. Рис. 3: 1), селищах Шитовичи в бассейне верхней Тверцы и Шурскол II близ Ростова Великого (Исланова 1982: Рис. 46: 26), а также финно-угорских могильниках Приуралья (Голдина, Водолаго 1990: Табл. LV: 4; Семенов 1980: Табл. XIX: 4а). Однако аналогий крестообразным знакам Рюрикова городища нам не известно.

VI. Горизонтальная елочка

На двух городищенских сосудах встречен узор в виде горизонтальной елочки, выполненной отпечатками веревочки, намотанной на палочку. Он украшает горшки на уровне наибольшего расширения тулова.

Аналогичный орнамент отмечен на посуде Гнездова (Шарганова 2007: Рис. 8: 7), смоленских длинных курганов (Енуков 1990: Рис. 40: 9), керамике роменской и боршевской культур (Дьяченко 1988: Рис. 16: 6; 20: 3; Винников 1978: Рис. 1: 69; Ляпушкин 1958: Рис. 19: 10–12; Сухобокков 1975: Рис. 58: 17). Такой узор, оттиснутый веревочным, зубчатым штампом или вдавлениями с плоским дном, украшает сосуды некоторых памятников Белозерья (Макаров 1985: 88. Рис. 4: 5, 6), Кубенозерья (Мокрушин 2002: Табл. 4. Рис. 4; 2008: Рис. 232, 2: 11. Табл. 105) и Прикамья (Голдина 1985: 97. Табл. XXXIV: 4; XXXVI: 14; XLVI: 10, 14; XLVII: 1, 12; Голдина, Водолаго 1990: 90. Табл. LIV: 3, 6, 9, 10; LV: 2, 3, 9; LVI: 12; LVII: 1, 2, 4, 5, 9; LVIII: 2, 7, 8, 10, 13; LIX: 2, 5–9; LX: 1, 10, 11; LXI: 4; Семенов 1980: Табл. XIX: 186).

VII. Бессистемный орнамент

В городищенских материалах имеется обломок верхней части сосуда, у которого по плечу нанесены бессистемные ногтевые насечки. Существуют определенные сомнения в преднамеренном нанесении их с декоративной целью.

Керамика, украшенная бессистемными ногтевыми насечками, а также другими аналогичными способами, отмечена в материалах Старой Ладogi (Сениченкова 2002: 103. Табл. 5: 33–35). Орнаменты, образованные путем неупорядоченного повторения элементов, присутствуют на поселениях Белоозеро и Крутик, на памятниках по рр. Кемь, Колпь, на Кубенском озере и в юго-восточном Приладожье (Голубева 1973: Рис. 55: 7, 53; Макаров 1982: Рис. 2: 3; 1985: 90. Рис. 5: 1–6; 1991: 152. Рис. 3: 10; Мокрушин 2008: Рис. 232, 2: 15).

Изучение узоров, украшающих лепную посуду Рюрикова городища, показало, что наиболее часто на памятнике встречаются прямые пунктирные линии (40,4%) и ряды наклонных прямых отрезков (23,2%).

¹ Селище Благовещенье, раскопки О.М. Олейникова 1984–1986 гг. Фонды ТГОМ.

Значительная часть керамики поселения декорировано зигзагообразными (15,9%) и непрерывными прямыми линиями (11,9%). Остальные узоры представлены лишь на единичных сосудах (Табл. 3).

Выделенные на орнаментированной посуде Городища основные типы узоров очень просты и, в силу довольно широкого распространения в древностях Восточной Европы последней четверти I тыс. н.э., не могут служить надежным источником для изучения культурно-исторических процессов, хотя в разных регионах орнаменты зачастую состоят из различных элементов. Только для трех усложненных узоров, представленных на памятнике единственными образцами — таких, как удвоенная пунктирная линия, орнамент, состоящий из сгруппированных одинаковых вдавлений, и заполненный сверху зигзаг, можно предположить восточное, белозерское происхождение. Этим коллекция Рюрикова городища заметно отличается от материалов Старой Ладogi, где отмечено значительно больше сосудов с орнаментами, связанными с восточнофинским миром, (Сениченкова 2002: 106. Табл. 7). На противоположное, прибалтийско-финское направление контактов жителей Городища указывают узоры из многорядных прочерченных прямых и зигзагообразных линий.

Орнаментальные композиции

Исходя из расположения декора на сосудах Рюрикова городища, выделяется три группы орнаментальных композиций: А — сосуды, украшенные только по верху венчика, Б — посуда, декорированная только по тулову, В — керамика, имеющая орнамент по венчику и тулову.

Группа А

В керамической коллекции Рюрикова городища имеется всего один миниатюрный горшочек и крупные обломки верхних частей пяти сосудов, которые украшены только по внешнему краю или торцу венчика. В трех случаях для этого был использован узор в виде прямой пунктирной линии, выполненный ногтевыми вдавлениями (2 экз.) или веревочным штампом. На остальных изделиях насечками или отпечатками веревочки, намотанной на палочку, нанесены ряды из наклонных и вертикальных отрезков, а также зигзагообразная линия.

К этой группе можно отнести ещё 24 сосуда, от которых сохранились лишь небольшие орнаментированные обломки горловин, хотя, видимо, какая-то часть их была украшена и по тулову. Чаще всего эти фрагменты декорированы узорами из наклонных (10 экз.) и прямых отрезков (3 экз.), выполненными веревочкой, намотанной на палочку (8 экз.), насечками (2 экз.), вдавлениями с плоским дном (1 экз.) и округлой палочкой (2 экз.). Обломки венчиков семи сосудов орнаментированы рядом ногтевых (5 экз.) или пальцевых (2 экз.) вдавлений, а фрагменты еще четырех — зигзагом из отпечатков веревочного штампа (3 экз.) и насечек (1 экз.).

Сосуды, имеющие орнаментацию только по венчику, известны на Северо-Западе России в древнейших слоях Старой Ладogi (Сениченкова 2002: 99. Табл. 5: 1–8), Новгорода, в материалах поселений Новые Дубовики (1 экз.), Прость (Носов, Горюнова, Плохов 2005: Табл. 166: 4), Золотое Колено (Носов, Плохов 1991: 128. Рис. 8: 9), археологического комплекса у д. Нестеровичи (2 экз.), городищ Княжая Гора (2 экз.) и Камно (Белецкий 1977: 93. Рис. 3: 2), Пскова (Белецкий 1983: Рис. 7: 7), Городка на Ловати (Горюнова 1991: Рис. 7: 7), памятников Мстинско-Моложского междуречья конца I — начала II тыс. н. э. (Исланова 1981: Рис. 3: 6; 1986: Рис. 3: 10; 1988: Рис. 93: 2; 94: 5; 1997: 67. Рис. 9: 6; 97: 17; 100: 6, 8; 104: 1; 106: 6; 131: 10; 133: 4; 134: 3), а также среди керамики Прионежья (Иванишев 1996: 77. Рис. 2: 4; Спиридонов 1989: Рис. 4: 5).

В небольшом количестве орнаментальные композиции, украшающие венчики сосудов, представлены в средневековых древностях Белозерья (Макаров 1985: 85. Табл. 2; 1989: Рис. 1: 5, 10; 2: 2; 3: 4; 1991: 151. Рис. 1: 4, 9; 4: 2; 6: 5, 6). В значительно большем числе такой декор, как мы уже отмечали, присущ памятникам Волго-Окского междуречья, Верхнего и Среднего Поднепровья, а также Верхнего Подонья и Поочья.

Группа Б

Орнаментальные композиции, нанесенные только на тулово сосудов, отмечены на трех археологически целых и 52 фрагментированных сосудах, от которых сохранились крупные обломки верхних частей. В эту группу можно включить еще 25 керамических изделий, от которых найдены только фрагменты стенок.

В подавляющем большинстве случаев сосуды Рюрикова городища украшает простая композиция, состоящая из одного, опоясывающего тулово, узора. Чаще всего таким узором является прямая пунктирная линия, состоящая из ногтевых (9 экз., в том числе 5 на крупных фрагментах) и пальцевых вдавлений (36–29), причем на одном горшке последние нанесены в два ряда. На обломке верхней части тулова еще одного сосуда пунктирная линия выполнена вдавлениями с плоским дном, а на фрагменте стенки другого — отпечатками фигурного штампа.

В Приильменье керамика орнаментированная рядами пальцевых или ногтевых вдавлений по плечу найдена в Новгороде, на поселении Прость (1 экз.), в комплексе памятников в урочище Губинская Лука (3 экз.), на городищах Молвотицы (1 экз.) и Княжая Гора (2 экз.), а также в могильнике Боково. Как уже отмечалось выше, такая композиция, нанесенная пальцевыми вдавлениями, не характерна для сосудов Старой Ладogi (Сениченкова 2002: 103) и памятников Белозерья (Макаров 1985: Рис. 3), но типична для памятников бассейна Мологи, верховьев Мсты и Тверцы (Башенькин, Васенина 2007: 60. Рис. 15; Голубева 1966: 59. Рис. 3: 6; 1973: Рис. 8: 2, 5; Исланова 1981: Рис. 3: 5; 1988: 127, 128. Рис. 88: 2, 3, 5, 6; 93: 4, 10; 94: 1; 1991: Рис. 3: 1, 4; 1991a: 112. Рис. 5: 3, 6, 8, 13; 1997: Рис. 91: 9, 10; 98: 4, 14; 131: 5; 171: 2; Харитонов, Портнягин 1976: 97. Рис. 2: 1; Олейников 2002: 522. Рис. 4: 8; 10: 3, 4).

В небольшом числе в коллекциях Рюрикова городища представлена керамика, орнаментированная каннелюрами (8–4) и прочерченными прямыми линиями (2). Еще меньше на памятнике найдено сосудов декорированных по плечу рядом наклонных прямых отрезков (7–3), в основном, оттиснутым веревочным штампом. Подобная композиция встречена на керамике селища Угол (1 экз.), Пскова (Белецкий 1983: Рис. 7: 9), памятников верховьев Мсты, Волги и Днепра (Исланова 1997: Рис. 98: 2; 2006: Рис. 95: 4; Олейников 2002: 11: 3; 15: 2, 7; Шмидт 2002: илл.8: 3), а также славянских городищах Подонья (Винников 1978: Рис. 1: 25). Ряд вертикальных вдавлений нанесенных таким же орнаментом украшает обломок стенки только одного керамического изделия Городища.

В незначительном количестве на горшках памятника встречен узор в виде зигзагообразной линии (5–3), выполненный отпечатками веревочки, намотанной на палочку (3 экз.) или прочерчиванием (2 экз.). Подобная орнаментация известна на единичных сосудах Изборского городища (Седов 2007: Рис. 60: 4, 5), городища Рьуге (Шмидехельм 1959: Табл. I: 8), Городка на Ловати (Горюнова 1991: Рис. 11: 10), верховьев Мсты (Исланова 1991: Рис. 3: 8; 1997: Рис. 162: 6), Белозерья (Макаров 1991: Рис. 3: 1; Тухтина 1990: 134. Рис. III: 1), на керамике памятников Тверского Поволжья (Олейников 2002: Рис. 21: 4, 7; 22: 1), верховьев Днепра (Енуков 1990: Рис. 30: 9; Шмидт 2005: 10. Илл.3: 13; Шарганова 2007: Рис. 6: 24), Немана (Зверуго, Медведев 2003: Рис. 10: 5) и Западной Двины (Голубович, Голубович 1945: 132. Рис. 56: 5), а также на посуде роменской и боршевской культур (Дьяченко 1988: Рис. 16: 3; 17: 9; 19: 3; 21: 1, 4; 26: 13; 27: 4, 5; Винников 1978: Рис. 1: 24, 33).

Единичными образцами в коллекциях поселения представлены сосуды, декорированные по плечу волнистой линией, рядом крестообразными знаков и бессистемным орнаментом.

Только на шести керамических изделиях Рюрикова городища присутствует более сложная двухъярусная орнаментальная композиция, образованная соединением непрерывной прямой и зигзагообразной линий.

На фрагменте верхней части тулова одного горшка такая композиция состоит из желобка-каннелюры, под которым расположен зигзаг, выполненный отпечатками веревочного штампа. В древностях Северо-Запада России мне известен только один обломок стенки сосуда, украшенного декором из каннелюры и вдавлений веревочки, намотанной на палочку, происходящий из сборов у д. Малые Полищи в бассейне Мсты¹.

На плечиках пяти лощеных округлодонных мисок, найденных на Городище, аналогичная орнаментальная композиция выполнена сочетанием прямых непрерывных линий (одной или двух) или заменяющих их маленьких валиков с двойным или тройным зигзагом, прочерченным зубчатым штампом. Идентичный декор был встречен в 2002 г. на обломках лощеной миски при раскопках Земляного городища Старой Ладogi², а также на сосуде из кургана 6 могильника Северик (Тараканова 1951: 147. Рис. 41; 1954: Рис. 8). Аналогии такой композиции представлены в древностях эпохи викингов Эстонии (Краут 1980: Табл. XVIII: 3; Тамла 1983: Табл. XIII; Mägi 2002: pl.21: 3; Schmiedehelm 1939: joon.84), Финляндии (Carpelan 1963: kuva 3: 18) и Швеции (Selling 1955: Taf. 36: 4; 42: 4).

¹Сборы В.В. Милькова 1977 г. Фонды НГОМЗ.

²Раскопки А.Н. Кирпичникова.

Группа В

В керамических коллекциях Рюрикова городища имеется девятнадцать сосудов, украшенных разнообразными узорами, как по венчику, так и по верху тулова.

Орнаментальные композиции большинства изделий состоят из одинаковых элементов (14 экз.), причем на части из них элементы образуют сходные узоры в обеих зонах. Так шесть сосудов декорированы рядами наклонных отрезков, выполненных веревочным (4 экз.) или гребенчатым штампом (2 экз.). Три горшка орнаментировано зигзагообразными узорами с помощью веревочки, намотанной на палочку, а поверхность одного горшка украшена линиями ногтевых вдавлений.

Керамика, украшенная одинаковыми узорами в обеих орнаментальных зонах, встречается в материалах старолadoжского поселения (Сениченкова 2002: Табл. 5: 48, 49, 51), в сопке у д. Золотое Колено (Носов, Плохов 1991: Рис. 2: 12), на поселении Холопий городок под Новгородом (Носов, Плохов 1997: 137. Рис. 7: 5), в комплексе Курово 2, на селище Бережок и в сопке Мерлугино в верховьях Мсты (Исланова 1997: Рис. 9: 3, 5; 10: 10; 106: 2; 158: 9, 10). За пределами Приильменя и Поволховья подобная композиция представлена на лепной средневековой посуде разных районов Восточной Европы (Арсланова 1993: 38. Рис. 1: 24; Винников 1978: Рис. 1: 55, 59, 64; Волкова 1996: Рис. 3: 16; Драгун 1967: Рис. 1: 9; Дьяченко 1988: Рис. 15: 2; 16: 1, 2; 17: 6–8; 19: 2, 5, 6; 20: 4; 26: 12, 14; 27: 7; Носов 1974: Рис. 4: 6; Енуков 1990: Рис. 30: 1, 2; Еремеев, Штыхов 2007: 114. Рис. 5.1: 1; Еремеев, Бубенько, Штыхов 2007: Рис. 3: 9; Еремеев, Бубенько, Штыхов 2007: Рис. 7: 3; Зверуго, Медведев 2003а: Рис. 20: 4; Исланова 1981: Рис. 3: 4; 1988: Рис. 91: 2, 94: 3, 4; Макаров 1991: Рис. 3: 6, 11; Мокрушин 2002: Рис. 1: 4; 2: 18; 2008: Рис. 227: 3, 13; 228: 1; 229: 8; 230: 11, 18; Сизов 1902: Рис. 76; Шмидт 1958: 167. Рис. 5: 1; 2005б: илл.10: 2; Шарганова 2007: Рис. 1: 8; 8: 1).

Орнаментальные композиции четырех горшков состоят из сочетания различных узоров, выполненных отпечатками веревочки, намотанной на палочку. Эти сосуды украшены по венчику рядом наклонных линий, в то время, как в верхней части тулова изображена одинарная-двойная зигзагообразная линия (2 экз.) или «горизонтальная елочка» (2 экз.).

Подобный декор, осуществленный веревочным штампом, встречен на городищах Молвотицы (1 экз.) и Княжая Гора (5 экз.), в материалах Гнездова (Шарганова 2007: Рис. 6: 10; 8: 7), культуры смоленских длинных курганов (Енуков 1990: Рис. 30: 4, 13, 16; 40: 8, 11; Шмидт 2005б: илл.18: 1; 2005в: 158. Илл.15: 4; Шарганова 2007: Рис. 2: 18, 20) и в древностях роменской и боршевской культур (Дьяченко 1988: Рис. 15: 3, 13; 16: 4–6; 17: 5; 18: 6; 19: 1; 20: 1, 3, 5; 21: 2, 3; 26: 4, 6, 7; Винников 1978: Рис. 1: 54, 57; Носов 1974: Рис. 4: 4, 9).

На пяти сосудах найденных на Городище мы можем видеть орнаментальные композиции объединяющие узоры, из разных элементов. Два изделия имеющих в верхней части тулова ряд пальцевых вдавлений украшены по венчику насечками¹ или вдавлениями с плоским дном. Один горшок, декорированный по тулову линией из ногтевых вдавлений, несет на венчике зигзагообразный узор, выполненный насечками. Последние два сосуда были орнаментированы в верхней части тулова многорядным линейным орнаментом, нанесенным гребенчатым штампом, а по венчику рядами ногтевых насечек или прямых вертикальных отрезков, оттиснутых веревочкой, намотанной на палочку.

Сосуды, украшенные композициями, выполненными разными элементами в двух орнаментальных зонах, встречаются в коллекциях Старой Ладogi (Сениченкова 2002: 105. Табл. 5: 52–55), Курово 2, Бережок, Бежицы (Исланова 1988: Рис. 94: 2; 1997: Рис. 13: 6; 16: 4; 17: 2; 97: 8; 98: 5; 104: 2), а также в средневековых древностях многих регионов Восточной Европы (Винников 1978: Рис. 1: 58, 60–63, 65, 67–69; Макаров 1989: 2: 6; 3: 10, 16; 1991: 3: 5; 4: 5; 6: 7, 9–11; Мокрушин 2002: Рис. 1: 10; 2: 16, 18, 20; 2008: Рис. 227: 2, 5, 14; 229: 2, 6; 230: 15–17, 19).

Заключение

Анализ различных характеристик орнамента лепной керамики Рюрикова городища и сопоставление их с материалами памятников Северо-Запада России, а также других территорий Восточной и Северной Европы показало следующее:

¹ Насечки (8 шт.) нанесены на небольшой части диаметра венчика.

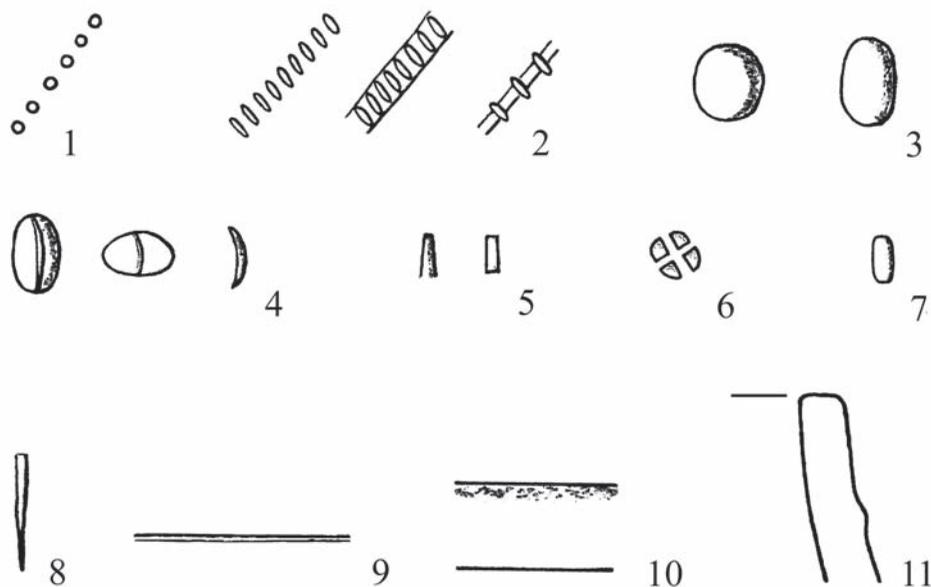

Рис. 1.

1. Основной орнаментальной зоной сосудов поселения является верхняя часть тулова, что сближает керамический комплекс Городища с материалами Старой Ладогы и финно-угорским древностями Белозерья и в значительной мере отличает его от керамики славянских памятников Восточной Европы.

2. Основанное у истоков Волхова, на перекрестке главных торговых путей Восточной Европы — волго-балтийского и «из варяг в греки» — поселение в конце I тыс. н.э. стало главным административным и торгово-ремесленным центром огромной территории формирующейся Новгородской земли, что не могло не найти отражение в его керамическом комплексе. В частности, это проявилось в том, что, несмотря на незначительную долю орнаментированной посуды (6,5%), на Городище зафиксировано значительное количество элементов орнамента — одиннадцать. Это существенно больше, как по сравнению с другими поселениями Приильменья, так и со многими раннесредневековыми памятниками, расположенными к западу и югу от этого региона.

3. Подавляющая часть элементов и все основные типы узоров, из которых состоят орнаментальные композиции, представленные на посуде Рюрикова городища, очень просты и имеют довольно широкое распространение в древностях конца I тыс. н.э. Восточной Европы, но на памятниках разных регионов и культур они встречаются в различных соотношениях. Самым распространенным украшением городищенской посуды является поясok из пальцевых вдавлений, нанесенных на уровне наибольшего расширения тулова. Такая орнаментация, не характерная для Староладожского поселения и древностей Белозерья, является самой распространенной на памятниках расположенных в бассейне Мологи, верховьях Мсты и Тверцы. Отмеченное сходство в декоре посуды может объясняться нахождением обоих регионов на одном из маршрутов Волжского торгового пути, проходившего от оз. Ильмень по Мсте через Мстинско-Волжский водораздел (Исланова 1994), а также включением Мстинско-Моложского междуречья в культурно-исторические процессы, закончившиеся сложением Новгородской земли, центром которых являлось Верхнее Поволховье.

4. О противоположном, западном направлении связей жителей Рюрикова городища говорит орнаментация, украшающая поверхность пяти лощеных мисок. Декор этих сосудов по всем характеристикам, от элементов до композиции, находит ближайшие аналогии в древностях прибалтийских финнов, прежде всего в памятниках северной Эстонии. Рассматривая пути появления лощеных мисок в Верхнем Поволховье, нельзя не принимать во внимание то, что основной морской путь IX–XIII вв., связывающий центральную Швецию с Русью, шел мимо Аландских островов к юго-западному побережью Финляндии, отсюда через «Эстонское море» в окрестности Таллина, а далее вдоль южного берега Финского залива к устью Невы (Шаскольский 1954: 146–159). При движении «на восток» корабли викингов проходили «вдоль густонаселенного эстонского побережья, где имелось несколько торговых гаваней, где можно было вести торговлю с местным населением и получать продовольствие для дальнейшей дороги»

(Шаскольский 1954: 154). Видимо, таким путем на городище появился мастер, изготовивший эти богато украшенные сосуды.

5. В отличие от керамического комплекса Старой Ладogi, в котором отмечено значительное число элементов орнамента и узоров, характерных для древностей Белозерья (Сениченкова 2002: 106), в коллекции Рюрикова городища таковые почти не представлены. О контактах с населением этого региона косвенно свидетельствует только несколько встреченных на памятнике обломков керамики, украшенных вдавлениями с плоским дном, а также три усложненных узора, представленные на поселении единичными образцами.

6. Наименее отчетливо в декоре керамической посуды Городища прослеживаются южные связи. Это, в значительной мере, обусловлено использованием раннесредневековыми славянскими гончарами (за исключением представителей роменской и боршевской культур) довольно ограниченного набора простейших элементов для украшения лепных сосудов. Из них мастерами создавались незатейливые узоры, широко распространенные в разных регионах Восточной Европы. Единственным элементом орнаментации, отмеченным, по нашим данным, только на славянских памятниках, является вдавление округлой палочкой. Но им украшено только два обломка посуды. В материалах Городища имеется значительное количество фрагментов горшков декорированных узорами, выполненными отпечатками веревочки, намотанной на палочку. Этим орнаментам можно подобрать многочисленные аналогии на славянских памятниках Подонья, Поочья, Верхнего и Среднего Поднепровья. Появление сосудов с таким декором в верховьях Волхова, по-видимому, частично связано с функционированием пути «из варяг в греки», однако с большей уверенностью об этом можно будет говорить, оперируя не только декором, но и формой изделий.

Таблица 1.

Соотношение различных элементов орнамента на лепной керамике Рюрикова городища

№	Элемент орнамента	Количество			
		Центральная часть [57–61]	Северный берег Сиверсова канала [17–17]	Южный берег Сиверсова канала [47–50]	Всего: [129–138]
1	Гребенчатый штамп	2	—	—	2 (1,5%)
2	Вереvочка на палочке	18	6	9	36 (26,1%)
3	Пальцевые вдавления	12	4	25	42 (30,4%)
4	Ногтевые вдавления	9	1	5	19 (13,8%)
5	Вдавления с плоским дном	2	—	2	4 (2,9%)
6	Фигурный штамп	1	—	—	1 (0,7%)
7	Вдавления округлой палочкой	1	1	—	2 (1,5%)
8	Короткие насечки	4	1	3	8 (5,8%)
9	Прочерченный орнамент	4	2	4	12 (8,7%)
10	Каннелюра	6	2	1	9 (6,5%)
11	Валик	2	—	1	3 (2,2%)

Примечание. При подсчетах за единицу принимался каждый орнаментированный фрагмент, а в случае, если удавалось установить принадлежность серии обломков к одному сосуду, — развал сосуда. В квадратных скобках указано общее количество декорированной керамики и число элементов орнамента встреченное на ней.

Таблица 2.
Распределение элементов орнамента на лепной керамике Рюрикова городища по разным орнаментальным зонам

№	Элемент орнамента	Количество		
		венчик	верхняя часть тулова	в обеих зонах
1	Гребенчатый штамп			2
2	Веревочка на палочке	4/10	4/7	11
3	Пальцевые вдавления	-/2	32/8	
4	Ногтевые вдавления	3/5	6/4	1
5	Вдавления с плоским дном	-/2	1/-	
6	Фигурный штамп		-/1	
7	Вдавления округлой палочкой	-/2		
8	Короткие насечки	5/2	1/1	
9	Прочерченный орнамент		12/-	
10	Каннелюра		4/5	
11	Валик		3/-	

Примечание. В числителе элементы орнамента представленные на целых сосудах и фрагментах, восстанавливаемых от венчика до максимального расширения тулова, а в знаменателе — на мелких обломках.

Таблица 3.
Типы узоров на лепной керамике Рюрикова городища и распределение их по разным орнаментальным зонам

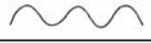
№	Тип узора	Название	Варианты	Количество		
				венчик 47	тулово 104	Всего: 151(100%)
Ia		прямая линия	непрерывная		18	18 (11,9%)
Iб			пунктирная	12	49	61 (40,4%)
IIa		ряд прямых отрезков	наклонных	22	13	35 (23,2%)
IIб			вертикаль-ных	6	2	8 (5,3%)
III		зигзагообразная линия		7	17	24 (15,9%)
IV		волнистая линия			1	1 (0,7%)
V		ряд косых крестов	непересе-кающихся		1	1 (0,7%)
VI		горизонтальная елочка			2	2 (1,3%)
VII		бессистемный орнамент			1	1 (0,7%)

Таблица 4.
Соотношение элементов орнамента с типами узоров на лепной керамике Рюрикова городища

		Типы узоров								
		Ia	Iб	IIa	IIб	III	IV	V	VI	VII
Элементы орнамента	1			4						
	2		1	27	2	14			2	
	3		40							
	4		19							1
	5			2	2					
	6		1							
	7				2					
	8			2	2	3		1		
	9	6				7	1			
	10	9								
	11	3								

ЛИТЕРАТУРА

- Арсланова Ф.Х. 1993. Погребения с лепной керамикой из Избрижя // Археологические памятники на Верхней Волге. Тверь. С. 38–49.
- Арсланова Ф.Х., Ковалец Ю.А. 1991. Посуда кривичей Избрижя // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь. С. 74–102.
- Археология Карелии. Петрозаводск. 1996.
- Аун М. 1976. Лепная керамика городищ и селищ юго-восточной Эстонии во второй половине I тыс. н. э. // Изв. АН ЭССР. Т. 25. Общественные науки. № 4. С. 343–364.
- Аун М. 1992. Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н. э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллин.
- Башенькин А.Н. 1985. Погребальное сооружение у д. Никольское на р. Суде // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л. С. 77–81.
- Белецкий С.В. 1977. Керамика городища Камно Псковской области // КСИА. Вып. 150. С. 92–95.
- Белецкий С.В. 1983. Псковское городище (керамика и культурный слой) // Археологическое изучение Пскова. М. С. 46–80.
- Верещагина И.В., Овсянников О.В. 1992. Памятники X–XIII вв. в среднем течении р. Северная Двина // Древности славян и финно-угров. СПб. С. 138–142.
- Винников А.З. 1978. Орнаментация боршевской керамики // Древняя Русь и славяне. М. С. 55–61.
- Волкова М.В. 1996. Некоторые итоги археологических исследований в селе Еськи на Верхней Мологе // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 1. Тверь. С. 18–25.
- Голдина Р.Д. 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск.
- Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. 1990. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск.
- Голубева Л.А. 1966. Пестовские курганы // Культура древней Руси. М. С. 53–60.
- Голубева Л.А. 1973. Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М.
- Голубович Е., Голубович В. 1945. Славянские поселения правобережной Десны в Вилейском округе БССР // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК АН СССР. Вып. XI. С. 126–137.
- Горюнова В.М. 1991. Начальная история Древних Лук (X – начало XI вв.) // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М. С. 38–67.
- Горюнова В.М. 1997. Развитие раннегончарного комплекса и дендрохронология Рюрикова городища // Древности Поволжья. СПб. С. 153–175.
- Григорьев А.В. 2005. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э. Тула.
- Гроздилов Г.П. 1947. Курганы у деревни Челмужи // Археологический сборник. Петрозаводск. С. 111–114.
- Гроздилов Г.П. 1950. Раскопки в Старой Ладого в 1948 г. // СА. Т. XIV. С. 139–169.
- Драгун Ю.И. 1967. Раннеславянское поселение в нижнем течении р. Свислочь // Белорусские древности. Доклады к конференции по археологии Белоруссии. Минск. С. 422–431.

- Дубов И.В. 1976. Новые раскопки Тимеревского могильника // КСИА. Вып. 146. С. 82–86.
- Дубов И.В., Седых В.Н. 1984. К вопросу о хронологии и назначении глиняных дисков // Археологическое исследование Новгородской земли. Л. С. 111–118.
- Дьяченко А.Г. 1988. Источниковедческий анализ древней керамики с применением методов математической статистики. Белгород.
- Енуков В.В. 1990. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам). М.
- Еремеев И.И. 2006. Славянский городок в Восточном Приильменье // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 20. Великий Новгород. С. 259–274.
- Еремеев И., Бубенько Т., Штыхов Г. 2007. Лепная керамика средневекового Витебска // *Acta Archaeologica Albaruthenica*. Минск. Vol. II. С. 5–24.
- Еремеев И., Штыхов Г. 2007. Древний Лукомль. Лепная керамика и раннесредневековый культурный слой // *Acta Archaeologica Albaruthenica*. Минск. Vol. I. С. 110–134.
- Ефимова Н.А. 1977. Лепная керамика из полужемлянок Городца под Лугой // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л. С. 98–101.
- Жеглова Т.А. 1995. Керамика городища Передольский погост // Ладога и Северная Русь. Материалы к чтением, посвященные памяти А. Мачинской. СПб. С. 29–31.
- Зверуго Я.Г., Медведев А.М. 2003. Микольское селище (исследования 1981–1982 гг.) // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. №6. Минск. С. 85–100.
- Зверуго Я.Г., Медведев А.М. 2003а. Селище Микольцы (исследования 1983 г.) // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. №7. Минск. С. 85–110.
- Иванищев А.М. 1996. Поселение и могильник на Тудозере // Древности Русского Севера. Выпуск 1. Вологда. С. 75–84.
- Иванищева М.В. 1996. Работы Сухонского отряда САЭ на средней и нижней Сухоне // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда. С. 113–122.
- Изотова М.А., Слонов В.Н. 1994. Статистическое изучение системы орнаментации хвалынской поселенческой керамики эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Теория и прикладные методы в археологии. Саратов. С. 97–109.
- Исланова И.В. 1981. Раскопки Бежицких курганов и городища Еськи // КСИА. Вып. 164. С. 86–91.
- Исланова И.В. 1982. Селище Шурскол II близ Ростова Великого // СА. №2. С. 185–195.
- Исланова И.В. 1986. Сопки бассейна Мологи и верхней Мсты // КСИА. Вып. 187. С. 65–75.
- Исланова И.В. 1988. Население бассейна Верхней и Средней Мологи и Верховьев Мсты в VI–XIII вв. М. Рукопись дисс. ... канд. ист. наук. Архив ИА РАН. Р-2. № 2429.
- Исланова И.В. 1991. Сравнительный анализ наборов лепной посуды Мстинско-Моложского междуречья // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь. С. 44–55.
- Исланова И.В. 1991а. Население бассейна Сарагожи в раннем средневековье // Археология Верхнего Поволжья. Материалы к «Своду памятников истории и культуры РСФСР». Вып. 1. Нижний Новгород. С. 100–117.
- Исланова И.В. 1994. Водные пути в восточной части Новгородской земли в IX–XIII вв. // РА. № 1. С. 26–32.
- Исланова И.В. 1997. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М.
- Исланова И.В. 2006. Верхнее Помостье в раннем средневековье. М.
- Калинин С.Б. 2005. Поселение Соборная Горка в X–XII вв. // Археология Севера. Вып. 1. Череповец. С. 82–91.
- Каменецакая Е.В. 1977. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Каменецакая Е.В. 1998. Керамика Гнёздова как показатель торговых и этнических контактов // Историческая археология: Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М. С. 124–134.
- Кананин В.А. 1979. Исследования городища Шудья-Кар в верховьях Камы // КСИА. Вып. 160. С. 92–100.
- Конецкий В.Я. 1991. Комплекс памятников у д. Нестеровичи (к вопросу о сложении локальных центров конца I – начала II тыс. в бассейне р. Мсты) // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М. С. 89–116.
- Кочерженко О.В., Малов Н.М., Слонов В.Н. 1994. Орнаментация срубной погребальной керамики Нижневолжского Правобережья (пограничье степи и лесостепи) // Теория и прикладные методы в археологии. Саратов. С. 74–96.
- Кочуркина С.И. 1972. Курганы северного побережья Онежского озера // Археологические исследования в Карелии. Л. С. 103–112.
- Кочуркина С.И. 1973. Юго-Восточное Приладжье в X–XIII вв. Л.
- Краут А. 1980. Спасательные раскопки поселения позднего железного века в Куусалу // Известия АН ЭССР. Общественные науки. Т.29. №4. С. 382–385.
- Кузьмин С.Л. 1989. Культура сопки в Верхнем Поплюсье // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 2. Новгород. С. 36–40.

- Кузьмин С.Л. 1991. Которский погост — локальный центр конца I — начала II тыс. н. э. в верховьях Плюссы // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М. С. 153–168.
- Лави А., Лаул М., Соколовский В. 1981. Исследования на поселениях Олуствере // Известия АН ЭССР. Общественные науки. Т.30. №4. С. 411–415.
- Лави А., Соколовский В., Соколовски М. 1983. Исследования 1981–1982 гг. в Олуствере // Известия АН ЭССР. Общественные науки. Т.32. №4. С. 314–319.
- Лагуткина Е.В. 1998. Новые исследования поселений в Удомельском Поозерье // Поселения: среда, культура, социум. Материалы тематической научной конференции. СПб. С. 160–164.
- Лагуткина Е.В., Лагуткин А.В. 2004. Древнерусское поселение Митрошино-2 на озере Песьво // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Вып. 18. Великий Новгород. С. 259–274.
- Лапшин В.А. 1991. Лепная керамика Суздаля // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М. С. 130–139.
- Лебедев Г.С. 1973. Городец под Лугой (предварительное сообщение) // КСИА. Вып. 135. С. 72–76.
- Леонтьев А.Е. 1996. Археология мери: К предистории Северо-Восточной Руси. М.
- Леонтьев А.Е., Самойлович Н.Г. 1991. Керамика Ростова X–XIII вв. // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь. С. 66–66.
- Лопатин Н.В. 2006. О различных концепциях культурно-хронологического определения лепной керамики Труворова городища // Изборск и его округа. Материалы II Международной научно-практической конференции). Изборск. С. 101–108.
- Ляпушкин И.И. 1958. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства. МИА. №74. М.; Л.
- Макаров Н.А. 1982. Камско-Вычегодская керамика на Шексне // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск. С. 125–131.
- Макаров Н.А. 1983. Чашевидные сосуды средневековых памятников Волжско-Шекснинского района // КСИА. Вып. 175. С. 18–25.
- Макаров Н.А. 1985. Орнамента белозерской лепной керамики X–XI вв. // СА. №2. С. 79–100.
- Макаров Н.А. 1989. Лепная керамика Восточного Прионежья IX–XII вв. // КСИА. Вып. 196. С. 83–93.
- Макаров Н.А. 1990. Население русского Севера в XI–XIII вв. По материалам могильников восточного Прионежья. М.
- Макаров Н.А. 1991. Лепная керамика поселения Крутик // Голубева Л.А., Кочкуркина С.И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск. С. 129–165.
- Макаров Н.А., Зайцева И.Е. 2007. Новые исследования средневековых могильников с кремациями на севере Европейской России // Российская археология. №1. С. 89–105.
- Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. 2001. Средневековое расселение на Белом озере. М.
- Михайлова Е.Р. 1994. Керамический комплекс Которского поселения IX–XII вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1993. Псков. С. 61–54.
- Михайлова Е.Р., Кузьмин С.Л. 1994. «Грунтовый» могильник у д. Которск // Древний Псков. Исследования средневекового города. СПб. С. 60–52.
- Мокрушин М.Л. 2002. Лепная керамика Кубенозерья XI–XII вв. (по материалам селища Минино I и могильника Минино II) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь. С. 23–34.
- Назаренко В.А., Овсянников О.В., Рябинин Е.А. 1984. Средневековые памятники чуди заволочской // СА. № 4. С. 197–215.
- Никольская Т.Н. 1959. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА. №72. М.
- Носов Е.Н. 1974. Лепная керамика городища Дуна // КСИА. Вып. 140. С. 3–10.
- Носов Е.Н. 1976. Поселение у волховских порогов // КСИА. Вып. 146. С. 76–81.
- Носов Е.Н. 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.
- Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. 2005. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя (Новые материалы и исследования). С-Пб.
- Носов Е.Н., Плохов А.В. 1991. Поселение Золотое Колено на Средней Мсте // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М. С. 117–152.
- Носов Е.Н., Плохов А.В. 1997. Холопий городок на Волхове // Древности Поволжья. СПб. С. 129–152.
- Олейников О.М. 2002. Лепная керамика населения Тверского Поволжья второй половины I тысячелетия н. э. // Тверской археологический сборник. Вып. 5. Тверь. С. 520–549.
- Петрашенко В.О. 1992. Слов'янська кераміка VIII–IX ст. правобережжя Середнього Подніпров'я. Київ.
- Петренко В.П., Шитова Т.Б. 1985. Любшанское городище и средневековые поселения Северного Поволжья // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л. С. 181–191.

- Плавінскі М., Штыхаў Г. 2006. Ляпная кераміка Полацкага селішча // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 21. Мінск. С. 62–73.
- Платонова Н.И. 1991. Укрепленные поселения Лужской волости // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М. С.68–88.
- Платонова Н.И., Желлова Т.А., Лесман Ю.М. 2007. Древнерусский протогородской центр на Передольском погосте // Северная Русь и народы Балтики. СПб. С. 142–194.
- Плохов А.В. 2002. Лепная керамика Рюрикова городища и Новгорода // АВ. № 9. С. 141–154.
- Праздников В.В. 1991. Уровень развития гончарного производства дьяковских и мерянских племен Верхнего Поволжья // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь. С. 35–44.
- Пушкина Т.А. 1973. Лепная керамика Гнездовского селища // Вестник МГУ. №3. История. С. 87–92.
- Равдоникас В.И. 1949. Старая Ладога. (Из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.) // СА. Т.ХІ. С. 6–54.
- Седов В.В. 1970. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. МИА. №163. М.
- Седов В.В. 1978. Лепная керамика Изборского городища // КСИА. Вып. 155. С.63–67.
- Седов В.В. 2007. Изборск в раннем средневековье. М.
- Седых В.Н. 1982. Керамика Тимеревского поселения (предварительное сообщение) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л. С. 111–117.
- Седых В.Н. 1982а. Керамика Тимеревского поселения // Дубов И.В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки). Л. С. 192–197.
- Седых В.Н. 1988. Керамическое производство Ярославского Поволжья IX–XIII вв. Рукопись дисс. ... канд. ист. наук. Л.
- Семенов В.А. 1980. Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры. Ижевск. С. 4–135.
- Сениченкова Т.Б. 1995. Об изучении орнаментации ладожской керамики VIII–X вв. // Петербургские чтения –95. С.-Пб. С. 284–288.
- Сениченкова Т.Б. 1998. Керамика Ладоги VIII–X вв. как источник для реконструкции культурных процессов на Северо-Западе Руси. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб.
- Сениченкова Т.Б. 2002. Орнаментация ладожской керамики VIII–X вв. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. С.-Пб. С. 93–113.
- Сизов В.И. 1902. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1. Гнездовский могильник близ Смоленска. С.-Пб.
- Смирнова Г.П. 1976. Лепная керамика древнего Новгорода // КСИА. Вып. 146. С. 3–10.
- Смирнова Г.П. 1978. К вопросу о датировке древнейшего слоя Неревского раскопа Новгорода // Древняя Русь и славяне. М. С. 165–171.
- Смирнова Л.И. 1987. Лепная керамика Тимеревских курганов и проблема этнической атрибуции // СА. № 2. С. 90–102.
- Соболев В.Ю. 2007. Материалы раскопок древнерусских памятников в собрании фонда археологии МАЭ им. Петра Великого // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова. Материалы ЛІІ заседания, посвященного памяти проф. А.Р. Артемьева. Псков. С. 245–269.
- Спирidonов А.М. 1985. Керамический материал из Оятских курганов (по материалам раскопок А.М. Линевского) // Кочуркина С.И., Линевский А.М. Курганы летописной веси X – начала XIII века. Петрозаводск. С. 196–204.
- Спирidonов А.М. 1986. Лепная керамика из курганов юго-восточного Приладожья // КСИА. Вып. 187. С. 23–28.
- Спирidonов А.М. 1989. Керамика приладожской курганной культуры // Кочуркина С.И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. Петрозаводск. С. 303–315.
- Станкевич Я.В. 1951. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги. (По материалам раскопок 1947–1949 гг.) // СА. Т. XV. С. 219–246.
- Сухобоков О.В. 1975. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и её предшественники). Киев.
- Тамла Т. 1983. Селище в Пада // Изв. АН ЭССР. Общественные науки. Т. 32. № 4. С. 302–306.
- Тамла Ю., Тыниссон Э. 1983. Исследование городища Варбола в 1978–1982 гг. // Изв. АН ЭССР. Общественные науки. Т. 32. № 4. С. 310–314.
- Тараканова С.А. 1951. псковские курганы с трупосожжением // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XXXVI. С. 141–154.
- Тимошук Б.О. 1976. Слов'яни Північної Буковини V–IX ст. Київ.
- Томсинский С.В. 2004. Угличе Поле в IX–XIII веках. С.-Пб.
- Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. 1963. Древние городища Смоленщины. М.; Л.
- Тухтина Н.В. 1990. Курганная группа Кобожа I (бассейн реки Мологи) // Проблемы археологии Евразии. Труды ГИМ. Вып. 74. С. 121–137.

- Тухтина Н.В.* 1993. Курганный могильник XI–XII вв. Кобожа II // Средневековые древности Восточной Европы. Труды ГИМ. Вып. 82. С. 136–142.
- Харитонов Г.В., Портнягин И.Г.* 1976. Раскопки селища Белый Городок на средней Мологе // КСИА. Вып. 148. С. 95–97.
- Хвоцинская Н.В.* 2004. Финны на западе Новгородской земли (По материалам могильника Залахтовы). С.-Пб.
- Хирвилуото А.-Л.* 1979. Связи между Финляндией и районом Рижского залива в эпоху викингов и крестовых походов // Финно-угры и славяне. Л. С. 103–109.
- Хохлов А.Н.* 1989. Новые исследования курганов и селища в урочище Кидомля на реке Медведице // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье. Калинин. С. 49–57.
- Циммермане И.Р.* 1980. Керамика I тысячел. н. э. как источник для исследования этнической истории и культурных взаимоотношений на территории Латвии // Из древнейшей истории балтийских народов. Рига. С. 70–79.
- Шаскольский И.П.* 1954. Маршрут торгового пути из Невы в Балтийское море в IX–XIII вв. // Географический сборник. Т. III. С. 146–159.
- Шмидехельм М.Х.* 1959. Городище Рыуге в юго-восточной Эстонии // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. Труды прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. Т. I. М. С. 154–185.
- Шмидт Е.А.* 1958. Длинные курганы у дер. Цурковки в Смоленском районе // СА. № 3. С. 162–169.
- Шмидт Е.А.* 1963. Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н. э. на территории Смоленской области // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. V. Смоленск. С. 85–128.
- Шмидт Е.А.* 2002. Городище у дер. Рокот в Днепро-Двинском междуречье // Смоленские древности. Вып. 2. Городища Смоленской земли. Смоленск. С. 167–184.
- Шмидт Е.А.* 2005. Курганный могильник у дер. Крупники (Василевщина) // Смоленские древности. Вып. 4. Курганные могильники VIII–X веков центральной части Смоленского Поднепровья. Смоленск. С. 6–53.
- Шмидт Е.А.* 2005а. Курганный могильник у дер. Арефино // Смоленские древности. Вып. 4. Курганные могильники VIII–X веков центральной части Смоленского Поднепровья. Смоленск. С. 64–100.
- Шмидт Е.А.* 2005б. Курганы у пос. Колодня // Смоленские древности. Вып. 4. Курганные могильники VIII–X веков центральной части Смоленского Поднепровья. Смоленск. С. 101–145.
- Шмидт Е.А.* 2005в. Курганный могильник у пос. Новоселки // Смоленские древности. Вып. 4. Курганные могильники VIII–X веков центральной части Смоленского Поднепровья. Смоленск. С. 146–211.
- Юшко А.А.* 1998. Ранние славяне в Подмоскowie // Историческая археология: Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М. С. 323–335.
- Янитс К.* 1979. Об исследовании поселения эпохи железа у дер. Линнузе вблизи Кунда // Изв. АН ЭССР. Общественные науки. Т. 28. № 4. С. 380–381.
- Aroalho J.* 1978. Lieto-Haimionmäki: Nuoremmanrautakauden polttokenttäkalmisto Aurajokilaaksossa. Karhunhammas 2. Nurun yliopisto. Kulttuurien tutkimuksen laitos. Suomalainen ja vertaileva arkeologia. Moniste 3. Turku.
- Carpelan C.* 1963. Euran, Këyliën ja Yläneen viikinkiaikainen ruumiskalmistojen viikinkiaikainen keramiikka. Laudaturtutkielma Suomen ja Pohjoismaiden arkeologiassa / Рукопись хранится на кафедре археологии Университета Хельсинки.
- Cimertane I.* 1974. Spodrinātā keramika Latvijā // Arheoloģija un etnogrāfija XI. Riga. 99–110. lpp.
- Cleve N.* 1943. Skelettgravfälten pe Kjuloholm I Kjulo. I. Der yngre folkvandringstiden. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Vol. XLIV. Helsingfors.
- Cleve N.* 1978. Skelettgravfälten pe Kjuloholm I Kjulo. II. Vikingatid och korstegstid. Gravfältet C. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Vol. XLIV: 2. Helsingfors.
- Handbuch 2001.* Handbuch zur mittelalterlichen Keramik in Nordeuropa. Schriften des Archäologischen Landesmuseums 6. Neumünster.
- Hirviluoto A.-L.* 1996. Pottery, burnt clay and slag // Vainionmäki — a Merovingian period cemetery in Laitila, Finland. Helsinki. S. 73–80.
- Kivikoski E.* 1939. Die Eisenzeit im Aurafussgebiet. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Vol. XLVIII. Helsinki.
- Kivikoski E.* 1946. Husgrunderna i Storhagen, Kulla, Finström. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Vol. XLVIII: 3. Helsinki.
- Kivikoski E.* 1951. Die Eisenzeit Finnlands. Bilderatlas und Text. II. Helsinki.
- Kivikoski E.* 1963. Kvarnbacken. Ein Gräberfeld der jüngeren Eisenzeit auf Eland. Helsinki.
- Kivikoski E.* 1973. Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Helsinki.
- Kivikoski E.* 1980. Längsbacken. Ett gravfält fren yngre järneldern pe Eland. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Vol. 80. Helsinki.

- Lang V.* 1985. Iru Linnuse peenkeramika V-X sajandil // Изв. АН ЭССР. Общественные науки. Т.34. №2. С. 193–209.
- Lang V.* 1996. Muistne Rävala. Muistised, kronoloogia ja maaviiljelusliku asustuse kujunemine Loode-Eestis, eriti Pirita jõe alamjooksu piirkonnas. Muinasaja teadus. 4. Tallinn.
- Lehtosalo-Hilander P.-L.* 1982. Luistari I. The Graves. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Vol. 82: 2. Helsinki.
- Lehtosalo-Hilander P.-L.* 1982a. Luistari II. The Artefacts. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Vol. 82: 2. Helsinki.
- Lehtosalo-Hilander P.-L.* 2000. Luistari IV. Luistari — A History of Weapons and Ornaments. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Vol. 107. Helsinki.
- Lõugas V.* 1967. Asva linnuse dateerimisest // Известия АН ЭССР. Общественные науки. Т.ХVI. №1. С. 81–93.
- Lõugas V.* 1975. Über die entstehung ortsgebundener bodenbaukultur in Westestland // Известия АН ЭССР. Общественные науки. №1. С. 85–88.
- Lõugas V.* 1976. Ausgrabungen der Steingräber und Flurrelikte in Iru // Изв. АН ЭССР. Общественные науки. №1. С. 48–52.
- Mägi M.* 2002. At the crossroads of space and time. Graves, Changing Society and Ideology on Saaremaa (Esel), 9th–13th centuries AD. Tallinn.
- Mägi M.* 2005. Viking Age Harbour site at Tornimäe, Eastern Saaremaa // Archaeological field works in Estonia 2004. Tallinn. P.65–73.
- Mägi–Lõugas M.* 1997. Archaeological Excavations at Tõnija Tuulingumäe Tarand-grave, Saaremaa // Stilus 7. Tallinn. P.29–39.
- Moora T.* 1967. Tarbja kivilalmed Paide lähedal ja Põhja-Eesti tarandkalmete keraamika // Изв. АН ЭССР. Общественные науки. Т.ХVI. №3. С.280–301.
- Schmiedehelm M.* 1939. Kuusalu Pajulinn // Muistse Eesti linnused. 1936–1938. a. Uurimiste tulemused. Tartus. Lk.121–138.
- Schmiedehelm M.* 1973. Mitteleisenzeitliche Funde aus dem Steingrab von Toila in Nordostestland // Homos Ella Kivikoski. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Vol. 75. Helsinki. S.187–196.
- Selling D.* 1955. Wikingerzeitliche und frühmittelalterliche Keramik in Schweden. Stockholm.
- Vassar A.* 1939. Iru Linnapära // Muistse Eesti linnused. 1936–1938. a. Uurimiste tulemused. Tartus. Lk.53–100.

Комплексные геофизические исследования кургана «Шум-Гора»

А.Л. Борисик¹, В.И. Кашкевич¹, Н.И. Платонова², Н.Н. Блохин¹,
А.А. Анисимов¹, М.П. Кашкевич³

¹ ФГУНПП «Геологоразведка», Санкт-Петербург

² Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

³ Санкт-Петербургский Государственный Университет

Введение

Развитие в деле поиска, реставрации и сохранения памятников археологии определяется решением таких проблем, как получение наиболее полных историко-архитектурных сведений о сооружении и окружающей его территории, обеспечение сохранности и долговечности памятников археологии. При натуральных обследованиях все более широкое применение начинают находить методы неразрушающего исследования структур и свойств материалов, использующие физические поля с той или иной степенью проникновения в материал объекта и способностью выявлять элементы его внутренней структуры.

В отличие от традиционных способов обследования, неразрушающие методы способствуют получению более полной информации о точном положении, состоянии памятника. Позволяют исследовать памятники в ограниченные сроки, с наименьшими трудозатратами, сохраняя при этом целостность сооружений, конструкций, окружающего грунта, ландшафтных форм, исключая утрату важных конструктивных, декоративных и исторически значимых элементов. Методы называются «неразрушающие», так как при своем использовании практически исключают такой контакт с объемом материала или сооружения, при котором происходит хотя бы частичное разрушение, утрата, изменение и ослабление прочностных и других свойств элементов (Слукин 1988).

Выбор того или иного метода осуществляется в зависимости от физико-геологических (при исследовании территорий и грунтов) или физико-технических (при исследовании наземных частей сооружений) предпосылок или моделей объектов. Выбору метода или комплекса методов должен предшествовать тщательный анализ имеющейся информации, а также тщательное визуальное обследование территории. Поскольку памятники археологии и архитектуры, как правило, существуют достаточно долгий период времени, исчисляемый сотнями и тысячами лет, за это время теряется информация о способах, приемах строительства и конструктивных особенностях, исчезают важные детали их облика, необратимо стареют материалы, подвергаясь воздействию природных и техногенных факторов, изменяются свойства окружающего грунта.

Методы инженерной геофизики уже достаточно давно используются для решения задач геолого-геофизического картирования территорий, предназначенных для строительства объектов разного назначения. Однако они практически не находили применения при изучении архитектурно-исторических зон и отдельных участков, занимаемых памятниками археологии. Это связано с рядом обстоятельств: общей недооценкой важности получения информации о грунте таких территорий и участков, отсутствием технологий и опыта проведения инженерно-геофизических работ в таких сложных условиях, как необходимость густой сети наблюдений, требование определенной «миниатюризации» привычных методов приспособления методики наблюдений. Теоретические принципы инженерной геофизики в ряде случаев требуют рассматривать поверхностные неоднородности как некий мешающий фактор, тогда как изучение грунта исторических территорий часто связано с выявлением именно таких неоднородностей. Изучение подземного пространства в зонах памятников археологии и определение свойств грунта как вмещающей среды требует получения не некоторых осредненных для всей площади показателей, а дифференцированных параметров по отдельным участкам, имеющим свою значимость, или в пределах каждой ячейки принятой сети наблюдений.

Основная цель данной работы состояла в определении внутреннего строения кургана Шум-Гора с помощью комплекса геофизических методов. В свою очередь проведенные исследования можно разделить на следующие этапы:

1. Проведение на кургане опытно-методических сейсмических работ в профильном варианте.
2. Проведение объёмных сейсмических работ на кургане.
3. Проведение специальных методических работ с целью определения минимальных размеров выделяемых высокоскоростных неоднородностей.

4. Проведение профильных электроразведочных работ на кургане.
5. Проведение магниторазведочных работ по площади кургана.
6. Комплексная интерпретация результатов геофизических исследований.
7. Построение археолого-геофизической модели кургана Шум-Гора.

Методы изучения археологических и архитектурных объектов и предпосылки использования сейсмического метода

Применение инженерных геофизических неразрушающих методов основано на разнообразии и природном различии физических свойств материалов и сочетаний этих материалов, а также на разнообразии физических полей естественного и искусственного происхождения, которые либо вступают во взаимодействие с материалом, либо являются продуктом взаимодействия его с внешней средой.

Среди свойств материалов, используемых неразрушающими методами, можно отметить электросопротивление, намагниченность, скорость и амплитуду упругих колебаний, плотность. Основными физическими полями, используемыми для исследования археологических объектов, являются постоянные и переменные электрические поля, естественные магнитные поля, поле силы тяжести, а также сейсмические. Грунт, как материальное тело, обладает широким диапазоном физических свойств и в соответствии с этим может являться объектом проявления и воздействия различных физических полей (Огильви 1990).

Если грунт, подвергаясь воздействию внешних сил, претерпевает изменение или нарушение первоначальной структуры (повышение трещиноватости, карстообразование и т. п.), либо в структуре грунта присутствуют специально скрытые элементы, по каким-либо причинам потерявшие привязку (подземные сооружения, фрагменты утраченных зданий и т. п.). В этих случаях нормальное, фоновое распределение свойств в объеме грунта нарушается, а физические поля изменяют свою интенсивность и конфигурацию, выявляя нарушение структуры и неоднородности в ней. Создаются аномалии физических полей, то есть локальные изменения на фоне равномерного распределения параметров поля (Слукин 1988).

В основе сейсмических методов лежит изучение распространения упругих волн в грунте или материале сооружений, возбуждаемых искусственно. Распределение волн в грунте и материале сооружений базируется на законах теории упругости. Действие силы, возбуждающей упругие колебания, вызывает колебания частиц относительно их первоначального положения, а передаваясь от одних частиц к другим, эти колебания образуют в среде упругие волны. Скорость сейсмических волн зависит от структуры материала, пористости, трещиноватости, от заполнения пор и трещин водой, льдом или воздухом, общей выветрелости материала, наличия разного рода неоднородностей.

Археологические объекты по упругим свойствам отличаются от вмещающей среды, а также являются локальными отражающими поверхностями. Так, в полостях ходов, подвалов, коммуникаций скорость распространения упругих волн будет иной, чем в окружающем грунте, а именно — меньшей по абсолютному значению. Существуют условия, при которых фундаменты и остатки кладки в грунте также различаются по скорости упругих волн. Эти обстоятельства особенно проявляются, когда такие сооружения располагаются в культурном почвенно-растительном слое или в подстилающих слоях сухих песков, глин, супесей.

Анализ физических свойств подземных сооружений и других исторических объектов строительства, а также грунта и вмещающей среды, свидетельствует о больших возможностях и исключительной перспективности использования сейсмических методов, для поисков и картирования подземных объектов. Сейсмические методы используются большей частью в комплексе с электрометрическими или магнитометрическими, но могут применяться и вполне самостоятельно особенно при значительном распространении техногенных пустот на территории.

Одним из перспективных направлений в сейсморазведке является метод сейсмотомографии основанный на изучении скоростных характеристик горных пород в пространстве между источником и приемником. К настоящему моменту томография является весьма распространённым методом обработки сейсмических данных, находя применение, как в задачах глобальной сейсмологии, так и в сейсморазведке. Наиболее часто целью сейсмической томографии является восстановление распределения скоростных характеристик изучаемой среды. Если сейсмические лучи пересекают исследуемую область в различных направлениях, образуя полную сеть наблюдения, то может быть поставлена задача об определении скорости в каждой точке.

Сейсмотомографические построения позволяют получать трехмерное изображение среды, с большой точностью выделять локальные неоднородности, отличающиеся скоростными характеристиками

от вмещающей среды, определять их геометрию и пространственное положение, а в некоторых случаях и внутреннее строение. Метод неоднократно и успешно применялся для решения таких задач, как выявление ослабленных зон трещиноватости под промышленными и жилыми объектами, исследование прочностных свойств грунтов, поиски карстовых полостей, а также традиционных для сейсморазведки поисково-разведочных задач (Сейсмическая томография 1990).

Комплексные геофизические исследования кургана 2003–2006 гг.

Исследуемый курган Шум-Гора находится в 35 километрах юго-восточнее г. Луга, в Батецком районе Новгородской области между деревнями Подгорье и Заполье, где расположен комплекс археологических объектов, имеющий название Передольский погост. Комплекс памятников включает весьма обширное поселение «раннегородского типа» X–XII вв., небольшое древнерусское селище XII–XIV вв., примыкающее к нему с юго-востока, а также остатки исторического погоста писцовых книг XV–XVI вв. и погребальные памятники, топографически связанные с поселением. Раскопки двух насыпей, проведенные в 1985 и 1995 гг. Н.И. Платоновой, позволили отнести время сооружения двух насыпей ко 2–3 четв. X в., установить целый ряд особенностей их структуры и характера функционирования, как погребальных памятников (Носов, Платонова, Кашкевич и др. 2007).

Центральная группа сопкок у Передольского погоста включает один памятник, к которому обычные методы современного археологического изучения неприменимы. Это Шум-гора (сопка № 5), представляющая собой уникальный двухступенчатый курган с уступом (террасой) на середине высоты (Рис. 1: Л). Высота Шум-горы от основания, по данным новейшей съемки 2004 г., составляет 12 м. При этом высота от низшей точки на планшете (то есть, с учетом естественной возвышенности) составляет 13,5 м. Диаметр сопки, согласно тем же новейшим данным, варьирует в пределах 70–75 м. Можно считать эту насыпь самой высокой из всех известных сохранившихся сопкок и «больших курганов» I–II тыс. н. э. в Европе, включая «королевские курганы» Скандинавии и Дании. Раскопки «на снос» означали бы уничтожение совершенно уникального памятника. В связи с этим было начато исследование Шум-горы с использованием геофизических методов. Накопленный опыт инженерных работ и априорные представления о внутреннем строении схожих объектов явились основанием для опробования сейсмической томографии как основного метода исследования. Именно на Шум-Гору как на объект первых опытно-методических работ выбор пал не случайно.

По предоставленным результатам данных раскопок, литературным данным и данным георадарной съемки, проведенной за год до этого сотрудниками ФГУП ВСЕГЕИ, была составлена априорная физико-геологическая модель объекта. Тело кургана (вмещающая среда) представлено рыхлым мелкозернистым сухим песком. Скорости распространения упругих колебаний (V_p) в такой среде лежат в диапазоне от 0,2–0,5 км/с. В теле кургана можно ожидать, и это является предметом поиска, скопления валунного материала с V_p от 2 до 6 км/с в зависимости от состава (известняки, граниты, диабазы) и внутренних полостей различного размера, отражающихся в волновых полях в виде областей затухания и появления на записях вторичных волн. Высокая контрастность скоростей распространения сейсмических волн в исследуемом объекте является предпосылкой для применения метода сейсморазведки (Блохин, Кашкевич, Анисимов и др. 2006).

Исходя из вышеизложенного, в мае 2003 года на кургане Шум-Гора были проведены первые полевые сейсмические работы. Результатом которых стало построение вертикальных скоростных разрезов. На основе из дальнейшего анализа были сделаны выводы, что:

1. Шум-Гора не является объектом естественного происхождения, так как среднескоростные характеристики самого кургана и основания, на котором он стоит, значительно различаются.

2. Скоростное строение кургана крайне неоднородно, скорости меняются в интервале от 0,2 до 1,6 км/с.

3. В центральной части Шум-Горы находится зона пониженных скоростей. Размер ее увеличивается сверху вниз от 1,5–2 м на уровне — 5 м до 8–9 м на уровне — 8 м.

4. В нижнем ярусе Шум-Горы четко выделяется зона аномально высоких скоростей, расположенная в центральной части точно под низкоскоростной областью верхнего яруса.

Наибольший интерес, как следует из приведенных материалов, представляет собой та часть Шум-Горы, которая находится ниже вершины на 5 м, т. е. участок, лежащий ниже террасы, так как именно здесь наблюдается наибольшая скоростная дифференциация пород. А для более точного восстановления скоростных характеристик изучаемых пород необходимо использование объемной системы наблюдений.

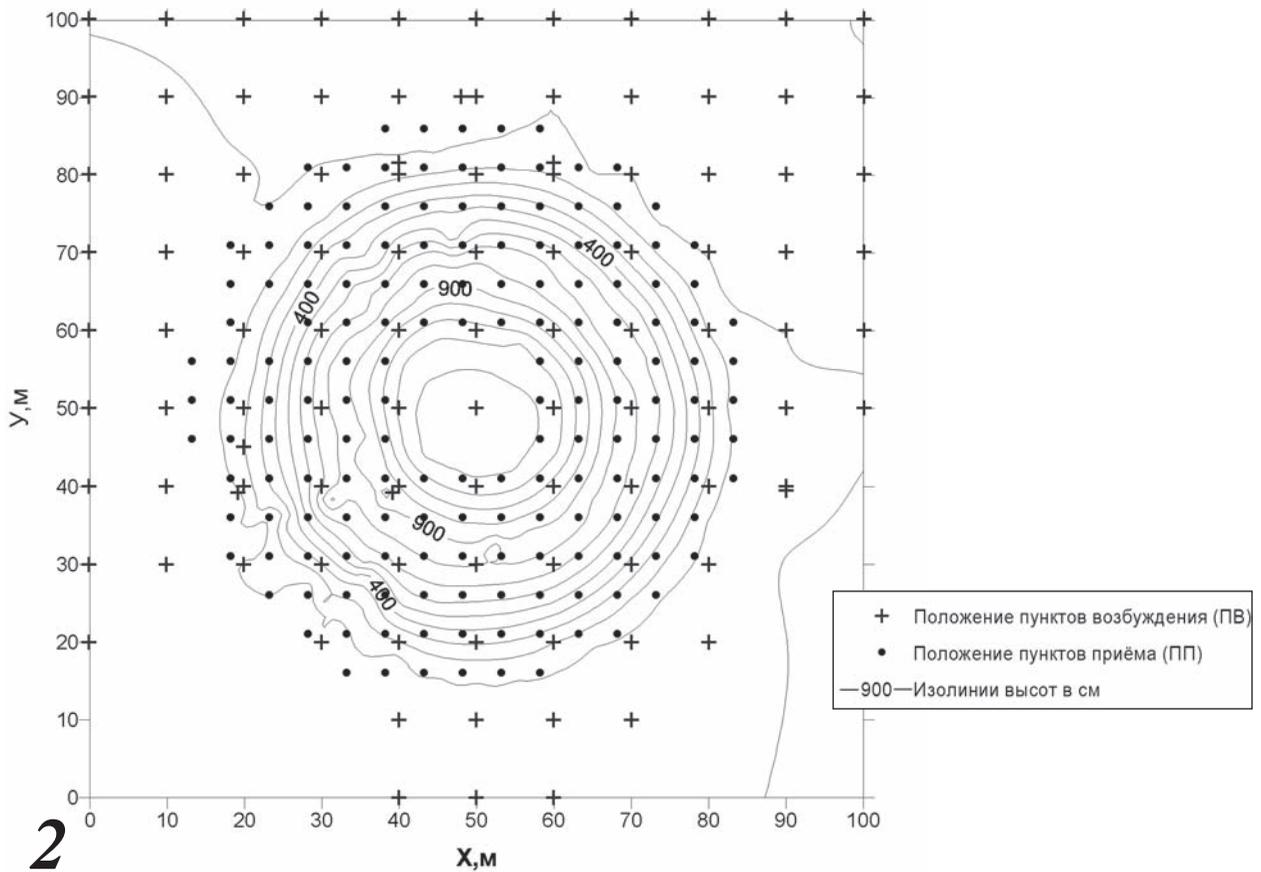

Рис. 1. Сопка «Шум-гора». 1 — фото 2004 г., вид с севера;
 2 — положение источников и приемников объемной системы наблюдений

Поэтому в 2005 году были проведены сейсмические наблюдения на площади, с целью получения дополнительной информации о распределении скоростей в теле кургана (основное внимание было уделено нижней части Шум-Горы). Для этого квадрат размером 100×100 м, в центре которого расположена Шум-Гора, был разбит сетью 10×10 м., а непосредственно в пределах Шум-Горы сеть сгущалась до 5×5 м. Пункты приема упругих колебаний располагались по сети 5×5 м и равномерно покрывали курган от основания до высоты примерно 10 м (Рис. 1: 2).

Пункты возбуждения в пределах тела Шум-Горы перемещались с шагом 5 м, а за ее пределами шаг пунктов возбуждения увеличивался до 10 м. Такая система наблюдений обеспечивала максимальную плотность лучевых траекторий в нижней части кургана (от основания до высоты 8–9 м). Положение пунктов приема оставалось неизменным на протяжении всего периода выполнения работ. Отсутствие пунктов возбуждения в юго-восточной и юго-западной частях объясняется наличием в этих местах густого лесного массива, где проведение топографических и сейсмических работ без предварительной вырубki оказалось невозможным.

Регистрация упругих колебаний велась с использованием инженерной 24-х разрядной сейсмостанции «Диоген-24/24СЛ». Длина записи составляла 1025 отсчетов, шаг дискретизации по времени — 0,25 мс. Возбуждение упругих колебаний выполнялось ударным способом (удары 8-киллограммовой кувалды по массивной плите). Для улучшения отношения сигнал-помеха использовалось группирование сейсмоприемников и накопление сейсмических сигналов на каждой точке. По всей сети наблюдений были выполнены топографические работы для определения относительных высот пунктов приема и возбуждения. В результате чего в цифровом виде был построен рельеф Шум-Горы.

Полученная в результате томографической обработки в программе Dogstomo (Дитмар П.Г., Рослов Ю.С.) объемная скоростная модель позволила получить горизонтальные разрезы Шум-Горы и подробно изучить внутреннее строение объекта от основания до высоты 8–9 м.

Горизонтальный разрез трехмерной скоростной модели на уровне – 1 м (1 м ниже основания Шум-Горы) представлен на Рис. 2 (цв. вкл.), где видно, что основание кургана характеризуется крайне неоднородным скоростным строением. Четко выделяется периферийная часть основания кургана шириной порядка 3 м, где скорости распространения упругих колебаний составляют в среднем 0,4–0,6 км/с. На фоне низких скоростей в этой зоне встречаются и локальные высокоскоростные (до 1,2 км/с) аномалии размером 1–2 м.

От периферии к центру наблюдается довольно быстрое увеличение скорости. На общем скоростном фоне ~1,2 км/с выделяются области аномально высоких скоростей — до 2,5 км/с. Горизонтальные размеры высокоскоростных образований достигают 6–7 м! Схожая картина наблюдается и на Рис. 3 (цв. вкл.), где показан скоростной разрез на уровне 1 м выше основания кургана. Четкой закономерности в расположении высокоскоростных неоднородностей, расположенных в центральной части Шум-Горы, не наблюдается (если не считать некой «лучеобразности» от центра к периферии).

Значительно меньшими скоростями характеризуются породы, залегающие на уровне 3 м выше основания кургана (Рис. 4 (цв. вкл.)) Максимальные значения скоростей (0,8 км/с) наблюдаются в центральной части разреза, к периферии скорости понижаются до 0,2 км/с. На разрезе 5 м выше основания Шум-Горы (Рис. 5) значения скорости в центральной части еще меньше и составляют в среднем 0,4 км/с. Обращает внимание на себя тот факт, что наблюдается постепенное понижение скорости в самом центре разреза. Эта закономерность еще четче видна на разрезе 9 м выше основания кургана (Рис. 6 (цв. вкл.)).

По результатам проведенных работ можно сделать следующие выводы:

1. Низкоскоростное обрамление основания Шум-Горы объясняется, вероятно, наличием рва глубиной ~1 м и шириной ~3 м, который впоследствии был заполнен сыпучим материалом, скорости распространения упругих колебаний в котором порядка 0,4 км/с.

2. Отдельные локальные повышения скоростей в периферийной части Шум-Горы, выявленные на разрезах –1 м и 1 м, связаны, возможно, с наличием в этой зоне отдельных валунов.

3. Четко выделяются высокоскоростные объекты со скоростями до 2,5 км/с в центральной части Шум-Горы на разрезах –1 м и 1 м. Горизонтальные размеры высокоскоростных образований достигают в некоторых случаях 6–7 м, а их вертикальные размеры — до 2–3 м. Выявленные объекты могут быть связаны с большим скоплением валунного материала в центральной части основания кургана, которое привело к резкому увеличению скорости. Принимая во внимание линейные размеры высокоскоростных аномалий, не исключена их связь и с разрушенными остатками какого-либо древнего строения (Блохин, Кашкевич, Анисимов и др. 2006).

При интерпретации данных сейсмической томографии 2003–2005 годов возник ряд неоднозначностей, требующих дополнительных уточнений:

1. Линейные размеры выделяемых высокоскоростных аномалий сопоставимы с первой зоной Френеля (около 1,5 м), т.е. сопоставимы с разрешающей способностью метода.

2. Выделение объектов малых размеров требует очень точного определения первых вступлений волн, т.о. возможны ошибки в их корреляции.

3. Неоднозначность решения обратной задачи сейсмотомографии также требует дополнительных детальных исследований.

Для этого в июне 2006 г. на объекте Шум-гора был выполнен комплекс геофизических исследований, который включал в себя высокоточную сейсморазведку, электроразведку и магниторазведку.

Для обоснования возможности выделения скоростных аномалий малых размеров был пройден методический профиль, который располагался у подножия Шум-горы в южной части участка. Пункты приема располагались строго через 1 м, пункты возбуждения располагались между каналами также через 1 м. Возбуждение осуществлялось единичными ударами кувалды по металлической плите.

Профиль был последовательно пройден 3 раза:

Первый раз по ненарушенным горизонтально-слоистым породам, второй раз по профилю с выкопанной в центре ямой размером $1 \times 1 \times 1$ м, в третий раз в яму был помещен валун приблизительно такого же размера, засыпан грунтом и грунт утрамбован.

При томографической обработке в качестве априорной модели для методического профиля была выбрана однородная модель со скоростью 0,5 км/с, состоящая из ячеек с линейными размерами $1,5 \times 1,5$ м. Скоростные разрезы полученные в результате томографической обработки показывают, что на верхнем разрезе (Рис. 7 (цв. вкл.)) яма проявляется слабо, т.е. выделение мелких полостей, провалов представляется довольно непростой задачей. В то же время на нижнем разрезе, валун довольно четко проявился в виде высокоскоростной аномалии. Интересно, что его линейные размеры на скоростном разрезе оказались несколько меньше истинных, а скорости — существенно ниже реальных. Существенным моментом в эксперименте для нас явилось то, что отсутствие регистрирующих приборов в непосредственной близости от валуна привело к потере скоростной аномалии. Таким образом, отсутствие четких изометричных высокоскоростных аномалий на горизонтальном разрезе не свидетельствует об отсутствии валунного материала, в то время как наличие высокоскоростных аномалий с высокой степенью достоверности указывает на присутствие валунов в породах.

По результатам полученным на методическом профиле сделаны следующие выводы:

1. Яма на разрезе выделяется плохо, поскольку скорости в изучаемой породе (0,3–0,4 км/с) сопоставимы со скоростью в воздухе.

2. Валун на разрезе выделяется достаточно четко, но значение скоростей выделяемого объекта ниже по сравнению со скоростями продольных волн в магматических горных породах и известняках. Причиной, по-видимому, является малый размер объекта, а также осреднение значений скорости по всей элементарной ячейке, размер которой больше размера тела.

3. Точное выделение высокоскоростных объектов малых размеров возможно только при расположении пункта приема в непосредственной близости от аномального объекта. С другой стороны при нахождении валунного материала в погребенном состоянии длительное время, на границе валуна и рыхлого материала образуется упругий контакт, чего не могло быть на опытном образце. Поэтому, представляется возможным выделение мелкомасштабных объектов и на большем удалении от пункта приема.

Для заверки аномалий, полученных в 2005 г., были проведены наблюдения через центральную часть кургана. Профиль располагался с запада на восток (профиль 40) (Рис. 8 (цв. вкл.)).

Пункты приема упругих колебаний располагались с шагом 5 м и равномерно покрывали курган, выходя за его пределы на 20–30 м. Пункты возбуждения последовательно перемещались по профилю с шагом 2,5 м. Такая расстановка обеспечивала равномерную и максимально плотную сеть покрытия лучами исследуемой области. Для удаления краевых зон от исследуемой области использовались выносные пункты возбуждения.

На полученном скоростном разрезе (Рис. 9 (цв. вкл.)) видно, что основание кургана характеризуется повышенными скоростями (0,9–1,2 км/с.) относительно пород залегающих за пределами кургана. В центральной части кургана выделяется 5 относительно высокоскоростных аномалий, имеющих выпуклую форму. Четко выделяется периферийная часть основания кургана шириной порядка 5 м, где скорости распространения упругих колебаний составляют в среднем 0,3–0,4 км/с. Значительно меньшими скоростями характеризуются породы, залегающие на уровне 4 м выше основания кургана. Здесь по всему объему кургана скорости распространения упругих волн составляет 0,1–0,35 км/с. Ниже основания

кургана, начиная с глубины 6 м, выделяется ранее не фиксировавшаяся обширная низкоскоростная аномалия (1,4–2 км/с в сравнении с 2,6–3 км/с), шириной около 15 метров.

При сопоставлении объемного и профильного скоростных разрезов 2005 и 2006 гг., наблюдается четкая корреляция данных. В обоих случаях нижняя часть кургана характеризуется повышенными скоростями относительно вмещающих пород. В центральной части кургана наблюдаются локальные высокоскоростные аномалии небольшого размера. Периферийная часть у основания кургана имеет резко пониженные значения скорости.

Абсолютные значения скоростей высокоскоростных локальных объектов оказались значительно меньше при профильной системе наблюдений, чем при объемной. Этот факт может быть объяснен тем, что количество лучей пересекающих объемную элементарную ячейку значительно больше, чем в двухмерном варианте. Таким образом, качество восстановления скорости объемной модели значительно лучше. Малый размер объектов и их плохой контакт с вмещающими породами также негативно влияет на значение истинной скорости изучаемых объектов, что подтверждается методическими работами.

В целом, можно сказать, что наблюдается практически полное совпадение данных, за исключением мелких деталей, а также, что объемная система наблюдений является более предпочтительной для исследования объектов малого размера.

Помимо профилей, через курган были выполнены наблюдения по его периметру. Всего за период работ, на изучаемой территории проведены наблюдения по трем направлениям: север, восток и запад. Целью работ являлось изучение исследуемых пород в ненарушенном состоянии, заверка георадарных аномалий и поиск возможных подземных ходов.

На скоростных разрезах (Рис. 10 (цв. вкл.)), полученных после обработки, видно, что среда характеризуется четкой субгоризонтальной слоистостью и постепенным повышением скорости с глубиной. Верхняя часть разреза до глубины 0,5–0,7 м характеризуется скоростями 0,3–0,4 км/с и соответствует почвенному слою. Ниже по разрезу до глубины ~5 м скорость повышается и составляет 0,5–1,4 км/с, что предположительно соответствует песчано-глинистым породам. Далее скорость плавно возрастает и на глубине 6–7 метров достигает 2,6 км/с и более. На этой глубине предположительно залегает верхняя выветренная кромка известняков, обломки которых повсеместно встречаются на полигоне, а в нескольких километрах располагается старый карьер по добыче плитчатого известняка. Плавный переход, скорее всего, связан с зоной выветривания известняков.

На западном сейсмическом профиле (между пикетами 40–50) и на восточном сейсмическом профиле (между пикетами 30–50) на глубине 6–10 метров выделяются зоны пониженных скоростей (1,9–2 км/с по сравнению с 2,6–3 км/с). Наличие в этих местах фрагментов подземного хода представляется маловероятным, поскольку имеет место небольшая разница в скоростях, а вышележащие (песчано-глинистые) породы характеризуются согласным залеганием (что невозможно при обрушении тоннеля). Вероятно, зона пониженных скоростей связана с областью повышенной трещиноватости, возможно приуроченной к локальному разлому.

В рамках комплекса геофизических методов в 2006 г. на участке работ также были выполнены площадная съемка магнитного поля и профильные электроразведочные наблюдения. Наблюдения проводились по общей с сейсмическими профилями сети.

В результате обработки магнитометрических данных была построена карта изолиний магнитного поля (Рис. 11 (цв. вкл.)). В основном аномальное магнитное поле на участке работ спокойное, со значениями +20–30 нТл, относительно отсчетного уровня нормального магнитного поля. На этом фоне курган выделяется относительно повышенными значениями аномального магнитного поля до +56 нТл. Но не весь (диаметр около 75 м), а только центральная его часть диаметром около 35–40 метров. Также в районе профиля 65 пикет 75 наблюдается небольшая изометричная аномалия, характеризующаяся повышенным значением аномального магнитного поля до +40 нТл и высоким горизонтальным градиентом, связанное с большим валуном, лежащим на бровке кургана.

Сравнивая карту аномального магнитного поля со скоростным разрезом на уровне 1 м (Рис. 11), можно отметить хорошее соответствие высокоскоростной области и области повышенного аномального поля. В подтверждении этой версии можно добавить, что валун, лежащий на бровке кургана (ПР 65, ПК 80), выделился также, как положительная аномалия, но меньшей интенсивности. Таким образом, с большей долей вероятности можно говорить о заполнении нижней части кургана валунным материалом.

Электроразведочные наблюдения были выполнены по двум профилям (Рис. 8 (цв. вкл.)):

— Профиль (магистраль) 50 располагался с юга на север и проходил через центр Шум-Горы перпендикулярно к профилю 40.

— Профиль в западной части участка проходил у подножья кургана и также был привязан к западному сейсмическому профилю.

Наблюдения на участке выполнялись с помощью комплекта электроразведочной аппаратуры «ЭРА», обеспечивающей необходимую точность измерения. В качестве основной, использовалась расстановка пригодная для целей электротомографии. Питающая линия АВ имела длину 90 м, что обеспечивало интересующую глубинность исследования. Приемная линия MN имела длину 2 м для профиля проходящих через курган и 5 м для профиля в западной части участка. Приемная линия последовательно перемещалась внутри питающей линии. Затем линия АВ сдвигалась по профилю на 10 м и измерения повторялись. В результате работ всего на участке проведено 915 измерений электрического сопротивления.

Обработка электрометрических данных проводилась в программе «ZONDRES2D» предназначенной для интерпретации профильных данных многоэлектродных зондирований методом сопротивлений, вызванной поляризации и метода заряда.

На полученном разрезе по профилю (магистрале) 50 можно выделить несколько слоев: верхний, маломощный слой пониженных значений электросопротивления до глубины примерно 0,5 м, приурочен к почвенному слою. Ниже по разрезу, в центральной части кургана («на верхушке»), выделяется слой с повышенными значениями электросопротивления (600–2000 Ом·м), который можно соотнести со слоем сухого песка, вероятнее всего, насыпного. Далее залегает достаточно протяженный слой мощностью около 4 м, пониженного значения сопротивления (15–300 Ом·м). Породы, характеризующиеся подобным сопротивлением, составляют значительную часть тела кургана. Если предположить, что насыпной материал использовавшийся для постройки данного археологического объекта, был взят с близлежащей территории, то таким материалом вполне могли стать распространенные на данном участке суглинки и супеси. В пользу данного утверждения говорят и результаты профильных электроразведочных работ вне тела кургана (Рис. 12 (цв. вкл.)) – в западной его части, где верхняя часть разреза, глубиной до 6 м, характеризуется значениями удельного электрического сопротивления от 50 до 350 Ом·м. Вытянутая высокоомная аномалия в левой части электроразведочного профиля на глубине около 3 м и не подтвержденная на сейсмическом профиле может быть связана с боковым влиянием какого-либо погребенного объекта (возможно обломок плитчатого известняка).

Наиболее интересная с нашей точки зрения, выделяется почти изометричная зона со значениями сопротивления от 700 до 1500 Ом·м, которая расположена на расстоянии 5 м выше основания кургана. Центр зоны смещен относительно оси кургана в южном направлении. Примечательно то, что именно на этой высоте была выделена низкоскоростная область, ранее связывавшаяся археологами с возможным наличием погребальной камеры (Рис. 13 (цв. вкл.)).

Выводы

Комплексные геофизические исследования, проведенные на территории археологического памятника – кургана Шум-Гора, позволили установить, что:

1. Шум-Гора не является объектом естественного происхождения, поскольку среднескоростные характеристики самого кургана в сравнении с характеристиками на сейсмических профилях вне кургана значительно различаются. Также наблюдаются большое различие скорости внутри кургана.

2. Низкоскоростное обрамление основания Шум-Горы объясняется, вероятно, наличием рва глубиной ~1 м и шириной ~4 м, который впоследствии был заполнен сыпучим материалом, скорости распространения упругих колебаний в котором порядка 0,35–0,4 км/с.

3. Отдельные локальные повышения скоростей в периферийной части Шум-Горы, выявленные на разрезах –1 м и 1 м, могут быть связаны с наличием в этой зоне отдельных валунов, что подтверждается данными полученными на методическом профиле.

4. Четко выделяются высокоскоростные объекты со скоростями до 2,5 км/с в центральной части Шум-Горы на разрезах –1 м и 1 м. Горизонтальные размеры высокоскоростных образований достигают в некоторых случаях 6–7 м, а их вертикальные размеры – до 2–3 м. Выявленные объекты могут быть связаны с большим скоплением валунного материала в центральной части основания кургана, которое привело к резкому увеличению скорости. Положительная аномалия магнитного поля расположенная в центральной части кургана подтверждает эту версию. Принимая во внимание линейные размеры высокоскоростных аномалий, не исключена их связь и с разрушенными остатками какого-либо древнего строения.

5. В верхней части кургана (5 м выше основания) наблюдается понижение значения скорости в центральной части, возможно приуроченное к фрагментам погребальной камеры. Наличие засыпан-

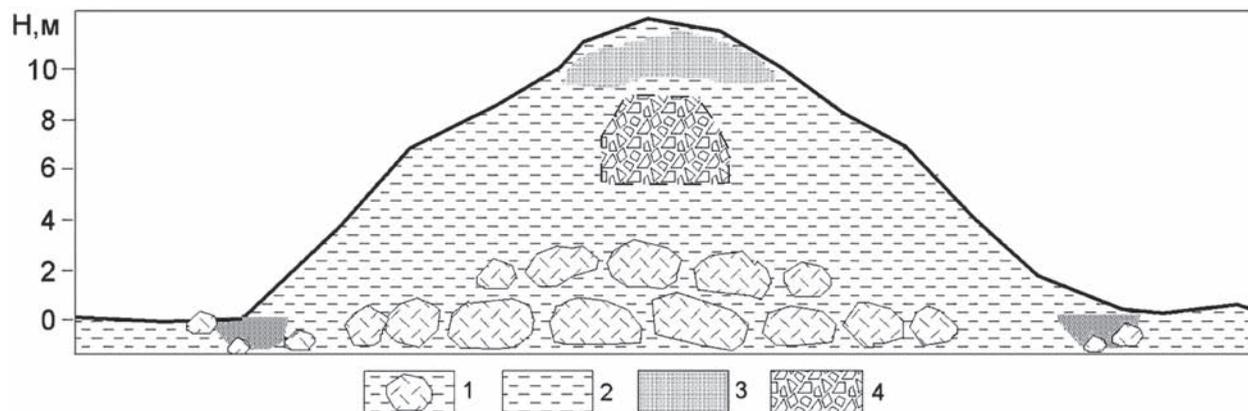

Рис. 14. Археолого-геофизическая модель кургана Шум-Гора.

1 — валуны различного размера; 2 — внутреннее наполнение кургана (суглинки, супеси);
3 — области заполненные песчаной фракцией; 4 — вероятное положение обрушенной погребальной камеры

ной камеры подтверждается высокими значениями электросопротивления в этой зоне, характерной для разуплотненной песчаной фракции.

В результате проведенных геофизических исследований на территории кургана Шум-гора, с большой долей вероятности, было установлено его внутреннее строение, определен состав внутреннего наполнения тела кургана и его обрамления, а также построена его археолого-геофизическая модель, представленная на Рис. 14. Получен неоценимый опыт в разработке методики и проведении комплексных исследований на археологических объектах подобного рода. Установлена возможность выделения мелкомасштабных высокоскоростных объектов на удалении от пункта приема и специфика их выделения. Также доказана необходимость комплексирования геофизических методов для подтверждения и заверки аномалий, выделяемых в различных физических полях.

Литература

- Блохин Н.Н., Кашкевич В.И., Анисимов А.А., Кашкевич М.П., Платонова Н.И., Шитов М.В. 2006. Опыт применения малоглубинной сейсморазведки для решения археологических задач // Вопросы геофизики. Вып. 38. — С.-Пб. — С. 2–5.
- Гурвич И. И. Генри Н. Б. 1980. Сейсмическая разведка Учебное пособие для вузов. — М., Недра. — 551с.
- Дитмар П.Г. 1993. Алгоритм томографической обработки сейсмических данных, предполагающий гладкость искомой функции // Изв. РАН. Физика Земли. № 1. — С. 7–13.
- Дудкин В.П. 2000. Поиск и картирование магнитометрическим методом археологических объектов. — НИИ памятнко-охраннх исследований МКИ Украины — 125 с.
- Носов Е.Н., Платонова Н.И., Кашкевич В.И., Блохин Н.Н., Шитов М.В., Кашкевич М.П., Короткевич Б.С. 2007. Шум-гора: проблемы междисциплинарного исследования памятника // Северная Русь и народы Балтики. — С.-Пб.: ИИМК РАН-Дмитрий Буланин.
- Огильви А. Н. 1990. Основы инженерной геофизики Учебное пособие для вузов. — М., Недра. — 501с.
- Петрофизика: Справочник в 3-х книгах. 1992. Кн. 1. П 29. Горные породы и полезные ископаемые. — М.: Недра. — 391 с.
- Сейсмическая томография. С применением в глобальной и разведочной геофизике. 1990. Ред. Г. Нолет. — М.: «Мир». — 416с.
- Сейсморазведка: Справочник геофизика. 1990. Ред. В. П. Номоконов. — М., Недра. — 336 с.
- Слукин В.М. 1988. Неразрушающие методы исследования памятников архитектуры. —Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. — 220 с.
- Смекалова Т.Н., Мельников А.В., Мыц В.Л., Беван Б.В. 2000. Магнитометрическое изучение гончарных печей средневековой таврики. Ред. В.И. Чижик. — С.-Пб: Изд-во С.-ПбГУ. — 164 с.
- Спиридонов М.А., Мануйлов С.Ф., Кропачев Ю.П. и др. 2002. Отчет о геофизических исследованиях древнего кургана Шум-гора, выполненных сотрудниками ФГУП ВСЕГЕИ им. А. П. Карпинского, с помощью георадара «SIR System-2000» (рукопись хранится в архиве ИА РАН, Москва). — С. 2–12.
- Франтов Г.С., Пинкевич А.А. 1966. Геофизика в археологии. — Л.: Недра Лен. отд. — 212 с.

Золотое ювелирное изделие из Передольского погоста

А.В. Клеева¹, Н.И. Платонова²

¹Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

²Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Золотое ювелирное изделие, найденное в ходе раскопок 2006 г. на Передольском погосте, представляет собой уникальный памятник византийской культуры рубежа I–II тыс. н.э. На золотом диске диаметром 10 мм и толщиной 1,5 мм, покрытом с одной стороны зелёной эмалью, располагается нитеобразное золотое изображение крестовидной монограммы (Рис. 1), относящейся к типу так называемых «молитвенных», «заклинательных» монограмм, и содержащей 5 литер греческого алфавита — «Θ» (Фита), «Ε» (Эпсилон), «Ο» (Омикрон), «Τ» (Тау) и «Κ» (Каппа) — составляющих слово «ΘΕΟΤΟΚΕ», первое слово в молитве «ΘΕΟΤΟΚΕ ΒΟΗΘΕΙ» (Богоматерь, помоги).

Крестовидные монограммы, широко распространившиеся в Византии в VII в., представляли собой изображение креста с размещением литер греческого алфавита на перекрестии или на всех четырех концах. Наиболее раннее использование монограмм такого типа зафиксировано на медных кольцах и других вещах, принадлежавших императрице Феодоре (532–537 гг.). На серебряных неимператорских печатях крестообразные монограммы появились во второй половине царствования Юстиниана I, окончательно вытеснив так называемый «блочный тип». Наибольший материал о крестовидных молитвенных монограммах дает сигиллография.

Крестообразная молитвенная монограмма является более совершенной формой крестограмм. Вообще сама по себе молитвенная монограмма — это специфический, но весьма распространённый жанр надписей, наиболее часто фигурирующий в сфрагистических памятниках (Oikonomides 1985; 1986; Catalogue... 2005). Графемное представление молитвы «Господь (или Богоматерь), помоги» после VI в. получило особое распространение на печатях с изображением орлов с распростёртыми крыльями. В дальнейшем использование данных монограмм стало особенно актуально в течение всего иконоборческого периода. В этот период истории Византии изображения Богоматери и христианских святых замещались (в частности, на печатях) изображениями крестов, либо, что было более частым явлением, крестообразными «молитвенными», «заклинательными» монограммами.

В течение VI–VIII вв. большинство византийских печатей содержали только имя владельца, иногда вместе с родовым именем и титулом, в родительном падеже, что указывало на собственника печати. Параллельно с этим, с укреплением богопочитания в Византии и с возрастанием индивидуального участия в теологических вопросах, к структуре монограмм добавились молитвенные формулы, такие как «Слуга Богоматери», «Слуга Христов» или «Слуга Св. Троицы». Многие императоры стали включать в структуру своих монограмм фрагменты молитв, таких, как «Господи, помоги», «Богородица, спаси». Наибольшее же распространение данные монограммы получили в сфрагистических памятниках в IX в. К этой серии можно отнести моливдул Василия, архиепископа Эфесского (до 877 г.) (Лихачев 1991: 157, LXVIII–4, М-8039), буллы Георгия, епископа Пергамского (IX–X вв.) (Laurent 1981, T. V. 1: 202, № 286, Planches, Pl. 37), Никифора, митрополита Никейского (IX в.) (Op. cit.: 284, № 393, Planches, Pl. 53) и др.

Доиконоборческий прототип Богоматери Оидигитрии, обрамленной двумя крестами, впервые появился на печатях около сер. VII в. и воспроизводился в период иконоборческой реакции (787–815 гг.) — с замещением двух крестов крестообразными монограммами. Данный тип можно встретить на печатях императоров данного периода — Никифора I и Леона IV, а также на печатях епископов, принимавших участие в Никейском соборе в 787 г. или же работавших в период иконоборческой реакции. Однако данное изображение было воспроизведено вновь после окончательной реставрации икон в 843 г. Вследствие этого, точная датировка изделий, на которых оно присутствует, вызывает некоторые затруднения.

В целом, в сигиллографии, таким образом, можно констатировать следующую иконическую эволюцию: переход от «блочной» к крестообразной монограмме, затем к крестообразной молитвенной монограмме и, наконец, к крестообразной молитвенной монограмме с литерами в четырех углах. Наиболее типичными графическими представлениями формулы «ΘΕΟΤΟΚΕ ΒΟΗΘΕΙ» являются крестообразные монограммы, как это представлено на Рис. 2, 1–2. Здесь 7 букв из обоих слов молитвы размещены на общей крестообразной фигуре.

Монограмма на ювелирном изделии Передольского погоста относится к иному типу. В сфрагистических памятниках византийской культуры идентичные монограммы присутствуют в период VII–IX вв., причем к IX в. монограммы, имеющие Богородичный характер, претерпевают некоторую эволюцию.

Рис. 1. Вставка ювелирного изделия (перстня?)
с молитвенной крестограммой.

Золото, эмаль (Передольский погост, раскопки
Н.И. Платоновой 2006 г.)

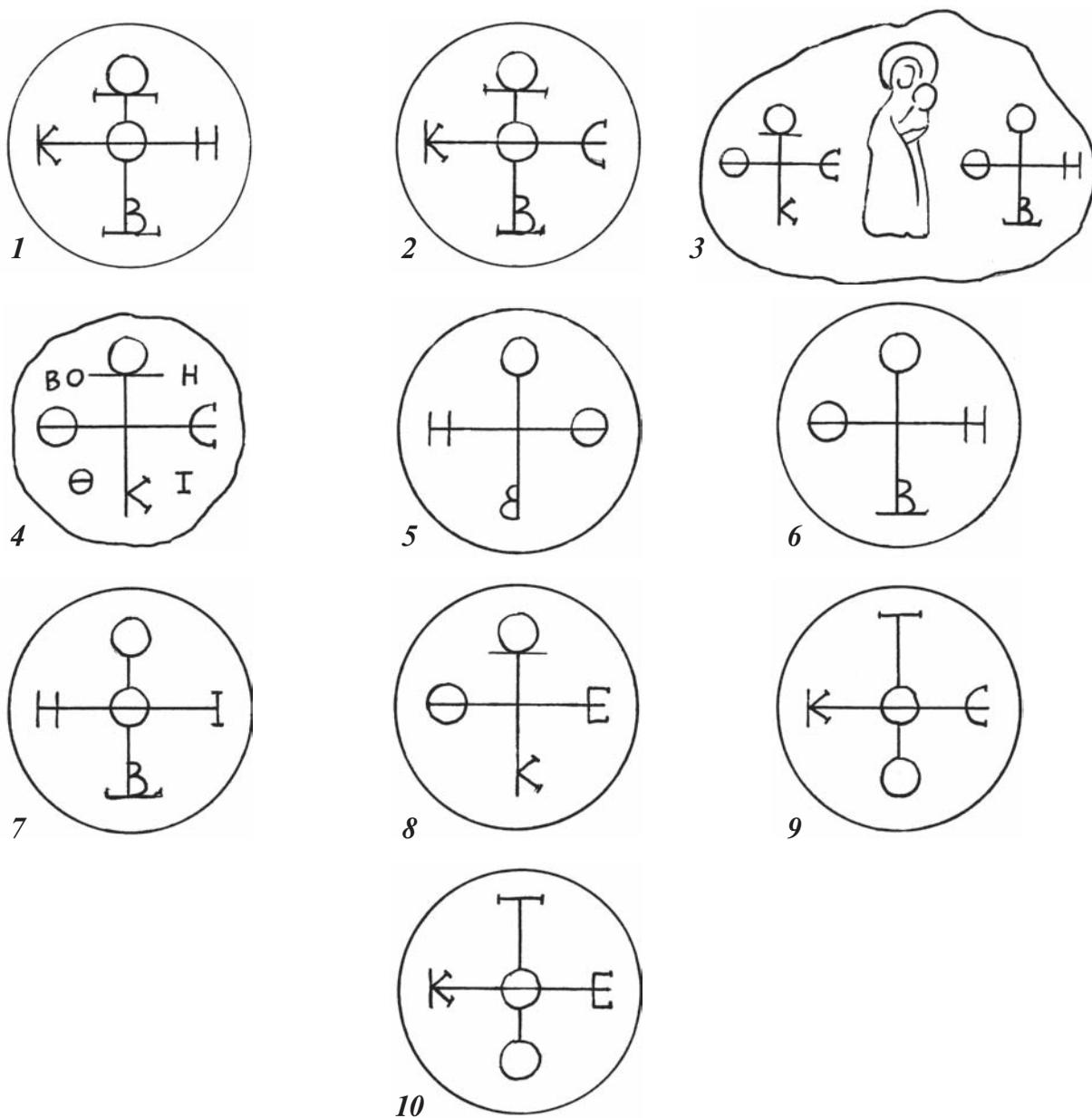

Рис. 2 (1-10). Византийские молитвенные крестограммы на ювелирных изделиях

Рис. 3. Византийское кольцо с молитвенными крестограммами. Золото, чернь (Константинополь, IX в.)

Рис. 4. Византийский перстень с парными цилиндрическими вставками, украшенными молитвенными крестограммами. Золото, чернь, жемчуг (Константинополь, VII в.)

Рис. 5. Передольский погост, селище. Жилой комплекс № 01-2006 в процессе раскопок. Кв. Д / 7, вид с востока. Раскопки Н.И. Платоновой 2006 г.

Если ранее обе части надписи объединялись в единой крестограмме, то теперь молитвенное обращение графически раздваивается. Монограммы начинают располагаться по бокам центрального образа Божией Матери Одигитрии в рост, с младенцем на левой руке. Крестограмма справа представляет обращение к Богородице, слева — просьбу о помиловании. Очевидно, этот вариант эволюционирует из более ранних печатей, где образ Богородицы фланкирован еще не монограммами, а соответствующими колончатými надписями (Laurent 1981, T. V. 3: 231, № 1925). Одна из самых ранних печатей с двойной крестовидной Богородичной монограммой относится ко второй половине VII в. и, по предположению В. Лорана, принадлежит Георгию, епископу Bizius'a (Op. cit.: 152, № 1806).¹ Другой пример — печать императора Феодора (~ нач. VII в.), где слово «ΘΕΟΤΟΚΕ» размещено в крестообразной форме, а буквы слова «ΒΟΝΘΕΙ» заполняют остальное пространство (Рис. 2, 4).

Интересующий нас вариант представлен, преимущественно, на печатях IX в. В частности, можно назвать печати императора Михаила Рангавы (811–813) и епарха Сергия (IX в.). На печати императора Никифора I (802–811 гг.) (Рис. 2, 3) на одной из сторон также дано условное изображение Богоматери с младенцем, с обрамляющими её двумя крестообразными монограммами, одна из которых идентична Передольской, а второй, соответственно, является монограмма со словом «ΒΟΝΘΕΙ». На массивном золотом кольце, декорированном чернью, с обеих сторон от гнезда даны идентичные монограммы (Константинополь, IX в., диам. = 2 см) (Рис. 3).

Представленная здесь иконография считается характерной именно для IX в. Характеризуя эти печати, Н.П. Кондаков не уделял внимания расшифровке крестограмм, просто называя их крестами (Кондаков 1998: 163–164). Расшифровкой греческих криптограмм занимался Н.В. Покровский, обративший внимание, преимущественно, на поздневизантийский материал (Покровский 2001: 445–446). Впоследствии этой проблемой занималась В.Н. Залеская, предложившая свои варианты прочтения криптограмм, не попавших в поле зрения ее предшественника (Залеская 1998: 108–110). Однако к тому типу крестограмм, который представлен на передольском изделии, исследователи пока не обращались.

Учитывая все, сказанное выше о датировке аналогичных изображений, передольскую крестограмму следует считать характерным памятником византийской культуры постиконоборческого периода и видеть в ней первую часть надписи, содержащей обращение к Богородице Феотокос. При этом совершенно очевидно, что миниатюрный золотой диск с эмалью с Передольского погоста имел себе пару с монограммой слова «помилуй» («ΒΟΝΘΕΙ»). Такой парой мог быть золотой диск со следующими вариантами монограммы (Рис. 2, 5–7)². Данное наблюдение позволяет поставить вопрос о реконструкции предмета, с которым изначально была связана передольская находка.

Вероятно, оба диска являлись элементами какого-либо украшения (браслета? перстня?), располагаясь в нём по принципу симметрии. В связи с этим обращает на себя внимание один золотой перстень (Константинополь, VII в., d = 2 см) (Рис. 4). Он представляет собой последовательность из колец с золотым шариком в местах стыковки. К кольцам золотой проволокой крепится жемчуг. Гнездо (желобок) перстня состоит из двух цилиндрических элементов, скреплённых меж собой и аналогичных передольскому диску. С обеих сторон они орнаментированы ниткообразным узором, обрамленным золотым бисером; каждый цилиндрический элемент с лицевой стороны имеет монограмму, выполненную в технике черни, со словами «KIRYЕ» и «ΒΟΝΘΕΙ» (Господи, помоги). По мнению исследователей, этот великолепный перстень является уникальным в своём роде (Zacos, Veglery 1972: P. 1). Жемчужины в ажурной обработке предполагают его датировку VII в., по аналогии с серьгами в музее Бенаки, Атенсе и в Клеверланд музее искусств, относимыми к VII в. Крестообразная монограмма, по мнению авторов, относится к VI–VII вв.

Можно предположить, что и золотое ювелирное изделие, найденное на Передольском погосте, является элементом перстня подобного типа. В связи с этим, необходимо сказать несколько слов об условиях находки.

Золотой диск был найден в культурном слое, не потревоженном позднейшими перекопами, на границе кв. Д/7–8, в отложениях верхней части жилого комплекса № 01–2006, принадлежащего древнейшему «стратифицированному» горизонту 3 (см.: Платонова, Жеглова, Лесман 2007: 152–156). В сущности, находка располагалась на границе слоев, относимых к собственно жилому комплексу и отложений древнерусского горизонта 2 (серо-коричневого гумуса), перекрывавших их сверху. Однако общее про-

¹ Авторы глубоко признательны А.Е. Мусину за подробную консультацию по интересующему предмету.

² Информацию о различных вариациях монограммы «ΘΕΟΤΟΚΕ» можно получить, обратившись к сфрагистическим памятникам (см. Рис. 2: 8–10). Также см. каталог печатей: (Zacos, Veglery 1972).

седание культурных слоев в глубокую подпольную яму гарантировало их в этом месте от позднейшего перемешивания.

Сам по себе, жилой комплекс № 01–2006 представляет собой обширную западину подпрямоугольной формы, уходящую в стенку раскопа в кв. Д/6–8. Его раскопанная часть имеет площадь ок. 4×3,5 м и включает в себя: а) остатки нескольких деревянных настилов (перекрытий? кровли?), обгорелых плашек и углистых прослоек, залежавших наклонно или, местами, горизонтально; б) обширную углубленную часть, вытянутую по линии З-В, с рухнувшими в нее остатками мощного отопительного сооружения из камней, плитняка и обожженной глины, заполненную просевшими вниз слоями угля и недогоревшего дерева (Рис. 5). Указанная постройка относится к начальному этапу жизни на поселении (начало — первая половина X в.).

Нахождение золотого диска именно в верхней части отложений гор. 3, в слое темно-серого гумуса с многочисленными углистыми прослойками, свидетельствует о том, что вещь изначально могла находиться в верхней части (на верхнем этаже?) большой двухэтажной (?) постройки. Обгоревшие развалины этой постройки, вероятно, вначале возвышались холмом, а затем частично просели в подполье, частично оказались сnivelированы под более позднюю застройку XI–XII вв. Остатками такой нивелировки, видимо, и стали многочисленные мелкие прослойки угля, песка, гумуса и перегоревшего известняка, залегающие горизонтально в верхней части отложений данного жилого комплекса.

Как уже предполагалось нами раньше, примерно, в середине — второй половине X в. поселение подверглось разгрому и пожару (Платонова, Жеглова, Лесман 2007: 160). Золотое украшение, частью которого являлся диск с крестограммой, разумеется, могло принадлежать хозяевам сгоревшей постройки. Однако нельзя исключить и другой вариант: диск случайно выпал из кольца и потерялся именно в момент нивелировки развалин сгоревших построек, то есть, предположительно, на несколько лет или 10-летий позже самого пожара. За это косвенно свидетельствует то, что ни металл, ни зеленая эмаль не носят на себе ни малейших следов огня. В таком случае археологизация предмета произошла в конце X — начале XI в.

Разумеется, сама по себе, дата выпадения предмета в слой не может определять собой дату его изготовления. Она лишь свидетельствует о непротиворечивом характере источников. Типолого-хронологические выкладки, приведенные в первой части нашей работы, указывают на то, что Богородичные крестограммы указанного типа распространились в Византии именно в IX в. О том же свидетельствует техника исполнения передольского изделия. Сакральные предметы, изготовленные в технике перегородчатой эмали на золоте, с преобладающим использованием зеленого цвета, считаются исследователями характерными для IX в., в частности, для начала эпохи Македонской династии (Beckwith 1989: 310). Тогда, вероятно, и было изготовлено ювелирное украшение с данной молитвенной надписью.

В дальнейшем оно было привезено на Русь человеком, принадлежавшим к высшему слою местного общества и, безусловно, крещеным. Подобная ситуация могла иметь место, как во второй четверти — середине X в., когда, по свидетельству летописи, в дружинах Игоря и Ольги уже было немало христиан, так и позднее, уже при князе Владимире, когда принадлежность к христианству стала обязательной в кругах древнерусской элиты.

Литература

- Залеская В.Н. 1998. Н.В. Покровский о принципах чтения греческих криптограмм // Церковная археология. Вып. 4. Материалы Второй Всероссийской Церковно-археологической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н.В. Покровского (1848–1917). — С.-Пб. — С. 108–110.
- Кондаков Н.П. 1998. Иконография Богоматери. — М.
- Лихачев Н.П. 1991. Моливдовулы греческого Востока. — М.
- Платонова Н.И., Жеглова Т.А., Лесман Ю.М. 2007. Древнерусский протогородской центр на Передольском погосте // Северная Русь и народы Балтики (Труды ИИМК РАН. Т. XXIV). — С.-Пб. — С. 142–194.
- Покровский Н.В. 2001. Евангелие в памятниках иконографии. — М.
- Beckwith J. 1989. *Studies in Byzantine and Medieval Western Art*. — London.
- Catalogue of the Byzantine and early medieval antiquities in the Dumbarton Oaks Collection*. 2005. Vol. 2. Jewelry, Enamels, and Art of the Migration Period by Marvin C. Ross. — Washington.
- Laurent V. 1981. *Corpus des sceaux de l'Empire Byzantine*. — Т. V. 1. L'Eglise.
- Laurent V. 1981. *Corpus des sceaux de l'Empire Byzantine*. — Т. V. 3. L'Eglise.
- Oikonomides N. 1985. *Byzantine Lead Seals*. — Washington.
- Oikonomides N. 1986. *A Collection of Dated Byzantine Lead Seals*. — Washington.
- Zacos G., Veglery A. 1972. *Byzantine Lead Seals*. Vol. 1. — Basel.

ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

«Русский город», исторически сформировавшийся в Вильнюсе в XIV–XV вв.

Р. Йонайтис, В. Вяжявичене

Институт истории Литвы, Вильнюс

Впервые (и единственный раз) название «Русский город» (в источниках – „*civitas Rutenica*“) упоминается под 1383 г. в летописях Тевтонского ордена – в период его похода на Литву. Как пишет марбургский летописец, в тот год, когда заняли Тракай, магистр Ордена послал четыре полка на Вильнюс, “дабы испепелили его по мере сил” (Marburgietis 1999: 185). «...*Exercitus festinat prope Willam et premisit magister 4 commendatores, sc. de Elbingo, de Balga, de Brandenburg, et Kirstburg, ut civitatem Rutenicam incinerarent modo quo possent, it fit ibidem conflictus in ponte...*“ (...на другой день войско спешит к Вильнюсу, и магистр послал вперед четырех комтуров, именно Ельбинга, Балги, Бранденбурга и Кристбурга, чтобы сожгли *Русский город* по мере сил. И был там бой на мосту...) (Ochmanski 1971: 64). Отсюда видно, что „*civitas Rutenica*“ – аутентичное понятие, отражающее реалии того времени. А именно: в средневековом Вильнюсе сформировался обособленный, отличавшийся своеобразием квартал, о существовании которого было известно Ордену, и он заблаговременно готовился к тому, чтобы именно его уничтожить.

Следует учитывать то обстоятельство, что из письменных источников удастся почерпнуть гораздо больше сведений о деятельности католиков-миссионеров или прибывших из Западной Европы в Литву чужестранцев, чем о ближайших соседях Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ) – русинах (Nikžentaitis 1996: 23). Материалов археологических исследований также явно недостаточно. Упомянутая территория изучена неравномерно, к тому же при исследованиях во главу угла чаще всего ставятся цели охраны памятников.¹ Явной нехваткой данных объясняется невозможность точно или хотя бы с погрешностью в десятилетие установить период возникновения «Русского города», его хронологию и темпы расширения. Не выяснены окончательно и границы этой территории, которые в разные периоды очерчивались по-иному. Это и обусловило объект нашего исследования: на основе имеющихся археологических, исторических, топографических и гидрографических данных мы попытаемся определить, как развивался «Русский город» в хронологическом и пространственном аспектах. Эти аспекты представляют особую важность, поскольку позволяют приоткрыть завесу над тем, как жили члены вильнюсской православной общины, а также какова была ее роль в процессе урбанизации Вильнюса.

Причинно-следственные истоки формирования структуры города Вильнюса берут начало в международном и геополитическом положении ВКЛ. Соответственно, и возникновение «Русского города» как составной части Вильнюса тоже было обусловлено конкретными факторами. В условиях угрожающей экспансии со стороны Ордена государство нуждалось в укреплении экономики и развитии прогрессивных технологий, с целью обеспечить оживление денежного оборота. Вопросами государственной значи-

---

¹ При этом первостепенную роль играет не получение научной информации, а надзор за строительными работами.

мости стали торговля с Востоком и поступающие оттуда человеческие и финансовые ресурсы (Vaitkevičius: в печати). Согласно косвенным данным, влияние русинской культуры на различные области жизни было гораздо более весомым, чем можно судить по письменным источникам.

Следует отметить, что воздействие Запада и Востока на разные сферы жизни было несомненным. При этом, если католическая культура заметно влияла на поддержание воинственного духа литовцев, то восточное влияние, как правило, проявлялось в повседневной жизни общества (Nikžentaitis 1996: 23). Наиболее ощутимо это влияние русинов ощущалось в период до правления Миндаугаса (Миндовга), а в XIV в. государственная политика была переориентирована с Востока на Запад. Пожалуй, наиболее актуальной задачей в ту пору стало развитие каменного зодчества в западных традициях, ибо оно имело, помимо всего прочего, и оборонную направленность. Наряду с этим, появился доступ к новым видам вооружения: в частности, армия была оснащена арбалетами (Rackevičius 2002: 151). Восприятие опыта западных мастеров привело к освоению более качественных материалов; в оружейном деле шире стали применяться разновидности стали. Западное влияние задело, наряду с военно-промышленной, и сферу бытовой культуры. В частности, в ВКЛ постепенно стали изготавливать керамическую посуду не традиционных, а уже иных форм – в соответствии с западными веяниями (Vaitkevičius: в печати).

Следует отметить, что в ВКЛ поддерживалась политика развития многих культурных традиций. Достойные подражания элементы привносимых культур беспрепятственно воспринимались и абсорбировались собственной культурой, и это явилось одной из сильных сторон государства. В этой связи примечательно то обстоятельство, что уже в начале XIV в. в Вильнюсе четко различаются три части (или так называемые «концы») города: языческий, католический и православный. Впоследствии, в XIV–XV вв., формируется еще и татарский пригород в районе Лукишкес, а в I половине XV в. между католической и православной территориями явно очерчивается еврейский район, который можно условно назвать своего рода буферной зоной той поры.

Судя по данным археологических исследований, в 1280–90-х гг. в Вильнюсе заметно оживился процесс целенаправленного заселения определенных частей города. Так именно в этот период происходило заселение с северной стороны подножия Замковой горы (набережная р. Нярис) и Алтарии – здесь обосновались литовцы – язычники.¹ С юго-западной стороны этой горы в I половине XIV в. получила возможность селиться миссия францисканцев, которая, в свою очередь, разрешила обосноваться там и католикам² (Vaitkevičius, в печати). Православное поселение возникло в восточной части нынешнего Старого города, у перепутья трех дорог, ведущих в Полоцк и Смоленск (в восточном направлении) и в Мядининкай (на юг) (Katalynas, Vaitkevičius 2001: 72). По этой же территории проходит транзитный отрезок дороги, ведущей в г. Тракай. Это было удобное в коммуникационном смысле место: вдали от городского замка и вблизи от дороги, где открывался путь как на Русь, так и в другие города Литвы (Рис. 1).

Самый ранний культурный слой на территории „civitas Rutenica“ датируется пока серединой XIV в. (более точная дата не установлена). Он обнаружен на пересечении ул. Латако – Бокшто (Gendrėnas, ист.1981) и на ул. Бокшто 6 (Sarcevičius, ист. 2006)³. Мощность данного слоя 20–30 см. Часть обнаруженной в нем бытовой керамики отличается формами и составом керамической массы, не свойственными местным изделиям из обожженной глины.

Исходя из вышеупомянутого утверждения об активизации заселения г. Вильнюса, логично было бы предположить, что зачатки «Русского города» могли возникнуть ранее, во всяком случае, уже в первой четверти XIV в., во времена князя Витяниса, однако пока эта версия не подтверждена материалами. Сейчас она находится в стадии разработки (Vaitkevičius, в печати).

Расположение православного города, несомненно, напрямую было связано с рельефом местности. Следует отметить, что в старину Вильнюс отличался рельефным разнообразием, и это подчеркивало его структуру. Жители разных конфессий имели возможность, используя естественные преграды, селиться совершенно обособленно друг от друга. Так, старинные улицы «русского конца», соответствующие нынешним улицам Латако и Ишганитоё, возникли в результате использования естественных оврагов при прокладке дорог.

¹ Можно предположить, что часть Алтарии принадлежала и православным, поскольку остается неясным, где обосновались первые православные поселенцы (Vaitkevičius, в печати).

² Во второй половине XIV в. они стали переселяться в западную часть современного Старого города, в район костела св.Николая, тем самым формируя католический пригород.

³ Исследования продолжаются (руководитель – Р.Йонайтис).

Эта территория была окружена тремя церквями – Св. Николая (Успенская), Пречистой Богородицы (с 1415 г. — собор) и Св. Параскевы (Пятницкая). В ходе исследований установлено, что церковь Св. Параскевы (Пятницкая) находилась в 60 м к юго-востоку от нынешней, иначе говоря, в верхней части оврага (Рис. 2). Церкви в честь упомянутых святых построены были здесь не случайно: Св. Николай считается покровителем купцов и торговли, Св. Параскева – покровительница плодovitости (полей, скота). Особенно почитали святую промышленники, торговцы и путешественники. На Руси церкви в честь Св. Параскевы возводились чаще всего вдоль дорог. А Пречистая Богородица, в честь которой построена третья церковь, считается покровительницей православного русского народа (<http://www.holytrinityorthodox.com>).

Территория между этими тремя церквями образует как бы треугольник, который является логической фигурой, способной выполнять функции, необходимые русскому пригороду: коммуникационную, оборонительную и, возможно, даже символическую. В отличие от католических костелов, православные церкви, как правило, строились с учетом периметра и рельефа города – тем самым они служили и своего рода форпостами, объектами обороны. Прибывающие в город чужеземцы сразу же могли определить, кому подчинена та или иная часть Вильнюса.

Всплеск в развитии «Русского города» отмечается в 1340–50-х гг. В конце 2 четверти XIV в. было изменено направление русла реки Вильняле, что принесло православным двойную выгоду. Во-первых, существенно расширилась территория «Русского города», а во-вторых, восточная граница стала безопаснее, чем прежде. Расширение происходило вдоль северного отрезка Смоленской дороги (нынешняя улица Бокшто), во второй половине XIV в. подойдя вплотную к ул. Казимеро (Katalynas, Vaitkevičius 2001: 72, 74). Заметно возросло число церквей. Их строительство особенно активно поощряли православные супруги князя Альгирдаса (Ольгерда) – Мария из Витебска и Юлианна (Ульяна) из Твери. И если в 1349 г. здесь было 3 церкви, то уже в к концу XIV в. – 10 церквей на территории собственно «Русского города» и 1 церковь, а также монастырь – за его пределами (Ochmanski 1971, т. 36: 62) (Рис. 3). Усиление влияния в государстве русинов со второй половины XIV в. следовало бы напрямую увязывать с деятельностью второй супруги Альгирдаса Юлианны, особенно после его смерти. К ее конкретным шагам, направленным на усиление роли православных в Литве, в первую очередь, можно было бы отнести ее поддержку (или даже собственную идею) замысла осуществить православное крещение в Литве в середине 80-х гг. XIV в. (Nikžentaitis 1996: 23).

В конце XIV в. развитие «Русского города» явно ускорилося. В тот период он уже развивался и в западном направлении, отчасти захватив и районы нынешних улиц Савичяус и Аугустину. До сих пор не удалось обнаружить данные о том, что тогда русины, обживая северные территории, пытались селиться к западу от тракта Мядининкай-Руднинкай (ныне это улицы Пилес и Диджэйи). В конце XIV в. православная колония не расширялась на запад, а довольствовалась «освоением» дорог на Полоцк, Смоленск и отчасти на Мядининкай (Katalynas, Vaitkevičius 2001: 72, 74). На севере «Русский город» разросся до ул. Швянто Миколо, о чем свидетельствует расположение церквей вдоль этой улицы. В те времена православные могли переселяться и в район Ужупис (Заречье).

Таким образом, территория „civitas Rutenica“ в конце XIV в., предположительно, выглядела следующим образом: с запада она была ограничена Мядининским трактом, и эта граница в течение всего периода существования «Русского конца» оставалась неизменной. А это означало, что, по всей вероятности, между горожанами существовало некое официальное соглашение. Вдоль упомянутой дороги стояли 2 церкви – вышеназванная церковь Св. Параскевы (Пятницкая) и церковь Св. Ильи Пророка. С восточной стороны территория была ограничена измененным в середине XIV в. руслом реки Вильняле и церквями по обе ее стороны. До того времени собор Пречистой Богородицы стоял на правой стороне (вдали от реки), а после изменения русла очутился с левой стороны реки (перед ней). Здесь, на обоих берегах реки стояло 4 церкви: упомянутый собор Пречистой Богородицы, церкви Св. Екатерины, Рождества Христова, а также Петра и Павла на Заречье (Ужупис). С севера территория была ограничена одной из важнейших улиц города, ведущей из Алтарии в сторону дороги на Тракай (нынешним переулком Миколо), а также церквями, расположенными вдоль этой улицы. Эту границу обозначали 3 церкви – Покрова Пресвятой Богородицы, Св. Иоанна Богослова и Св. Михаила. Из-за отсутствия исчерпывающих данных не до конца установлено, что представляла собой южная граница пригорода. Тем не менее, известно, что в конце XIV в. она приблизилась к важному внутреннему тракту, ведущему в г. Альшанай (Ольшаны). Она была обозначена всего лишь одной церковью – святых Козьмы и Дамиана¹.

¹ Локализация церковей проведена в соответствии со следующими источниками: Крачковский, 1897; Труды IX Археологического съезда..., 1897; Батюшков, 1870.

Из общей панорамы выбивается локализация церкви Святой Троицы, которая находится гораздо юго-западнее, за пределами территории „*civitas Rutenica*“. Она была построена на месте гибели трех православных мучеников, примерно в 1374 г. Поскольку окрестности этой церкви находятся на довольно почтительном расстоянии от ядра «Русского города», она вряд ли находилась в границах „*civitas Rutenica*“. Освоение этих окрестностей логичнее было бы увязывать с религиозными традициями и культом мученичества — с тем, что указанное место являлось для православных священным (Рис. 4). По имеющимся данным, в конце XIV в. «Русский город» занимал территорию, равную примерно 10,5–12 га (Katalynas, Vaitkevičius 2001: 72, 74).

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что формирование территории «Русского города» можно установить по тому, как росло число молитвенных домов, а также по рельефам улиц.

В конце XIV в., по всей вероятности, после 1390 г., когда объединенное войско Ордена крестоносцев и Витаутаса (Витовта) предало огню Алтарию, урбанистическая структура Вильнюса претерпела радикальные изменения: началось заселение северной и западной частей территории нынешнего Старого города (ареал обживаемых территорий ограничен ул. Шв. Стяпоно на западе и окрестностями улиц Шв. Йоно-Доминикону). В 60-е гг. XIV в.¹ францисканцы переселились с юго-западной территории у подножья Замковой горы к Вингрийским источникам, способствуя тем самым формированию католического пригорода (Vilniaus... 2003: 13).

В начале XV в. плотность заселения католической части города существенно возросла. Темпы ее расширения были настолько интенсивными, что она вплотную подступила к западным границам «Русского конца» (в этом же направлении осваивали территорию и евреи). В середине века обжитые католиками и православными территории слились у Ратушной площади (Рис. 5).

С той поры, когда период лавирования между Востоком и Западом завершился, в качестве государственной религии в ВКЛ утвердилось католичество. Тогда во властных структурах начали доминировать католические элементы, а значит, стало постепенно ухудшаться положение православных. После крещения имел место резкий всплеск строительства каменных католических костелов, в то время, как возведение новых церквей уже не находило поддержки. Радикальные перемены должны были начаться в 1434 г., в связи с обновлением Жигимантасом Кястутайтисом Магдебургского права и закреплением его в виде привилегий на латинском и русском языках (Balinskis 2007: 217–218). Данные привилегии уравнивали в правах вильнюсских католиков и православных, что, разумеется, побудило «Русский конец» к тому, чтобы интегрироваться в другие части города. „*Civitas Rutenica*“ стал открытым для католиков и, возможно, для представителей других конфессий. В свою очередь, и православные стали селиться в других частях города. Это и стало основной причиной, положившей начало исчезновению культурного своеобразия этой части города Вильнюса.

Уже в XV в. стали застраиваться православные кладбища (Jonaitis, в печати). В жизни города наметились кое-какие изменения. В первую очередь, они были вызваны вышеупомянутыми политическими событиями. Тем не менее, принадлежавшие православным владения, в особенности, кладбища, не могли быть отчуждены без особой на то причины. Таковой могли стать случившиеся в Вильнюсе пожары, эпидемии. После этих бедствий в центре городе нередко возникало много свободного места. Лишившиеся своего имущества православные были не в состоянии восстановить свои дома, свои церкви, и это вынуждало их продавать свои владения кому угодно. По мере активизации процессов миграции и интеграции старинные православные кладбища стали постепенно застраиваться.² К тому же некоторые из них уже давно не использовались по прямому назначению и перестали существовать как таковые даже в сознании горожан. Таким образом, со 2 четверти XV в., в результате набирающих темпы процессов ассимиляции и постепенного слияния отдельных территорий города, понемногу утрачивалось и прежнее своеобразие «Русского города» (или «Русского конца», как его чаще называли в старину). Пока еще затруднительно сказать со всей определенностью, когда это произошло. Скорее всего, процесс растянулся, по меньшей мере, на два столетия.

Литература

Батюшков П. Н. 1870. Памятники русской старины в западных губерниях империи. Т. 5. — Вильна.

¹ После погрома 1368 г., когда язычниками было истреблено 16 францисканских мучеников.

² Аналогичная тенденция наблюдалась и в «Католическом конце», где также стали застраиваться домами кладбища

Труды IX Археологического Съезда в Вильне. 1883. — М., 1897.

Крачковский Ю. Е. 1897. Православные святые города Вильны. М.

Balinskis M. 2007. Vilniaus miesto istorija.

Marburgietis V. 1999. Naujoji Prūsijos kronika. Vilnius.

Nikžentaitis A. 1996. Nuo Daumanto iki Gedimino. Iki krikščioniškos Lietuvos visuomenės bruožai. Klaipėda.

Katalynas K., Vaitkevičius G. 2001. Vilniaus plėtra iki XV a. / Kultūros paminklai. t. 8.

Ochmanski J. 1971. Krzywy Grod wilenski. Proba lokalizacji, Zapiski Historyczne. T. 36. Torun.

Rackevičius G. 2002. Arbaletas ir lankas Lietuvoje XIII – XVI a. Vilnius.

Vilniaus... 2003. Vilniaus senamiesčio Detaliojo plano pagrindimas (išplėstinis variantas) 2003. Lietuvos istorijos institutas. Vilnius.

Источники

1. Gendrėnas G. 1981 ист. — Vilnius. 160 vietų Dailės instituto bendrabutis Latako g — ėje. Archeologinė mechanizuotų žemės darbų priežiūra. 1980 — 1981. LII 1–606a, b, c, d.
2. Sarcevičius S. 2006 ист. — Archeologinių žvalgomųjų tyrimų Vilniuje, Bokšto g. 6 ataskaita. 2006 m.

Istorinis “Rusų miestas” senajame Vilniuje XIV–XV a.

Rytis Jonaitis, Vitalija Veževičienė

In 1383 in the chronicals of „Teutonic Order“ for the first time Russian town „Civitas Ruthenica“ was mentioned. At the time it was specific part of the town of Vilnius. Archaeological data from this part of Vilnius town is scarce. Therefore comprising archaeological, historical, topographical and hydrographical data helps to define „civitas ruthenica“ development in chronological and spatial aspects. These aspects are important for evaluating the role of Russian town in the process of Vilnius urbanisation.

The formation of Russian town was influenced by certain factors. In the view of increasing power of Teutonic order, the Grand Duchy of Lithuania had to strengthen its economy, which was based on progressive technologies, in order to enliven the circulation of money. The question of trade with the East, as well as the financial and human resources coming from there became crucial. The influence of Eastern culture was more visible in everyday life, while impact of Western culture was more visible in military and brick constructions. The feature of the Grand Duchy of Lithuania politics was to assimilate the best elements of various cultures and absorb them in its own culture. This way in the beginning of XIV c. there were three ends — pagan, catholic and orthodox. Russian town formed at the three trade routes leading to Russian towns and Medininkai. The earliest cultural layer was found in this precise part of the town.

The foundation of Russian town at the trading routes, apart from the control of trading with the East, was also influenced by the landscape. Orthodox used natural ravines, adapted for the roads. In the earliest period Orthodox town was bordered by 3 churches. In the middle of XIV c. the Russian town has expanded even more. From the middle of the XIV c. the influence of orthodox has increased in the Grand Duchy of Lithuania. This could have been associated with Julijona from Tver — the second wife of Algirdas. In the end of XIV c. the further expansion of “civitas ruthenica” towards north, south and east was noticed. Orthodox never crossed over Medininkai road towards the direction of west — most likely there was some sort of agreement with the residents of the town. Thus in the end of XIV c. Russian town occupied big part of the present old town of Vilnius, which was surrounded in all directions by 10 churches — fort posts. According to the available data, in the end of XIV c. Russian town may have occupied territory of 10.5 — 12 hectares.

After the christening of Lithuania in 1387, when Catholicism was chosen as official religion, the position of orthodox started to deteriorate. It had to be particularly felt after 1434 renewal of Magdeburg rights, which evened the rights of Catholics and Orthodox.

In XV c. already building in the territory of the old orthodox cemeteries began. A big role in this was played by Catholic of the Grand Duchy of Lithuania politics. This way in the second quarter of XV c. with the processes of assimilation becoming more intense and gradually merging separate parts of the city, “Civitas ruthenica” has lost its unique features.

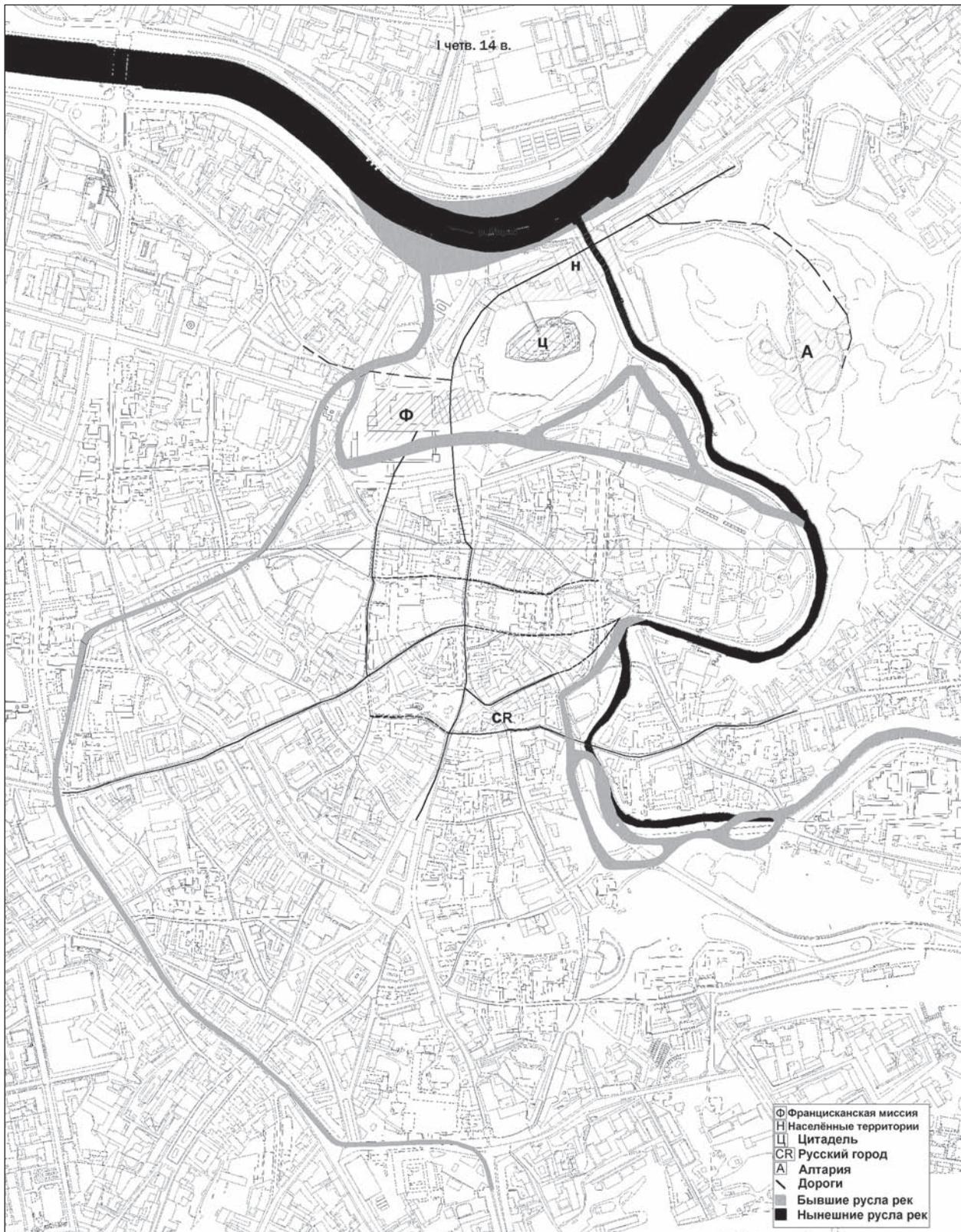

Рис. 1. План Вильнюса в 1 четверти XIV в.

Рис. 2. План Вильнюса во 2 четверти XIV в.
 1 – Церковь Св. Николая Чудотворца; 2 – Церковь Св. Пречистой Богородицы;
 3 – Церковь Св. Параскевы (Пятницкая)

Рис. 3. План Вильнюса в середине XIV в.

1 – Церковь Св. Николая Чудотворца; 2 – Церковь Св. Пречистой Богородицы; 3 – Церковь Св. Параскевы (Пятницкая); 4 – Церковь Св. Или Пророка; 5 – Церковь Св. Екатерины; 6 – Церковь Рождества Христова; 7 – Церковь Свв. Петра и Павла; 8 – Церковь Свв. Козьмы и Дамиана; 9 – Церковь Св. Троицы

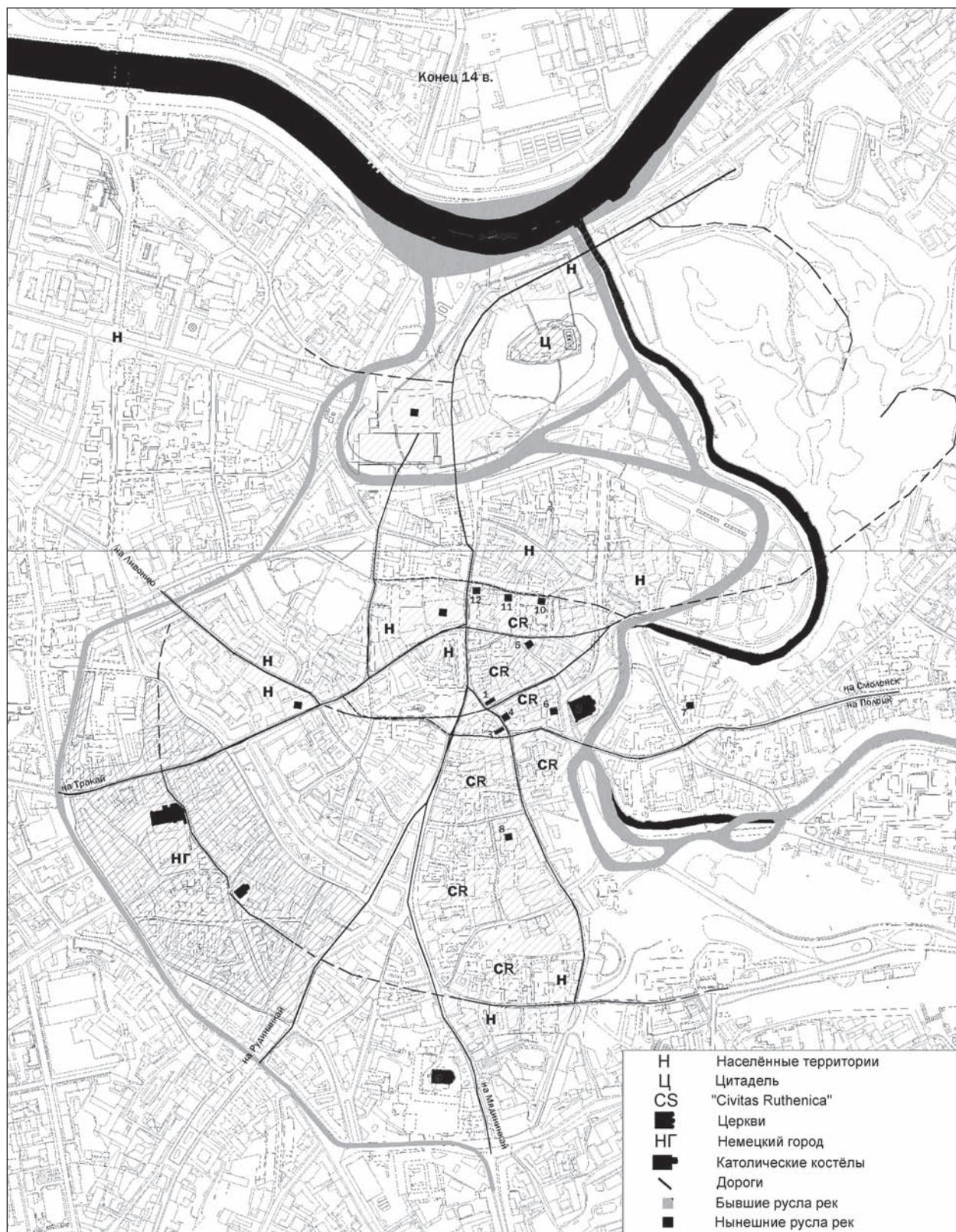

Рис. 4. План Вильнюса в конце XIV в.

1 – Церковь Св. Николая Чудотворца; 2 – Церковь Св. Пречистой Богородицы; 3 – Церковь Св. Параскевы (Пятницкая); 4 – Церковь Св. Илии Пророка; 5 – Церковь Св. Екатерины; 6 – Церковь Рождества Христова; 7 – Церковь Свв. Петра и Павла; 8 – Церковь Свв. Козьмы и Дамиана; 9 – Церковь Св. Троицы; 10 – Церковь Покрова Пресвятой Богородицы; 11 – Церковь Св. Иоанна Богослова; 12 – Церковь Св. Михаила

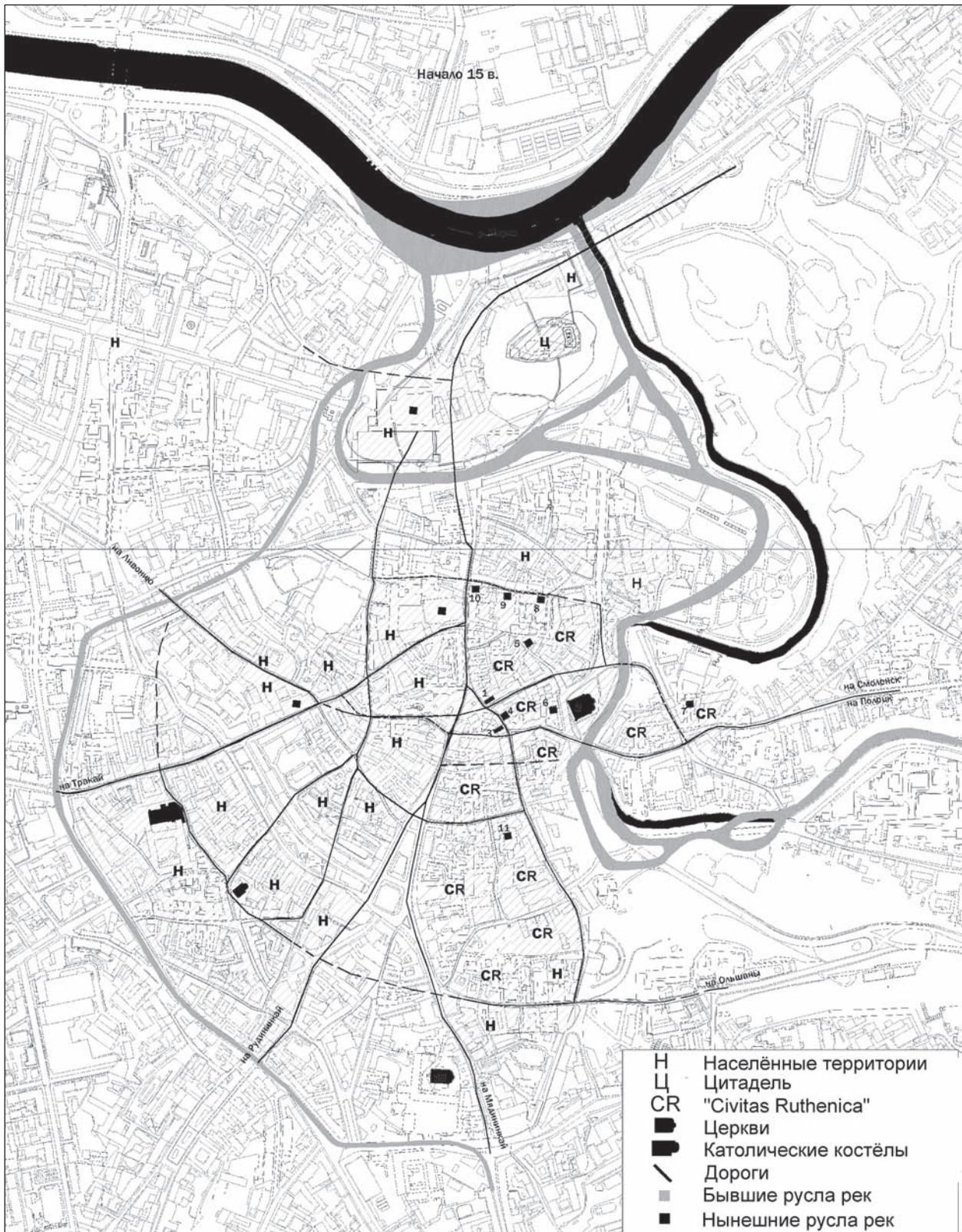

Рис. 5. План Вильнюса в начале XV в.

1 – Церковь Св. Николая Чудотворца; 2 – Церковь Св. Пречистой Богородицы; 3 – Церковь Св. Параскевы (Пятницкая); 4 – Церковь Св. Илии Пророка; 5 – Церковь Св. Екатерины; 6 – Церковь Рождества Христова; 7 – Церковь Св. Петра и Павла; 8 – Церковь Покрова Пресвятой Богородицы; 9 – Церковь Св. Иоанна Богослова; 10 – Церковь Св. Михаила; 11 – Церковь Свв. Козьмы и Дамиана; 12 – Церковь Св. Троицы

Стрелки из Генуи (*Genewel*) при осаде Вильнюсского замка в 1394 году

Гинтаутас Рацкявичюс

Центр исследований замков Литвы «Замки Литвы», Вильнюс

В историографии начало военного конфликта между Великим Княжеством Литовским (ВКЛ) и Немецким (Тевтонским) Орденом условно принято определять по 221 (216) разделу III книги Хроники Земли Прусской Петра из Дусбурга. Летописец пишет: «В 1283 году от Рождества Христова, когда с начала войны с прусскими племенами прошло уже 53 года и все народы [*nationes*] уже были захвачены ... братья Тевтонского ордена начали войну с тем могущественным, упорным и опытным в боях народом, который жил по соседству с Прусскими землями, за Неманом, на литовской земле» (Petras Dusburgietis 1985: 212, 213). Вплоть до начала 1360-х годов ВКЛ, благодаря военным и дипломатическим усилиям, удавалось сохранять шаткое равновесие. Своеобразной точкой отсчета стало разрушение Старого Каунасского замка в 1362 г. (Vygandas Marburgietis 1999: 114–119, 230–237; Hermanas iš Vartbergės 1991: 186; SRP 1886: 81, 82).

С начала 1360-х гг. война с Орденом переходит на новый уровень. В 1363 г. был захвачен один из наиболее важных в системе оборонительных крепостей Немана замок в Пиештве. Спустя еще год, в 1364 г., этот уже не обороняемый замок был сожжен и больше не восстанавливался. Не выдержал нападений и комплекс замков в Велюоне (Vygandas Marburgietis, 1999: 120, 126–128, 237, 238; Hermanas iš Vartbergės, 1991: 187). Если для Вильнюсских замков этого периода Орден еще не представлял непосредственной угрозы, то для Неманской оборонительной системы 1367 г. стал решающим. Защитники замка в Велюоне сожгли его, не надеясь защитить от превосходящих сил противника. Деревянный замок в Велюоне не был восстановлен и больше не упоминался в хрониках Ордена (Batūra 2001: 103; Vygandas Marburgietis 1999: 137).

В последней четверти XIV в. — в 1375, 1377, 1383, 1390 и 1394 гг. — острие военных кампаний Ордена было направлено на Вильнюс (Рис. 1) (Vygandas Marburgietis 1999: 151, 156, 185, 199, 211–214; Hermanas iš Vartbergės 1991: 205; SRP 1886: 84, 104, 105, 127, 164–166, 194, 195). Уже в 1380-х гг. разведчики Ордена хорошо знали пути к Вильнюсу (Kraštas ir žmonės 1988: 30–32; SRP, 1863: 693–696¹). Отрезки дорог в несколько миль уточнялись особой мерой измерения — выстрелами из арбалета [*Armbrostschos*] (SRP 1863: 686, 692, 694, 700, 706²). Во время нападений в 1375, 1377, 1390 гг. силам Ордена удалось осадить Кривой и Верхний замки, а также укрепленный Нижний предзамок (подол). Во время осады 1390 г. деревянный Кривой замок [*Das obirste hus, Curw[u]m castrum*] был сожжен (Vygandas Marburgietis 1999: 199; SRP 1886: 164–166; CEV, 1882: 196).

30 ноября 1393 г. капитул Ордена избирает Великим магистром Конрада фон Юнгингена (Conrad von Jungingen, 1393–1407 гг.) (Vygandas Marburgietis 1999: 206; SRP 1886: 190). Осенью следующего года был организован поход на Литву. Особенно важно свидетельство Виганда Марбургского о нападении на Вильнюс в 1394 г. Предполагается, что он как герольд Великого магистра лично участвовал в походе (Vygandas Marburgietis 1999: 17). Одной из целей этого похода было восстановление Ритерсвердерского замка на старом месте. Орден намечал собственными силами, вкуче с силами гостей крестоносцев [*peregrinorum*], приглашенных из Франции и Германии дойти до Вильнюса (Рис. 3). Магистр Конрад фон Юнгинген пригласил 150 стрелков [*sagittarios*] из *Genewel*, вместе с которыми на кораблях в Пруссию прибыл Дитрих Логендорф (Dietrich Logendorff) (Vygandas Marburgietis 1999: 206; SRP 1863a: 655).

Уже во время первого сражения около острова Ритерсвердер у Нового Каунаса один из стрелков из *Genewel*, по свидетельству Виганда, напугал литовцев бомбардой (Vygandas Marburgietis 1999: 209; SRP 1863a: 656).

По первому описанию похода можно судить, что латинским словом *sagittarios* нельзя охарактеризовать всех прибывших из *Genewel*. При интерпретации различных упоминаемых в письменных источниках военных машин возникает немало проблем, зато никаких сомнений не возникает по поводу бомбарды — это пороховое орудие.

В начале осады Вильнюса в бой вступили стрелки. В текстах, написанных на латинском языке, вооруженных арбалетами стрелков называли *sagittarios* или *ballistarios*. Стрелки из *Genewel* вынудили защит-

¹ Дороги под номерами — 66, 67, 70–72.

² Дороги под номерами — 46, 62, 67, 81, 97.

ников замка отступать с горы, на которой ранее стоял старый замок [*in loco antiqui castris*] (называвшийся Кривым — *Das obirste hus, Curw[uj] castrum* и сожженный в 1390 г — Г.Р.) (Рис. 1) (Vygandas Marburgietis 1999: 211; SRP 1863a: 658). Стрелки крестоносцев завоевали стратегически важный холм, прекрасное место для бомбард, которое было выше Замковой горы.

Историки Рита Тримонене и Кястутис Гудмантас, комментируя текст хроники Виганда, обратили внимание на тот факт, что в историографии нет единого мнения о названии местности *Genewel*, откуда родом были стрелки (Vygandas Marburgietis 1999: 378).

Эрих Машке и Вернер Паравичини придерживаются точки зрения Теодора Гирша, высказанной еще в XIX в. По их мнению, *Genewel* — это Генуя (SRP 1863a: 655, примеч. № 2032; Maschke 1970: 26; Paravicini 1995: 154). Известный исследователь оружия Анджей Новаковский оспаривает это утверждение, считая, что *Genewel* — это Женева (Nowakowski 1980: 126).

По данным письменных источников Ордена большинство стрелков крестоносцев были родом из Богемии и Силезии (Ekdahl 1992: 32). Лучшие вольнонаемные вооруженные арбалетами стрелки в континентальной Европе того времени были родом из Генуи. В конце XIV в. их слава, несмотря на неудачи при Креси (Crécy 1346) и Пуатье (Poitiers 1356), где генуэзские арбалетчики были вынуждены отступить под стрелами английских лучников, достигла Пруссии. В частности, великий магистр Конрад фон Юнгинген вел переговоры с герцогом Бургундским Филиппом Храбрым, участником битвы при Пуатье (Philippe II de Bourgogne, le Hardi 1363–1404), о найме генуэзских арбалетчиков (Ekdahl 1998: 150).

Новые археологические данные о стрелах, использовавшихся при осадах вильнюсского Нижнего замка в последней четверти XIV в. — начале XV в., дали исследования 1992–2004 гг. (Рис. 1, 2). На подступах к южным воротам Нижнего замка (М 36) были обнаружены шесть наконечников арбалетных стрел 10 типа (Рис. 2, 1–6). Первая из таких находок происходит из культурного слоя второй половины XIV в. — начала XV в., датируемого также и по литовским монетам того же периода (II, III, IV типа). Данный слой связан с осадами Вильнюса, упоминаемыми в письменных источниках в период 1375–1402 гг. (Kuncevičius, Tautavičius, Urbanavičius 1993: 62; Aleliūnas, Markišiūtė, Vailionis 1993: 177, инв. № 3161; Tautavičius, Urbanavičius 1995: 62, Рис. 198; Rakevičius 2002: 90, Рис. 101, номер каталога — 2382). Длина наконечника — 106, величина головки — 14, сечение — 7×7, диаметр втулки — Ø 13 мм, вес (после консервации) — 15 г (Рис. 2, 1).

Во время последующих исследований окрестностей южных ворот в слоях конца XIV в. — начала XV в. были обнаружены еще пять наконечников стрел такой же формы (Рис. 2, 2–6), (Ožalas 2003, Т. 1: 99, 100; *op. cit.*, Т. 3: 76, 130, фот. 434, 435, Рис. 81; *op. cit.*, Т. 5: 273, инв. №№ — 1470, 1471; Ožalas 2004, Т. 1: 49; *op. cit.*, Т. 2: 141, 189, фот. 169, Рис. 34, 36; *op. cit.*, Т. 5: 48, инв. №№ — 4, 5)¹. Их длина соответственно — 70, 72, 70, 102, 96, величина головок — 12, 18, 14, 20, 15, сечение — 11×13, 11×13, 10×10, 8×10, 7×8, диаметр втулок — Ø 13, 13, 12, 12, 12 мм, вес (после консервации) — 19, 24, 17, 25, 23 г. К этому слою отнесены пять чешских грошей (Вацлава IV, 1378–1419), а также шестнадцать хуже сохранившихся грошей и их фальсификатов. Там же найден и галбшотер (Halbschoter) Ордена (Винрих Книпроде, 1351–1378) (Ožalas 2004, Т. 1: 51). Примечательно, что данные археологических раскопок соответствуют свидетельству хроник Ордена об осаде Вильнюса в 1394 г., хотя нумизматический материал относится к более позднему периоду — скорее, к началу XV в.

Следует откорректировать ранее установленные параметры наконечников арбалетных стрел 10 типа. Величина их (в мм) — 85–106, величина головки — 14–23, сечение — 7–11, диаметр втулки — Ø 12–15 (Rakevičius 2002: 90). По последним находкам из Вильнюсских замков параметры наконечников арбалетных стрел таковы: величина — 70–106, величина головки — 12–23, сечение — 7–13. Диаметр последних найденных втулок наконечников арбалетных стрел 10 типа соответствует ранее установленным параметрам — Ø 12–15 мм. Автору настоящих строк вполне заслуженно было указано на необходимость при обобщении материала об арбалете и луке большее внимание уделить весьма важному морфологическому свойству наконечников стрел — их весу (Zabiela 2005: 254). Вес наконечников арбалетных стрел 10 типа из Вильнюсского замка — 17–25 г. Однако для того, чтобы установить полный вес наконечника стрелы, необходимо привлечь экспериментальную археологию и попробовать определить вес наконечника стрелы с горючим материалом. Лишь таким образом, зная, что центр веса стрелы удален от острия наконечника на 1/3, можно рассчитать полную длину стрелы с деревянным черенком.

На основании проведенных в Литве археологических исследований сегодня известно свыше 2267 наконечников арбалетных стрел позднего средневековья (Rakevičius 2002: 61, Рис. 27). Однако наконечники 10 типа не характерны для стрел, обычно применявшихся стрелками Ордена и Литвы. Они

¹ Отчет по исследованиям 2004–2006 гг. в настоящее время готовится автором исследований. Инв. № — 139.

составляют менее 0,5% всех найденных в Литве наконечников арбалетных стрел. Помимо шести наконечников арбалетных стрел указанной формы из Вильнюсского замка, в регионе обнаружено еще только два подобных наконечника (Рис. 3, 4) (Rackevičius, 2002: 90, 91, 173, 177, 295, Рис. 55, 1; 63; карта 1, 14, 30; №№ каталога — 669, 698). Один из них найден во время археологических раскопок на территории замка в Медининкай (Рис. 3; 4, 1), (Rackevičius, 2002: 90, 91, 173, 295, Рис. 55, 1; карта 1, 14; № каталога — 669). Его величина — 85, величина головки — 23, сечение — 10×11 , диаметр втулки — $\varnothing 12$ мм. находка связывается с описанным в хронике Йоганна Посильге (Johann's von Posilge) походом великого комтура Ордена Вильгельма Гельфенштейна (Wilhelm Helfenstein) в 1402 г. (SRP 1886: 258, 259). Во время осады замка в Медининкай был сожжен.

Второй наконечник арбалетной стрелы 10 типа был найден в могильнике Саряй (Швянченский район) в разоренной могиле мальчика (Рис. 3; 4, 2), (Rackevičius 2002: 91, 177, 295, Рис. 55, 1; карта 1, 14; № каталога — 669). Его величина — 98, величина головки — 20, сечение $\sim 10 \times 10$, диаметр втулки — $\varnothing 15$ мм. Приблизительно могила датировалась XIV–XV в. (Kuncienė 1971: 8; 1979: 88, Рис. 19, 3). По контексту ближайшего окружения можно предположить, что наконечник стрелы в могилу мальчика (№ 7) попал в начале XV в. случайно. Хотя нельзя отрицать и другой версии: наконечником стрелы могли быть повреждены мягкие ткани тела мальчика. Рана могла оказаться смертельной.

Московский археолог А.Ф. Медведев (1916–1984) обобщил обширный археологический материал Восточно-Европейского региона о луке и арбалете и составил типологию свыше 6000 наконечников стрел (Медведев 1966: 55). Его точная типологическая схема наконечников арбалетных и лучных стрел применяется многими авторами и сегодня. Это прекрасный пример непреходящей ценности научного труда.

Хотелось бы обратить внимание на единственный наконечник арбалетной стрелы типа 7 (по А.Ф. Медведеву) (Медведев 1966: 94, тип. 7; Табл. 31: 7). Исследуя найденные на территории Литвы наконечники стрел, большую часть которых составляют наконечники арбалетных стрел, я не обратил должного внимания на схожесть наконечников арбалетных стрел 10 типа, найденных в Литве, с наконечниками арбалетных стрел 7 типа по типологической схеме А. Медведева. На самом деле использованный А. Медведевым рисунок наконечника арбалетной стрелы 7 типа лишь повторяет опубликованный Э.А. Сымоновичем (1919–1983) рисунок еще не очищенной находки из Каменского могильника (Сымонович 1959: 101, Рис. 33, б). Сравнение его с аналогичными находками на территории Литвы выявило, казалось бы, другие его пропорции — его треугольная в сечении головка шире, чем отверстие втулки. Это морфологическое свойство не характерно для найденных на территории Литвы наконечников стрел 10 типа, у которых сечение головки всегда меньше отверстия втулки, а сама втулка сужается к острию.

Каменский могильник находится в Приднепровье, в Запорожской области (Рис. 5), (Сымонович 1959: 99). В могиле степного кочевника (монгола? татарина? — Г.Р.) (№ 82) найден колчан половецкого типа со стрелами лука (?), датируемый автором публикации приблизительно X–XII вв. Наконечник арбалетной стрелы также отнесен к содержанию колчана (Сымонович 1959: 101, 104, Рис. 33, б; 36). А.Ф. Медведев по орнаменту из костяных пластинок, украшавшему деревянный колчан, датировал могилу XIV в., уточнив, таким образом, и хронологию могилы (Медведев 1966: 46, приложение 4, № 31).

Вес указанного наконечника стрелы — 19 г. (Там же: 94). Обстоятельства находки не совсем ясны — непонятно, каким образом наконечник арбалетной стрелы мог оказаться в одном колчане со стрелами лука. Можно ли и две другие стрелы с довольно массивными, сильно заржавевшими наконечниками отнести к арбалетным стрелам? Э.А. Сымонович, прекрасно зная, что арбалет как оружие не характерен для степных кочевников, не ответил на этот вопрос, заметив лишь, что наконечники стрел массивны, а стрелы сильно повреждены (Сымонович, 1959: 101, 104, Рис. 33: 1). Однако по географически близким аналогиям наконечников арбалетных стрел с Крымского полуострова можно предположить, что захороненный в Каменском могильнике кочевник имел контакты с генуэзскими арбалетчиками (Рис. 5).

Сергей Семин обобщил материалы о применении арбалета, полученные в ходе археологических исследований в Крыму (Рис. 5) (Семина 2002). По специфике исторических исследований крымская ситуация аналогична литовской. И Литва, и Крым являются окраинами европейского культурного региона. Здесь даже немногочисленная информация о позднем средневековье, полученная из археологических данных, равноценна письменным источникам.

С. Семин указывает на петицию магистра балистариев Луки Муски из Солдайи дожу Генуи и совету сеньоров от 15 сентября 1425 г., в которой тот просит повысить жалованье со 150 аспров до 1 сома. О применении арбалета известно по походу Карла Ломелина в 1433 г. Балистарии (вооруженные арбалетами стрелки) упоминаются в статуте генуэзских колоний у Черного моря от 1448 г. В книге реестров упоминаются 40 арбалетов и их стрел, доставшихся туркам, захватившим арсенал Солдайи в 1475 г. (Семина, 2002: 213).

Во время археологических раскопок в Крыму было найдено свыше 80 наконечников арбалетных стрел второй половины XIII в. — XV в. Наиболее точно датируются стрелы из закрытых археологических комплексов Судака (Солдайя), Чабан-Куле, Фуны, Аю-Дага, Мангупа. В качестве случайной находки наконечник арбалетной стрелы такой формы был обнаружен в селе Ароматное Бахчисарайского района. Имеется также устная информация исследователей о подобных находках из культурных слоев укреплений Каффы (Феодосии) семидесятых годов XIII в. — XVII в. и генуэзской крепости Чембало XV в. (Семин, 2002: 215). С. Семин указал на карте места обнаружения наконечников арбалетных стрел, назвав крепость Каламита и город Золотой Орды Солхат (Старый Крым), однако в тексте доклада на конференции они не были названы (Семин 2002: 219).

Наиболее древние наконечники арбалетных стрел (10 экз.) в Крыму были найдены в крепости Солдайя (1 квартал) вместе с монетами второй половины XIII в. К XIV в. можно отнести один наконечник стрелы из подножия горы Аю-Даг (Семин 2002: 214, 215, Рис. 1, 13). По форме на него похож также наконечник из с. Ароматное (Семин, 2002: 214, 215, Рис. 1, 12).

Больше всего наконечников стрел 10 типа (7 типа по А. Медведеву) обнаружено в слоях XV в. Кроме 26 наконечников из уже упоминавшегося 1-го квартала крепости Солдайя. Пять наконечников найдены во время исследований церкви Девы Марии на центральной площади города Солдайя, еще три наконечника стрел такой же формы обнаружены в укреплениях крепости (куртине) также в слое XV в. (Семин, 2002: 214, 215, Рис. 1, 1–3).

В укреплениях генуэзской крепости в Чабан-Куле найдены 6 наконечников арбалетных стрел такой же формы (последняя четверть XV в.), (Семин 2002: 214, 215, Рис. 1, 4–6). 22 (или 23 — Г.Р.) наконечника найдены в Фуне, приграничной крепости Теодора (двадцатые годы XV в. — 1475 г.). Пять наконечников стрел 10 типа обнаружены в хозяйственной яме двадцатых годов XV в., 12 наконечников стрел найдены в слое пожара донжона, построенного в 1459 г. Еще четыре наконечника отнесены к слою, сформированному в 1459–1473 гг. (Семин 2002: 214, 215, Рис. 1, 7–11).

Еще несколько наконечников арбалетных стрел такой же формы найдены в слоях XIV–XV вв. крепости Мангуп (Семин 2002: 215).

С. Семин по параметрам наконечников стрел выделяет два варианта. Первый — с массивной боевой головкой высотой 8–18 мм, шириной режущих граней от 8 до 13 мм и диаметром втулки 11–13 мм. Наконечники стрел таких размеров найдены в Судаке (Солдайя), Аю-Даге, Чабан-Куле и Фуне в слоях XIII–XIV вв. В тексте сообщения без уточняющих данных упоминались аналогичные наконечники стрел XIV в. из Молдавии — Добруджа и Азака (Семин, 2002: 215, 217).

Наконечники стрел 1-го варианта (по С. Семину) были потеряны во время одной из осад Вильнюсского замка в конце XIV в. — начале XV в. (Рис. 2). По форме и размерам они близки к наконечникам стрел 10 типа, найденным в Медининкай и Саряй (Рис. 3, 4: 1, 2).

Наконечники стрел 2-го варианта (по С. Семину) меньше — они с уменьшенной боевой головкой около 5 мм, а в сечении 7×7 мм и втулкой диаметром 14–16 мм. Они обнаружены только в слоях второй половины XV в. в Судаке, Чабан-Куле, Фуне и Мангупе (Семин, 2002: 217). Такие укороченные наконечники стрел 10 типа известны по раскопкам городищ Ступелу и Талсу в Латвии (Raskevičius, 2002: 91; Stubavs, 1979: 70, Рис. 11, 32; Karnups, 1936: 83, Рис. 1; 16, 3).

Наконечники стрел 10 типа (1-го варианта, по С. Семину), обнаруженные в Литве и Крыму, отличаются особой, удлиненной формой их шейки. Это явный намек на их предназначение. Наконечники стрел такой формы предназначались для поджога крыш деревянных укреплений и построек. Горючий материал прикреплялся к металлической шейке наконечника стрелы. Он не мог крепиться к деревянному черешку стрелы, который мог загореться раньше времени. На шейки наконечников таких стрел наматывалась намазанная смолой веревка или крепилась пакля.

По сведениям письменных источников, крестоносцы впервые применили в Литве стрелы для поджога в ходе неудавшейся осады Байербургского замка в 1337 г. (Vygandas Marburgietis 1999: 86). Магистр стрелков (*magister sagittariorum*) Тильман из Зунпахы (*Tilemanus de Sunpach*) первой стрелой (*telum igneo*) поджег литовское знамя, а второй сразил Тракайского князя (Gudavičius 1985: 78–80; SRP 1863a: 493, 494). В сообщении, высланном 5 августа 1422 г. из Диршау (*Dirschau, Tchew*) главному маршалу, сообщалось, что город Лебау (*Löbau, Lubawa*) был осажден Ягайлой и Витаутасом и что «...хотя они стреляли огненными стрелами, однако городу милостью Божьей не был нанесен ущерб» (Ekdahl, 1992: 30). В письменных источниках Ордена, написанных по-немецки, такие стрелы назывались *Feuerpfeil* (Nowakowski 1980: 124; Ekdahl 1992: 29). Понятно, что уже в XV в. литовские стрелки применяли зажигательные стрелы.

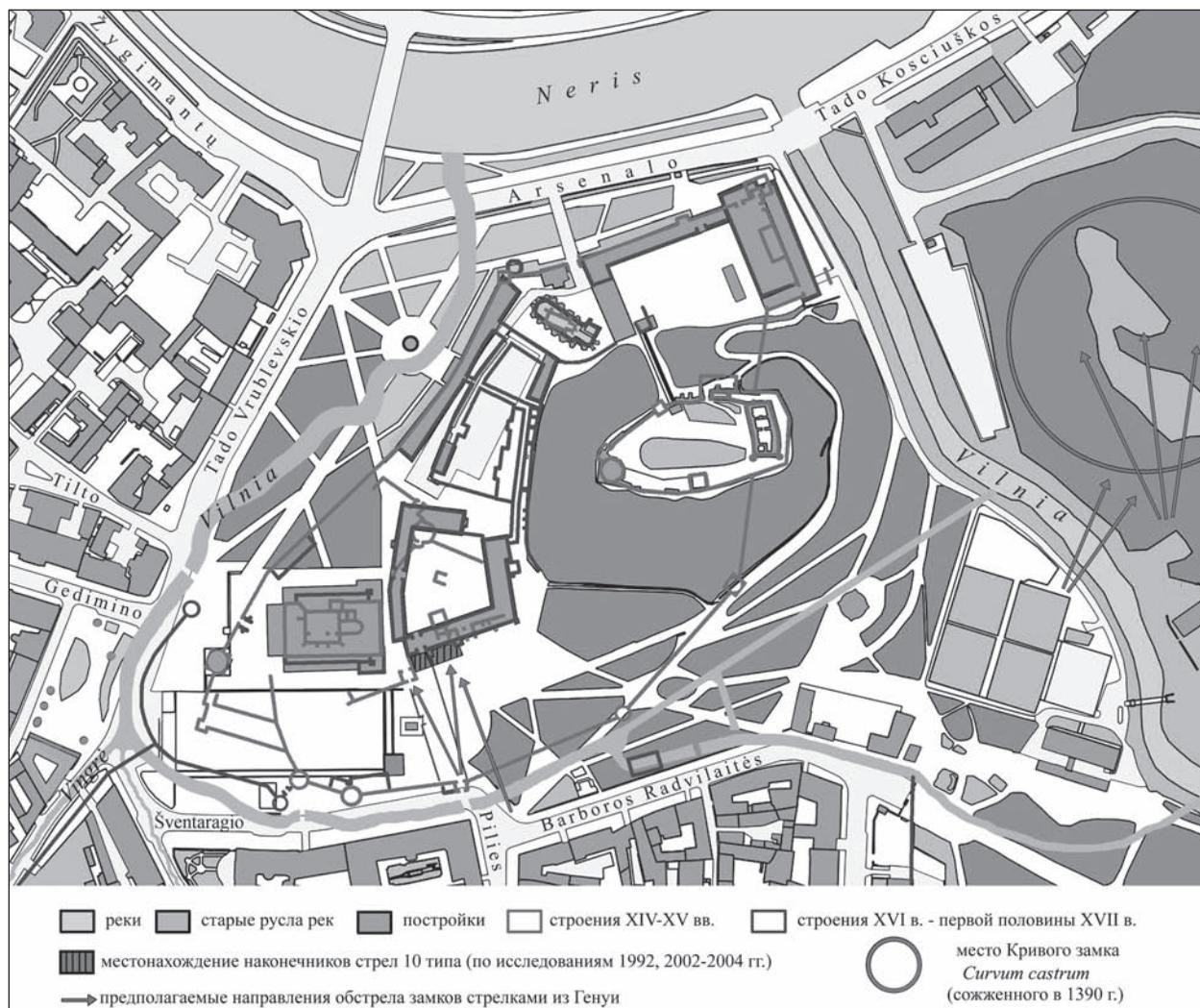

Рис. 1. План-схема Вильнюсского замка

В литовском археологическом материале известны два типа зажигательных наконечников стрел (10 и 11 тип) из 10 наконечников стрел из Вильнюса, Каунаса, Медининкай и Саряй. Большинство из них довольно точно датированы — второй половиной XIV в. — началом XV в. (Rackevičius 2002: 90–90, 161, 173, 177, 204, 285, Рис. 38: 2, 51: 1, 63, 86: 3; Табл. 5: 10, 11). Наконечники стрел 11 типа от 10 типа отличаются формой пера — у них не треугольная в сечении головка, а двухшипное перо (Rackevičius 2002: 90–92, 285, Табл. 5: 10, 11).

Зачастую обстоятельства обнаружения наконечников стрел позволяют отнести их к той или иной из воинствующих сторон. Обычно компактно найденные внутри оборонительных сооружений стрелы позволяют считать их принадлежностью защитников замка. Шесть наконечников стрел 10 типа были обнаружены в 1992, 2002–2004 гг. не компактно, на площади около 300 м² (Рис. 1). По обстоятельствам нахождения можно считать, что они принадлежали захватчикам. Как уже упоминалось, по данным хроники Виганда, стрелки из *Genewel* еще в 1394 г. во время осады Вильнюсского замка завладели Лысой горой, на которой находился Кривой замок (Рис. 1). Письменные источники дополняют и археологические данные — второе направление обстрела укреплений замка было с юга, с левого берега старого русла Вильни (Рис. 1). При обстреле с левого берега Вильны, если русло реки использовать в качестве естественной преграды, расстояние до южных ворот (М36) составляло около 100 м, а до постройки М3 — около 120 м. Если захватчикам удалось занять ворота замка (внешнюю линию оборонительных сооружений), расстояние до южных ворот (М 36) сокращалось до ~70 м. В XIII–XIV вв., благодаря усовершенствованному луку и механизму натяжения арбалета, расстояние выстрела увеличилось до 300 м (Rackevičius 2002: 60).

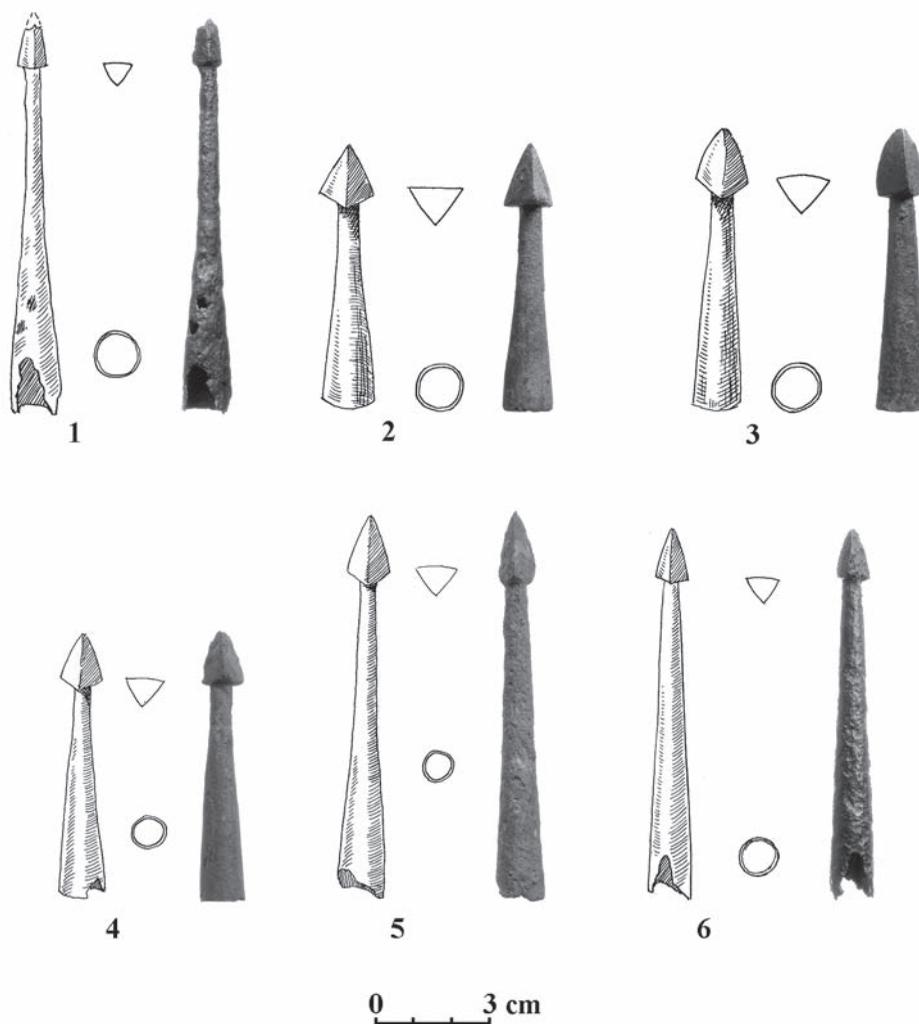

Рис. 2. Наконечники арбалетных стрел 10 типа из Вильнюса

Рис. 3. Схема похода 1394 г. и места нахождения наконечников стрел 10 типа в Литве

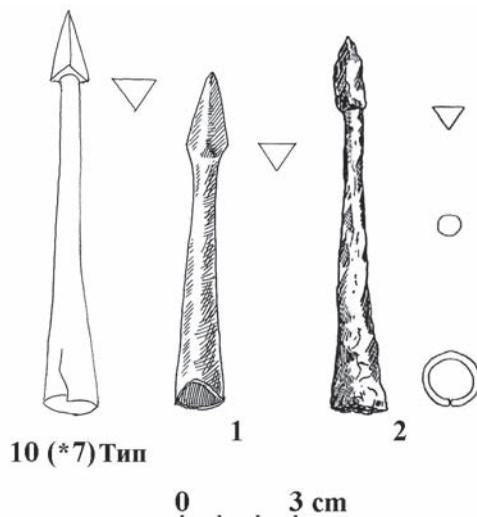

Рис. 4. Наконечники арбалетных стрел 10 типа из Медининкай и Сарийай

Рис. 5. Местонахождения наконечников стрел 10 типа в Поднепровье и Крыму

Во время исследования коллективного Корсбетнингенского захоронения было установлено (учитывая лишь ранения в череп), что 25–30% стрел вонзались в голову вертикально. По диагонали, сверху попадало 35–40% и горизонтально, спереди — 30–35% стрел (Thordeman, Nörlund, Ingelmark 1939: 192, Табл. 2). Об этом же свидетельствуют довольно высокие траектории обстрела во время битвы в 1361 г. между датчанами и готландцами. Свен Экдаль сравнивает стрелы, выпущенные перед боем диагонально вверх из вражеских рядов, удаленных друг от друга на расстояние около 200–300 м, с мощным артиллерийским огнем перед решающей атакой. Такой характер арбалетного обстрела подтверждает и ми-

ниатюра из Хроники Олава Магнусена (Olaus Magnus) об истории северных народов (*Die Geschichte der nordischen Völker*) (Ek Dahl 1992: 18, 33, Рис. 1).

Во время раскопок, проводившихся на территории Кернавского городища Аукуро калнас, точно фиксировалось положение наконечников стрел. Они показали, что укрепления замка осаждались со стороны долины Паяутос. Это характерная тактика, когда вначале занимали город или поселение, а затем, воспользовавшись постройками как укрытием, обстреливали основные укрепления. Некоторые наконечники стрел были обнаружены в вертикальном положении, что свидетельствует о высокой траектории обстрела (Raskevičius 2002: 54).

Можно предположить, что и южные ворота Вильнюсского замка (M36), а также постройки (M3 и другие деревянные?) за внутренней линией оборонительных сооружений замка обстреливались по высокой траектории с целью поджечь, прежде всего, ворота и постройки внутри замка. Ближайшее расстояние до естественной преграды, удобной для того чтобы разместить там позиции стрелков (там их не могли неожиданно настичь литовские всадники), приблизительно равное 100–200 м, кажется убедительным, зная расстояние выстрела из арбалета того времени — около 300 м. Вероятно, крестовосцы в 1394 г. переправились через Нерис ниже замка и, лишь захватив город, напали на замок с южной стороны. Косвенно такой способ осады подтверждает и нападение на Вильнюс в 1383 г., когда был сожжен Русский пригород (город) — *civitas Ruthenica* — находившийся к юго-востоку от замка (Vygandas Marburgietis, 1999: 185; SRP, 1863a: 623). После удачного захвата Тракайского полуостровного замка в 1383 г. силами четырех комтуров был атакован один из пригородов (компактно заселенная территория), находившийся на подступах к Вильнюсскому замку. Вероятно, захват Вильнюсского замка для похода 1383 г. оказался одной из неосуществленных целей.

Обобщив материалы археологических раскопок в широком регионе Средней и Восточной Европы, можно предположить, что наконечники 10 типа были частями утерянных зажигательных арабалетных стрел во время осады Вильнюсского замка в 1394 г. В момент их потери они принадлежали участвовавшим в осаде Вильнюсского замка стрелкам из Генуи. Корректная интерпретация археологического материала приводит к разрешению проблем по толкованию письменных источников, а также к более точной датировке находок.

Литература

- Медведев А. Ф. 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // Археология СССР, САИ Е1–36. — М.
- Семин С. 2002. Средневековое вооружение Крыма второй половины XIII–XV вв. Арбалет (по материалам археологических раскопок) // Acta Musei Varanaensis I, Оръжие и снаряжение през късната античност и средновековието IV–XV в. Weapons and military equipment during the late antiquity and the middle ages 4th–15th centuries. Международна конференция, International conference. Варна 14–16 септември, Varna 14–16 September, 2000. — Варна. — С. 213–220.
- Сымонович Э. А. 1956. Каменский могильник // КСИИМК. Вып. 65. — С. 99–106.
- Aleliūnas, G., Markišiūtė I., Vailionis E. 1993. Vilniaus žemutinės pilies rūmų teritorijos tyrimai (1992 metai). Radinių sąrašas. T. 2. Vilnius // Lietuvos istorijos institutas. Rankraptynas. Fondas 1. Byla 2021b.
- Batūra R. 2001. Veliuona — Lietuvos gynybos skydas kare su Kryžiuočių ordinu (XIII a. pabaiga — XV a. pirmasis ke-tvirtis) // Veliuona. Vilnius. — P. 78–111.
- CEV, 1882. Codex epistolaris Vitoldi magni ducis Lithuaniae 1376–1430 collectus opera Antonii Prohaske // Monumenta mediae aevi historica res gestas Poloniae illustrant. — Cracoviae. — T. 6.
- Ek Dahl S. 1992. Die Armbrust im Deutschordensland Preussen zu Beginn des 15 Jahrhunderts // Fasciculi archaeologiae historicae. Fasciculus V. — Łydz. — S. 17–48.
- Ek Dahl S. 1998. Horses and Crossbows. Two Important Warfare Advantages of the Teutonic Order in Prussia // The Military Orders. Welfare and Warfare. — Aldershot–Brookfield–Singapore–Sydney. — Vol. 2. — P. 119–151.
- Gudavičius E. 1985. Ką reiškė „ugninė ietis“ (telum igneum) Vygando Kronikoje // Lietuvos istorijos metraptis. 1984 metai. Vilnius. — P. 78–80.
- Hermanas iš Vartbergės 1991. Livonijos kronika // Livonijos kronikos. — Vilnius. — P. 153–208.
- Karnups A. 1936. Izrakumi Talsu pilskalna 1936 gadā // Senatne un māksla. T. 4. — Rīga. — P. 67–86.
- Kraštas ir žmonės, 1988. Lietuvos geografiniai ir etnografiniai aprašymai (XIV–XIX a.). Parengė Juozas Jurginis ir Algirdas Šidlauskas. — Vilnius.
- Kuncevičius A., Tautavičius A., Urbanavičius V. 1993. Vilniaus žemutinės pilies rūmų teritorijos tyrimai 1992 metais. T. 1. — Vilnius // Lietuvos istorijos institutas. Rankraptynas. Fondas 1. Byla 2021a.

- Kuncienė O.* 1971. Sarių (Švenčionių raj.) plokštinio kapinyno tyrinėjimų ataskaita (1970 m. birželio 29 d. — rugpjūčio 20 d.) — Vilnius // Lietuvos istorijos institutas. Rankraštynas. Fondas 1. Bylos 295, 295a.
- Kuncienė O.* 1979. Sarių senkapis // Lietuvos archeologija. — Vilnius. — T. 1. — P. 76–100.
- Maschke E.* 1970. Burgund und der preußische Ordensstaat. Ein Beitrag zur Einheit der ritterlichen Kultur Europas im Spätmittelalter // Domus hospitalis Theutonicorum. Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens. — Bonn—Godesberg. — T. 10. — S. 15–34.
- Nowakowski A.* 1980. Uzbrojenie wojsk krzyżackich w Prusach w XIV w. I na początku XV w. // Acta archaeologica Lodziensia. Nr. 29. — Łydy.
- Ožalas E.* 2003. Vilniaus žemutinės pilies Valdovų rūmų teritorija. Pietinio, rytinio ir vakarinio korpusų prieigų archeologinių tyrimų 2002 m. ataskaita. T. 1–6. — Vilnius // Lietuvos istorijos institutas. Rankraštynas. Fondas 1. Bylos 4031–4036.
- Ožalas E.* 2004. Vilniaus žemutinės pilies Valdovų rūmų teritorija. Pietinio korpuso prieigų 2003 m. archeologinių tyrimų ataskaita. T. 1–5. — Vilnius // Lietuvos istorijos institutas. Rankraštynas. Fondas 1. Bylos 4251–4255.
- Paravicini W.* 1995. Die Preussenreisen des Europäischen Adels. — Sigmaringen — T. 2.
- Petras Dusburgietis* 1985. Prūsijos žemės kronika. Chronica terae Prussiae. — Vilnius.
- Rackevičius G.* 2002. Arbaletas ir lankas Lietuvoje XIII–XVI a. — Vilnius..
- SRP, 1863. Die littauischen Wegeberichte // Scriptorum rerum Prussicarum. — Leipzig. — Bd. 2. — S. 662–711.
- SRP, 1863a. Wigand von Marburg, Die Chronik Wigands von Marburg // Scriptorum rerum Prussicarum. — Leipzig. — Bd. 2. — S. 453–662.
- SRP, 1886. Franciscani Thorunensis Annales Prussici, Die Chronik Detmar's von Lübeck, Johann's von Posilge, Officials von Pomesanien, Chronik des Landes Preussen (von 1360 an, fortgesetzt bis 1419) // Scriptorum rerum Prussicarum. — Leipzig. — Bd. 3. — S. 57–388.
- Stubavs A.* 1979. Stupelu archeologiskās ekspedīcijas darbs // Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu un etnografu 1978 gada pētījumi rezultātam. — Rīga. — P. 67–71.
- Tautavičius A., Urbanavičius V.* 1995. Archeologiniai tyrimai // Vilniaus žemutinės pilies rūmai. 1990–1993 metų tyrimai. — Vilnius. — T. 3. — P. 12–80.
- Thordeman B., Nörlund P., Ingelmark B. E.* 1939. Armour from the battle of Wisby 1361. — Stockholm-Uppsala, — T. 1.
- Vygandas Marburgietis* 1999. Naujoji Prūsijos kronika. — Vilnius.
- Zabiela G.* 2005. Rackevičius, G. Arbaletas ir lankas Lietuvoje XIII–XVI a. Vilnius. „Lietuvos pilys“, 2002. 296 p. 600 egz. (recenzija) // Lietuvos archeologija. — Vilnius. — T. 29. — P. 253–254.

Городище «Царский Дворец» — замок на восточных границах Великого княжества Литовского (предварительные результаты исследований 2004–2006 гг.)

Г.Ю. Стародубцев, А.В. Зорин

Курский государственный областной музей археологии

Городище «Царский Дворец» входит в состав Гочевского археологического комплекса, расположенного на правобережной террасе р. Псёл в 2 км к северу от с. Гочево и в 0,5 км к западу от хут. Гочевок Беловского района Курской области. Начиная с исследований Д.Я. Самоквасова в 1909 г., на территории Гочевского комплекса раскопки велись преимущественно на курганном могильнике (Самоквасов 1915а; 1915б; Рыков 1912; Глазов 1913; 1915; Львович 1913). В 1915 г. В.Н. Глазовым была вскрыта часть площади городища 1 «Крутой Курган» (Глазов 1915). В 1937 и 1939 гг. Б.А. Рыбаковым проводились исследования городищ и селища. На «Крутом Кургане» было вскрыто 272 м², на селище и «Царском Дворце» проведены небольшие разведочные работы (Рыбаков 1937а; 1937б; 1937в). Уже эти «пробные раскопки» на «Царском Дворце» выявили факт отсутствия на городище материалов, относящихся к роменскому периоду существования памятника (Рыбаков 1937в: 5). В 1958 г. незначительные разведочные исследования на комплексе проводил Б.А. Шрамко (Шрамко 1959: 12–15. Табл. XI–XV). В 1989 г. городище «Царский Дворец» обследовал А.П. Моця (Моця, Халиков 1997: 124–127). С 1994 г. охранные раскопки комплекса ведет Гочевская древнерусская экспедиция Курского государственного областного музея археологии. В 2004 г. её силами были начаты раскопки на городище «Царский Дворец».

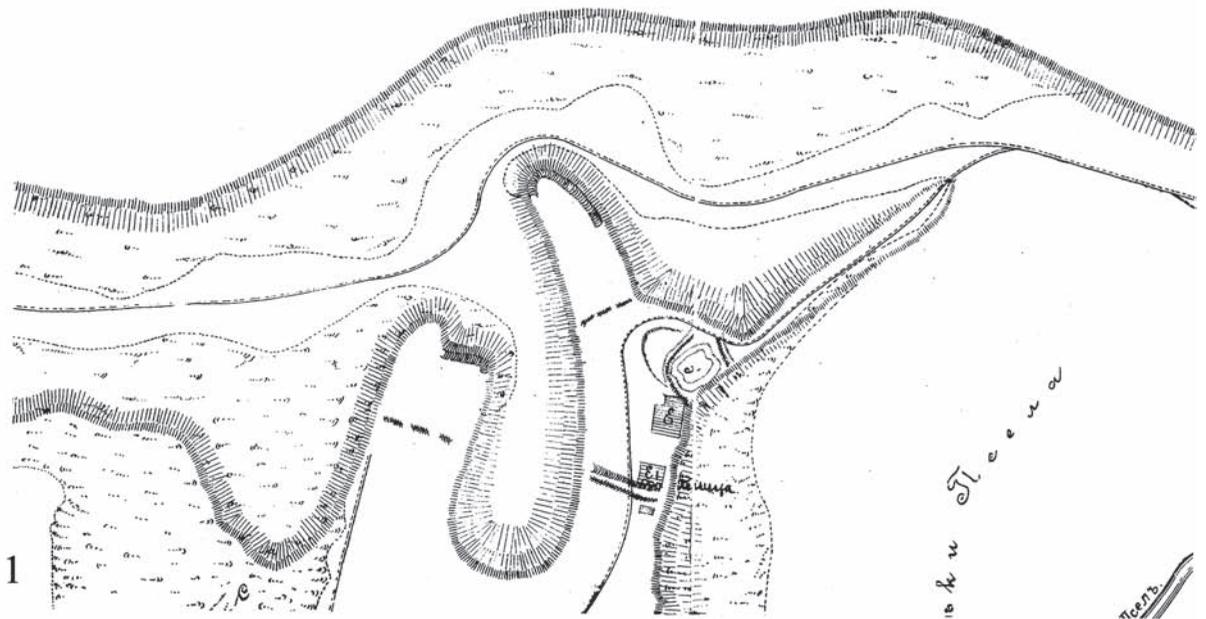
Городище расположено в 3 км к ССВ от села Гочево, в 0,3 км к СЗ от городища «Крутой Курган». Оно занимает один из мысов правого берега р. Псёл. Городище имеет достаточно сложную систему оборонительных сооружений, защищающую внутреннюю и внешнюю площадки крепости (Рис. 1, 2). С севера по склону мыса вдоль северной оконечности «Царского Дворца» проходит древняя дорога, ведущая из поймы р. Псёл. При обследовании дороги в 2005 г. были выявлены конструктивные особенности ее сооружения. Склон мыса был подрезан, а грунт отсыпан ниже по склону с северной стороны, образовав насыпь высотой от 0,5 до 2 м.

Внутренняя площадка городища вытянута по линии ССВ – ЮЮЗ и имеет размеры 80×40 м. Её небольшое падение прослеживается по линии ЮЮЗ – ССВ. Глубокий ров охватывает полукольцом внутреннюю площадку с северной, западной и южной сторон. Имеется также ров глубиной 2–3 м на ССВ, который отделяет площадку от снижающейся террасы материкового останца. Склоны мыса были эскарпированы. Площадка по краям укреплена валом, имеющим наибольшую мощность с напольной и мысовой сторон. Въезд находится в её ЮВ части. При установке на площадке опоры ЛЭП, ров с напольной стороны был частично засыпан на участке около 5 м, а вал на участке шириной около 8 м уничтожен. Грунт вала был сдвинут на внутреннюю площадку крепости, перекрыв большую её часть. В СЗ части площадки с внутренней стороны вала зафиксирована грабительская яма. В её центральной части культурный слой разрушен при установке опоры ЛЭП. Площадка и её склоны поросли лесом (Кашкин 1998: 138).

Внешняя площадка вытянута по линии С – Ю и имеет размеры 170×100 м. Её падение прослеживается по линии Ю – С. Она примыкает к внутренней площадке с западной напольной стороны. От нее помимо рва отделена небольшим валом, зафиксированным в СВ части внешней площадки. С южной стороны внешняя площадка отделена от поселения валом и рвом в значительной степени сnivelированными распашкой. В ССЗ части в 1909 г. был зафиксирован ров (Самоквасов 1915а: Табл. 1) (Рис. 1). В настоящее время визуально он не прослеживается вследствие сельскохозяйственных работ. Въезд находится в ССВ части.

При исследовании вала (раскоп IV площадью 24 м²) были выявлены особенности его сооружения. Установлено, что он возводилась в течение короткого промежутка времени, практически единовременно. При строительстве использовался грунт из выкопанного рва. На уровне пластов 11–14 с наружной стороны вала были зафиксированы остатки срубных деревянных конструкций, соединенных между собой «в паз», служившие для предотвращения оплыва насыпи в ее нижней части. Деревянные конструкции расчищены на уровне трех верхних венцов, после чего законсервированы до следующего полевого сезона.

Магистраль въ англ дюймъ 40 саж.

Укрѣпленіе „Царскій дворецъ“

Лин. А.

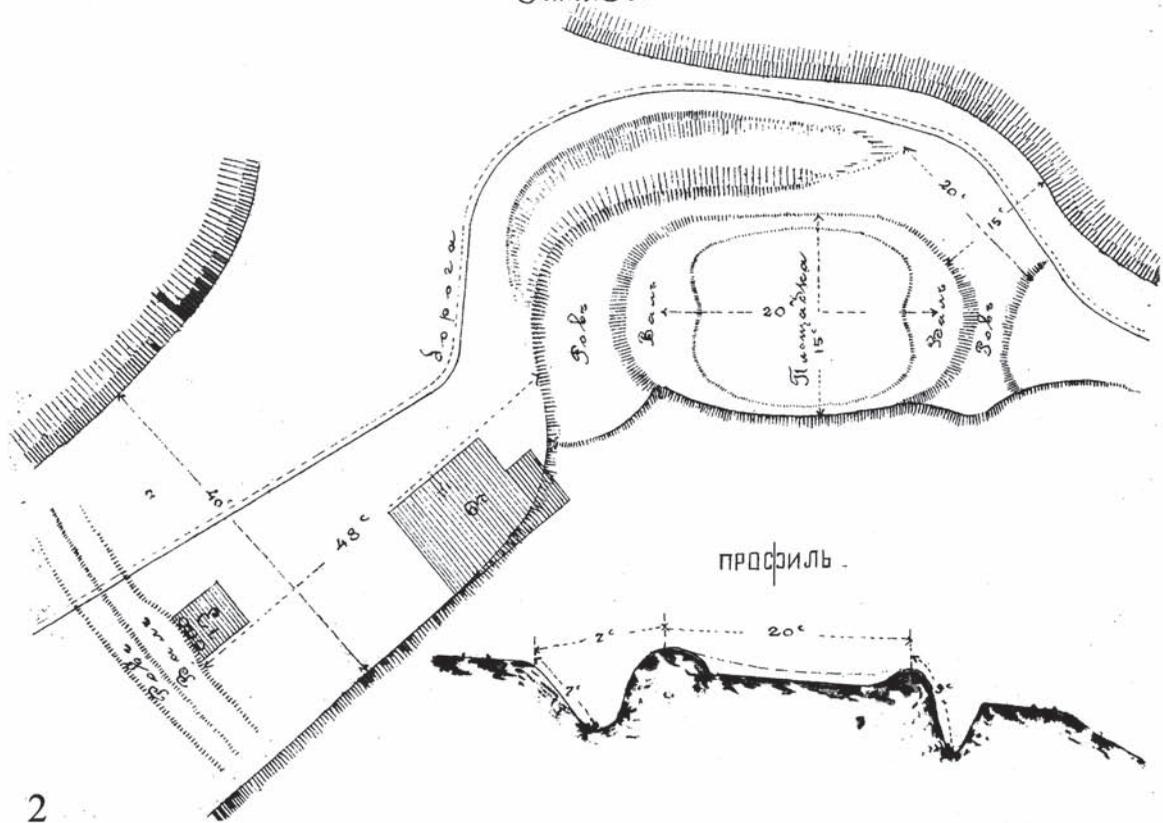

Рис. 1. Городище «Царский Дворец» и его окрестности (детали плана Д.Я. Самоквасова, 1909 г.)

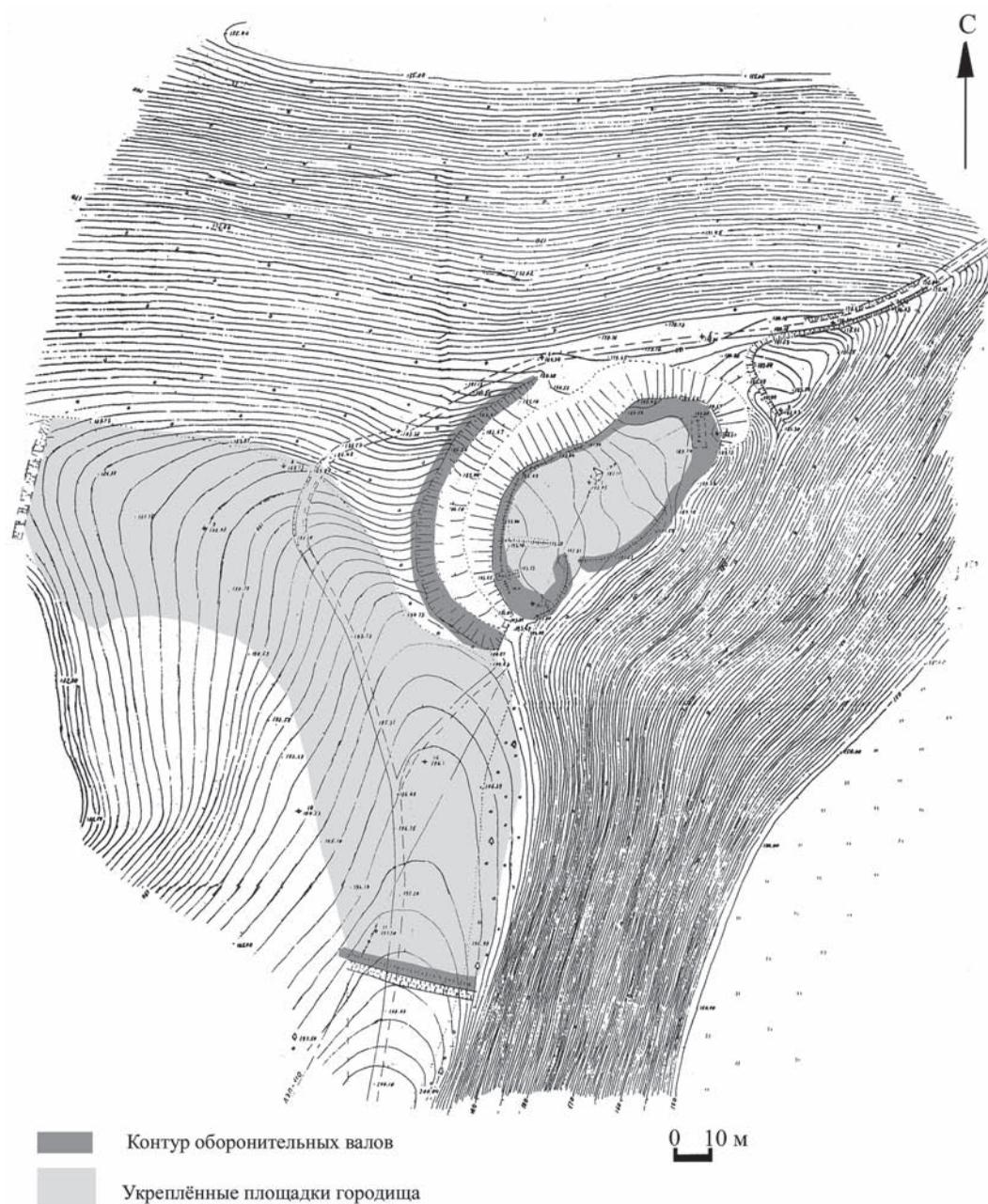

Рис. 2. План городища «Царский Дворец» (топографическая съёмка 2006 г.)

Территория раскопов I – III располагалась в мысовой части внутренней площадки «Царского Дворца» в 4 м к западу от её восточного края, в 10 м к северу от её южного края и в 18 м к востоку от северо-восточного угла бетонного фундамента опоры ЛЭП 75Б РБ, верхняя часть которого была принята за репер. Исследованная площадь составила 91 м².

В восточной части раскопа на уровне третьего пласта были выявлены клетки оборонительной стены, располагавшиеся с внутренней стороны мысового вала городища, по направлению ССЗ – ЮЮВ (Рис. 3) и сгоревшие во время пожара. На исследованном участке они имели наружные двойные деревянные стены, между которыми была забутована материковая глина. Внутренние помещения имели размеры от 1,2×1,8 до 2,4×2,3 м. Исходя из прослеженных конструктивных особенностей оборонительных сооружений, можно предположить, что они представляли собой деревянные стены, рубленые тарасами.

В квадратах И-4, К-4 была обнаружена заглубленная в материк постройка (яма 19) размером 2,5×1,95 м, вписанная в общую оборонительную линию и выступающая за пределы внешней стены на

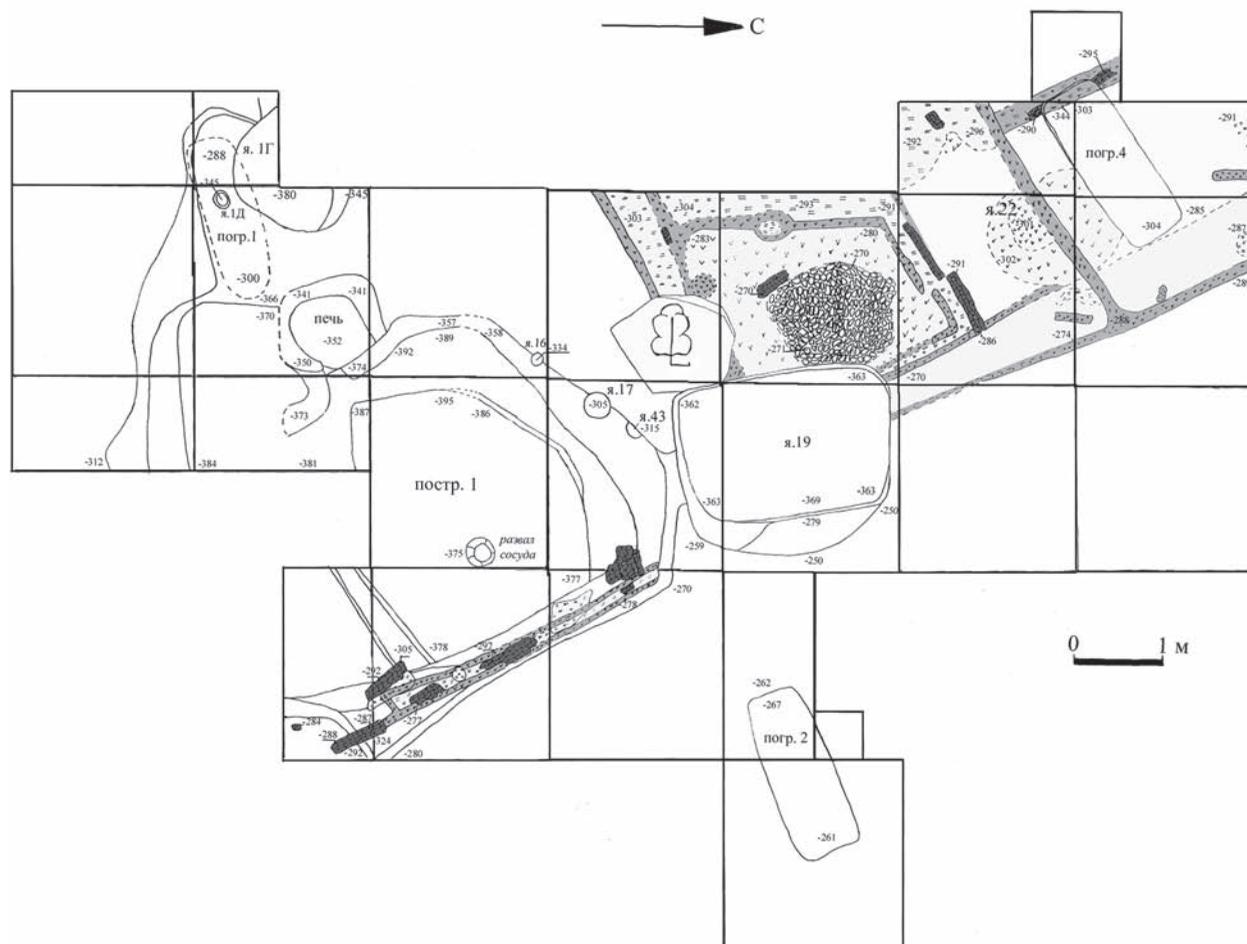

Рис. 3. План деревянных оборонительных конструкций в мысовой части городища

расстояние 0,6–1,0 м. Заполнение постройки представляло собой серый суглинок, сильно насыщенный золой, углями, мелкими фрагментами мергеля. К ее западной стене примыкала вымостка из обломков кварцита размером 1,4×1,2 м. Камни были выложены плоской стороной вверх и плотно подогнаны друг к другу. На поверхности вымостки зафиксированы следы сильного прокала. В верхней части заполнения я-19 были обнаружены фрагменты кругового сосуда с волнистым орнаментом (Рис. 4, 3).

К яме 19 с южной стороны примыкала клеть оборонительной стены полуземляночного типа с остатками глинобитной печи. Около северо-западной стены постройки зафиксированы столбовые ямы 17, 18, 43, относящиеся к её конструктивным особенностям. Наибольший интерес при исследовании этого сооружения вызывали остатки глинобитной печи, находящейся в юго-западном углу постройки. Свод её был обрушен при гибели постройки, однако хорошо сохранился под печи со следами ремонта (вмазанные в него фрагменты круговой керамики). Печь была сооружена на вырезанной в материковой глине ступеньке и, судя по форме задней стенки, вплотную примыкала к бревенчатой стене постройки. Отсутствие углей внутри печи позволяет предположить, что на момент гибели постройки печь не использовалась, т.е. пожар произошел в тёплое время года. При выборке ямы 13 удалось проследить остатки деревянного пола, сохранившиеся в виде золистой прослойки.

Массовые находки в пределах раскопа были представлены в основном фрагментами круговой керамики. Встречались также фрагменты обмазки (от 0,5×0,5 см до 8×6 см), обломки мергеля и кварцита, мелкие угли, рыба чешуя, кости животных. Отмечены находки и отдельных мелких фрагментов лепных и раннекруговых сосудов роменского типа. Среди круговой керамики зафиксированы фрагменты тарной киевской корчаги. В заполнении отапливаемой полуподземной клетки оборонительной стены был обнаружен и целый круговой сосуд, раздавленный при обрушении перекрытия во время пожара и датированный второй половиной XIII – XIV вв. (Рис. 4, 1).

Из числа индивидуальных находок следует отметить предметы вооружения и конской сбруи. К их числу относятся наконечники стрел, наконечник пики, панцирная пластина, конские удила и фигурная ременная накладка.

Наконечник пики (Рис. 5, 5), обнаруженный среди завала углей сгоревших клетей оборонительной стены, четырёхгранный, втульчатый, с «яблоком», общей длиной 26 см. Диаметр втулки в районе воронкообразного расширения достигает 3 см, длина её, включая «яблоко», составляет 12 см. Остриё погнуто и имеет длину 14 см при толщине пера от 1 см до 0,4 см. Согласно классификации А.Н. Кирпичникова, наконечник относится к типу V и датируется периодом не ранее XIV в. (Кирпичников 1966: 15–16). Учитывая, что подобный тип наконечников характерен в первую очередь для вооружения кавалериста, следует предположить, что он принадлежал не защитникам городища, а их противникам и попал сюда в ходе штурма, упав и погнувшись вместе с рухнувшими конструкциями укреплений.

При исследовании оборонительного вала в одной из подсыпок насыпи найдены два наконечника стрел, попавшие туда одновременно при сооружении укреплений. Один из наконечников треугольный с упором, длина 5,5 см (длина черешка 2,5 см), ширина пера 1,3 см (тип 37 по А.Ф. Медведеву), употреблялся в VII – XIV вв. (Медведев 1966: 63–64) (Рис. 5, 2). Второй – ромбовидный, длина 5 см (длина черешка 2 см), ширина пера в средней части 1,3 см (тип 41 вид 2 по А.Ф. Медведеву), имел широкое распространение в XI – XII вв., особенно широко употреблялся в XII–XIV вв. (Медведев 1966: 65) (Рис. 5, 3).

Панцирная железная пластина (Рис. 5, 1) обнаружена в заполнении отапливаемой полуподземной клетки оборонительной стены. Она имеет подтреугольную форму при размерах 10×12×5 см. В верхней, широкой части пластины, сохранилась заклёпка для крепления к другим частям доспеха, по боковым краям идут отверстия, предназначенные, вероятно, для крепления кольчуги (по 8 с каждой стороны). Пластина слегка изогнута. С внутренней стороны сохранились следы коричневого тлена от кожи. Данная находка является наплечной пластиной панциря, аналоги которому известны в Северной Европе, в частности, среди захоронений Висбю, датированных 1361 г. (Lindholm, Nikolle 2003: 12, 16).

К набору конской сбруи относятся конские удила и фигурная железная ременная накладка (Рис. 5, 4, 6). Длина накладки 5,5 см, в центре имеется отверстие диаметром 5 мм, на концах — расширения с заклёпками, под которыми сохранились следы тлена от кожи. Согласно классификации К.А. Руденко, она близка к накладкам типа I отдела Д, характерным для XIV в. Ближайшие аналогии находке встречены на памятниках того же периода в районе Куликова поля (Гоняный 2005: 89, 100).

В пределах второго – третьего пластов раскопов I – III были выявлены 4 безынвентарных погребения. Контуры могильных ям практически не читались, поскольку они были непосредственно врезаны в культурный слой городища, насыщенный углями, керамикой, обмазкой и осколками кварцита и им же затем засыпана. Заполнение ям отличалось от окружающего слоя только плотностью. Погребения 1, 2, 4 были ориентированы по линии ЮЗЗ – СВВ, головой на ЮЗЗ. Они лежали на спине, руки сложены на животе. На дне могильных ям №№ 2, 4 под костями скелета зафиксированы прослойки древесного тлена толщиной 0,1–0,5 см. Погребение 3 было разрушено более поздней ямой 19А, кости перемещены. Череп в плохой сохранности найден в квадрате З 2, другие кости (обломки челюсти и таза, ребра) в переложном состоянии были обнаружены в заполнении ямы 19А. Могильные ямы крайне неглубокие, прорезают сохранившиеся следы сгоревших оборонительных конструкций, контур их не фиксировался в более поздних культурных напластованиях.

Погребение 1 представляет собой захоронение мужчины преклонных лет, о чём свидетельствует полное сращение продольного черепного шва и отсутствие зубов. Следует отметить, что челюсти покойного были полностью сглажены, что свидетельствует о довольно долгой жизни умершего уже после выпадения зубов. Погребение 2 – женское захоронение в возрасте 14 – 16 лет. Половую принадлежность и возраст погребения 3 определить не представляется возможным. Погребение 4 представляет собой захоронение мужчины в возрасте 20–25 лет.

Датировка погребений затруднена из-за отсутствия датирующего инвентаря (за исключением погребения 4, где в ногах скелета найден железный нож), но, учитывая уровень их расположения, следует предположить, что оно было совершено уже после гибели городища, в период не ранее конца XIV – начала XV в. Все захоронения совершены в неглубоких ямах, контур которых совершенно не прослеживался ни в плане, ни в профиле залегавшего выше культурного слоя. Погребение 4 прорезало собой остатки сгоревших деревянных конструкций оборонительной стены.

Следует отметить, что подобные погребения встречались на городище и в ходе предшествующих исследований. Ряд их был выявлен раскопками Д.Я. Самоквасова у подножия вала на внешней площадке

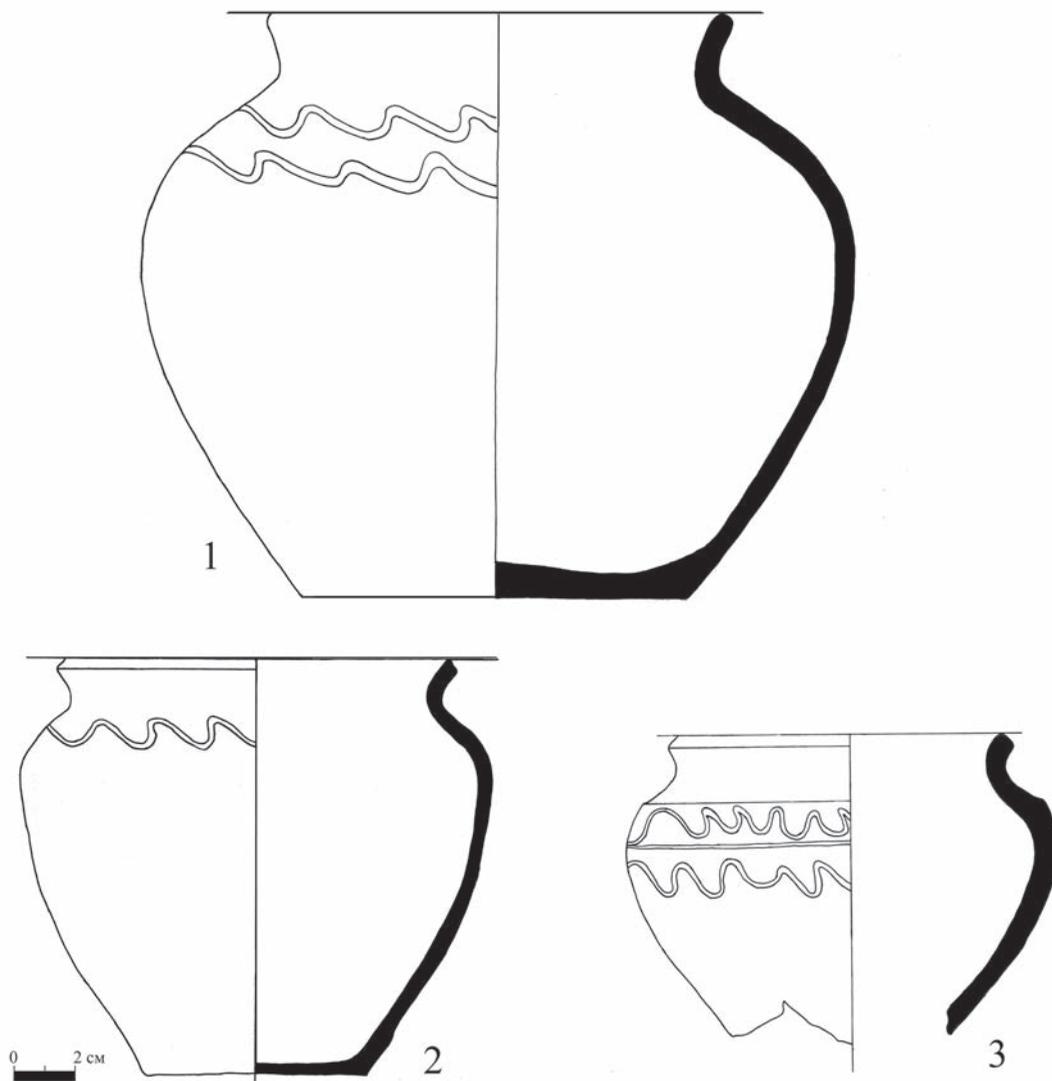

Рис. 4. Керамика городища «Царский Дворец».
 1 — сосуд из клетки оборонительной стены; 2 — сосуд из я. 22; 3 — сосуд из я. 19

городища (Самоквасов 1915б: 5–6). В шурфе Б.А. Шрамко, расположенном «у края городища с северо-восточной стороны» (Шрамко 1959: 14) площадью 6 м² также было найдено погребение мужчины, лежащего на спине, головой на запад, со скрещенными на животе руками. Края могильной ямы не были зафиксированы из-за однородности окружающего слоя и заполнения могилы, ее глубина составляла всего около 15 см (Шрамко 1959: 14–15. Табл. XV). По мнению исследователя, захоронение было произведено наспех вскоре после разгрома городища, а погребённый является жертвой этого разгрома.

Согласно предположению А.П. Моци, обнаруженные Д.Я. Самоквасовым и Б.А. Шрамко погребения около внешнего вала городища, являются частью христианского кладбища, которое появилось здесь после гибели городища (Моця, Халиков 1997: 124–127). Однако, более верной следует всё же признать точку зрения Б.А. Шрамко. Скорее всего, вскоре после взятия крепости уцелевшие жители поселения, похоронив погибших на территории городища, продолжали некоторое время жить на прежнем месте. В пользу этого свидетельствует небольшая глубина могильных ям, однородность их заполнения с окружающим грунтом, беспорядочность расположения погребений, нетипичная для кладбища. Захоронения явно были совершены на поверхности пожарища, отчего контур их и не может читаться в залегающих выше позднейших культурных напластованиях.

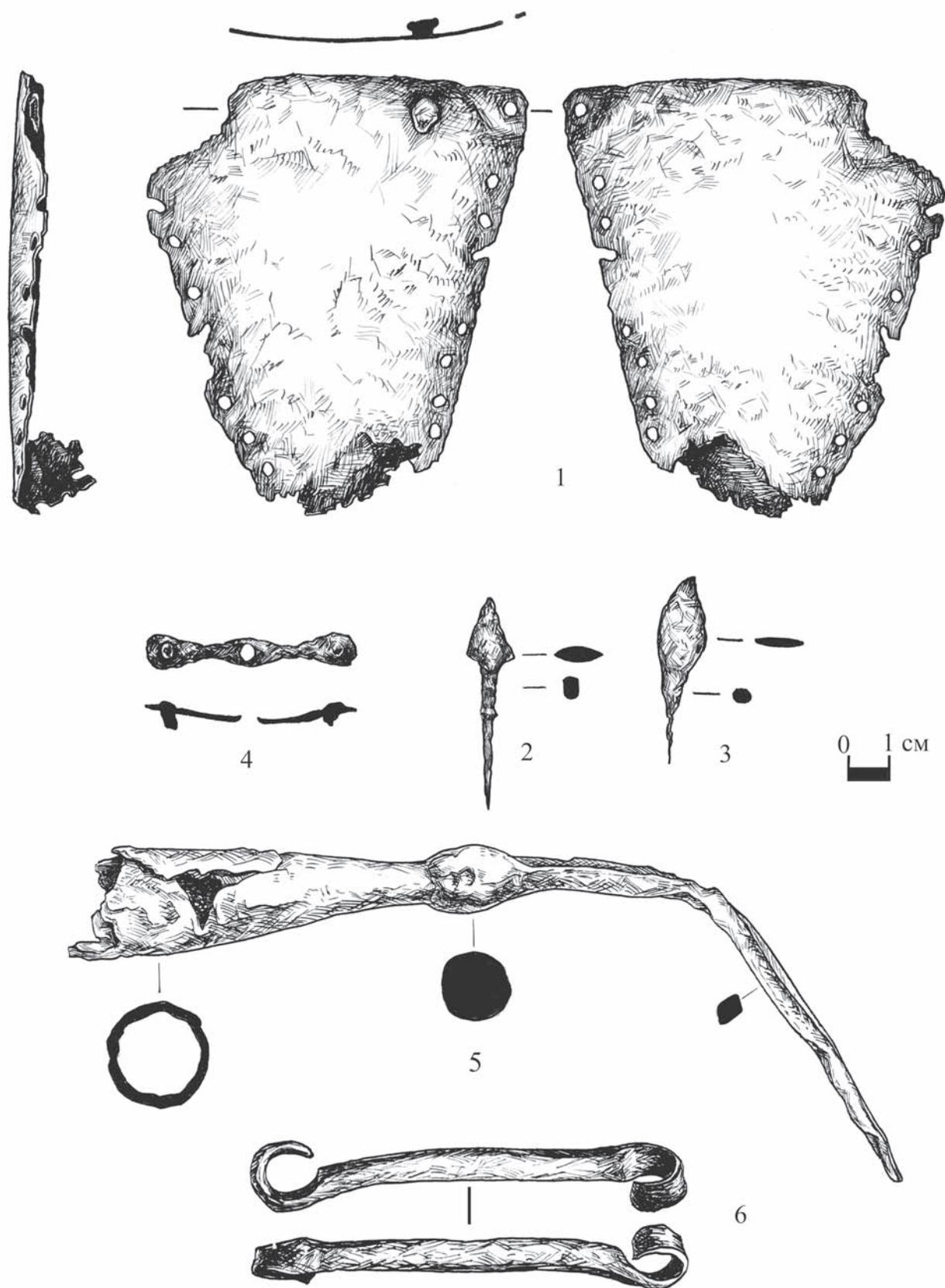

Рис. 5. Железные предметы вооружения и конской сбруи.
 1 — панцирная пластина; 2–3 — наконечники стрел; 4 — ременная накладка; 5 — наконечник пики; 6 — удила

Жизнь на разгромленном поселении, однако, продолжалась недолго. Находящийся выше уровня погребений и пожарища культурный слой имеет небольшую мощность и беден находками. Прослеженные в нём объекты представляют собой преимущественно неглубокие ямы округлой формы с однородным, лишённым находок заполнением. Вероятно, беспокойная обстановка на пограничных территориях и отсутствие крепости заставили их искать убежища на более защищенных землях — например, в окрестностях Рыльска или Курска.

Уточнить датировку гибели городища могут помочь материалы, собранные на прилегающем к нему поселении. Здесь также были зафиксированы находки, датируемые второй половиной XIV в. В 1997 г. при сборе подъёмного материала в его центральной части найдены 5 фрагментов ордынских полуфаянсовых чаш: 3 обломка, покрытых бирюзовой глазурью с черной подглазурной росписью; 1 — покрытый бирюзовой глазурью без подглазурной росписи, 1 обломок края чаши, покрытый ультрамариновой (окрашенной окисью кобальта) глазурью с черной подглазурной росписью (Стародубцев 1997: 15–16. Рис. 86–88). Во время раскопок в 2005 г. были обнаружены 2 обломка стенок ордынских круговых сосудов из белого кашина: в заполнении ямы 58 — фрагмент, покрытый серо-голубой глазурью (Стародубцев, Зорин 2005: 15. Рис. 83, 2; 84, 2), в заполнении жилой постройки 1 (ямы 60, 60 А) — фрагмент с зеленой глазурью (Стародубцев 2006: 165; Стародубцев, Зорин 2005: 18. Рис. 83, 1; 84, 1). По определению В.Ю. Коваля, все перечисленные фрагменты произведены в поволжских городах Золотой Орды в середине — второй половине XIV века (самая поздняя дата — рубеж XIV–XV вв.). Аналоги этим образцам имеются в большинстве средневековых русских городов XIV в., наиболее редким является фрагмент с ультрамариновой глазурью. На территории Руси именно эта разновидность практически неизвестна, поскольку редко встречалась и в самой Орде.

В 2002 г. найдена серебряная золотоордынская данга (вес 1,35 г.), на аверсе которой удалось прочесть частично стертую надпись «султан справедливый // Тохтамыш хан // ? //». На реверсе в фигурной рамке четко виден год чеканки ' v ^ v ' , что читается как «887 год Хиджры». Но вероятно год отчеканен неправильно — первая цифра, скорее всего, перевернута. Такие перепутанные числа встречаются среди золотоордынских монет (Френ 1832: 23, № 186). Можно предположить, что правильный год чеканки ' v ^ v ' — «787 год Хиджры», что соответствует 1385/1386 г. от Рождества Христова (Стародубцев 2002. Л. 14. Рис. 64, 1). В 2004 г. также во время сбора подъемного материала на территории поселения были обнаружены три медных золотоордынских пула плохой сохранности (Стародубцев, Зорин 2004: 11. Рис. 146, 1–3). На реверсах двух (вес 1,12 г. и 0,62 г.) изображен зверь с изогнутым хвостом, как считают некоторые исследователи — барс (Гончаров 2004: 17), идущий вправо, над его спиной восходящий диск солнца, на аверсах — стертая арабская надпись. На аверсе третьей монеты (вес 1,62 г.) — обрезанная арабская надпись в две строки «чекан» // изображение верхней части трехногой тамги без верха; на реверсе — обрезанная арабская надпись «ги(йяс)...».

Найденные на поселении монеты, а также фрагменты чаш говорят о том, что прилегающее к замку поселение в этот период было всё ещё довольно значительным по площади (не менее 7–8 га), а также позволяют предположить сохранение достаточно устойчивых торговых связей в это время. Кроме того, они уточняют верхнюю дату существования данного археологического памятника.

Таким образом, согласно предварительным результатам исследований, городище «Царский Дворец» представляет собой мощный укрепленный пункт, контролировавший въезд на Гочевское поселение со стороны поймы р. Псёл, а также сухопутный путь, проходящий здесь ещё с XI в. Вероятно, оно было основано в качестве пограничной крепости Великого княжества Литовского вскоре после присоединения территории верхнего Псла в 1360-х гг. Городище представляло собой замок с двумя укрепленными площадками, большая из которых (внешняя) должна была служить убежищем жителям расположенного за валом поселения. Внутренняя площадка городища представляла собой небольшую, но мощную цитадель. Оборону замка обеспечивала тщательно продуманная и умело вписанная в рельеф местности система деревоземляных укреплений, включающая в себя эскарпированные склоны, земляные валы, рвы и рубленые стены. В составе гарнизона замка, как о том говорят материалы раскопок, находились тяжёловооружённые всадники.

Несомненно, крепость существовала ещё в конце XIV в., о чём свидетельствует находка на поселении монеты с именем Тохтамыша. В таком случае гибель замка следует связать с военными действиями второй четверти XV вв. Именно в этот период приходится борьба северского князя Свидригайло за власть в Великом Княжестве Литовском, осложнённая соперничеством татарских ханов Улу-Мухаммеда и Сейид-Ахмеда (1432–1437 гг.). В частности известно, что в 1433 г. татары, которых привёл на помощь Свидригайлу воевода Ивашко Монивидович, разорили Киевщину и Северскую землю, а в весной

1436 г. военные действия между войсками Свидригайло и Сигизмунда I велись в районе верхней Оки и на северо-востоке Северной земли (Гудавичюс, 2005: 280–290; Флоря, 2001: 180). Другая вспышка военной активности в регионе относится к событиям мятежа князя Михаила Сигизмундовича, который летом 1449 г. при помощи союзных татар захватил Стародуб, Новгород-Северский, Брянск и «ряд других замков» на Северной земле (Гудавичюс, 2005: 310; Флоря, 2001: 187). В обоих случаях ход борьбы вполне мог привести к разгрому и сожжению одной из пограничных крепостей на верхнем Псле.

Более детально судить о назначении и хронологии построек в системе укреплений городища, можно будет после их полного исследования в ходе дальнейших раскопок.

Литература

- Глазов В.Н. 1913. Отчет о раскопках по поручению РАО в Обоянском уезде // Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 123/1913.
- Глазов В.Н. 1915. Отчет о раскопках Гочевских курганов в Обоянском уезде Курской губернии // Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 93/1915.
- Гончаров Е.Ю. 2004. Медные монеты Сарая ал-Джадид // Древности Поволжья и других регионов: Сборник статей. Вып. V. Нумизматический сборник. Т. 4. М. — С. 7–22.
- Гоняный М.И. 2005. Тюркские элементы в материальной культуре древнерусских поселений конца XII — третьей четверти XIV в. района Куликова поля (на примере украшений ременной гарнитуры) // Русь в IX–XIV вв. Взаимодействие Юга и Севера. — М. — С. 85–100.
- Гудавичюс Э. 2005. История Литвы. Т. I. С древнейших времён до 1569 года. — М.
- Кашкин А.В. 1998. Археологическая карта России. Курская область. Ч. 1. — М.
- Кирпичников А.Н. 1966. Древнерусское оружие. Вып. 2. / САИ Е1–36. — М.—Л..
- Львович В.С. 1913. Дневник раскопок курганов у с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии // Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 330/1913.
- Медведев А.Ф. 1966. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII — XIV вв. / САИ, Е1–36. — М.
- Моця А.П., Халиков А.Х. 1997. Булгар — Киев. Пути — связи — судьбы. — Киев.
- Рыков П.С. 1912. Дневник раскопок Гочевского могильника в июле 1912 г. // Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 386/1912.
- Рыбаков Б.А. 1937а. Краткий информационный отчет о Гочевской экспедиции 1937 г. // Архив ИИМК. Ф. 2. Д. 231/1937.
- Рыбаков Б.А. 1937б. Отчет о раскопках городища «Крутой Курган» близ Гочева Курской области в 1937 году // Архив ИИМК. Ф. 2. Д. 230/1937.
- Рыбаков Б.А. 1937в. Отчет о раскопках, произведенных в 1937, 1939 гг. на Гочевском городище (Курская область) // Архив ИИМК. Ф. 2. Д. 259/1937.
- Самоковасов Д.Я. 1915а. Атлас Гочевских древностей. — М.
- Самоковасов Д.Я. 1915б. Дневник раскопок у с. Гочево. — М.
- Стародубцев Г.Ю. 1997. Отчет об охранных раскопках Гочевской древнерусской экспедиции в 1997 г. // НА КГОМА. I — 96.
- Стародубцев Г.Ю. 2002. Отчет об охранных раскопках курганного могильника около с. Гочево Беловского района и разведочных работах около д. Духовец Курского района Курской области в 2002 г. // НА КГОМА. I — 11.
- Стародубцев Г.Ю. 2006. Охранные исследования Гочевского археологического комплекса в 1994 — 2005 гг. // Русский сборник (Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского). Вып. 2 — 3. — Брянск. — С. 162–169.
- Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. 2004. Отчет об охранных раскопках Гочевского археологического комплекса (с. Гочево Беловского района Курской области) в 2004 г. // НА КГОМА. I — 128.
- Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. 2005. Отчет об охранных раскопках Гочевского археологического комплекса (с. Гочево Беловского района Курской области) в 2005 г. // НА КГОМА. I — 137.
- Флоря Б. Н. 2001. Орда и государства Восточной Европы в середине XV в. (1430–1460) // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. — М. — С. 172–196.
- Френ Х.М. 1832. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами разных иных мухамеданских династий. — СПб.
- Шрамко Б.А. 1958. Отчет о работах в 1958 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 1843.
- Lindholm D., Nikolle D. 2003. Medieval Scandinavian Armies 1300–1500 / Osprey, MAA-399. — London.

Торговля кожевенными товарами в средневековой России или феномен «русской кожи»

А. В. Курбатов

Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург

В работах отечественных историков было уделено достаточное внимание вопросу о торговле кожами в средневековой России. Но рассматривалась преимущественно эпоха Московского царства, поскольку именно для этого времени имеется обширный пласт источников. Для более древних периодов письменных источников по указанной проблеме очень мало. В то же время среди историков глубоко укоренилось мнение, что уже с X в. сырые и выделанные кожи экспортировались за границу. Парадоксально, что в подтверждение такого мнения приводятся письменные источники XVI–XVII вв., свидетельствующие о большом спросе на русские кожи в западных странах (Вахрос 1959: 19–20). На наш взгляд, в обозначенном вопросе историки недостаточно акцентировали внимание на оценке целесообразности торговли кожевенными товарами в разные периоды средневековья, а также на взаимосвязи торговли кожами с уровнем развития ремесла в различных регионах (включая технику и технологию производства). Для такого анализа, кроме письменных источников, необходимо привлечь массовый кожевенный материал из археологических раскопок, что поможет по-новому оценить известные исторические факты.

Известия арабских писателей служат источником суждений о вывозе кож из восточнославянских земель в конце I тыс. н.э. В «Книге путей и государств» (866–874 гг.), написанной ибн-Хордадбегом в период отправления должности начальника почт в Джибале (Кугистан, древняя Мидия), отмечается торговля славян мехами и кожами: «Что же касается купцов-русских — они же суть племя из славян — то они вывозят меха выдры (по Френу или бобра — по Шпренгеру и де-Менару), меха черных лисиц и мечи из дальнейших концов Славонии к Румскому морю... В Магреб (?) привозятся также через Западное море ... кожи рогатого и домашнего скота (или кожи выдры и домашнего скота)» (Гаркави 1870: 44–49).

По тексту видно, что речь идет о торговле в Средиземном море, но остается неясным, какая территориальная группа славян этим занималась. С другой стороны, «Книга» ибн-Хордадбега является одним из немногих арабских сочинений, где товарами названы кожи. В большинстве же их отмечается вывоз «из славян» только мехов — выдры, бобра и черно-бурых лисиц (Новосельцев 1965: 384–391; Гаркави 1870: 251, 263; Заходер 1967: 29, 84–91, 161–163).

Наиболее полно ассортимент экспортных товаров X в. из Восточной Европы назван в «Книге лучшего разделения в познании климатов» Шамс ад-Дина ал-Мукаддаси, написанной в 985–989 гг. Эти товары провозили по Волжскому пути на Восток, вероятно, в Хорезм. Среди них названы меха таких животных, как соболь, куница, горноста́й, фенек, белка, лисица, бобр, пестрый заяц, коза, а также воск, стрелы, береста, шапки, рыбий клей, рыбы́и зубы (китовый ус?), бобровая струя, янтарь, шагрень, мед, лесной орех, охотничьи птицы (сокол? ястреб?), мечи, панцири (кольчуги?), дерево халандж (береза? клен?), рабы из сакалиба (из славян), мелкий и крупный рогатый скот. В конце перечня товаров автор добавляет: «Все это — из Булгара» (Халидов 2001: 192). Историки предполагают, что все перечисленные товары собирались в Булгар с более северных территорий, проходя через земли славян. Исходя из этого, считается возможным и поступление славянских кож. В списке ал-Мукаддаси привлекает внимание слово *шагрень*, обозначающее вид кожи, хотя современный перевод интересующего нас отрывка признается не всеми исследователями. Так в последней обобщающей работе по истории татар «Книга» ал-Мукаддаси дана в переводах XIX в. А.Я. Гаркави и Д.А. Хвольсона (Кирпичников, Хузин 2006: 312). У А.Я. Гаркави название кожи переведено словом *юфть*, хотя такой перевод не имеет должного лингвистического обоснования (Фасмер 1996, IV: 536).

Строго говоря, использование слова *шагрень* для перевода арабского термина X в. также неправомерно. Центральное-азиатское происхождение слова и достаточно позднее попадание его в европейские языки предполагают возможность знакомства с ним в Европе не ранее XIII в. По мнению М. Фасмера, это слово попадает в русский язык через фр. *chagrin* или непосредственно из восточных — турецкого или чагатайского языков, где *sauru* — это «кожа спины» (Фасмер 1996, IV: 394). Восточный путь заимствования слова выглядит более обоснованным на фоне близкородственных наименований в языках многих североазиатских народов. Например, через них в русский язык жителей Прибайкалья вошло слово *шагири*, под которыми обозначали и поршни, и водонепроницаемые сапоги, и мягкую обувь из

продымленной сыромятной кожи. А.Е. Аникин считает источником такого названия монгольское *сарь* — лошадиная кожа (Аникин 2003: 697).

Указанные переводы А. Халидова и А.Я. Гаркави могут вызывать спор уже потому, что в них имеются разночтения даже в определении пушных зверей, хотя востоковеды находят такие же расхождения и в самих текстах арабских писателей (Калинина 2001: 194–195). Тем не менее, надо отметить совпадение в переводах арабского термина *кимукст* — «выделанные конские кожи» — у А. Халидова и западных исследователей Дж. Ховарда-Джонсона и Томаса Нунана, считающих вероятной выделку таких кож в самом Булгаре (Курбатов, Матехина 2004: 355; Нунан 2004: 273). Выделка конских шкур в количествах, имеющих товарное значение на межрегиональном уровне, должна иметь определенную традицию производящего хозяйства, в котором лошадь является основой благосостояния и служит главным источником мясной пищи в ежедневном рационе. Такая направленность хозяйства характерна только для кочевнических обществ, что подтверждают археозоологические исследования памятников татаро-булгарского населения. Так изучение костей животных в Казани показывает, что большая доля костей лошади принадлежит взрослым особям 4–10 лет и старше, что означает особую ценность лошади и её преимущественное использование под седлом. Лошадей забивали только при невозможности прижизненной эксплуатации, например из-за полученных травм. У отбракованных и забитых взрослых животных была наиболее толстая и очень прочная шкура, высоко ценящаяся у всех народов (Асыргараева 2003: 125–127). Именно из-за своих природных качеств, а также возможности постоянных и массовых поставок на рынок, конские шкуры включены в список ценных товаров в сочинении ал-Мукаддаси.

Следует прояснить и связь «славян» с торговыми перевозками. В арабских повествованиях приводятся следующие описания внешности славян: «они все носят рубахи и сафьяновые сапоги до лодыжек». Это отрывок из относительно позднего сочинения «Худуд ал-'алам», близкого к более раннему тексту Гардизи: «Одежда их — рубахи; они носят сапоги; их обувь походит на табаристанские сапоги, которые носят табаристанские женщины» (Заходер 1967: 120). Близкие описания дают и другие восточные авторы, например, Ибн Русте, который также отметил: «Он (т.е. великий князь) имеет верховых лошадей и питается исключительно кобыльим молоком» (Заходер 1967: 119). Определенно видно, что во всех этих отрывках о «славянах», на деле, описаны кочевнические обычаи, нормы жизни и одежда. Поэтому в таких описаниях надо видеть излишне расширительное понимание арабами этнонима «славяне», сложившееся по причине многочисленности славянского населения и большого распространения славянского языка (Калинина 1984: 195). В заключение обзора можно сделать вывод, что восточные письменные источники и их современные толкования не подтверждают наличие международной торговли кожами у восточных славян лесной зоны в X в.

Для XII–XV вв. кожи и изделия из них упоминаются в древнерусских берестяных грамотах, хотя товарный характер, видимо, имели не все называемые предметы. Тюленьи кожи — *нерпы* — упомянуты в грамотах № 133 и 622 (2 пол. XIV в. — нач. XV в.), а лосиные и оленьи шкуры — в грамотах № 153, 266/275, 384 (XII–XIV в.). Надо учитывать, что здесь называются не обычные, а особенные кожи, привозимые не партиями, а единицами — по случаю или по предварительному заказу. Еще одна грамота — № 438 (рубеж XII–XIII вв.) — содержит перечень припасов кожевника или торговца — подошвы, ножны, кожухи и «головице» (Арциховский, Янин 1978: 40–42; Янин, Зализняк 1993: 167). Товарный характер этого набора также может вызывать сомнение. Дорогой сорт кожи — *тим* (сафьян?), отмечен в грамотах №№ 261–264 (70–90-е гг. XIV в.) в списке свадебных даров (Зализняк 1995: 510–511). В целом, из грамот видно, что региональная торговля новгородских купцов не включала обычные кожи крупного и мелкого рогатого скота. В грамотах упоминаются только редкие в средней полосе Руси тюленьи и лосиные кожи, а также тим, но и они — только эпизодически. Обычные кожи крупного и мелкого рогатого скота (далее: КРС и МРС), выделываемые в сельских домашних хозяйствах и в городских мастерских, видимо, являлись предметом только местной торговли. Эти кожи могли быть частью дани — см. грамоту № 718 (первые 40 лет XIII в.) (Янин, Зализняк 2000: 16–17). Их новгородцы дают в долг (грамота № 445, XIV в.) и описывают среди имущества (грамота № 500, 20–30-е гг. XIV в.) (Арциховский, Янин 1978: 93–95; Зализняк 1995: 448–449). Из этих грамот можно сделать вывод, что кожи в среде торговых новгородцев были, скорее всего, средством взаимных расчетов, а не постоянным оптовым товаром на внутреннем рынке. В противовес кожам, более обыденной и регулярной выглядит торговля мехами, которые упомянуты в новгородских грамотах №№ 65, 129, 225, 354, 381, 420, 438, 490, 647, 683, 713, 722 и псковской № 6. Этот товар явно доставлялся крупными партиями.

Западноевропейские письменные источники до позднего средневековья практически не упоминают «русскую кожу», несмотря на то, что кожи названы в уставах Немецкого двора в Новгороде. Здесь

они упомянуты только в пункте 33 IV-й скры, оформленной в 1370–1371 гг., как один из товаров, которые ученики могут продавать в клетях: «кожи красного дубления — кунами», где «куна» — мера в 5 кож. В других статьях IV скры и в V скре (1392 г.) кожи не названы, что не позволяет включать их в основную группу товаров (Рыбина 2001: 132, 343).

Документы из немецких городов дают основание считать, что русские кожи, как товар, появляются на западном рынке лишь в XV в., хотя регулярность и объем их поставок в то время были невелики (Хорошкевич 1963: 156). Структура русского экспорта начинает существенно меняться с конца XV в., когда «воск и пушнину стали теснить кожа, сало, ворвань, продукты сельского хозяйства (лен и пенька), продукты переработки леса — поташ» (Хорошкевич 1980: 27). По данным таможенных книг, только в 1435 г. в Любек впервые были привезены 16 кож из русских земель. А первые крупные партии кожи из Ревеля отмечены только в конце XV в. — это одна бочка с пятьюстами шкур в 1492 г. и две бочки в 1494 г. Эти кожи, видимо, закупались в Новгороде, где кожевенное дело было развито сильнее, чем в других русских городах (Хорошкевич 1963: 156–157). В целом же, среди товаров, ввезенных в Любек во второй половине XV в. из Таллина и Пярну, пушнина и кожи составляли 52%, но доля кож среди них была незначительной (Хорошкевич 1968: 15). Кроме того, в своих оценках и выводах А.Л. Хорошкевич подчеркивала, что из всех видов кожевенных товаров только русская кожаная обувь вывозилась в Прибалтику уже в XV в. (Хорошкевич 1963: 157).

Археологические данные по кожевенному сырью из русских средневековых городов не дают оснований говорить о высоком качестве выделки кожи в домонгольский период. Например, в коллекции кожаных предметов первой половины XII в. с Рюрикова городища наблюдается сильная слоистость материала большинства находок, что в большей степени характерно для кож с недостаточно высоким качеством продукта. Из-за этого на некоторых образцах внутренний слой истлел или отслоился. Показательно, что даже самые тонкие кожи, из которых кроили подошвы и верх мягких туфель, а также обрезки от раскроя — в большинстве своем частично или полностью расслоены. Расслоение и истлевание кож происходит от того, что таниды, содержащиеся в дубильном настое, не проникли во внутренние слои. Новгородские кожевники в это время пытались улучшить качество товара особым способом. Многие кожаные предметы имеют черный цвет поверхности, который мог получиться после выдерживания кожи в настое из железных опилок. Надо полагать, что таким образом кожевники пытались создать более прочные связи коллагенов кожи между собой и улучшить качество дубления (Курбатов 2007: 90–91). Подобные выводы о качестве древнерусских кож были сделаны и при анализе предметов XII–XIII вв. из других древнерусских городов (Курбатов 1997: 368–371). Даже в последней четверти XIII — первой половине XIV в. качество выделки сырья было не очень высоким, по сравнению с кожей конца XV — первой половины XVI в. В то же время западные изделия XIV–XV вв., находимые, например, в Таллине, показывают достаточно высокий уровень выделки (Курбатов 2006: 264 и сл.). Такие наблюдения позволяют усомниться в возможном интересе западноевропейского покупателя к «русской коже» до указанного рубежа.

Оценивая возможную значимость русских кожевенных товаров на западных рынках до XVI в. можно сравнить представленность привозных изделий среди археологического материала в русских и западных городах. В настоящее время в западноевропейских городах археологи не фиксируют изделий из кожи русской выделки. В то же время изделия западного производства присутствуют в русских городах, имеющих международные торговые связи. В Новгороде встречен ряд привозных кожаных изделий — коробочки, фрагменты сумок с растительным орнаментом (Нутный раскоп), ножны с таким же орнаментом с Троицкого и Готского раскопов (Рыбина 1994: 88–89; Рыбина 2001: 59), а также некоторые «кошельки» (Варфоломеева 1997: 109–113). Кроме того, западными изделиями можно считать целый ряд образцов обуви (Рис. 1). В Тверском кремле найдены полная модель туфли второй половины XIV — начала XV вв., обрезки неопределенного изделия, сумки, чехла для ножа (?), покрытого оттисками геральдических лилий и 4 кожаных пуговицы (Рис. 2). Все они произведены в западноевропейских мастерских из кожи местной выделки (Курбатов 2004: 64–65).

Выявленные находки показывают, что ни в Новгороде, ни в других древнерусских городах не встречено массовых категорий западных изделий (обувь) в масштабах, говорящих об их широком употреблении. Более того, среди обилия обрезков и обрывков кожи в русских городах почти не встречается кожа, выделанная способами, отличными от древнерусских. Все это указывает на то, что в русские средневековые города, по крайней мере, до середины XV в., попадали отдельные кожаные изделия репрезентативного характера, не имевшие значения широко востребованного товара. При этом можно отметить, что качество западной выделки кож, вероятно, было не ниже, чем на Руси, а отделка кож и декор изделий отличались разнообразием технических приемов.

Картина существенно меняется с рубежа XV–XVI вв., когда кожу русской выделки становится возможным выделять в археологических коллекциях западных городов — например, шведского Выборга (Курбатов 2003). Пошитая из неё обувь соответствовала западным фасонам этой продукции и была изготовлена западными мастерами (Рис. 3). На археологическом материале наблюдается существенное улучшение качества кож в русских городах с конца XV в., быстро распространившееся во многих городах России. Вехами в совершенствовании кожевенной технологии на Руси можно называть рубеж XIII–XIV вв. и вторую половину XV в. (Курбатов 1996: 81–83; Курбатов 1997: 371–372). Начало повсеместного использования в конце XV — начале XVI в. достаточно толстого и прочного (иногда жесткого) материала для обуви и других кожаных изделий, имеющего глубокий и полный продуб и окрашенного в черный цвет солями железа или дегтем, нужно рассматривать, как время появления таких сортов кожи, как *юфть* и *полувал*. Показательно, что в Западной Европе тогда же появляются подделки под «русскую кожу» — товар местной выделки, смазанный по мере дегтем (Поварнин 1912: 247).

Резкое повышение интереса на Западе к «русской коже» и изделиям из нее в XVI–XVII вв. неоднократно отмечали иностранцы — П. Иовий, С. Герберштейн, Р. Барберини, А. Поссевино и др. Интересы иностранцев раскрывает сочинение Дж. Флетчера. Это: 1) кожи взрослых особей крупного рогатого скота, имевших большой размер и толщину; 2) кожи мелкого рогатого скота, использованные на *кордуан*, в чем Запад испытывал недостаток уже с XIII в.; 3) лосиные шкуры, наиболее крупные и прочные среди других, из которых шили штаны (лосины) и сапоги для кавалерии (Флетчер 1906: 12–13). Можно отметить также упоминания Олая Магнуса о вывозе «красных русских кож» (*reusch leder*) через Болгарию в Италию (Хорошкевич 1980: 28).

В XVI в. кожи ещё не были повсеместно преобладающим видом товаров среди русского экспорта. По «Долговой книге Ольрика Эллерса», в 1536–1541 гг. среди товара, привозимого в Таллин из Новгорода, Пскова и Ивангорода, шкуры и кожи составляют только 6,4% (Дорошенко 1968а: 57). Но интерес к ним на протяжении всего столетия быстро рос. В XVII в. кожи и шкуры, в особенности, юфть, становятся типичными русскими товарами, вывозимыми через таллинский рынок. Основную часть кож отправляли в Любек, остальные — в Швецию и Голландию (Пийримяэ 1968: 107). Надо полагать, что поставки «русской кожи» в XVI–XVII вв. были направлены, преимущественно, в страны северной половины Европы. Это подтверждают Я. Рейтенфельс (Рейтенфельс 1997: 63–64) и Я. Стрейс, отметивший появление в Новгороде купцов, прибывавших в основном из Гамбурга, Любека, Швеции и Дании для закупки зерна, меха и юфти, «которую в изобилии изготовляют на месте из шкур» (Стрюйс 1935: 148). Безусловно, речь можно вести не обо всех странах северной части Европы. Например, из описаний англичан, бывших в России в 1550–1580-х гг. в составе Московской торговой компании, и инструкций, данных им о том, что надо выяснять о возможностях стран и народов в плане торговли, нет упоминаний о заинтересованности англичан в покупке кожи. Надо полагать, что в целом Англия в то время и не нуждалась в таком товаре (Готье 1937). Хотя русские источники сообщают об отдельных случаях ввоза кож в Англию в 1585–1586 гг. (СлРЯ XI–XVII вв. 8: 51; 19: 218).

При оценке интенсивности ввоза русских кож в разные страны следует принимать во внимание различную проработку историками соответствующих источников. Например, согласно шведским торговым документам, в течение всего XVII в. из России вывозили много кож и кожаных изделий (Шаскольский 1994: 49–52). Шведские и немецкие купцы скупали многие товары на Шведском дворе в Новгороде и провозили часть их в Швецию, а часть — в Любек и иные города Северной Германии, а также в Нидерланды и Англию (Шаскольский 1984: 201 — 202). Перевалочными базами XVII в. для вывоза русских товаров на Запад служили Таллин, Нарва, Архангельск и Ниеншанц. В вывозе юфти через Таллин историки отмечают подъемы во второй половине 20-х и в 80–90-х гг. XVII в. (Пийримяэ 1968: 107, 109). Для Нарвы мы имеем только отдельные сведения: в 1673 г. отсюда было вывезено морем 2.988 десятков юфти, 27 десятков воловьих кож, 178 десятков козых кож, 24 десятка сафьянов, 64 десятка белых кож (Курц 1915: 108, 343).

Как и Запад, Восток в XVI в. тоже интересовался русской кожей. Туда вывозили широкий ассортимент товаров — *красную* и *мостовую юфть*, *ролдугу*, а также *хозы* (*гзы*) — конскую шкуру особой выделки (Фехнер 1952: 61, 65). В примечаниях уже упомянутой работы Б. Курца сказано, что в Бухаре русские покупали хлопчатобумажные ткани, шелк, краски, а персы покупали у них, в частности, кожи. Но ранее XVI в. кожи, видимо, не служили постоянными русскими товарами на восточных рынках. В повествовании ширазского купца о поездке в Сарай на Волге в 1430-х гг. (написано в Герате около 1441 г.) в перечне закупленных им товаров указаны только ткани и шелк-сырец, которые повсеместно давали наибольшую прибыль (Заходер 1967: 166–172). Для второй половины XV — начала XVI в. некоторое количество

кож поступало на Восток через Причерноморье, где торговали купцы-сурожане. Но на фоне многочисленных письменных упоминаний о других видах товаров, кожи названы только в двух случаях. В первом отмечены 72 юфти, подобранные на месте побоища, где татары ограбили московских гостей-сурожан. Во втором случае юфть указана среди «остатков» т.е. — товаров, оставшихся после смерти купца в Азове или в Азове (Кафе). В то же время на Русь ввозилось некоторое количество сафьянов, видимо, не составлявших отдельной группы товаров, заслуживающих упоминания. Но сафьяны были частью проездной пошлины при проходе караванов в литовские земли: «[1552] От корована, когда з Орды идетъ, старосте: камка александрыйская на золоте, литра шолку, ковер, тижмы, тебеньки, сафьян. Подстаростему от коровану: чамлят, сафьян, пол литры шолку, гривенька перьцу» (Сыроечковский 1935: 63, 70).

Международная торговля кожевенными товарами значительно активизировала выделку кож в русских городах. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что наибольшая ремесленная специализация отмечается именно в тех городах, которые имели налаженные торговые связи с западными странами. В XVI в. на кожевнном производстве, вероятно, специализировались Новгород, Псков, Коломна, Серпухов, Можайск, Тула, Казань (Материалы... 1932; Чечулин 1889: 182–183, 239–244, 303–304). Эталоном в оценке производства и торговли кожами может служить Новгород. На 80-е гг. XVI в. А.В. Арциховский насчитал в нем 5465 ремесленников и торговцев, из которых кожевники и сапожники составляли вместе 14,95% мастеров. По специальности названы: кожевники (427 чел.), сапожники (390), рукавичники (112), скорняки (104), шапочники (94), ременники (64), торочечники (43), сумочники (39), седельники (35), бобровники (34), овчинники (26), ирешники (19). Кроме того, названы и другие узкие специалисты: подошвенники (17), мошенники (14), лычники (11), поршенники (8), тимовники (8), голяничники (6), калитники (6), ногавичники (5), сыромятники (4), каблучники (1), карманники (1), кнутники (1), кошельники (1), мячники (1), пошевники (1), саадачники (1), ступенники (1), уздники (1), хомутники (1) (Арциховский 1939: 3–15). Такая численность и узкая специализация мастеров по выделке кожи и пошиву разнообразных изделий из нее, безусловно, превышали потребности местного рынка. Поэтому можно считать, что деятельность новгородских ремесленников отражает широкую торговлю производимыми товарами.

В XVII в. наиболее крупные центры выделки кож — Казань, Нижний Новгород, Москва, Ярославль, Кострома, Великий Новгород и Псков — приобрели уже международную известность (Курц 1915: 100, прим.). Русские источники позволяют уточнить количественный состав ремесленников в ряде городов. В Нижнем Новгороде, судя по писцовым книгам 1621 и 1665 гг., а также по окладной книге 1634 г., кожевники составляли 1/4 всех ремесленников (24,6–29,1%) и делились по специальностям: кожевники, сыромятники, строгальщики, дуботолки, гладильщики. Кроме них, было много скорняков и мастеров по пошиву кожаных изделий (Орехов 1961: 75–109). В первой половине XVII в. Ярославль был одним из крупнейших городов Московского государства и промежуточным пунктом между Москвой, северными (Вологда, Великий Устюг, Архангельск) и сибирскими городами. Город приобрел особое значение для русско-английской и восточной торговли и как транзитный пункт для вывоза пушнины с Севера. Его торговое значение отмечали Р. Ченслор, П. Петрей де Эрлезунда, де Родес. Ремесла и промыслы в то время достигли в Ярославле большого развития. По данным Перечневой книги 1630 г. и другим документам, среди 746 посадских людей — «закладчиков» находилось 140 специалистов по обработке кож, в том числе 53 кожевника, 18 овчинников, 39 строгальщиков, 9 сырейщиков, 8 сыромятников, 11 дуботолков, 1 гладильщик и 1 подошвенник. Пошивом обуви занимались еще 68 человек (Тальман 1946: 127–129, Табл. 2). На 1668 г. в Ярославле насчитывалось 73 кожевника, 3 гладильщика, 48 строгальщиков и 4 красильника (Данилова 1957, Табл. 4). Направленность ремесленной деятельности, подобная названным городам, отмечена в XVII в. и на тихвинском посаде, где кожевники работали исключительно по заказам торговых людей, многие из которых были ориентированы на экспорт кожи в Швецию (Сербина 1951: 164).

На фоне городов с ярко выраженной кожевенной специализацией имеется много таких, где кожевники и сапожники в XVI–XVII вв. не выделяются среди других ремесленных специалистов ни по численности, ни по узкой специализации. Это такие города, как Устюжна, Торопец, Каргополь, Ладога и Корела, где фиксируется высокий процент ремесленников, занятых удовлетворением только обиходных потребностей (Чечулин 1889: 51–52). Показательны и занятия посадских жителей Гороховца, рассмотренные на XVII — первую четверть XVIII в. В XVII в. только немногие жители были заняты в кожевном деле, обслуживая местный спрос. Но уже в начале XVIII в. крупнейшие местные предприниматели Ширяевы организовали здесь кожевенные заводы и вывозили крупные партии кож на продажу в Архангельск и Петербург. Поскольку известно, что через эти города большинство товаров шло на Запад, то можно полагать, что среди них были и гороховецкие кожи. В это время в городе

появились кожевники разных специальностей — дуботолки, строгальщики и другие, нанятые в Ярославле и Костроме (Волков 1983: 73–76).

Таким образом, анализ исторических сведений позволяет утверждать, что в XVI–XVII вв. полностью сложилась связь русских производителей кожевенных товаров с западными и восточными рынками. В это время в районах выделки кож начинает сказываться нехватка потребного для кожевников объема сырья, особенно крупных и толстых шкур (бычина, лосина). Одной из причин этого была малорослость русского скота в лесной полосе Европейской России, которую отмечали С. Герберштейн — для первой половины XVI в. и И. Кильбургер — для середины XVII в. Последний писал, что «сама Россия имеет только посредственный скот и не может отпускать ежегодно (такого) множества (кож), отчего прекраснейшие и наибольшие кожи отовсюду собираются и скупаются (русскими). При этом берется во внимание зимняя дорога, в какое время торговцы кож и выдельщики юфти путешествуют по Подолии и Украине, а также в Лифляндии, и все, что могут только получить, скупают» (Курц 1915: 100). Такое положение в животноводстве центральных областей Московского государства привело к сложению особых регионов, имеющих обширные заливные пойменные луга, где началось специализированное разведение породистого крупного рогатого скота — холмогорской и архангельской пород на Северной Двине, а ярославской — на Волге (Вдовина 1979: 51–54).

Резкое расширение ремесленной специализации и объемов кожевенной продукции в русских городах с XVI в. тесно связано с экономическими изменениями в странах Западной Европы. В экономике Европы в XVI в. историки видят ломку устоявшихся отношений товаропроизводителей и торговцев, приведшие к «революции цен». При этом значительно возросла стоимость всех видов сельскохозяйственной продукции, в том числе и кож. В то же время расширяется использование кож в повседневном хозяйстве и быту, в том числе, значительно больше кож начинают использовать для упаковки и перевозки товаров, для экипировки солдат создаваемых национальных армий, моряков, торговцев и путешественников (Swann 2001: 81). Эти изменения способствовали интенсификации в сельском хозяйстве и активизации торговли в Восточной Европе (История Европы: 3. 1993: 14–15). Можно считать, что вместе с «революцией цен» на Западе и резко проявившемся там интересом к русской коже связано не только расширение выделки кож в русских городах, но и специализация отдельных городов и районов Московии на этом виде производства, а также специализация на выращивании породистого скота. Возросший сбыт русской кожи на Запад, наряду с другими продуктами сельского хозяйства, в XVI в. приводит к их резкому подорожанию и в русских городах (Маньков 1951: 98–101).

Рост интереса к русской коже в странах Западной Европы на протяжении XV–XVII вв. можно проиллюстрировать изменениями в ремесле отдельных стран. Для примера укажем, что в Памятной книге Стокгольма за 1474–1483 гг. в городе отмечены 633 ремесленника, среди которых: 1 дубильщик, 4 изготовителя деревянных башмаков, 3 изготовителя замши, 1 кордовщик (изготовитель кордуана), 45 сапожников, 23 скорняка. Поэтому нельзя исключать, что в XIV–XV вв. шведские (стокгольмские) кожи были традиционным предметом экспорта и дубильщики, фигурирующие в шведских городских налоговых описях и Памятных книгах XV в., скорее всего, работали именно на экспорт (Сванидзе 1967: 126–132, Табл. 3). Однако известно и то, что в XV в., особенно во второй половине, правительство неоднократно вводило запрет на вывоз постоянных экспортных товаров, в том числе на кожи. Кроме периодов военных действий, такие запреты отражали внутренний кризис производства и особенно недостаток продуктов питания в стране. В это время на первое место в экспорте товаров из Швеции выходят черные и цветные металлы, тогда как доля с/х продукции значительно упала (Сванидзе 1991: 86–89). Такие наблюдения и выводы подтверждают нарастание кризиса в ремесленном производстве европейских стран к концу XV в.

При возрастающей потребности в коже, её выделку в странах Западной Европы сдерживала цеховая регламентация. Ряд ограничений был направлен на поддержание стабильно высокого качества кожевенного товара, что в немалой степени зависело от длительности выдерживания шкур в специальных настоях (настои дуба и т.п.). Имеются данные, что в Англии в XV в. процесс дубления занимал от 12 до 18 месяцев. Так по Уставу своей гильдии, лейчестерские дубильщики присягали не продавать кожи, лежавшие в дубильном настое менее 1 года и 1 дня. Эта присяга была положена в основу Акта о коже 1563 г., по которому кожа для низа обуви должна дубиться не менее 12 месяцев, а для верха — 9 месяцев (Курбатов, Матехина 2004: 352). Ускорения процесса выделки и, следовательно, увеличения объема готовой кожи, можно было добиться с помощью её обработки (дубления) минеральными солями — квасцами, вместо таннидных дубителей. Кроме того, можно было использовать подогретые дубильные растворы — *сока́*, что также уменьшало общее время выделки. При этом значительно ухудшалось качество кожи и

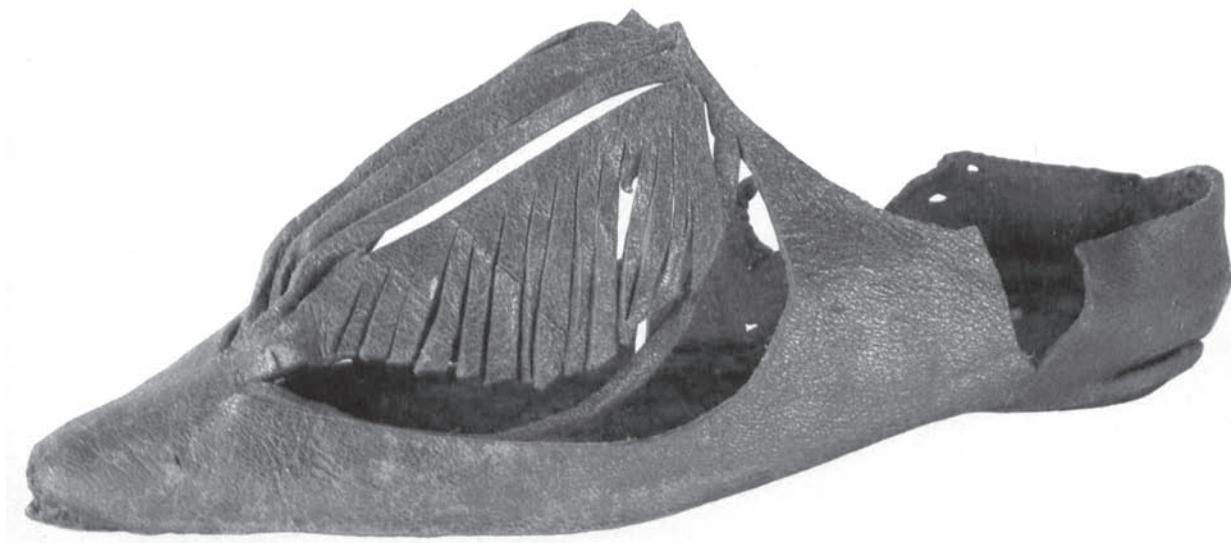

Рис. 1. Туфля XIV в. из Новгорода.
(по: Древний Новгород... 1985. № 292)

срок ношения кожаных изделий. Тем не менее, эти способы применяли в городах Германии, видимо, уже с XIII в. (Поварнин 1912: 57–58). В последующее время, по ряду объективных исторических причин, дубление кож в алюмо-калиевых квасцах постепенно охватило многие регионы Центральной и Северной Европы. Показателен пример Скандинавии, где почти все города были проводниками немецкой колонизации, в которой участвовали различные группы ремесленников и торговцев. В XIII в. немецкие колонии были созданы в главных городах Швеции, Дании и Норвегии (Сванидзе 1999: 135). Например, немцы активно покупали себе участки в Бергене, где к 1330 г. было роздано много мест немецким сапожникам. Известно также, что в 1350 г. сапожники Висбю образовали первую в Швеции гильдию, сведения о которой были записаны в Германии, а в Трондхейме уже в 1377 г. печатали прайс-листы для местных немецких сапожников (Swann 2001: 63). Одной из причин увеличения потока немецких переселенцев в Скандинавию была «черная смерть» 1348–1350 гг., прошедшая по всем странам Европы. Она оказалась неожиданно сильной в сравнительно редко заселенной Скандинавии. По оценкам историков, смертность в Швеции унесла в те годы 42–50% населения (Репина 1999: 196). Сильное влияние немецких порядков, в том числе и в организации ремесла, сохраняется в скандинавских странах, по крайней мере, до избрания королем Швеции Густава Вазы и разрыва Кальмарской унии в 1523 г. Но к этому времени немецкие традиции выделки кож были широко привиты во всех скандинавских странах, и стало проявляться противоречие между возросшими потребностями в прочной толстой коже и недостаточно высоким качеством производимого товара. Дело в том, что кожа квасцовой выделки, при некоторых положительных качествах (эластичность) была менее стойкой к влажности и менее прочной на разрыв, чем кожа таннидного дубления.

Таким образом, причины, по которым Швеция особенно нуждалась в прочной русской коже, назревали в Скандинавии три столетия. В XVI в., в период сложения шведской национальной армии и постоянных военных конфликтах с Данией, были необходимы не просто любые кожи, а именно толстые, прочные и водостойкие, к которым относятся «краснодубные» кожи, выдубленные растительными экстрактами. Именно выделкой таких кож успешно занимались кожевники в русских городах. Сами же шведские ремесленники были, видимо, немногочисленны и не могли обеспечить необходимые поставки. Это может показаться неправомерным, поскольку историки относят кожевенное ремесло к числу самых распространенных в шведских городах. В нем трудились ремесленники 10–16 специальностей. Однако приводимые данные свидетельствуют, что в цехе сапожников Норчёпинга во второй пол. XVI в. (устав 1577 г.) было только 6 членов.

Потребность в прочной коже сохраняется в Швеции и позднее. По подсчетам Б. Хельмфрида, на 1650–1652 гг. в Швеции было всего около 30 кожевенных мастерских и мастеров: в Норчепинге — 8 мастерских, в Стокгольме — 5. Тогда же шведы пытались наладить свое производство русской кожи (юфты),

Рис. 2. Западноевропейская обувь
из слоев второй половины XIV – начала XV в. в Тверском кремле

для чего торговые и дипломатические агенты шведского правительства нелегально вербовали в России кожевников и переправляли их в Швецию. Документ 1609 г. сообщает о русском кожевнике Симоне, уже жившем в Норчепинге. Из другого документа мы узнаем, что шведский резидент в Москве П. Крузбьорн, один из самых богатых стокгольмских купцов, в 1636 г. тайно вывез из России мастера — кожевника. Это позволило его отцу Петеру Крузе, переселившемуся в Стокгольм любекскому купцу, организовать там первую мастерскую по производству юфти (Шаскольский 1964: 215–217).

Кроме того, правительство Швеции давало специальные задания своим представителям на континенте заниматься закупками русских кож. Из анализа документов судопроизводства по торговым делам в Риге, относящихся к «шведскому периоду», видно, что для большей части XVII в. поставка «московской юфти» играла достаточно скромную роль. Однако особенностью ассортимента товаров из «Московии» было преобладание таких изделий русского ремесла, как ткани, одежда и обувь. Часть этих товаров перекупали шведские эмиссары и купцы для отправки в метрополию. Один из торговцев — Адольф Людерс — только в 1662 г. незаконно «перехватил» у приезжих «московитов» 3500 пар обуви, предназначенных по контракту для шведского губернатора (Дорошенко 1968б: 124, 141–142). Можно привести и описание торговли по Западной Двине у Я. Рейтенфельса: «Из России и Литвы она [Двина] отвозит

Рис. 3. Обувь из Выборга XVI в.

твердые, сплавленные огнем куски еловой, вязовой, липовой и ивовой золы, на которую большое требование у суконщиков и мыловаров (поташ), коров и кожи превосходной выделки [...]: все это разделяется между пруссаками, шведами, датчанами и немцами» (Рейтенфельс 1997: 63–64).

Понимая значение «русской кожи» и других сырьевых товаров как стратегического сырья для оснащения шведской армии, русское правительство пыталось регламентировать их продажу на Запад. Указом от 9 февраля 1662 г. была введена казенная монополия на шесть «заповедных товаров» — лен, пеньку, поташ, смольчуг, юфта и сало. Эту чрезвычайную меру Алексея Михайловича, вероятно, вызвал финансовый кризис в России в начале 1660-х гг., в результате огромных расходов на войны с Польшей и Швецией (хотя указанному акту может быть дано и иное объяснение). Тем не менее, запрет был быстро снят по причине особого значения для России русско-шведской торговли (Шаскольский 1998: 178–179).

Доминирование Швеции в северной половине Европы с XVI в. нашло отражение в сменах обувной моды. Если в первой половине XVI в. моду в Европе диктовала Священная Римская империя, чьи армии были наиболее дееспособными и успешными в войнах, то со второй половины этого столетия прерогатива на моду переходит к Швеции (Swann 2001: 82–83, 88 etc). Именно тогда становятся модными высокие глухие сапоги, вводимые, как униформа в передовых армиях европейских государств. Поэтому спрос на «русскую кожу» растет как со стороны частных граждан, так и самого государства. Едва ли не основными ее покупателями, а возможно, и потребителями были Германия и Швеция. Это объясняет заинтересованность именно шведских эмиссаров в покупке русских кож, что отражено в подробных записях де Родеса и И. Кильбургера. Добавим, что не только в XVII в., но и в следующем столетии, обмундирование европейских армий не обходилось без русской юфти. В петербургской газете можно было прочитать: «Вознамеренное запрещение Руской красной юфти, которую там получая из Гамбурга [...], мундируется Австрийская армия» (СлРЯ XVIII в. 13: 74).

В XVI–XVII вв. русскую кожу, экспортируемую в страны Западной Европы, стали называть *юфть*. Значение этого слова до недавнего времени не получило полного объяснения в работах историков. Только анализ всех случаев употребления слова *юфть* позволяет дать его правильное толкование. Можно считать, что в XIV–XV вв. в русском языке термин *юфть* постепенно закрепился в производственной практике русских кожевников, как русифицированный эквивалент персидского слова *джофт* — «пара» (вещей, предметов). Он отражает технологический прием дублирования кож — парами и исходящий из этого

метод счета одновременно выделяемых кож. Именно в значении «пара» слово широко применялось в хозяйственной и деловой речи русских в XVI—XVII вв. (Курбатов 2002: 158 и след.). Из русского языка слово попало в украинский, болгарский, чешский, польский, немецкий, английский, французский языки (Черных 1994, II: 462–463), но уже в другом значении — «русская кожа» или «особо прочная кожа специальной выделки».

Можно обратить внимание на словари русского разговорного языка, составленные иностранцами, жившими некоторое время в России в период последней четверти XVI — первой четверти XVII вв. Самый ранний по времени составления Парижский словарь московитов 1586 г. слова *юфть* не фиксирует (Ларин 1948). В словаре 1607 г., составленном Тонне Фенне в Пскове, в переводе копенгагенского издания 1970 г., отмечены «белая и красная юфти», записанные у Т. Фенне как *white suede u red suede* (Hammerich, Jakobson 1970: 78–79). Исследования западных специалистов позволяют переводить *suede* как «замша» — материал привычный и модный в Западной Европе того времени (Swann 2001: 88). Таким образом, видимо, Т. Фенне выделял в псковском кожевенном сырье «белую и красную замшу». Под первой следует понимать кожи сыромятные, бывшие по цвету светлыми, т.е. белыми, а под вторыми — кожи *красные* или *краснодубные*, т.е. выделанные методом таннидного дубления, придающего коже красно-коричневый цвет. И только эти кожи могли быть названы *юфтью*, хотя само это слово Т. Фенне не записал. Третий словарь — это дневник Ричарда Джеймса, составленный осенью 1618–1619 гг., большей частью в Холмогорах (Ларин 1959). И в нем слово «юфть» также оказалось не записано составителем. Все это только подтверждает уже приводившиеся наблюдения о значении термина в русской речи XVI—XVII вв. только как «пара». Приведем характерную запись, сохранившуюся в архивных материалах. В 1665 г. калужский посадский человек Семен Владимиров Котельников дал на себя запись калужскому помещику стольнику Софрону Олфертьевичу Хитрову «зделать ... в ево, Софронове, товаре сырых кож: 5 юфтей яловичьих кож в красной товар доброй, да пять юфтей конинных в подошвенной и в дубляной товар, в что пригодится» [1668 г.] (Устюгов 1950: 192). Поэтому, надо предполагать, что термин *юфть* для краснодубной кожи русской выделки был услышан иностранными купцами в русских городах и принят как обозначение «русской кожи» в своей среде. А позднее он начал использоваться при обсуждении сделок с русскими купцами уже непосредственно в русскоязычной среде.

Высказанный взгляд на специфику торговли русскими кожами снимает имеющиеся противоречия источников и раскрывает смысл феномена «русской кожи». Повышение в XVI в. цен на кожи сделало очень выгодным торговлю этим товаром. Развитие интенсивных приемов выделки кож в отдельных регионах Европы, например, в Германии и Швеции, отрицательно сказалось на ее качестве, что заставило обратиться к ресурсам России для удовлетворения обеспечения потребностей европейского населения в прочной и толстой коже. В свою очередь, это благоприятно отразилось на развитии кожевенного ремесла в русских городах.

Литература

- Аникин А.Е. 2003. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. Новосибирск.
- Арциховский А.В. 1939. Новгородские ремесла // НИС. Вып. 6. — С. 3–15.
- Арциховский А.В., Янин В.Л. 1978. Новгородские грамоты на бересте по раскопкам 1962–1976 гг. М.
- Асыргараева Г.Ш. 2003. К вопросу о формах животноводческой деятельности болгаро-татарского населения (на примере древней Казани) // Новейшие археозоологические исследования в России. К столетию со дня рождения В.И. Цалкина. М. — С. 116–138.
- Варфоломеева Т.С. 1997. Средневековые кожаные кошельки // ННЗИА. Вып. 11. — С. 105–114.
- Вахрос И.-С. 1959. Наименования обуви в русском языке. 1. Древнейшие наименования допетровской эпохи. Хельсинки.
- Вдовина Л.Н. 1979. Земледелие и скотоводство // Очерки русской культуры XVII в. Ч. 1. М.
- Волков М.Я. 1983. Ремесло и промыслы посадских людей города Гороховца (XVII — первая четверть XVIII в.) // Промышленность и торговля в России XVII—XVIII вв. М. — С. 61–81.
- Гаркави А.Я. 1870. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в. н.э.). С.-Пб.
- Готье Ю.В. 1937. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Перевод с английского Ю.В.Готье. Л.
- Данилова Л.В. 1957. Мелкая промышленность и промыслы в русском городе во второй половине XVII — начале XVIII в. // История СССР. Т. 3. — С. 87–111.

- Дорошенко В.В.* 1968а. Русские связи таллинского купца в 30-х годах XVI в. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига. — С. 47–58.
- Дорошенко В.В.* 1968б. Протоколы рижского торгового суда как источник для изучения экономических связей Риги с русскими, белорусскими и литовскими землями в XVII в. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига. — С. 117–145.
- Древний Новгород: прикладное искусство и археология.* Сост. Б.Колчин, В.Янин, С.Ямщиков. М. 1985.
- Зализняк А.А.* 1995. Древненовгородский диалект. М.
- Заходер Б.Н.* 1967. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М.
- История Европы.* 1993. От средневековья к Новому времени (конец XV – первая половина XVII в.). Т. 3. М.
- Калинина Т.М.* 1984. Сведения Ал-Хорезми о Восточной Европе и Средней Азии // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1983 г. М. — С. 179–199.
- Калинина Т.М.* 2001. Меха торговля в Приволжском бассейне по данным арабских ученых IX–X вв. // Великий Волжский путь. Материалы круглого стола и международного научного семинара, 28–29 августа 2000 г. Казань. — С. 194–198.
- Кирпичников А.Н., Хузин Ф.* 2006. Великий Волжский путь. Торговые связи с Северной Европой и Востоком // История татар. Т. II. Казань. 2006. Изд-во «РухИЛ». — С. 299–315.
- Курбатов А.В.* 1996. Уровень технологии кожевенного ремесла в древнерусский период // Ладога и Северная Европа. СПб. — С. 81–83.
- Курбатов А.В.* 1997. Данные этнографии в реконструкции русского средневекового кожевенного производства // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. 1. С.-Пб.-Псков. — С. 367–373.
- Курбатов А.В.* 2002. «Юфть»: историко-археологический комментарий // Староладожский сборник. Вып. 5. С.-Пб.-Старая Ладога. — С. 158–174.
- Курбатов А.В.* 2003. Кожаные изделия средневекового Выборга по раскопкам 2000–2001 гг. // Староладожский сборник. Вып. 6. С.-Пб.-Старая Ладога. — С. 122–158.
- Курбатов А.В.* 2004. Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг.). С.-Пб.
- Курбатов А.В.* 2006. Региональные черты в бытовой материальной культуре (на примере кожаных находок из раскопок в Таллине) // АВ. № 13. С.-Пб. — С. 264–272.
- Курбатов А.В.* 2007. Новгородская «революция XII века» и прогресс в кожевенном ремесле // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрика Городища и Новгородской областной археологической экспедиции. Историко-археологический сборник. С.-Пб. — С. 89–133.
- Курбатов А.В., Матехина Т.С.* 2004. Мех и кожа в средневековой Европе. Рец. на сб.: *Leather and Fur. Aspects of Early Medieval Trade and Technology.* Edited by Esther Cameron. London. 1998 // АВ. Вып. 11. — С. 350–357.
- Куриц Б.Г.* 1915. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев.
- Ларин Б.А.* 1948. Парижский словарь москвитов 1586 г. Рига.
- Ларин Б.А.* 1959. Русско-английский словарь — дневник Ричарда Джеймса 1618–1619 гг. Л.
- Маньков А.Г.* 1951. Цены и их движение в Русском государстве в XVI в. М.-Л.
- Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565–68 и 1646 г. Л. 1932.
- Новосельцев А.П.* 1965. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М. — С. 355–419.
- Нуна Т.С.* 2004. Торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в X в. // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. Сборник статей памяти проф. И.В. Дубова. С.-Пб. 2004. — С. 256–313.
- Орехов А.М.* 1961. Товарное производство и наемный труд в промышленности по переработке животного сырья в Нижнем Новгороде XVII в. // Русское государство в XVII в. М. — С. 75–109.
- Пийримяэ Х.А.* 1968. Некоторые вопросы транзитной торговли России со странами Западной Европы через Таллин в XVII в. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига. — С. 95–116.
- Поварнин Г.* 1912. Очерки мелкого кожевенного производства в России. С.-Пб.
- Рейтенфельс Я.* 1997. Сказания о Московии // Утверждение династии. История России и дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX вв. М. — С. 231–406.
- Репина Л.П.* 1999. «Черная смерть» и демографический кризис XIV–XV вв. // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1. М. — С. 195–198.
- Рыбина Е.А.* 1994. Западноевропейские находки XIII–XIV вв. из раскопок в Новгороде // Новгородские археологические чтения. Новгород. — С. 87–89.
- Рыбина Е.А.* 2001. Торговля средневекового Новгорода. Великий Новгород.
- Сванидзе А.А.* 1967. Ремесло и ремесленники средневековой Швеции (XIV–XV вв.). М. — С. 126–132.

- Сванидзе А.А. 1991. Ассортимент внешнего рынка и экспортные отрасли хозяйства Швеции в XIV–XV вв. // Рынок и экспортные отрасли ремесла в Европе XIV–XVIII вв. М. — С. 85–101.
- Сванидзе А.А. 1999. Средневековые города Северной Европы // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1. М. — С. 133–139.
- Сербина К.Н. 1951. Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI–XVIII вв. М.-Л.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8 (1972), 19 (1983). М.
- Словарь русского языка XVIII в. 2003. Л.-С.-Пб. Вып. 13.
- Стрюйс Я.Я. 1935. Три путешествия. М.
- Сыроечковский В.Е. 1935. Гости — сурожане // ИГАИМК. Вып. 127. М.-Л.
- Тальман Е.М. 1946. Борьба посада Ярославля со светскими и духовными феодалами в первой половине XVII в. // ИЗ. № 20, 1946. — С. 96–129.
- Устюгов Н.В. 1950. Ремесло и мелкое товарное производство в русском государстве XVII в. // ИЗ. № 34, 1950. — С. 166–197.
- Фасмер М. 1996. Этимологический словарь русского языка. Изд. 3-е. С.-Пб.
- Фехнер М.В. 1952. Торговля русского государства со странами Востока в XVI в. М.
- Флетчер Дж.С. 1906. О государстве Русском. Изд. 3-е. С.-Пб.
- Халидов А. 2001. Перечень товаров Волжского пути в арабских источниках IX — начала XIII в. // Великий Волжский путь. Материалы круглого стола и международного научного семинара, 28–29 августа 2000 г. Казань. — С. 189–193.
- Хорошкевич А.Л. 1963. Торговля Великого Новгорода в XIV–XV вв. М.
- Хорошкевич А.Л. 1968. Значение экономических связей с Прибалтикой для развития северо-западных русских городов в конце XV — начале XVI в. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига. — С. 13–31.
- Хорошкевич А.Л. 1980. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М.
- Черных П.Я. 1994. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М. Т. 1–2.
- Чечулин Н.Д. 1889. Города Московского государства в XVI в. // Записки историко-филологического факультета Императорского С.-Пб. университета. Т. 22. С.-Пб.
- Шаскольский И.П. 1964. Русские мастера-кожевники в Швеции в XVII в. // История СССР. № 2. — С. 215–217.
- Шаскольский И.П. 1984. О деятельности шведского гостиного двора в Новгороде в XVII в. // НИС. № 2(12). Л. — С. 188–202.
- Шаскольский И.П. 1994. Русская морская торговля на Балтике в XVII в. С.-Пб.
- Шаскольский И.П. 1998. Экономические отношения России и Шведского государства в XVII в. С.-Пб.
- Янин В.Л., Зализняк А.А. 1993. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М.
- Янин В.Л., Зализняк А.А. 2000. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Т.Х. М.
- Hammerich L.L., Jakobson R. 1970. Tonnie's Fenne's Low German Manuel of Spoken Russian Pskov 1607. Vol. II. Copenhagen.
- Swann J. 2001. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Stockholm.

Служилые литовские князья в Новгороде: военная помощь или политическая поддержка?

М. В. Рымша

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

В XII—XIII вв. служилыми (кормлеными) князьями в Новгородском государстве становились сыновья или младшие братья князей, сидевших в самом Новгороде. Обязанностью таких служилых князей была защита вверенного им округа и осуществление в нем административно-судебных функций. Существовали они за счет кормления — податей с населения волости. С середины XIII в. оформился великокняжеский суверенитет над Новгородом — князем его автоматически становился тот, кто получал ханский ярлык на великое княжение Владимирское. Великий князь не находился в Новгороде постоянно: его заменяли наместники, жившие на Городище.

С первой четверти XIV в. произошли перемены и в отношениях Новгорода с кормлеными князьями. У великокняжеских наместников была лишь небольшая стража, поэтому для обороны Новгородских владений потребовались служилые князья — белозерские, смоленские или литовские. Кроме того, служилые князья нужны были на случай размирья с Москвой. Как раз в обращении к Гедиминовичам и Ольгердовичам и проявлялось колебание новгородской внешней политики между Москвой и Литвой. А чтобы застраховать себя от излишнего литовского давления, Новгород, параллельно с литовскими, приглашал к себе смоленских и белозерских князей (Бернадский 1961: 211; Никитский 1873: 73—74; Янин 1998: 90, 98—99). Военная служба литовских князей Новгороду стала важным элементом московско-литовского лавирования. Почти все литовские кормленые князья являлись представителями официальной литовской власти (Рымша 2002: 163—175). Что же в их службе стояло на первом месте — военная помощь, политическая поддержка или и то, и другое вместе?

В 1331 г. новый новгородский владыка Василий Калика в сопровождении бояр отправился к митрополиту на Вошь — на утверждение в сане. Новгородцы были захвачены в плен великим князем литовским Гедимином. Под его давлением они обещали пригласить к себе его сына Наримонта и выдать ему пригороды в кормление: Ладогу, Орешек, Корелу и половину Копорья (ПСРЛ 1915: 263). В 1330—31 гг. распались союзы Литвы с Польшей и Ригой, направленные против немцев. Возможно, Гедимин хотел как-то компенсировать потерю прежних союзников. Однако служилые князья из Великого княжества Литовского (далее: ВКЛ) появились в вечевой республике не сразу, а лишь в 1333 г., на фоне резкого обострения новгородско-московских отношений. Только тогда новгородцы, призвали Наримонта и дали ему обещанные пригороды (ПСРЛ III 2000: 345—346).

В XIV в. Новгород, хоть и нуждался в помощи, но все же был достаточно силен. Гедимин не мог принудить его к выполнению невыгодного договора. Условия этого договора были реализованы лишь тогда, когда это стало необходимо Новгородскому государству. И с первой половины XIV в. Новгород стал проводить новый внешнеполитический курс: от балансирования между Москвой и Тверью он перешел к лавированию между Москвой и ВКЛ (Хорошев 1980: 56; Бернадский 1961: 24).

Первый литовский служилый князь Наримонт не мог быть оппозиционером или изгнанником. Чтобы противостоять Москве, новгородцам требовалась поддержка официальной власти ВКЛ, а не отдельного князя-изгоя, пусть даже доблестного военачальника. В 1337 г. шведы напали на владения Новгорода и заняли крепость Корелу. Новгородцы смогли выбить их оттуда, но на следующий год боевые действия возобновились. Положение Новгорода осложнилось в 1337 г. еще и новым конфликтом с Иваном Калитой (ПСРЛ III 2000: 347—349). Поскольку с Литвой в 1337—38 гг. ссоры не произошло, Наримонту, казалось бы, следовало выполнять свои обязанности. Но его в Новгородской земле тогда не было. Наримонт и сам не приехал, и сына своего Александра отозвал из Орешка в Литву, оставив лишь наместников (ПСРЛ III 2000: 348).

Подобную ситуацию могут объяснить два обстоятельства. В 1338 г. Наримонт отсутствовал в Новгороде, поскольку литовские князья, не довольствуясь русскими кормлениями, активно участвовали в политической борьбе в самом ВКЛ, стремясь получить там выгодный удел. В том же 1338 г. Наримонт добился полоцкого стола (Кгура 1993: 33—37). В свою очередь, отъезд Александра Наримонтовича объясняется охлаждением новгородско-литовских отношений, не дошедшим, впрочем, до открытого столкновения. Возможно, интерес Гедиминова к русскому Северо-Западу во второй половине 1330-х гг. снизился. Первостепенными для литовского князя стали галицко-волинские дела и отражение усилившегося немецкого натиска (Пашуто 1959: 395).

В середине 1340-х гг. новый великий князь литовский Ольгерд попытался подчинить себе Новгород. В 1346 г. даже состоялся его военный поход на Новгородскую землю. После заключения мира в 1347 г. служилым князем в Новгородском государстве вновь стал Наримонт. В июле 1348 г. на водско-ижорские земли Новгорода напало большое шведское войско. Новгородцы обратились за помощью к Москве. Симеон Гордый прислал младшего брата Ивана, который вскоре ушел, бросив Новгород на произвол судьбы (ПСРЛ 1856: 211; 1913: 96; 1949: 176–177; XVI 2000: 179). Не последовало ощутимой помощи и от ВКЛ. Когда шведы взяли крепость Орешек, то среди отпущенных ими защитников упомянуты только наримонтовы наместники (ПСРЛ 1915: 277).

Таким образом, и на этот раз Наримонт Гедиминович не задержался долго на новгородских пригородах. Польские историки объясняют его отсутствие тем, что тогда же (в 1347 г.) он уехал в Литву и в начале 1348 г. погиб в битве с крестоносцами (Кгура 1993: 33–34; Wolff 1895: 274). Однако Ольгерд мог прислать иного служилого князя. Этого не произошло. Видимо, поход 1346 г. не принес ошеломляющих результатов: великие князья литовские могли лишь постепенно усиливать свое влияние в Новгороде. Поэтому после мира 1347 г. Ольгерд переключился на другие внешнеполитические проблемы. После 1348 г. сведения о новгородско-литовских отношениях на целых 30 лет исчезают со страниц русских летописей. Но все же тот факт, что служба Наримонта не прекращалась после новгородско-литовских конфликтов и частых отъездов князя, свидетельствует, насколько важно было для новгородцев противопоставить Москве Литву, даже при незначительной военной помощи от ВКЛ.

В 1379 г. в Новгород приехал Юрий Наримонтович, однако и он вскоре уехал обратно. Возможно, новый великий князь Ягайло решил возобновить союз из-за внешне- и внутривосточных трудностей, которые испытывало тогда Литовское государство. В 1383 г. в Великом Новгороде появился еще один сын Наримонта Патрикий, получивший в кормление пригороды (ПСРЛ III 2000: 379). Новый литовско-новгородский союз совпал с обострением московско-новгородских отношений. Но по приезду в Новгород, Патрикий, вместо выполнения своих непосредственных функций, вмешался в политическую жизнь и даже инициировал одну из новгородских междоусобиц. В 1384 г. жители Орешка и Корелы пожаловались новгородскому вечу на притеснения служилого князя. Часть горожан приняла сторону жителей пригородов, часть — стала за Патрикия. Но до вооруженного столкновения городских концов тогда все-таки не дошло. Вместо Орешка и Корелы Патрикию дали в кормление Руссу и Наровский берег (ПСРЛ 1915: 340; III 2000: 379). То, что и этого служилого князя не выгнали, а лишь заменили данные ему пригороды, опять же свидетельствует, насколько нужен был вечевому государству союз с ВКЛ (Греков 1975: 170–171).

В 1386 г., с началом новгородско-московской войны Патрикий был вынужден наконец-то предпринять какие-то действия по защите республики. В том году он возглавил новгородское войско вместе с другим служилым князем Романом Юрьевичем Белозерским, получившим в кормление Ям, Порхов и вторую половину Копорья (Янин 1998: 92–102). Однако, несмотря на серьезные военные приготовления и помощь Патрикия, новгородцы не решились начать боевые действия и заключили мир. После этого князь уехал в Литву (ПСРЛ III 2000: 380). Кроме мира с Москвой, Патрикия заставила уехать и внутривосточная ситуация на родине. В 1386–87 гг., после того как Ягайло стал польско-литовским королем, князья ВКЛ присягали ему и подтверждали свои права на уделы.

Преемник Патрикия Семен-Лугвень Ольгердович приехал в Новгородское государство в 1389 г. Этот князь исправно выполнял обязанности военного предводителя новгородского войска. В 1390 г. во время размирья с Псковом новгородская рать под командованием Семена-Лугвеня выступила в поход. Впрочем, до сражения дело и тут не дошло: в селении Сольцы был подписан мир (ПСРЛ 1915: 368). Затем в 1392 г. шведы напали на приневские земли Новгорода и дошли до Орешка. Семен Ольгердович сумел отразить это нападение, после чего уехал в Литву (ПСРЛ III 2000: 385). Отъезд его не свидетельствовал о разрыве отношений: князь отсутствовал, в связи с политическими изменениями на родине. В 1392 г., после упорной многолетней борьбы с Ягайло, великим князем литовским стал Витовт. Семен Ольгердович должен был ехать в Литву, чтобы присягнуть новому господину (Барбашев 1885: 66; История... 1978: 55; Пресняков 1918: 334; Кгура 1993: 38).

В 1393 г. новгородцы заключили договор с новым великим князем Витовтом, и в Новгороде появился князь Роман Литовский, сын Федора Ольгердовича Кобринского. (Wolff 1895: 162). Одновременно с ним Новгороду служил и белозерский князь Константин. В том же 1393 г. новгородско-московские противоречия вылились в войну. Новгородским войском, вторгшимся в великокняжеские владения, руководили оба служилых князя — Константин Белозерский и Роман Федорович (ПСРЛ 1915: 372; 1925: 373–374; III 2000: 385–386). В августе 1394 г. новгородцы под предводительством князей Романа и Константина предприняли неудачный поход на Псков. Вскоре после этого псковского похода Роман

Литовский уехал в ВКЛ (Wolff 1895: 162). Шведский набег на Карельскую землю в 1396 г. отражал один Константин Белозерский, а в 1397 г. вообще никто не препятствовал нападению шведов на села возле Ямского городка (ПСРЛ III 2000: 387–389).

В 1397 г. в Новгороде вторично появился Патрикий Наримонтович. В том же 1397 г. Витовт выступил против вечевой республики в союзе с Василием I Московским. В 1398 г. он заключил договор с Орденом, предусматривавший совместную борьбу с Новгородом и Псковом. В связи с таким поворотом дел в конце XIV в. Патрикий уехал, и новые служилые литовские князья долго не появлялись в Новгородском государстве. (ПСРЛ 1925: 382; III 2000: 389; Бернадский 1961: 204).

Лишь в июне 1407 г. был заключен новый новгородско-литовский договор. В том же году новгородцы опять приняли к себе служилого князя Семена-Лугвеня Ольгердовича и дали ему пригороды, «которые были прежде сего за ним». Он оставался кормленным новгородским князем до 1413 г. (ПСРЛ III 2000: 400, 403–404). Как и его предшественники, Семен не жил в республике постоянно. Тем не менее, он стал одним из тех служилых князей, которые прославились энергичными действиями по защите Новгородской земли. В начале 1411 г., когда шведы напали на восточную часть Карельского перешейка и разрушили Тиверский городок, ответный поход новгородцев возглавил в марте того же года Семен-Лугвень (ПСРЛ III 2000: 402). После похода Семен Ольгердович покинул Новгородское государство, хотя новгородцам очень требовалась его помощь в борьбе с ливонцами. Насколько это было необходимо, свидетельствует взволнованное послание новгородских властей, датированное ноябрем-декабром 1411 г. В нем новгородцы напоминают Лугвеню об обещании вернуться и настоятельно просят его выполнить обещание (ГВНП 1949: 90–91, №52). В 1412 г. князь ненадолго вернулся в Новгород, но вскоре покинул его навсегда вместе со своими заместителями. А в январе 1413 г. Витовт и Ягайло разорвали прежний мир с Новгородом (ПСРЛ III 2000: 403). В 1414 г. был заключен новый мир, но очередной служилый князь приехал в республику лишь в 1432 г., уже при великом князе Свидригайло.

Этим князем, приехавшим в 1432 г., стал Юрий Семенович, сын Семена-Лугвеня. Он, как и его предшественники, получил в кормление пригороды (ПСРЛ III 2000: 416, 423). Городская община попросила у Свидригайло прислать именно Юрия, учитывая заслуги его отца. Но Юрию блеснуть воинской славой не удалось. Вплоть до 1435 г. он пребывал в Новгороде, а затем уехал до 1438 г. (Янин, 1998: 95). Отъезд был связан с охлаждением отношений или даже ссорой. Во всяком случае, зимой 1434–35 гг. новгородская рать разорила непокорные волости Луки и Ржеву, находившиеся в совместном новгородско-литовском владении. Зимой 1436–37 гг. произошло примирение — уже с новым правителем ВКЛ Сигизмундом (ПЛ, 1955: 46, 132; ПСРЛ 1925: 434; III 2000: 417–418; XVI 2000: 179). После этого, хоть и не сразу, к новгородцам вернулся князь Юрий.

Летом 1440 г., в связи с вокняжением в Литве нового правителя Казимира Ягеллончика, Юрий Семенович уехал из Новгородской земли, чтобы получить от него подтверждение своих владельческих прав. Однако уже осенью 1440 г. Юрий выступил против великого князя. Когда в Смоленске вспыхнуло восстание, Юрий Семенович, по предложению восставших, встал во главе их. Восстание подавили, и князь бежал в Москву (Любавский 1915: 74–75; Черепнин 1960: 772–779). Бежать в Новгород Юрий не мог — его бы там не приняли. В начале 1440-х гг. новгородцы не хотели ссориться с официальной литовской властью, о чем свидетельствует новгородско-литовский договор 1441–1442 г. (ГВНП 1949: 115–116, №70).

В первой половине 1443 г. Юрий помирился с Казимиром Ягеллончиком (Wolff 1895: 263). Весной или летом 1443 г. он вновь приехал в вечевую республику — вновь в качестве представителя Литовского княжества. Но, вероятно, его примирение с Казимиром оказалось недолгим. Из Новгорода князь вскоре опять уехал в Москву. Новгородцам же, в условиях напряженных отношений с Тверью и Москвой, а также войны с ливонцами, начавшейся осенью 1443 г., очень нужна была поддержка Литовского княжества. В сентябре 1443 г. на смену Юрию из Литвы прибыл «отпущаньем великого князя Казимира» Иван Владимирович Бельский (ПСРЛ XVI 2000: 185).

Зимой 1443–44 гг. новгородцы с Иваном Бельским совершили поход на Ливонию. А летом 1444 г. большое немецкое войско осадило крепость Ям, но защитники во главе с другим служилым князем Василием Васильевичем Суздальским смогли отстоять ее (ПСРЛ XVI: 185). Отбросив немцев от Яма, новгородцы хотели идти с Иваном Владимировичем за Нарову. Но этот поход так и не состоялся. В 1445 г. князь Бельский уехал в Литву. Отъезд Ивана Бельского объясняется, во-первых, разочарованием новгородцев в его военных способностях (Бернадский 1961: 249). Во-вторых, была политическая причина. Осенью 1443 г. литовские послы, прибывшие в Новгород, предложили республике полностью порвать с великим княжением Владимирским и перейти под начало Казимира. Новгородцы на это не пошли (ПСРЛ III 2000: 424).

Великому Новгороду пришлось обратиться к литовским оппозиционерам, в лице того же князя Юрия Семеновича. Однако статус их в республике был ниже, чем у присланных из ВКЛ. Поэтому в 1445 г. Юрию пригородов не дали. Действия его, как на войне, так и на мирных переговорах с немцами не увенчались успехом. В результате, в 1447 г. новгородцы отправили посольство в Псков, где с 1443 г. княжил Александр Васильевич Чарторыйский, союзник Свидригайло, сыгравший значительную роль в убийстве великого литовского князя Сигизмунда в 1440 г.

Этот князь-кондотьер пользовался репутацией хорошего военачальника и командовал большой дружиной. В 1447 г. он принял предложение новгородцев поступить к ним на службу (ПСРЛ III 2000: 424–425). О войске Чарторыйского псковские летописи сообщают, что «двора его кованой рати боевых людей 300 человек, опричь кошовых» (ПЛ 1955: 58). Возможно, в 1447 г. отряд князя Чарторыйского насчитывал значительно меньше бойцов, поскольку в походе за Нарову в 1447 г. участвовало, как сообщает летопись Авраамки, только 60 княжеских воинов (ПСРЛ XVI 2000: 191; Бернадский 1961: 250). Но, в любом случае, это была значительная военная сила. В этой связи интересно отметить, что в остальных случаях о дружинах служилых литовских князей XIV–XV вв. (как изгнанников, так и ставленников официальной власти) в источниках не говорится вообще. Благодаря Александру Чарторыйскому, война с ливонцами пошла для новгородцев успешнее. В 1448 г. новгородское посольство во главе с князем Александром заключило с Орденом мир (ГВНП 1949: 117–124, №72–73).

Однако в дальнейшем Чарторыйский ничем особенным себя в Новгороде не проявил. В январе 1456 г. Василий II Московский выступил против Новгорода. В короткой войне 1456 г. новгородскими войсками командовали суздальский князь Василий Васильевич Шуйский-Гребенка и Александр Васильевич Чарторыйский (Бернадский 1961: 254–256). Знаменитый князь-кондотьер действовал уже не так решительно, как раньше. Новгородцы потерпели поражение. После заключения Яжелбицкого договора с Москвой Александр уехал в Псков, где с прежней энергией стал воевать с ливонцами (ПЛ 1941: 54–57; 1955: 49–51, 143–145; ПСРЛ XVI 2000: 194–195). Возможно, в 1456 г. князь просто не захотел выступать против столь грозного противника, каким стало к тому времени Московское княжество.

После поражения перед новгородским руководством встала необходимость вновь налаживать отношения с Казимиром. Представительное новгородское посольство, просившее служилого князя, побывало в Литве летом или в начале осени 1458 г. В ноябре того же года в Новгороде появился новый служилый князь Юрий Семенович. Относительно его личности нет единого мнения. Некоторые историки отождествляют его с Юрием Гольшанским или Острожским, другие считают приехавшего князя сыном Семена-Лугвеня — то есть уже неоднократно упомянутым выше Юрием Семеновичем Мстиславльским (Koneczny 1925: 2–3; 1929: 36, 42–43; Wolff 1895: 98–99, 264). Можно допустить и то, что это был какой-то неизвестный ученым князь. Во всяком случае, он стал последним литовским князем, получившим в кормление пригороды (ПСРЛ XVI 2000: 198–199).

В Новгородской республике Юрий Семенович пробыл лишь до августа 1459 г., а затем навсегда покинул Новгород из-за новгородско-московского сближения 1459–1460 гг. (Алексеев 1992: 101; Бернадский 1961: 267). Ссоры с Литвой тогда не произошло; Юрия Семеновича в 1459 г. торжественно проводили и богато одарили его перед отъездом. Казимир же снова надолго оставил республику без внимания, занятый внутривнутриполитическими проблемами, а также борьбой с Пруссией и Турцией (Алексеев 1992: 105–106; Любавский 1915: 192; Vogucka 1981: 111).

В конце 1460-х гг. в московско-новгородских отношениях вновь стала нарастать напряженность. Летом-осенью 1470 г. правительство Новгорода отправило посольство в Литву и возобновило политический союз. Следствием этого стал приезд в Новгородскую республику князя Михаила Олельковича Киевского в ноябре 1470 г. (ПЛ 1955: 172; ПСРЛ 1915: 498–500; 1949: 284). Присланный Казимиром князь Михаил явился в Новгород, приведя с собой «на похвалу людей много силно», как сообщают летописи, но все же не указывается, что это была «кованая рать» как у Александра Чарторыйского. В Новгороде Михаил провел меньше полугода. 15 марта 1471 г., еще до новгородско-московской войны и даже, скорее всего, до заключения новгородско-литовского договора 1471 г., он уехал в ВКЛ. Таким образом, укреплению новгородско-литовского союза этот князь не способствовал и не принес Новгородскому государству какой-либо ощутимой пользы. Новгородцы лишь изрядно потратились на подарки и содержание княжеского двора. Вдобавок, на обратном пути в Литву Михаил разорил новгородские волости (ПЛ 1955: 175).

В 1471 г., несмотря на договор о переходе Новгорода в подчинение Казимира (заключенный весной того же года), новгородцы так и не получили военной помощи, хотя она была им очень нужна. Сделать Новгородскую республику зависимой было для Казимира привлекательно, но это не входило в число его главных внешнеполитических задач. Присоединение Новгорода привело бы к войне с Москвой, а

воевать в одиночку с Иваном III Московским Казимир не мог. Союзы с Ливонским и Тевтонским орденами, а также с Большой Ордой так и не были заключены (Алексеев 1992:123,138–14; Казакова 1975: 127, 145; Соловьев 1989: 18–19).

Подытоживая все сказанное выше, можно сделать следующее заключение. Благодаря союзным отношениям с ВКЛ, Новгород получал военно-политическую поддержку, но реальную военную помощь Новгородской республике литовские князья оказывали редко. Такое положение вполне устраивало новгородцев, так как им, в первую очередь, нужен был политический союз с Литвой, игравшей роль противовеса Москве. В этой связи показательным, что все служилые князья, приезжавшие в Новгород на протяжении XIV–XV вв., за исключением двоих — Юрия Семеновича-Лугвеневица (в 1445 г.) и Александра Васильевича Чарторыйского (в 1447–1456 гг.) — являлись представителями официальной власти ВКЛ. И за полтора столетия (1333–1471 гг.) лишь двое служилых литовских князей, по свидетельству источников, прославились воинскими подвигами в Новгородской земле — Семен-Лугвень Ольгердович и Александр Васильевич Чарторыйский.

Показательно, что источники крайне мало сообщают о военной силе, которой располагали кормленые князья. Довольно редко встречаются в летописях и сообщения о наместниках или дворе того или иного князя. О княжеской дружине («300 человек кованой рати» и «людеи много силно») сообщается лишь дважды, применительно к оппозиционеру Александру Чарторыйскому и Михаилу Олельковичу. Военная помощь Литвы стала жизненно необходимой лишь накануне падения республики, в 1470-х гг., но именно тогда Новгород ее не получил.

Литература

- Алексеев Ю.Г. 1992. Под знаменами Москвы: Борьба за единство Руси. — М.
 Барбашев А. 1885. Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы. — С.-Пб.
 Бернадский В.Н. 1961. Новгород и Новгородская земля в XV в. — М.-Л.
 ГВНП 1949. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. — М.-Л.
 Греков И.Б. 1975. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). — М.
 История... 1978 — История Литовской ССР /ред. Б. Вайткявичюс/. — Вильнюс.
 Казакова Н.А. 1975. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения в конце XIV — начале XVI вв. — Л.
 Любавский М.К. 1915. Очерк из истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. — М.
 Никитский А.И. 1873. Очерк внутренней истории Пскова. — С.-Пб.
 Пашуто В.Т. 1959. Образование Литовского государства. — М.
 ПСРЛ 1856. Полное собрание русских летописей. VII. — С.-Пб.
 1913: Полное собрание русских летописей. XVIII. — С.-Пб.
 1915: Полное собрание русских летописей. IV. Ч. 1. Вып. 1. — Пг.
 1925: Полное собрание русских летописей. IV. Ч. 1. Вып. 2. — Л.
 1949: Полное собрание русских летописей. XXV. — М.-Л.
 III. 2000: Полное собрание русских летописей. III. — М.
 XVI. 2000: Полное собрание русских летописей. XVI. — М.
 ПЛ. 1941: Псковские летописи. I. — М.; Л.
 1955: Псковские летописи. II. — М.
 Пресняков А.Е. 1918. Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. — Пг.
 Рымша М.В. 2002. Служилые литовские князья в Новгороде: Оппозиционеры или представители официальной власти // Общество и власть: материалы Республиканской конференции. В. 2. Ч. II. С.-Пб. — С. 163–175.
 Соловьев С.М. 1989. Сочинения в 18 книгах. Кн. 3. Т. 5. — М.
 Хорошев А.С. 1980. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. — М.
 Черепнин Л.В. 1960. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. — М.
 Янин В.Л. 1998. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV вв. — М.
 Voguska M. 1981. Kazimierz Jagiellończyk i jego czasy. — Warszawa.
 Koneczny F. 1929. Litwa a Moskwa w latach 1449–1492//Rozprawy Wydziału III Towarzystwa przyjacół nauk w Wilnie. Т. 2. — Wilno.
 Koneczny F. 1925. Jerzy Semenowicz Ostrogski w Nowogrodzie Wielkim 1458–1459 r. // Ateneum Wileńskie. Rocznik 3. Zeszyt 9. — Wilno. S. 1–7.
 Krupa K. 1993. Książęta litewscy w Nowogrodzie Wielkim do 1430 r. // Kwartalnik Historyczny. Т. 100. № 1. S. 29–46.
 Wolff J. 1895. Kniazowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. — Warszawa.

Средневековый Выборг: начало городской истории (по итогам раскопок 1999–2006 гг.)

А. И. Сакса

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Археологическое изучение Выборга было впервые предпринято в конце XIX в., когда А. Хакман провел полное натурное исследование Выборгского замка. Им были документально зафиксированы все постройки и интерьеры, включая и средневековые, сохранившиеся до того времени. Эта работа, проведенная незадолго до масштабной реконструкции внутренних помещений замка, представляет собой исключительно ценный источник по его изучению. В 1893 г. был основан Выборгский исторический музей, в котором экспонировались также и некоторые вещи, обнаруженные при земляных работах. Летом 1913 г., в ходе модернизации порта, разборке подверглись укрепления Южного вала. Надзор за этими работами осуществлял С. Пяльси, который также обследовал Кафедральный собор. На следующий год другой финский археолог Ю. Ринне произвел раскопки внутри собора. С 1927 по 1937 гг. надзор за историческими памятниками города проводил О.-И. Меурман, благодаря которому были зафиксированы остатки средневековых сооружений, выявленные при земляных работах, и проведены небольшие по объему раскопки. Производились раскопки и на месте францисканского собора (У. Ульберг, 1925 г.; Е. Кахила, 1936 г.). В 1941 и 1943 гг. О. Ниemi провел спасательные работы у здания Доминиканского собора и внутри него (Тюленев 1995: 7–14; Сакса 2002: 156–158; Saks, Suhonen 2002: 26–29).

В советский период археологические исследования Выборга начались в связи с образованием в замке краеведческого музея (1960-е гг.) и производились исключительно на Замковом острове (Е.А. Кальюнди, 1965, 1967, 1969 гг.). В 1979 г. была создана Выборгская архитектурно-археологическая экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ЛОИА) (начальник В. А. Тюленев) исследовавшая в 1979–1994 гг. территорию Замкового острова (1979–1991 гг.), руины Кафедрального собора (1985, 1991 гг.) и церкви монастырей доминиканцев (1985–1994 гг.) и францисканцев (1979, 1986 гг.), а также основание средневековой Скотопроегонной башни и часть основания городской стены 1470-х гг. у Круглой башни на Рыночной площади (1978 г.). Новостроечные работы и шурфовка культурного слоя проводились практически на всей территории средневекового города (Тюленев 1982, 1987; Тюленев 1995).

В 1998 г. Институтом истории материальной культуры Российской Академии Наук (ИИМК РАН) работа экспедиции была возобновлена и продолжается по настоящее время (руководитель А.И. Сакса). Новый этап изучения древнего Выборга связан со спасательными работами у башен Ратушной и св. Андреаса и на примыкающих к ним участках средневековой городской стены, а также на территории средневекового города в его восточной части на ул. Титова (1998–2001 гг.), в западной части на ул. Южный вал (2003 г.) и на улице Выборгская (2004, 2006 гг.) — в центральной¹ (Рис. 1) (Saks, Belskz, Kurbatov, Poljakova, Suhonen 2002: 37–64; Сакса, Бельский, Курбатов, Полякова 2003: 129–140; Сакса 2004: 568–584; Saks 2004: 98–109). В общей сложности, профессионально раскопано около 430 кв. м. площади в различных частях средневекового города. В 2007 г. археологические работы по надзору за новым строительством проводились в пределах старого города на улице Краснофлотская (2007 г.) и в парке им. Ленина (Эспланада) на месте бастиона XVI в. Эуряпя (Рис. 1)².

В восточной части средневекового города, в непосредственной близости от городской стены 1470-х гг. на свободном от застройки участке весной 2000 г. было начато строительство многоквартирного жилого дома. Котлован первой очереди указанного строения уже уничтожил часть культурного слоя. Летом того же года на оставшейся непо потревоженной территории строительной площадки были заложены два разведочных стратиграфических раскопа площадью 32 м² (раскоп № 5) и 24 м² (раскоп № 4) (Рис. 1). Культурные слои, горизонты и вещевые находки нивелировались по балтийской координатной системе (БКС), позволяющей привязывать все раскопки и горизонты древней застройки в городе к единой стратиграфической сетке. В раскопе № 5 на поверхности скалы была расчищена средневековая

¹ Результаты раскопок 2004 и 2006 гг. в рамках данной статьи не рассматриваются как не меняющие общей картины развития города на ранних этапах. В то же время, полученные в их процессе новые материалы по стратиграфии, планировке, остаткам построек, улиц, дренажной системы и материальной культуре городских слоев требуют отдельного исследования.

² Во время работ 2007 г. исследовались лишь остатки отдельных средневековых сооружений.

мощеная камнем улица шириной 2,1 м. Улица проходила по линии 3 — В. Она, судя по карте 1630-х гг., вела от доминиканского монастыря к башне св. Андреаса (взорвана при осаде Выборга войсками Ивана III в 1495 г.) (Рис. 1). С севера к ней примыкает каменный фундамент постройки размерами 3×2,2 м.

Раскоп № 4 стал эталонным с точки зрения стратиграфии культурного слоя города и его строительной истории (в этой его восточной части). Он был заложен в 22 м к юго-востоку от раскопа № 5, между ним и каменной городской стеной. Его площадь 24 м², мощность культурных напластований достигала 1,8 м. В нем исследовано 8 горизонтов застройки последней четверти XV—XIX вв. В раскопе уже в верхних горизонтах сохранились слои XIX в., а именно участок очень искусно вымощенной мостовой. Ниже под подстилающим ее слоем гумуса с примесью строительного мусора прослежены остатки деревянного сооружения, перекрытого досками. Еще ниже на глубине около 1,3 м зафиксированы нижние части двух деревянных построек — пола из досок и бревенчатой мостовой.

В отличие от предыдущих горизонтов, постройка и мостовая этого горизонта ориентированы в направлении 3 — В по диагонали к линии улиц времени регулярной застройки (с 1640-х гг.). Это фактически одна из последних построек города вписанных в еще средневековую уличную сеть. Ниже залегающий горизонт представлен основанием бревенчатой постройки и скоплением уже ранее бывших в употреблении бревен. В самой нижней части культурного слоя (горизонт 8) у поверхности скалы на глубине около 1,8 м вскрыта угловая часть сруба со скоплением обгоревших камней. Два спила из бревен постройки и синхронного ей горизонта датированы специалистами из дендрохронологической лаборатории университета Йёнсуу (Финляндия), соответственно, 1478 и 1480 гг. Полученные даты соответствуют по времени строительству городской стены Выборга (1470-е гг.).

При расчистке северо-западной части раскопа выявлен водосток в виде сходящихся под углом двух покрытых берестяными листами желобов. Открытый фрагмент постройки с водосточными желобами предположительно интерпретируются, как остатки бани. Характер конструкций предматериковых горизонтов, как и характер культурного слоя, существенно отличается от бревенчатых и дощатых настилов верхних горизонтов 4 и 5. Отличается также и материальная культура. В нижних слоях обнаружено более десятка сделанных из бересты и камней грузил рыболовных сетей и целые скопления навоза. Слой имеет выраженный темно-коричневый оттенок. В верхних горизонтах основной состав находок — это импортная керамика из Швеции, Прибалтики, Польши, Германии, Голландии и обломки голландских курительных трубок. Не может ли тут идти речь о первоначальном карельском населении нового заложённого шведами города. Аналогии подобным, оплетенным берестой грузилам в большом количестве известны по раскопкам древней Корелы в устье Вуоксы. Рыболовный промысел на этом этапе еще составлял значительную долю в хозяйственной жизни горожан.

Стратиграфия культурных напластований, выявленная в раскопе № 4, представляет полный разрез культурных слоев Выборга в этой части города с момента застройки исследуемого участка (от уровня скальной поверхности), практически до периода последней войны, когда деревянные дома квартала сгорели и были позднее разобраны. Начало строительной деятельности в восточной части города, примыкающей к городской каменной стене 1470-х гг., по материалам раскопа № 4 можно отнести к последней четверти XV в. Это практически совпадает по времени со строительством городской стены. Но все же остается открытым один существенный вопрос, а именно: разрезала ли стена на этом самом опасном восточном направлении уже отчасти застроенную к этому времени часть города (учитывая то, насколько её строители были зависимы от сложного рельефа городского мыса) или население пришло сюда позднее под защиту городских стен?

При раскопках части городской каменной стены 1470-х гг., примыкающей с юго-западной стороны к Ратушной башне (общая площадь около 50 м², 1999 г.), были выявлены новые технические детали строительства стены и получена важная информация по расширению территории средневекового города в XV и последующих столетиях. Установлено, что каменная стена имела ширину около 2 м и по высоте достигала 5 м. При строительстве стены в условиях сложного выборгского рельефа (с неровной поверхностью скалы и с существенными перепадами в ней) строители были вынуждены прибегать к новым техническим приемам. Они заключались в том, что для создания ровной горизонтальной поверхности основания стены использовались крупные, различные по высоте валуны диаметром 100—130 и даже 170 см, вкуче с мелкими, нивелирующими поверхность камнями. Это создавало необходимую горизонтальную платформу для собственно стены. В то же время камни лицевого ряда городской стены достигали в среднем 30—55 см в диаметре. В случае наклона поверхности скалы в основание стены закладывались заполненные землей бревенчатые конструкции прямоугольной формы (клетки). С наружной стороны стены, у ее основания проходила выложенная из досок водосточная канава.

У обращенной к городу внутренней стороны городской стены на поверхности скалы выявлен ровный слой темного гумуса, мощностью 40–50 см, содержавшего золу и уголь. Данный слой возник или непосредственно после строительства стены в XV в., или уже в процессе ее возведения. О последнем свидетельствует необычно хорошо сохранившийся, совершенно не выветрившийся и не смытый дождевой водой раствор в швах между камнями на этом уровне, что могло произойти лишь в случае, когда поверхность стены незамедлительно присыпалась землей. При строительстве стены использовалось значительно меньше раствора, чем требовалось для достижения ее лучшей прочности. Недостаток компенсировался мелкими валунами в заполнении внутренней части стены. Это привело к быстрому ее разрушению, процесс которого хорошо фиксируется по материалам наших раскопок.

Раскопки с внутренней и наружной стороны стены у Ратушной башни в 1999 и 2000 гг. показали, что первоначальный культурный слой с внутренней стороны непосредственно на поверхности скалы у стены возник после ее возведения и носил характер вторичного, перемещенного. Он содержал значительное количество навоза и древесной щепы и имел отчетливый темный цвет, отличаясь кардинально от залегавшего выше слоя, накопившегося на этом месте в более позднее время. Культурный слой с наружной стороны также имеет свою историю, но она связана более со строительством городской стены, ее укреплением, уходом за ней и изменением (ухудшением) ее состояния. В то же время, как показали раскопки 2000 г. на этом же участке, он несет информацию и по истории города (осады, расширение территории и т.д.), что лишний раз убеждает в перспективности исследования примыкающей к стене снаружи территории. Другими словами, уже в стадии строительства стены или непосредственно по ее завершении население продвинулось к ее основанию.

Раскоп № 3 на трассе сохранившейся части средневековой городской стены по улице Титова 2000-го года, заложенный на том же участке, что и раскопы № 4 и № 5, был менее информативным, поскольку значительная часть первоначального культурного слоя оказалась уничтожена позднейшими перекопами и постройками (с наружной стороны полностью). Однако и здесь было сделано одно важное наблюдение, уточнившее наши представления о каменной стене 1470-х гг. Выяснилось, что на этом участке между башнями Сторожевой и св. Андреаса она делает легкий дугообразный изгиб, что явно противоречит принципам фортификации времени применения огнестрельного оружия. Такой же изгиб был зафиксирован к западу от Сторожевой башни в раскопе № 2 1999 г. В этом же раскопе выявились приемы, к которым были вынуждены прибегать строители городских каменных укреплений в условиях неровного выборгского рельефа. На указанном месте поверхность скалы имела заметный наклон в напольную сторону, который был выровнен устройством в основании стены бревенчатой, заполненной камнями, песком и землей платформы — клетки ряжевого типа. Ее наружный край был приподнят для создания ровной горизонтальной поверхности, на которой и была установлена стена. Еще два примера применения конструктивных технических новшеств были отмечены в раскопе № 1 того же года с наружной стороны стены в месте ее соединения с отмеченной башней. Здесь углубления в скале были заполнены более крупными камнями, поверхность которых дополнительно нивелировалась значительно более мелкими, чем в самой стене. Этим также достигалась ровная поверхность основания стены. Также было выявлено, что в процессе строительства стены и башни камни трех нижних рядов стены были приложены «в стык» к башне, в то время как верхние были перевязаны с наружными камнями западной стены башни. Этим достигалась необходимая устойчивость всей конструкции.

Раскоп 2001 г. был заложен между раскопами № 4 и № 5 предшествующего года с целью получения более полной информации о культурном слое на этом участке и стратиграфический разрез значительной части этого средневекового квартала от выхода скалы в его северо-западной части и до городской стены в юго-восточной. Его размеры 8 м по линии ССВ – ЮЮЗ и 13 м по линии ЗСЗ – ВЮВ (общая площадь 98 м²). Глубина культурного слоя от современной дневной поверхности достигала 2,4–3,2 м. Верхняя его часть на глубину до 1 м была полностью нарушена фундаментами новейшего времени. Отмечены также перекопы и впускные ямы на глубину до 1,3–2,1 м. В раскопе было выявлено 5 строительных горизонтов, относящихся к периоду средневековья. Первый горизонт характеризуется скоплениями камней, в одном из которых, прямоугольной формы, расположенном в юго-восточной части раскопа, камни были скреплены известковым раствором. Сохранившаяся северная сторона этой конструкции достигала 2,5 м. Вдоль северной и восточной сторон ее прослежены бревна, одно из которых (у северо-западного угла) имело пазы для столбов. С восточной и юго-восточной сторон к камням примыкает обгоревший в огне настил из толстых широких досок. Земля с углями фиксируется и внутри каменной конструкции из чего, а также по стратиграфическим наблюдениям, можно сделать вывод, что настил был прорезан основанием более поздней постройки. В пределах настила выявилась верхняя часть бочки из еловых

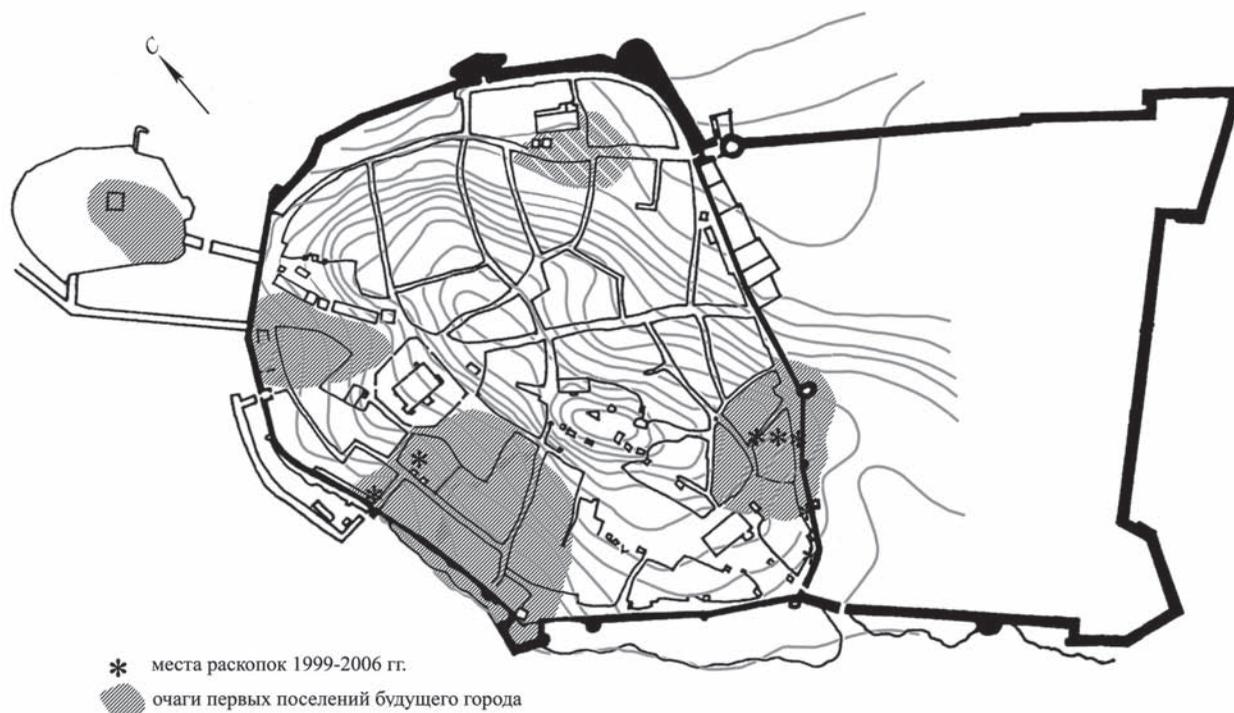

Рис. 1. Средневековый Выборг до начала регулярной застройки (1640-е гг.)

досок диаметром 80 см, вкопанной из верхнего слоя. Она датируется по бересте обкладки края бочки второй половиной XVI–XVII вв. (SU-3603, 180 ± 40 [cal AD 1661 (1672, 1774, 1798) 1947])¹ (Saarnisto, Saksa 2004, 37–42). В противоположной части раскопа, в его северо-восточном углу также отмечены камни, бревенчатый настил и отдельные бревна, часть которых была закреплена вбитыми в землю кольями или имела врубки для столбов и другие следы предыдущего использования. Следует особо отметить ориентацию деревянных и каменных конструкций рассматриваемого горизонта, отличную от расположения остатков построек в предыдущем горизонте и соответствующую средневековой планировке этой части города, приспособленной к особенностям рельефа и линии извилистых улиц (до составления регулярного плана 1640-х гг.) (Рис. 1).

Залегавший ниже горизонт дерева и камней сохранил значительно больше фрагментов различных конструкций и элементов жилого горизонта, ориентированных также по сторонам света. Через всю центральную часть раскопа в направлении с запада на восток проходила мощеная камнем улица, оконеченная бревнами и прерывающаяся в центральной части бревенчатой мостовой. С южной стороны направление и расположение бревен, одно из которых является желобом-водостоком соответствует зафиксированным в предыдущем слое бревнам. С северной стороны улицы вскрыта дренажная бочка, при закладке которой потревожен край уличной мостовой, и рядом с ней водосточный желоб. Аналогичная бочка расчищена и у юго-юго-восточной стенки раскопа. Внутри находящегося рядом с ней каменного основания постройки, зафиксированной уже в предыдущем горизонте, обнажился нижний венец бревенчатого сруба со сторонами 2×2 м, отчасти перекрытый нижними камнями основания указанной постройки. В нижней части сруба лежали продольные лаги из тонких еловых бревен. Вся северная часть раскопа заполнена короткими бревнами, составляющими своего рода ограниченные лежащими по линии улицы более длинными бревнами площадки или помосты. Культурный слой представлял в этих двух горизонтах темный гумус с щепой, содержащий много костей домашних животных, керамики, целые и фрагментарные изделия из металла, дерева, бересты и кожи, монеты последней четверти XV–XVII вв. Береста бревна деревянной конструкции в южной части раскопа датирует горизонт XVI – первой половиной XVII в. (SU-3602, 330 ± 40 [cal AD 1483 (1519, 1574, 1626) 1640]) (Saarnisto, Saksa 2004, 37–42). м²

¹ Датирование проведено в радиоуглеродной лаборатории Геологического исследовательского центра Финляндии в г. Эспо.

На уровне следующего горизонта 3 разделение конструкций на две части по проходящей через середину раскопа линии З — В фиксируется так же отчетливо. В южной части раскопа под бревенчатым полом впущенной с верхнего горизонта постройки обнажился дощатый настил, изготовленный из заостренных досок частокола (ограды) длиной 2,3 м и к юго-востоку от него — дренажный желоб из расколотых пополам бревен, часть которого уничтожена при вкапывании тут в более позднее время бочки. В этой же южной части раскопа отмечены беспорядочно лежавшие обрубки бревен и отдельные детали деревянных строительных конструкций. В северной половине раскопа расчищены длинные, лежавшие в направлении З — В подкладочные бревна, на которых в трех местах были перпендикулярно им уложены в виде мостовых более короткие и толстые бревна со следами врубок. Следов улицы на этом уровне не обнаружено. В южной и северной части раскопа фиксируются две бочки, вкопанные с уровня 1-го горизонта.

Ниже под этими подкладочными бревенчатыми конструкциями залегал мощный в 50–70 см слой темно-коричневого гумуса с большим содержанием щепы и навоза, явно перемещенный сюда из другого места. Он содержал все признаки культурного слоя: помимо щепы и навоза, в нем встречены кости домашних животных, керамика, в том числе белостенная, характерная в XIV–XVI вв. для средневековых городов, сельских поселений и городищ древней Карелии, Новгородской земли и других древнерусских областей. С территорией новгородской Карельской земли этот слой ассоциируется также по значительному количеству находок поплавок рыболовных сетей из сосновой коры и грузил из камней и бересты. Отличительной чертой выборгских находок от поплавок, найденных, к примеру, в Кореле — Кякисалми, являются вырезанные на них знаки владельцев. В местах падения и неровностей скалы фиксировался слой естественного происхождения из мокрого песка, глины или супеси. В культурном слое этого горизонта найден серебряный артиг Дерптского епископства (Андрей Пепер, 1468–1473 гг.). В этом же горизонте найдены семь шведских монет второй половины XVI первой половины XVII в. (Юхан III (1568–1592) (2 эре 1573 г. (2 экз., медь) и 1/2 эре 1581 г. (1 экз.), Кристина (1632–1654) (1/4 эре 1634 г., 1637 г. и 1640 г. (3 экз., медь) и Карл XI (1660–1697) (1/6 эре 1667 г.). В его нижней части в северной половине раскопа зафиксированы такие же, как в предшествующем горизонте, длинные бревна в направлении З — В. Часть этих бревен имеет врубки и использовалась вторично. В северо-западном углу раскопа расчищена конструкция из двух параллельно лежавших в направлении СЗ — ЮВ и закрепленных кольями в землю бревен.

В нижнем «мокром» культурном слое со щепой, костями домашних животных, навозом и находками грузил и поплавок от сетей (горизонт 5) практически нет следов деревянных конструкций. Лишь в северо-западном углу раскопа на поверхности скального основания расчищен нижний ярус отмеченной выше конструкции из двух бревен, лежавших параллельно в направлении СЗ — ЮВ и также закрепленных кольями в землю. Стратиграфически и по вещевым находкам эти конструкции можно предположительно отнести к XV в. В юго-восточном углу раскопа на уровне скалы была расчищена доска, датируемая неожиданно ранним временем, а именно второй половиной XIII в. (SU-3589 760+40 [cal AD 1245 (1272) 1283] (Saksa, Saarnisto, Taavitsainen 2003, 15–20; Saarnisto, Saksa 2004, 37–42). Не исключено, что она попала в слой из другого места. Как уже отмечалось выше, для горизонтов деревянной застройки Выборга вообще характерно вторичное использование деталей построек, отслуживших свой век. Это вполне объяснимо, в условиях интенсивного строительства и перестроек, отмечаемых в материалах наших раскопок. К тому же, в городе нередко случались пожары, с особенной силой опустошавшие Выборг на протяжении XVII века.

Раскоп 2001 г. выявил новые закономерности и общие тенденции раннего этапа становления и развития средневекового Выборга. Они, в значительной степени, определялись рельефом поверхности материковой части города, характеризующимся значительными перепадами подстилающей скальной поверхности, наличием скальных уступов — лбов и углублений. Именно этим обстоятельством объясняется наличие мощных слоев темно-коричневого гумуса с примесью древесной щепы и сосновой коры в нижнем горизонте. И именно на этом слое были заложены собственно городские деревянные конструкции 2-го и 3-го строительных ярусов, относящихся уже к зрелому средневековью (вторая половина XV — начало XVII вв.).

Речь в данном случае идет, несомненно, о перемещенном культурном слое, использованном для поднятия и выравнивания поверхности для строительства, поскольку естественного гравелистого песка, заполнявшего неровности скальной поверхности, было явно недостаточно. Кроме того, немаловажной проблемой для новых поселенцев была борьба с грунтовыми водами, устройство дренажной системы. Результаты работ сезонов 1999–2001 гг. в восточной части средневекового Выборга позволяют предположить наличие в материковой части города поселений первоначального карельского населения, погибших или оставленных по какой-то причине до вторичного освоения рассматриваемого участка

(вторая половина XV в.). Принимая во внимание особенности топографии Выборга и результаты наших раскопок 2003–2004 и 2006 гг. в центральной и западной частях средневекового города, естественно предположить, что такие поселения предгородского типа могли располагаться по периметру центральной городской скальной возвышенности на местах средневековых Доминиканского и Францисканского монастырей и у Кафедрального собора (Рис. 1). Лишь в конце XV–XVI вв. когда в Выборге начало развиваться каменное строительство, стало возможным освоить склоны этой возвышенности и другие, наиболее сложные с точки зрения топографии, участки.

Раскопки 2003 г. в обращенной к заливу западной части города (улица Южный вал), а также 2004 и 2006 гг. в центральной части, неподалеку от Кафедрального собора (улица Выборгская, 8) показали ту же закономерность, общую для ранней строительной истории Выборга: наличие многочисленных и регулярных горизонтов деревянной застройки. Количественно их насчитывается от семи до одиннадцати. Мощность культурных напластований достигает 3-х и более метров. Причем, во всех случаях нижние представлены слоями черной земли с большим количеством щепы и костей животных, находками рыболовных принадлежностей, остатками деревянных конструкций, где даже в самых нижних частях использовались уже бывшие в употреблении бревна. Датируются эти нижние горизонты во всех исследованных частях города от начала XV до рубежа XV/XVI вв. В рассматриваемом нами раскопе 2003 г. к таковым относятся горизонты 6 и 7. Слои, расположенные выше, характеризуются наличием ярусов постоянных участков деревянной застройки и каменных вымосток, примыкавших к постройкам, а также улиц, мощеных камнем, и развитой дренажной системы. Общая мощность культурного слоя начала XV–XVIII вв., включая слой строительных остатков и бытового мусора XIX–XX вв. (до 2,3 м), достигала 3,5 м. Общая площадь раскопа составляла около 70 кв.м. Стратиграфия слоев получена по материалам южной части раскопа (5×4,6 м), которая наиболее хорошо сохранилась.

6-й горизонт представлен мощным (до 50 см) слоем темной земли, насыщенным щепой и залегавшим непосредственно под деревянной постройкой, а также каменной вымосткой предыдущего горизонта. В слое встречены фрагменты кожаной обуви, целый детский башмачок, два фрагмента поплавок из сосновой коры, два грузила от рыболовной сети. В северо-западной части раскопа, непосредственно у короба теплотрассы советского времени под этим слоем темной земли вскрыты впущенные из верхних слоев дренажная труба и рядом, под углом к ней вторая, закрытая коробом из досок. На юго-западном конце она прорезает более раннюю трубу, обернутую берестой. В целом, рассмотренный слой темной земли достаточно однороден по всей толщине (около 0,5 м). Скорее всего, он возник единовременно. Его основные характеристики: интенсивный черный цвет, большое количество щепы, костей домашних животных, кожи во фрагментах и целых образцах обуви (в нижней части), находки рыболовных принадлежностей (грузила, поплавки). Этот горизонт, встречающийся и в раскопах на ул. Титова (2000–2001 гг.), является характерной особенностью нижней части культурного слоя «деревянного» средневекового Выборга. В раскопе он подстилался серым гравелистым слоем с кирпичной крошкой. В юго-восточной части раскопа в нижней части слоя черной земли расчищен край срубной бревенчатой постройки с дощатым полом, относящейся к 7-му горизонту. Ее выявленное в раскопе сильно сгнившее крайнее бревно было установлено в направлении ССВ — ЮЮЗ. Его длина от северо-восточной бровки, где оно образует у большого камня с другим перпендикулярно расположенным к нему бревном срубленный «в лапу» угол до западной бровки раскопа, у которой бревно заканчивается у двух больших камней, составляет 2,5 м. Между северо-западным бревном сруба и досками пола найдены два грузила с берестяной оплеткой. В остальной части раскопа продолжается слой темно-серого гравелистого песка с гумусом. Соотносимый с нижней постройкой и залегавший на скале и чистым материковым песком культурный слой достигал 20–30 см. В нем встречены поплавки и грузила от сетей, щепы, кости и навоз домашних животных.

Под досками пола на поверхности скалы сохранился слой темной земли мощностью 5–7 см, образец которого взят для споро-пыльцевого анализа и определения его возраста по органическим остаткам. Часть края наиболее хорошо сохранившейся доски пола взята для радиоуглеродного датирования. В центральной части раскопа, на расстоянии 240 см от северной бровки скалы имеет крутой уступ. Южнее материк представлен гравелистым крупнозернистым песком ледникового происхождения.

Нижний предматериковый слой темной земли содержал, по мнению проводившей его анализ Терту Лемпияйнен из университета Турку, «типичную средневековую флору», то есть семена травянистых растений. Его датировка получена по семени мари белой (*Chenopodium album*) и относится ко времени около 1310 г. (Poz-4297, 625±25 BP)¹. Доска же бревенчатой постройки нижнего горизонта датируется

¹ Датировка произведена в радиоуглеродной лаборатории в Познани.

временем около 1410 г. (Poz-4383, 555±30 BP). Из двух дренажных сооружений нижняя труба датирована временем между 1520 и 1640 гг. (вероятнее всего: 1540–1600 гг.) (Poz-4294, 325±25 BP). Верхняя труба, покрытая коробом из досок и частично нарушившая нижнюю, относится ко времени между 1760 и 1770 гг. (Poz-4295, Poz-4385, 185±25 BP) (Saarnisto, Saksa 2004, 37–42).

Полученную при раскопках в восточной и западной части средневекового города картину дополняют материалы раскопок 2004 и 2006 гг. на пустыре у средневекового дома («купеческой гильдии») по адресу ул. Выборгская, 8 (Рис. 1). Общая площадь двух соседних раскопов составляет 132 кв. м. На этом участке выявлено от восьми (2006 г.) до одиннадцати (2004 г.) содержавших остатки строительной деятельности горизонтов. Несовпадение количества горизонтов объясняется тем, что строительная деятельность в Средневековье и в Новое время на обоих прилегающих друг к другу раскопах не была равномерной и тем, что на месте раскопов 2004 и 2006 гг. подстилающая скала имеет значительные перепады по высоте.

Рассматриваемое нами место раскопок находится в самом центре средневекового города в 120 м к ЮЮВ от руин кафедрального собора конца XV. Место раскопок непосредственно примыкает к восточной стене средневекового каменного дома XVI или самого начала XVII в. Культурные напластования достигали 3 м. В северо-западной части раскопанного участка скала образует невидимую на поверхности земли возвышенность — «лоб», на которой и был построен дом «купеческой гильдии». Наиболее поздние слои здесь датируются XVII, XVIII и XIX вв. Средневековые слои, являющиеся предметом рассмотрения данной работы, относятся к горизонтам 5–11 в раскопе 2004 г. (66 кв. м) и горизонтам 3–7 в раскопе 2006 г. (66 кв. м). Планиграфически и по нивелировочным отметкам они составляют единые горизонты разновременной застройки этой территории.

Этот участок, расположенный в центральной части средневекового города, а точнее его восточная, находящаяся в нижней части склона центрального холма сторона, стал застраиваться лишь с 1410-х гг., о чем свидетельствует датировка водоотводного желоба, западный конец которого расчищен на поверхности материкового песка у восточной бровки раскопа 2004 г. Это кажется странным, поскольку Выборг получил права города уже в 1403 г. Объяснение нашлось в процессе раскопок, когда выяснилось, что в средневековье изучаемый участок занимал ложбину, сформированную центральной городской возвышенностью и скальным выступом, на котором в XVI — начале XVII в. был построен каменный дом. Уже к середине — второй половине XV в. ложбина заполняется слоем темно-коричневой земли мощностью 25–40 см с большим содержанием щепы, навоза (в западной части) и углей (в восточной). На этом слое возникают первые постройки, остатки которых выявлены в раскопах в виде угловых частей срубных конструкций, скоплений бревен и досок. В южной части раскопа 2006 г. на этом уровне расчищена сохранившаяся часть уличной мостовой из деревянных плах длиной 2,5 м и шириной 1,7 м. Она проходила по направлению СЗ — ЮВ. Каких-либо построек по ее краям не обнаружено. На следующем этапе в восточной части раскопа 2004 г. устраивается мощная водоотводная система из толстой доски между двумя бревнами, плотно прижатыми к ней кольями. Этот водоотвод проходил через весь раскоп в направлении ССЗ — ЮЮВ. Его длина в раскопе не выявляется. С обоих краев этой конструкции набросаны в этом же направлении длинные бревна. Между этой дренажной системой и выступом скалы в восточной части раскопа 2004 г. сохранились неопределимые элементы деревянных конструкций в виде отдельных бревен, плах и досок. Западную часть раскопа 2004 г. и северо-восточную часть прирезанного к нему с западной стороны раскопа 2006 г. занимает выход скалы. В юго-восточном углу раскопа 2006 г. на месте остатков уличной мостовой расчищен помост из двух широких досок и четырех тонких бревен длиной 2,7 м и шириной 1,3 м, расположенный по линии ВСВ — ЗЮЗ. С северной стороны к нему примыкает короткое и толстое бревно с выдолбленным на его поверхности желобом. В западной части раскопа у его края в один ряд строго по линии С — Ю выложены длинные бревна, два из которых также имеют выдолбленный на поверхности желоб. Общая длина этой конструкции составляет 8,5 м. Культурный слой на уровне этого горизонта представлен темной землей. В нем почти нет обломков кирпичей и мало щепы. Из находок отметим четыре серебряные монеты, трубочку-игольник с двумя трехчастными рельефными поясами, берестяную коробочку, игрушечный лук из можжевельника, полоз-волокушу с рукоятью на конце и желобом для крепления к ней киля перемещаемой по льду лодки, три грузила от сети и девять поплавков из сосновой коры, три фрагмента ядер, целый детский башмачок, детали кроя обуви. Керамика отсутствует полностью. Найденные в этом слое монеты датируются 1470–1500 гг.

Выше расположенный горизонт дерева — горизонты 5 (2006 г.) и 8 (2004 г.) — отличается уже наличием в нем элементов городской застройки, включавших уличную мостовую из тонких бревен, проходившую по границе раскопов 2004 и 2006 гг. в направлении ССЗ — ЮЮВ. Своим северным концом она упиралась в выступ скалы в северной части раскопа 2006 г. Второй заканчивался у южной стенки раскопа. Ее длина

достигала 7 м, ширина 2 м. Открытый желоб рассмотренного нами выше горизонта 9 в раскопе 2004 г. на этом этапе уже закрыт сверху половинкой бревна. С его западной стороны выявлены остатки нижней части большого сооружения из бревен, северный и южный края которого уходят в стенки раскопа (его ширина 6 м). Бревно его западного края заложено непосредственно у края выступа скалы и ориентировано в направлении ССЗ – ЮЮВ. Противоположное восточное бревно примыкает к дренажной системе. Расстояние между ними составляет 2,5–2,7 м. Между ними сохранились остатки четырех поперечных тонких бревен, соединявших их и закрепленных своими концами в пазы на крайних бревнах, а также отдельные доски. В северо-восточном углу раскопа 2004 г. у восточного бревна расчищено скопление камней — вероятно, остатки печи. Вдоль западной бровки раскопа 2006 г. непосредственно над лежащими в ряд бревнами ниже залегавшего горизонта в том же направлении С – Ю выявлено длинное бревно с пазом в верхней части, уходящее своим северным концом в стенку раскопа. Его видимая часть имеет в раскопе длину 5,5 м. Возможно, это остатки частокола. С его западной стороны расчищен восточный край постройки, северо-восточный угол которой сохранился. Она ориентирована в том же направлении, что и бревно с пазом. Длина сохранившегося бревна восточной стены составляет 2,4 м. Культурный слой этого горизонта представлен темной и темно-коричневой землей со щепой. Находки представлены в основном керамикой, деталями кожаной обуви, обрывками веревок, гвоздями, фрагментами металлических изделий. Следует отметить находки грузил из камней, обмотанных берестой и поплавков от сети из сосновой коры. К индивидуальным находкам относятся нож с бронзовым фигурным наконечником на рукояти, три серебряные мелкие монеты последней четверти XV в. и лезвие ножа.

Таким образом, раскопки в материковой части средневекового города, проведенные нами в 1999–2006 гг., выявили хорошо сохранившиеся слои XV–XVI вв. с фиксируемыми в них горизонтами деревянной застройки: улицами, остатками построек, дренажной системы, многочисленными предметами материальной культуры, в том числе и из органических материалов. Раскопками были затронуты восточная (башня Ратуши, улицы Сторожевой башни и Титова), западная (улица Южный Вал) и центральная части города (ул. Выборгская, 8 (Рис. 1)). В общей сложности раскопками вскрыто около 430 кв. м площади города. Работы затронули ключевые части средневекового города, что позволило нам существенно продвинуться в решении целого ряда важнейших исследовательских задач. К последним относится, в первую очередь, развитие города в начальный период его становления, поскольку, как выяснилось, в различных его частях оно происходило неравномерно, в силу особенностей местной топографии. В этой связи изучение первоначальной топографии Выборга становится одной из важнейших исследовательских тем.

Литература

- Сакса А. И. 2002. Выборг — город четырех исторических традиций (итоги исследований 1998–2000 гг.) // Культурное наследие Российского государства. 2002. Вып. 3. С.Пб. — С. 150–164.
- Сакса А.И., С.В. Бельский, А.В. Курбатов, Полякова Н.Ю. 2003. Выборг — первые века истории (некоторые итоги исследований 1998–2001 гг.) // Проблемы балтийской археологии: Сб. научн. трудов. Калининград. — С. 129–140.
- Сакса А.И. 2004. Новые данные по ранней истории средневекового Выборга (предварительные итоги археологических исследований 1998–2000 гг.). Выборг. — С. 569–584.
- Тюленев В. А. 1995. Исследования древнего Выборга. С.-Пб.
- Saksa Aleksandr, Belsky Stanislav, Kurbatov Aleksandr, Polykova Nadezda, Suhonen Mervi. 2002. New archaeological excavations in Viipuri. Results of field investigations of the 1998–2001 seasons and current research problems of urban history // Fennoscandia archaeologica. XIX. — S. 37–64.
- Saksa Aleksandr I. 2004. Archaeological Chronology of Medieval Vyborg — preliminary results of the excavations of 1998–2000 // Fenno-ugri et slavi 2002. Dating and Chronology. Saarijärvi. — S. 98–109.
- Saarnisto Matti, Saksa Aleksander. 2004. Radiocarbon dates from archaeological excavations in Viipuri. The corner site of former Uudenportinkatu and Etelävalli // Fennoscandia archaeologica XXI (2004). — S. 37–42.
- Saksa Aleksanteri, Saarnisto Matti, Taavitsainen J.-P. 2003. 1200–luvun lopun raadiohiiliajoitus Viipurista // Suomen keskiajan arkeologian seura (SKAS). 3. Turku. — S. 15–20.
- Saksa A. I., Suhonen M. 2001. Viipurin kaupunkikaivaukset 1999–2000 // Hiidenkivi. 2. — S. 26–29.
- Tjulenev V. A. 1982. Entisajan Viipurin uusista arkeologisista tutkimuksista // Viipurin kaupungin historia I. Lappeenranta. S. 25–33.
- Tjulenev V.A. 1987. Viipurin arkeologisen tutkimuksen tuloksia // Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita 8. Helsinki.

Периферийные замки-резиденции литовской знати в XVI веке

И. Каплунайте

Институт истории Литвы (Вильнюс)

Введение

На протяжении долгого времени строительство замков в Великом Княжестве Литовском (далее — ВКЛ) являлось прерогативой правителя страны, однако в XVI в., с изменением политико-экономической ситуации, объекты такого назначения стали строить на периферии и литовские вельможи. Их замки, в первую очередь, были предназначены для обычной жизни, и в то же время они могли выполнять оборонительную функцию: там имелись оборонительные сооружения (башни, рвы, насыпи, бойницы и т.п.) — правда, зачастую они напоминали бутафорские.

Следует особо выделить несколько замков-резиденций, возведенных в XVI в. знатными литовскими вельможами. Они были построены в населенных пунктах Сесикай, Дубингяй, Муринес Видянишкес (Балтадварис), Лапес. Это и так называемые замки низовьев Немана, расположенные в местечках Раудоне, Панямуне и Раудондварис.

В последнее время исследователи уделяют исключительное внимание замкам центральной Литвы, незаслуженно забывая о замках-резиденциях аристократии, расположенных в отдаленных от центра местностях. В научных трудах, как правило, доминируют данные об этих объектах, собранные еще до середины XX в., в то время, как новейшие материалы (более поздние исторические, археологические, архитектурные разработки) пока еще не систематизированы и не опубликованы.

В настоящей статье представлены основные имеющиеся данные о периферийных замках-резиденциях литовской знати в XVI в. При этом анализируются материалы исследовательских работ, проведенных на этих памятниках, заново обобщаются и пересматриваются имеющиеся данные об эволюции указанных объектов, с привлечением письменных источников, сопоставлением представленных в статье данных с материалами, накопленными в ходе исследований разного рода.

Круг исследований ограничивается замками-резиденциями, сооруженными в прошлом на территории нынешней Литовской Республики, поскольку доступ к данным о других замках ВКЛ XVI в. (например, об Альшенском (Ольшанском), Гяранайнском, Несвижском и др., расположенных на территории современной Беларуси) в настоящее время невозможен.

Обзор исследований

Интерес к замкам возник еще в XIX в. Естественно, в период господства исторического романтизма основное внимание уделялось замкам, которые помнили эпоху борьбы с крестоносцами. В то же время многие замки, возведенные в XVI в. и позднее, в то время еще функционировали, в них жили люди, поэтому они и не привлекали пристального внимания общественности.

Первые краткие сведения о некоторых периферийных замках литовской аристократии приведены в книге П. Тарасенко «Археологические материалы Литвы» (Tarasenko 1928), а наиболее полное их описание представлено в коллективном издании «Замки Литвы» (Lietuvos... 1971 г.). В нем идет речь о замках, построенных в XVI—XVII вв. в низовьях Немана: Раудондварис, Панямуне, Раудоне. К сожалению, в этом научном труде (как и во многих последующих) оставлены без внимания другие замки, возведенные на окраинных территориях в XVI в.

Каменные замки в Литве являются объектом изучения и историков архитектуры. В их капитальных трудах, изданных в конце прошлого столетия, таких, как «История изобразительного искусства и архитектуры Литовской ССР» (Lietuvos... 1987) и «История архитектуры Литвы» (Lietuvos... 1988) дан исчерпывающий анализ замковой архитектуры Литвы (в том числе и периферийных замков-резиденций литовской знати XVI в.). Однако в этих трудах доминирующими являются архитектурные исследования, чаще всего цитируются письменные источники, а археологические данные занимают в них исключительно скромное место.

Разумеется, упоминания об инвентаре периферийных замков, интересную информацию о них нередко можно обнаружить и в судебных делах, а также в сохранившихся разного рода письмах, записях. К сожалению, сами письменные источники, касающиеся периферийных замков-резиденций XVI в., от-

носятся к более позднему периоду (начиная с XVII в.), поэтому в описании событий предыдущих времен содержатся явные пробелы. Не дошли до нас также с XVI в. ни планы, ни чертежи периферийных замков, не сохранились картины и т.п.

Много ценных документальных материалов, кстати, до сих пор не опубликованных, накоплено в архиве Центра по культурному наследию Литвы (далее — АЦКН). Здесь хранятся подшивки документов о старинных литовских замках, в них содержится соответствующая информация, собранная с начала XX в. Много в архиве и фотографий, планов, схем замков, сделанных в 1 половине XX в.

Особенно обширные материалы о периферийных замках собраны во время археологических исследований, причем последние стали наиболее интенсивными в последнем десятилетии XX в. Работы в упомянутом направлении осуществляются и в наши дни.

Возникновение замков-резиденций

XVI век был для ВКЛ периодом войн и перемен. С распространением в стране идей Ренессанса и Реформации стали происходить перемены в ее политике, социально-экономическом развитии. Вместе с тем, идеалы гуманизма отнюдь не послужили препятствием для интенсивного ведения войн (с крымскими татарами, Московским княжеством, шведами).

С середины XVI в. все более весомую роль в политической жизни Литвы стали играть представители родовитой знати (Радзивиллы, Сапеги и др.), сосредоточившие в своих руках едва ли не всю центральную власть ВКЛ. Усиливалось их влияние не только в политической, социальной, но и культурной, а также экономической жизни страны. Знатные и влиятельные вельможи не ограничивались возведением замков-резиденций в центральных городах государства — они, не мешкая, приступили к строительству величественных замков на окраинах ВКЛ. Это объяснялось не только желанием знати владеть роскошными домами подальше от политического центра Литвы, но и их предприимчивостью. В упомянутый период стали набирать силу вельможи, в широких масштабах занимавшиеся торговлей. Занявшись торговлей лесоматериалами, углем, смолой и прочими лесопромышленными товарами, эти крупные лесопромышленники (например, К. Киршенштейн, Я. Эперьеш) стали строить свои резиденции возле лесов и крупных литовских рек.

Возводя свои резиденции, литовские аристократы принимали во внимание и подстерегавшие их опасности. Ведь удаленные от центра страны, эти замки могли стать легкой добычей для злоумышленников, поэтому их хозяева, как правило, сооружали оборонительную систему или что-то в этом роде. Таким образом, замки знатных вельмож, построенные в XVI в., были приспособлены как для мирной жизни, так и для нужд обороны на случай опасности.

Отдавая предпочтение величественным архитектурным проектам, знатные аристократы старались тем самым продемонстрировать свою состоятельность. Большинство этих замков, оснащенных замысловатыми оборонительными сооружениями, не представляли никакой ценности для обороны государства. Они могли послужить укреплениями, разве что, во время междоусобных войн знати или в борьбе против восставших крестьян (Lietuvos... 1988: 232).

В эпоху Ренессанса особое внимание уделялось территории, окружающей замок: для строительства выбирались живописные места; замки-резиденции были окружены парками, лесами, рядом выкапывались пруды. Параллельно с возведением замков осуществлялось строительство подсобных хозяйственных и производственных зданий.

Замки-резиденции отличаются друг от друга географическим положением, степенью сохранности, уровнем проведенных там исследований и т.п., но вместе с тем для них характерно и нечто общее. В первую очередь, все они — объекты зодчества конца XVI в., с характерными чертами тогдашней архитектуры, сходные по своему назначению.

Дубингяйский замок

Дубингяйское городище находится в Молетском районе, в м. Дубингяй, на берегу озера Асвия (Дубингяй). До настоящего времени сохранились лишь развалины замка-резиденции, датируемого XVI–XVII вв.

В письменных источниках название Дубингяй впервые упоминается в 1334 г. (Kuncėvičius, Laužikas 2004: 5). У истоков строительства каменного замка в м. Дубингяй мог стоять еще великий князь Ви-

Рис. 1. Дубингяйский замок. Н. Орда, рисунок 1875–1876 гг.

товт (Витаутас). В ходе археологических исследований, проведенных в 2005 г., было установлено, что стены замка в XVI в. были возведены на фундаменте прежнего замка, датируемого XV в. (Jankauskas, Kupcevičius, Laužikas, Striška 2006: 28). Примерно в 1508 г. м. Дубингяй перешло во владение Радзивиллов. С ними и связано строительство здесь каменного замка в XVI в. (АЦКН, ф. 3, д. 41).

Особенно пострадал Дубингяйский замок во время Северной войны. В XIX в. от него остались одни руины, как и от построенной там в 1620 г. евангелическо-реформатской церкви.

Первые археологические исследования на террии замка в м. Дубингяй проводились в 1939 г. музеем культуры им. Великого князя литовского Витовта (Витаутаса). Новейшие исследования здесь осуществляются, начиная с 2004 г. (рук. А. Кунцявичюс). В том же году в ходе археологических раскопок на месте бывшей евангелическо-реформатской церкви впервые в истории литовской археологии были обнаружены захоронения, предположительно, представителей рода Радзивиллов.

Лапесский замок

Руины Лапесского замка находятся в Каунасском районе, в деревне Лапес. Замок построен на склоне холма, на правом берегу реки Нярис. Сохранились фрагменты стен первого этажа с некоторыми архитектурными элементами, а также частично подвалы.

Первые упоминания о дворовой усадьбе Лапес содержатся в исторических документах 1591 г. В то время его владельцем (кастеляном) являлся Северин Бонар из Кракова. Строения той поры были еще деревянные. Во время разведочных археологических раскопок на территории Лапесского замка в 1996 г. над первичным слоем земли в северо-западной части был обнаружен слой серого чернозёма мощностью 20–40 см, на поверхности которого прослеживались следы пожара. Обнаруженные находки также подтверждают догадку, что в середине XVI в. здесь находились деревянные строения (Žalnierius 1998: 331).

В начале XVII в. дворовая усадьба перешла в руки жемайтского старосты и витебского кастеляна Йонаса Альфонсаса Лацкиса, который владел ею в течение всей первой половины XVII в. и, по всей вероятности, построил здесь каменный замок, руины которого сохранились до наших дней. Наряду со строительством замка, Й.А. Лацкис на свои средства произвел ремонт лапесского костела (ЦГИА, ф. 669, д. 321, с. 62).

В 1996 г. во время разведочных археологических раскопок было установлено, что каменный Лапесский замок, скорее всего, являлся двухэтажным, с подвалами, и был обнесен каменной оградой. С северо-западной и юго-восточной сторон рядом с замком стояли по углам две округлые башни, от которых ответвлялись каменные фундаменты. Был обнаружен также клозет; исследователи обратили внимание и на то, что с восточной стороны до обрыва над рекой Нярис находился мощёный кирпичом двор или обзорная площадка (Žalnierius 1998: 331).

В 1665 г., во время войны, Лапесский замок сгорел и впоследствии так и не был восстановлен. С тех пор начался процесс его разрушения. Владельцы замка, вероятнее всего, переселились тогда в новые деревянные строения.

Разведочные археологические исследования в д. Мажосёс Лапес были начаты в 1989 г. и продолжены в 1996 г. под руководством А. Жальнерюса.

Замок в м. Муринес Видянишкес (Балтадварский)

Балтадварское городище находится в Моветском районе, на левом берегу реки Сесартис, в 3 км к западу от м. Видянишкес. С трех сторон его территория окружена руслом реки. Руины замка датируются XVI–XVII вв.

Городище можно условно разделить на 3 части: место бывшего бастионного замка (площадью 120×120 м), территорию замкового «сада» (площадью 80×80 м) и место бывшего дворового фольварка (Kuncevičius 1999: 1).

Считается, что укрепленный бастионный замок в м. Видянишкес (1545–1621 гг.) построен воеводой Мстиславля Мартинасом Гедрайтисом — старостой г. Укмярге и м. Обяляй, героем Саласпилской битвы.

В тревожную для страны пору Балтадварский замок мог служить не только в качестве резиденции, но и надежного убежища. Замок был окружен земляными валами. Посредине восточного вала находилось двухэтажное каменное строение с башнями, примыкающее к въездным воротам. В углу северо-восточного стыка валов находилась оборонительная башня, а в северо-западном углу стоял двухэтажный каменный главный дворец замка с пороховыми погребями (Kuncevičius 1999: 2).

В период правления Гедрайтисов замок в Муринес Видянишкес достиг процветания, однако уже в XVI в. этот знаменитый род понемногу захирел, зато в ВКЛ стали набирать силу другие влиятельные семейства. Судя по инвентарям 1645 г. (а всего известны четыре описи имущества Балтадварского дворца: 1628 г., 1645 г., 1695 г., 1841 г.), в тот период уже начался процесс обнищания замка (Рукописный отдел Библиотеки Академии наук ЛР, ф. 273, д. 2225).

В 1695 г. Балтадварский замок отошел к вильнюсскому миссионерскому монастырю, а в I половине XIX в. он, наряду с прочими землями вильнюсских миссионеров, был отчужден в казну.

Последние археологические разведочные исследования в Балтадварском замке проводились в 1999–2003 гг. под руководством А. Кунцявичюса. В 2000 г. во время раскопок на западной окраине городища найдены отдельные фрагменты штрихованной керамики, датированные первыми веками нашей эры. Следовательно, здесь могло находиться поселение еще римского времени (Kuncevičius 2001: 41).

Панямунский замок

Панямунский замок, сооруженный на выступе крутояра (высота — 25 м) на правом берегу Немана, возле шоссе Каунас-Юрбаркас, относится к Скирснямунской сянюнии¹.

В наши дни замок имеет форму неправильной трапеции. К нему относятся: закрытый двор, южный корпус, под которым имеется подвал, западный корпус с двумя башнями, развалины восточного корпуса (АЦКН, ф. 3, д. 40, с. 3). Со всех сторон замок окружен парком, Сохранились три расположенные на холмах обзорные площадки, пять каскадных прудов.

Некоторые романтически настроенные исследователи пытались причислить Панямунский замок к подобного рода строениям, сооруженным еще крестоносцами (АЦКН, ф. 3, д. 193, с. 132), однако сегодня первоначальный этап строительства замка датируется все же 1604–1610 гг.

¹ Сянюния — современная административно-территориальная единица ЛР.

Рис. 2. Панямунский замок. Фото И. Каплунайте 2007 г.

На этом месте в XVI в. находилась деревянная дворовая усадьба, принадлежавшая жемайтскому подкаморнику (управителю) Станисловасу Станкявичюсу-Белявичюсу, который в 1597 г. продал поместье Я.Эперьешу.

В ВКЛ Я.Эперьеш прибыл из Венгрии еще во времена правления Стефана Батория (1576–1586 гг.). Как и К. Киршенштейн (владелец Раудонеского замка), он разбогател за счет продажи литовской древесины и прочих товаров. Незадолго до 1604 г. Я. Эперьеш начал строить каменный замок на месте бывшей усадьбы Станкявичюсов-Белявичюсов. Ему не удалось завершить строительство, и после его смерти (ок. 1608 г.) дело продолжили наследники Я.Эперьеша. Приблизительным сроком окончания строительства Панямунского замка считается 1610 г. (Pinkus 1971: 202).

В 1759 г. замок достался Акмянскому старосте, знаменщику ВКЛ Антанасу Гялгаудасу (Op. cit. 1971: 212). Однако уже в начале XIX в. род Гялгаудасов стал угасать. Тогдашние владельцы замка Йонас и Антанас Гялгаудасы принимали активное участие в восстании 1830–1831 гг., во время которого Панямунский замок сильно пострадал (были уничтожены библиотека и весь инвентарь дворца). Замок стал постепенно разрушаться.

Последние археологические исследования на территории замка проводились под руководством А. Жальнерюса в 2002 г.

Раудондварский замок

Раудондварский замок находится в Каунасском районе, в м. Раудондварис, рядом с шоссе Каунас-Юрбаркас, на правом берегу реки Нявежис. Замковый ансамбль в настоящее время включает в себя основной дворец, подсобные помещения, оранжерею, конезавод, дом управляющего имением, погреб-ледник, клети, ограду и парк, а также два пруда.

Начало строительства Раудондварского замка, как и других замков низовьев Нямунаса, некоторые исследователи пытались датировать началом XV в. или даже концом XIV в., увязывая это строительство

с крестоносцами (Baršauskas 1969: 75–76). Однако в настоящее время, на основании исторических и археологических источников, строительство замка в м. Раудоне относят к началу XVII в., и оно увязывается с именем каунасского управителя Вайтекуса Дзявалтаускаса. Впоследствии замком владел его сын, каунасский знаменщик Йонас Дзявалтаускас, женившийся на дочери владельца Раудонского замка К. Киршенштейна и ставший его помощником в торговле лесоматериалами.

В начале XIX в. владельцем Раудондварского замка стали знатные аристократы Тышкевичи, которых и считают творцами дворцового ансамбля в его нынешнем виде. По их заказу в замке работал видный итальянский архитектор Л. Аникини, похороненный здесь же, в Раудондварисе. Богатое семейство Тышкевичей уделяло большое внимание интерьеру замка: стены дворцовых покоев украшали коллекции картин; обстановку составляла дубовая мебель; здесь же был оборудован музей предметов, принадлежавших роду Тышкевичей. Исключительно богатой была и дворцовая библиотека (Pinkus 1983: 30).

Во время Второй мировой войны в Раудондварском замке размещалась ставка немецких оккупационных властей. Некоторое время в замке жил работавший в Восточном отделе печати высшего германского руководства немецкий писатель Арнольд Цвейг (описавший помещение замковой библиотеки). В 1944 г., при отступлении, немцы сожгли Раудондварский дворец и оранжерею.

Археологические исследования на территории Раудондварского замка проводились только в 1959 г.

Раудонский замок

Раудонский замок находится в Юрбаркском районе, в восточной части местечка Раудоне. Он сооружен на верхней террасе Немана, на правом склоне речной долины. Образовавшуюся здесь когда-то про-

Рис. 3. Раудонский замок. Фото И. Каплунайте 2007 г.

моину, протянувшуюся под замковые строения, должны были засыпать еще до начала строительных работ (АЦКН, ф. 5, д. 80. с. 4).

Раудоне — самый старый из замков, причисляемых к замкам низовьев Немана. В письменных источниках он упоминается с XVI в., когда его имя изначально увязывалось с К. Киршенштейном, крупным литовским лесоторговцем.

К. Киршенштейн переселился в Литву, предположительно все, из Пруссии. Поначалу он стал жить в Каунасе, но уже в 1575 г. он взял в аренду леса Принеманья от Биштонаса до Юрбаркаса. Разбогатев на экспорте в Пруссию древесины и разного рода лесопродуктов, а также на доставке закупленных там товаров в Литву, К. Киршенштейн смог приобрести замок в м. Раудоне (Pinkus 1978: 5).

Оборудованные в стенах замка бойницы, башни и прочие элементы обороны носили, скорее всего, декоративный, имитационный характер, а значит, в случае опасности вряд ли смогли бы противостоять атакам врага. И все-таки замок был способен защитить богатства К. Киршенштейна хотя бы от случайных разбойников.

Раудонский замок особенно сильно пострадал в 1944 г., когда немецкие солдаты при отступлении взорвали его главную башню. Обрушившись, она уничтожила и часть южного корпуса замка. После капитального ремонта (замок был отреставрирован в 1965 г., а главная башня восстановлена в 1968 г.) в Раудонском замке на протяжении десятилетий осуществлялись только работы по надзору за его состоянием.

Последние разведочные археологические исследования здесь проводились в 1999 г. под руководством А. Жальнерюса.

Сесикский замок

Сесикский замок в стиле Ренессанса находится в дер. Даугайляй Укмяргского района (Сесикская сянюния). Он стоит на южном берегу озера Сесикай.

Рис. 4. Сесикский замок. Фото И. Каплунайте 2006 г.

От старинного Сесикского замка до наших дней сохранились дворец, школа (называемая «академией»), пивоварня, амбар, птичник и парк.

Строительство каменного замка на берегу озера Сесикай увязывается с именем князя Габриэлиса Даумантаса. К сожалению, архив Сесикского замка, состоявший из накопленных с XV в. документов, исчез в годы Первой или Второй мировых войн. Стало быть, документов о строительстве замка нет.

Принято считать, что Сесикский замок в стиле раннего Ренессанса построил наследник князя Даумантаса, владелец Гялвонского, Тауенского и Ляонпилисского и других дворовых имений Габриэлис Даумантас (ум. в 1517 г.). Строился замок в течение 1492–1517 гг. (АЦКН, ф.5, д.1251, с. 2).

Сесикский замок, возведенный по голландской системе строительства бастионных замков, сооружался, по замыслу Габриэлиса Даумантаса, как оборонительная крепость (замок находился неподалеку от дороги, соединявшей города Укмярге и Кедайняй). Вместе с тем, он имел и репрезентативное назначение. Дворец представлял собой двухэтажное продолговатое прямоугольное здание. По предположениям, там были и 4 башни с бойницами (две округлые и две четырехугольные). В те времена Сесикский замок с трех сторон был окружен озером (уровень его воды тогда превышал нынешний), а со стороны суши были выкопаны рвы, оборудованы насыпи, бастион (сохранившиеся его остатки находятся к северо-востоку от здания так называемой «академии»). Выдвинута версия, что замок построили военнопленные. На внешний вид Сесикского замка могло повлиять то обстоятельство, что Габриэлис Даумантас, являвшийся важной персоной при дворе короля, много путешествовал и был хорошо знаком с архитектурой стран Западной Европы, видел резиденции европейских аристократов (Kirdeikienė 2000).

Замок стал вотчиной Даумантасов-Сесицкисов. Близ озера Сесикай происходили битвы литовских войск со шведами. Считается, что неприятельские полчища и разрушили две башни замка (до наших дней сохранились округлая башня в северо-западном углу и квадратная — в восточном). На протяжении определенного времени замок находился в запущенном состоянии. Археологические разведочные исследования в Сесикском замке начались в конце 80–х годов XX в. В настоящее время проводятся работы по благоустройству замка.

Основные выводы

Замки литовской знати на периферийных землях в XVI в. — это роскошные резиденции, предназначенные, кроме всего прочего, для оборонных целей, о чем свидетельствуют сохранившиеся до наших дней остатки оборонительных сооружений — башен, рвов, насыпей и пр. Там формировались центры выдвинувшихся в XVI в. родовитых семейств, к которым относились Радзивиллы, Сапеги, Гедрайтисы и пр. Возведенные там жилые здания стали своего рода новыми культурно-хозяйственными центрами в провинции. В настоящее время можно вести речь о семи периферийных замках-резиденциях литовской аристократии. К ним относятся замки в местечках Раудоне, Дубингяй, Муринес Видянишкес (Балтаварис), Панямуне, Раудондварис, Лапес и Сесикай.

Магнаты ВКЛ стремились в повседневной жизни к роскоши в сочетании с удобством. Они разбивали вокруг своих периферийных замков парки, возводили строения хозяйственного назначения и, разумеется, пивоварни. Вместе с тем почти не осталось свидетельств об интерьере этих дворцов и предметах быта в период конца XVI в. — начала XVII в. В письменных источниках имеются упоминания о том, что владельцы резиденций собирали коллекции художественных изделий и разного рода ценности, богатые библиотеки. Однако археологические исследования не могут подтвердить эти данные. На основе сохранившихся письменных источников (инвентарей, писем, судебных дел, земельных книг и пр.) накоплены довольно обширные материалы о замках-резиденциях, однако представленные в них сведения, как правило, носят субъективный характер: по ним трудно определить, каков был уровень материальной культуры замков, как жили их обитатели. К тому же эти данные в большинстве случаев относятся к более позднему периоду (XVII в. и позднее). По письменным источникам часто невозможно установить точную дату строительства периферийных замков. В основном в них содержатся только предположения относительно их зодчих, сомнения по поводу более поздних реконструкций и т.п.

Если о части резиденций аристократии собраны те или иные исторические и архитектурные данные, то об остальных известно в основном только по материалам археологических раскопок. В большой мере это относится к замкам, расположенным в местечках Дубингяй, Муринес Видянишкес и д. Лапес. Для того, чтобы осуществить всесторонний анализ замков-резиденций литовской знати XVI в., исследователям требуется свести воедино все имеющиеся данные. При этом исключительно важным источником

информации продолжают оставаться археологические материалы по рассматриваемому периоду. Данные о материальной культуре замков базируются на археологических находках, в частности, таковыми являются керамика и, в особенности, изразцы. По ним можно с большей точностью определить период, к которому относятся культурные слои, а также проследить, как распространялись новшества из центра на окраинные территории государства. Можно предположить, что аристократия и в провинции старалась не отставать от господствующей моды. По материалам, обнаруженным в ходе археологических исследований, можно судить не только о материальной культуре замков, но и о живших там людях (здесь особую ценность представляют гербовые изразцы), о времени строительства замка, его архитектуре и т.д. И хотя проведенные в таких замках исследования уже обогатили археологов солидными данными, тем не менее, они вызвали и много новых вопросов, ответить на которые позволит лишь дальнейший научный анализ этих объектов.

В настоящее время все еще недостает данных о том, какой была среда, окружавшая периферийные замки литовской знати, в частности, в XVI в. Следовательно, во многих случаях трудно ответить на вопрос, что именно определило выбор того или иного места для будущего строительства. Вероятнее всего, это было удобное географическое положение (вблизи от важных дорог и рек), к тому же чаще всего каменная резиденция строилась на месте бывшего деревянного поместья. Некоторые из мест, на которых возводились замки, были заселены уже в железном веке (I–IV вв.).

С обретением Литвой независимости усилилось внимание к проблемам охраны, ремонта замков. Бывшие замки-резиденции, расположенные на территории Литвы, включены в список недвижимых культурных ценностей. Осуществляется реставрация сохранившихся зданий, определяется дальнейшая судьба замков. В нескольких из них в настоящее время действуют музеи, школы, библиотеки и пр. Планируется восстановление замков в м. Муринес Видянишкес (Балтадварского) и м. Сесикай с тем, чтобы приспособить их для отдыха и туризма.

Литература

- Baltadvario dvaro inventorių (1645 metų) //* Рукописный отдел Библиотеки Академии наук ЛР, ф. 273, д. 2225.
Baršauskas J. 1969. Raudondvario ansamblis // Raudondvaris. Kaunas.
Jankauskas R., Kuncevičius A., Laužikas R., Striška G. 2006. Radvilų rezidencijos Dubingių piliavietėje tyrimai // Kultūros barai. № 2.
Kauno dekanato bažnyčių inventorių sąrašai // Центральный государственный исторический архив, ф. 669, д. 321.
Kirdeikienė G. 2000. Siesikų dosjė // Lietuvos dvarų duomenų bazė. <http://www.heritage.lt:8080/dosje/siesiku_dosje.doc>.
Kuncevičius A. 1999. 1999 m. Baltadvario piliavietės archeologinių žvalgomųjų tyrimų ataskaita. Vilnius.
Kuncevičius A. 2001. Baltadvario piliavietės (Molėtų raj.) 2000 m. archeologijos tyrinėjimų ataskaita. Vilnius.
Kuncevičius A., Laužikas R. 2004. Dubingių piliavietės (Molėtų raj.) 2003 m. archeologinių tyrinėjimų ataskaita. Vilnius — Kulionys.
Lietuvos pilys. 1971. Vilnius.
Lietuvos TSR dailės ir architektūros istorija. 1987. Vilnius.
Lietuvos architektūros istorija. 1988. T.1. Vilnius.
Pinkus S. 1971. Panemunės pilis // Lietuvos pilys. Vilnius.
Pinkus S. 1978. Raudonės pilis. Vilnius.
Pinkus S. 1983. Raudondvario pilis. Vilnius.
Tarasenka P. 1928. Lietuvos archeologijos medžiaga. Kaunas.
Žalnierius A. 1998. Mažųjų Lapių dvarvietės žvalgomieji tyrinėjimai 1996 metais // ATL 1996 ir 1997 metais. Vilnius.

Peripheral Residencies of Lithuanian Noblemen in XVI century Lietuvos didikų rezidencinės pilys periferijoje XVI amžiuje

Irma Kaplūnaitė

The XVI century is the time of changes. New ideas from Western Europe have spread to Lithuanian territory. The epoch of Renaissance began, bringing the growth in science, art, revivification of traditions of the Antique culture, humanitarianism and prosperity of typical renaissance architecture. Reformation spread rapidly within the country. Strength of the nobleman guild brought extremely big changes in social, political and economical life of the XVI century, inducing appearance of residential castles in periphery of Lithuania.

For an extensive period of time building of castles was a privilege of the ruler of Grand Duchy of Lithuania, but in XVI century, with the changes in political and economical situation, Lithuanian noblemen also started building this type of objects in the periphery. Their castles, first of all, served as residencies, however they also carried a function of fortresses — they had defensive objects, such as towers and etc., even though quite often they were only imitations.

Noblemen didn't limit themselves by building their residencies in the central cities of Lithuania. Powerful and important persons soon started raising impressive castles in the periphery of the country. This was caused not only by the wish of noblemen to have rich and nice residence far away from the political centre of Lithuania, but also by their business interests. At the time of mention the definition of nobleman-merchant was dispersing. With the demand for Lithuanian wood, coal and etc. from Prussia, the noblemen engaged in this trade (e.g. K. Kiršenšteinas, J. Eperješas) began to build their residencies close to the forests and the main Lithuanian rivers.

At that time one could identify seven XVI century noblemen residencies in periphery. These were: Siesikai, Dubingiai, Mūrinės Videniškės (Baltadvaris), Lapės, as well as Raudonė, standing on the bank of Nemunas, and slightly later built, but similar in style castles of Panemunė and Raudondvaris.

The construction of residential castle of Dubingiai is dated back to the beginning of XVI century and is associated with the name of Radvila. It is thought that Lapiai castle was built in the very beginning of XVII century, while the territory was ruled by Jonas Alfonsas Lackis. The erection (or reconstruction) of bastioned Mūrinių Videniškių (Baltadvaris) castle is associated with an important Lithuanian nobleman of XVI c. — Martynas Giedraitis and the first phase of castle construction is dated to the beginning of XVI c. Panemunė castle is slightly younger — it is dated to 1604 — 1610 and is associated with the name of Janušas Eperješas. Construction of Raudondvaris castle, possessed by Vaitiekus Dziavaltauskas and later by his son Jonas, is also dated back to the very beginning of XVII c. Raudonė — the oldest of all castles in Nemunas lowlands — is dated to the last decades of the XVI c. and is considered to be built by Krišpinas Kiršenšteinas — a nobleman-merchant, engaged in merchandising of Lithuanian wood. Almost hundred years older is Siesikai castle, the construction of which is dated to 1492–1517, when it was possessed by Gabrielis Daumantas — the offspring of duke Daumantas.

Residential castles of noblemen are different in their geographic location, degree of survival, current condition, degree of examination, but they are similar in their building technique, features of architecture and aim.

Шотландская община в г. Кедайняй в XVII–XVIII вв.

А. Юкнявичюс

Кедайняйский краеведческий музей, г. Кедайняй

Постановка проблемы

Начиная с первой половины XVII в. и до середины XVIII в., в г. Кедайняй проживала шотландская реформатская община, оказывавшая заметное влияние на развитие экономики, социальную и религиозную жизнь города. Шотландцы относились к числу влиятельных членов городской общины: это были привилегированные иммигранты, зажиточные горожане, основные члены реформатской общины и церковные меценаты. Они принадлежали к элите города Кедайняй и называли себя «*ex gente scotica*» (Collecta 1939: 103). По некоторым утверждениям, в состав шотландской общины в XVII–XVIII вв. входило 120–200 человек, или 37,9% всех проживавших в городе реформатов (Eriksonas 2000: 180; Žirgulis 2005: 244), а по своей численности шотландская община в г. Кедайняй была второй во всем Балтийско-Скандинавском регионе. Более многочисленным состав шотландцев был только в г. Бергене (Норвегия), где в шотландскую общину входило около 270 человек (Murdoch 2001: 7).

Интерес к шотландской общине и ее наследию в г. Кедайняй возник только шесть лет тому назад. Начало этому процессу положила японский историк С. Нишикава. В ходе исследования миграций шотландцев в XVII–XVIII вв. она обнаружила интересные материалы о связях кедайняйской шотландской общины с соотечественниками, проживавшими в Шотландии (Nishikawa 2000: 300). Внимание к кедайняйской шотландской общине возросло с новой силой в период, когда было налажено сотрудничество между Кедайняйским краеведческим музеем и шотландским Абердинским университетом. В результате этого сотрудничества стало возможным проведение в 2001 г. в г. Кедайняй и в 2002 г. в г. Абердине двух историко-научных конференций, посвященных проблемам миграции шотландцев.

Несмотря на наличие публикаций и исторических материалов¹, мы не располагаем исчерпывающей информацией о том, как жили в г. Кедайняй шотландцы в XVII–XVIII вв. Неясно также, что привело шотландцев в Кедайняй — экономическая заинтересованность, возможность укрыться от преследований на родине по религиозным мотивам или же их надежда на то, что именно здесь возможно воплотить в жизнь утопическую мечту о «земле обетованной». Не удалось также выяснить характер и объемы торговли, которую вели в г. Кедайняй шотландцы, а ведь именно они принадлежали к числу богатых купцов, играли заметную роль в экономике города и даже были членами городской власти. Неисследованными остались также обычаи шотландцев, входивших в состав общины, особенности их быта и повседневной жизни.

Одним из вопросов, представляющих интерес для исследователей, является строительство шотландцами каменных домов, поскольку с их появлением начался аналогичный строительный бум. Так и не выяснено, строили ли шотландцы в г. Кедайняй дома в шотландском стиле или их дома носили черты архитектуры протестантских городов Восточной Европы. Этот вопрос и лег в основу настоящей статьи.

Версии относительно появления шотландцев в г. Кедайняй

Выдвинуто три версии относительно причин, по которым шотландцы прибыли в город Кедайняй: экономическая, религиозная и утопическая. Согласно первой, шотландцев привел в г. Кедайняй экономический интерес (Žirgulis 2005: 226). Согласно второй — они поселились в г. Кедайняй, спасаясь от

¹ Доклады конференций опубликованы в 2005 г. в сборнике «*Scottish Communities abroad in the Early Modern Period*», а основным источником, наиболее полно освещающим жизнь и деятельность шотландцев в г. Кедайняй, является сборник финансовых документов Кедайняйской евангелическо-реформатской церкви за 1628–1663 гг. Collecta zboru Kiejdanskiego (Collecta 1939), городские инвентарные описи XVII–XVIII вв. (ф. 4, A1723, 1604 БВУ /Библиотека Вильнюсского университета/; ф. 4, A1724, 1624 БВУ; ф. 4, A215, 16891 БВУ), иконографические материалы середины XVII в. (Miškinis, Grinevičius 1975), корреспонденция шотландцев I половины XVII в. (Pamphlets Series 1.469), объекты наследия шотландцев и данные археологических раскопок (Juknevičius 1990; 1994; 2004).

преследования по религиозным мотивам у себя на родине (Jaroszewicz 1844: 107; Šinkūnas 1928: 18). Согласно третьей — шотландцы прибыли в г. Кедайняй в поисках «земли обетованной», носящей название Антилия¹ (Eriksonas 2000: 174).

Экономическая версия

Слово «шотландец» в Польше и Литве в XVII–XVIII вв. было синонимом торговца (Tomkowič 1899: 166). По утверждению историков, в те времена на территории объединенного Польско-Литовского государства Речь Посполита (Rzeczch Pospolita) проживало от 30 до 50 тысяч шотландцев (Murdoch 2001: 2).

Шотландцы славились как оборотистые купцы и надежные воины. Начиная с XIV в. они вели торговлю на скандинавских и прибалтийских землях (Labuda, Ruffmann 1958: 361). Тысячи шотландцев несли воинскую службу в армиях скандинавских государств, Восточной Пруссии и Речи Посполитой (Murdoch 2001: 2). Немало их после окончания воинской службы оседало в чужих краях, где они пробавлялись нелегальной торговлей, вызывая тем самым недовольство местного населения. Этим было обусловлено принятие в 1537 г. в Пруссии закона, запрещающего шотландцам осуществлять нелегальную торговлю (Tomkowič 1899: 157).

Многие шотландцы переселились из Пруссии в Польшу, однако участь их не изменилась к лучшему: поляки облагали шотландцев большими налогами, отбирали товары и прочую собственность, изгоняли из городов. Несмотря на разного рода запреты и преследования, шотландские общины, в силу собственного их членам чувства национальной солидарности, продолжали увеличиваться. В 1594 г. король Польши Сигизмунд Ш Ваза издал закон, сдерживающий приток в страну чужеземцев (Fischer 1903: 170). Однако шотландцы в нарушение закона продолжали наводнять Польшу. В 1616 г. посол Шотландии в Польше П. Гордон своим кодексом попытался строго ограничить миграцию соотечественников. Но и это не помогло сдержать поток шотландцев, хлынувший в Польшу. Шотландская община г. Данцига обратилась к королю Шотландии Джеймсу VI с просьбой «приостановить ежегодный непомерный ввоз юношей и девушек, непригодных ни к какой работе» (Murdoch 2001: 2). С усилением нетерпимости по отношению к шотландцам, часть из них переселилась из Польши в Великое Княжество Литовское (далее — ВКЛ). Однако в столицу государства — город Вильнюс — их не пустили. Иммигрантов охотнее приняли города поменьше — Каунас, Кяльме, Биржай, Таураге, Скуодас и Кедайняй (Alexandrowicz 1966: 197; Meilus 1997: 47).

Религиозная версия

Согласно некоторым утверждениям, основной причиной, по которой шотландцы прибыли в ВКЛ и г. Кедайняй, было их бегство от преследования на родине по религиозным мотивам (Jaroszewicz 1844: 107; Šinkūnas 1928: 18). Тем не менее вплоть до середины пятого десятилетия XVII в. беженцев из Шотландии в города ВКЛ не было (Murdoch 2001: 2). Город Кедайняй оказался для шотландцев-реформатов (пресвитериан) предпочтительнее остальных городов ВКЛ, поскольку, в отличие от остальных, он и сам был протестантским, и шотландцы чувствовали себя здесь в безопасности (Bieganska 1991: 39). Это подтверждается мемуарами шотландского наемника П. Гордона, побывавшего в г. Кедайняй в 1661 г. во время своих странствий. Он пишет, что «город принадлежит Радзивиллам, он пронизан шотландским духом, ибо городская община по своей сути является протестантской и этим привлекательна для шотландцев» (Eriksonas 2000: 180).

¹ Антилия — легендарный остров, земля, впервые обозначенная на глобусе в 1492 г. картографом королевского двора Португалии, немцем М. Бехаймом (1499–1506), причем в самом центре Атлантического океана. Друг картографа Колумб утверждал, что во время первой экспедиции на американский материк он видел издалика Антилию. Еще до этой экспедиции Колумба, в 1414 г., испанцы сообщали о таинственном острове *Insula Septem Civitatum*, легенда о котором переросла в миф об Антилии. Другой немецкий картограф Й. Руиш, проиллюстрировавший в 1508 г. книгу Птолемея «Geographica», повторил теорию М. Бехайма об Антилии. В XVI в. Антилия была обозначена на важнейших географических картах того времени. С. Гриней в издании «Novus Orbis» 1532 г. упомянул, что *Insula Antigliae* расположен неподалеку от острова Гаити, а в 1540 г. в издании Птолемея «Geographica» название Антилия было изменено на Антилла. Оно и было впоследствии присвоено Карибским островам Les Antilhas и Les Antilles. В начале XVII в. группа ученых, приверженцев утопической идеи о создании более совершенного общества, использовала название «Антилия» для развития концепции о «земле обетованной» (устная информация Л. Эриксонаса).

Утопическая версия

Религиозная терпимость была в XVI–XVII вв. одной из важнейших проблем в Европе. Во время затянувшейся на тридцать с лишним лет (1618–1648) войны протестантские идеологи, и в частности, немец С. Хартлиб и шотландец Дж. Дюрье выдвинули утопическую идею о «земле обетованной», так называемой Антилии. Согласно их концепции, колония, объединяющая трудолюбивых «Труженников Господа», преданных этой идее, должна обосноваться в местах, не пострадавших от войны и свободных от религиозного и политического гнета (Eriksonas 2000: 178). «Землю обетованную», иначе говоря, Антилию, С. Хартлиб предлагал подыскать в Америке (Вирджинии). Его соратники хотели воплотить утопическую идею в жизнь на территории Европы — в Ливонии, Курше, Польше или же Литве. Рассматривалась и возможность заселения колонистами острова Руна, расположенного в Рижском заливе. В 1629 г., после встречи в Вильнюсе представителя С. Хартлиба — Дж. А. Пёмера — с князем К. Радзивиллом шотландским колонистам было разрешено обосноваться в Ливонии или в приграничной зоне Речи Посполитой. Город Кедайняй подходил для реализации утопической идеи потому, что был населен протестантами, а его глава, князь К. Радзивилл, состоял в переписке со многими протестантскими деятелями Европы, в том числе и авторами утопической Антилии, а также поддерживал связь с реформатской церковью Эльбинга, к которой принадлежали и шотландцы (Op. cit.: 178).

В 1629 г. первые 20 шотландцев-колонистов прибыли в Кёнигсберг. Отсюда они намеревались отправиться в упомянутую выше Антилию. Лежал ли их дальнейший путь в ВКЛ и в город Кедайняй — об этом история умалчивает.

Шотландцы в г. Кедайняй

В исторических источниках не зафиксировано, когда шотландцы впервые появились в городе Кедайняй. Неясно, сколько их было, откуда они прибыли, в какой части города обосновались. Вероятнее всего, это произошло во второй половине 1627 г. или в начале 1628 г., иначе говоря, после подписания 24 августа 1627 г. князем К. Радзивиллом и его супругой О. Кишкайте-Радзивилене гарантийного письма, которому купцам и ремесленникам, прибывшим в Кедайняй из Польши и городов ВКЛ, предоставлялось право свободно поселиться в городе и свободно покидать его (LMMPA 2002: 103).

Первая шотландская фамилия *Lenart* зафиксирована в 1628 г. в сборнике финансовых документов Кедайняйской реформатской церкви под названием *Collecta zboru Kiejdanskiego* (Collecta 1939: 8). В 1629 г. в Кедайняйской реформатской школе преподавали два доктора теологии, по национальности шотландцы — Я. Патерсон и А. Нихол (*Šinkūnas* 1928: 22). В финансовых документах Кедайняйской реформатской церкви за 1630 г. упоминаются шотландские фамилии Джильберт, Оджилъби, Гордон, Ленарт, Батвин, Эндрю, а рядом с другими фамилии прихожан имеется приписка «szot», т.е. шотландец (Collecta 1939: 8, 13, 16, 24, 32). В 1632 г. нарушения шотландцами правил торговли стали вызывать недовольство и жителей г. Кедайняй (LMMPA 2002: 160).

Судя по историческим источникам, шотландская община в г. Кедайняй стала расширяться, начиная с 1630 г. (Collecta 1939: 35–38), а во второй половине XVII в. она даже приобрела характер олигархии, поскольку в ее руках оказались рычаги административной и экономической власти (*Žirgulis* 2005: 236).

Начиная с 1630 г., шотландцы стали оседать в центральной части города, неподалеку от Большой рыночной площади и ул. Пилес (Замковой), нынешней ул. Диджэйи (Большая) (*Miškinis, Grinevičius* 1975: 163, Рис. 1–2). Они закреплялись здесь на сформированных в конце XVI в. земельных участках, принадлежавших литовцам, в том числе ополячившимся, а также нескольким немцам (БВУ, ф. 4, А1723; БВУ, ф. 4, А1724). В середине XVII в. из 19 участков, расположенных поблизости от Большой рыночной площади, 11 принадлежало шотландцам (*Oksas* 1990: 113–115), а в городской инвентарной описи 1666 г. упоминаются 31 принадлежавший шотландцам дом и 5 земельных участков в районе ул. Пилес и Большой рыночной площади (БВУ, ф. 4, А215, 16891). Данные археологических раскопок свидетельствуют о том, что размеры участков возле Большой рыночной площади, прямоугольных по форме — 20–22 м в ширину и 30–40 м в длину — составляли 6–8 аров (*Juknevičius* 2002: 22). До того, как на них обосновались шотландцы, участки были застроены деревянными домами и хозяйственными постройками, только на некоторых участках стоял небольшой каменный дом (БВУ, ф. 4, А1723, 1604; БВУ, ф. 4, А1724, 1624).

Исторические данные о том, как проходило заселение шотландцами участков доходного и престижного центра г. Кедайняй, отсутствуют. Вероятнее всего, переселенцы просто скупили их у местных жителей, о чем свидетельствует написанная правителем города, князем К. Радзивиллом грамота, в которой

содержится требование к купцам покупать и дома. В ней, в частности, говорится, что «находятся такие локваши, которые, приобретя внаём домишко за копу грошей или за несколько коп банку, хотят превратить их в свое неизменное достояние. Магистрат вкупе с двором обязан пещься о том, чтобы торговцы в соответствии с имеющимся у них добром покупали дом или строили на купленном участке исправный дом» (LMMPA 2002: 160).

О том, что шотландцы относились к числу зажиточных горожан и могли купить участки, свидетельствуют следующие факты: они были торговцами, казначеями реформатской церкви, сборщиками налогов, сьемщиками и кредиторами церковных лавок и фольварков (Žirgulis 2005: 233). Так в 1650 г. правитель города князь Я. Радзивилл взял в долг у реформатской церкви на три года под 8 процентов годовых 2000 золотых, которые пожертвовал церкви шотландец Дж. Лаусон (Collecta 1939: 68). В 1659 г. шотландцы Я. Кюк и Дж. Андерсон снимали близ г. Кедайняй два фольварка реформатской церкви, а еще четверо шотландцев взяли внаем принадлежавшие реформатской церкви магазины (Collecta 1939: 111–112).

Согласно данным археологических раскопок, с 1630 г. шотландцы развернули в г. Кедайняй строительство каменных домов. Именно эта дата была вычеканена на монетах, которые были найдены в домах на заселенных шотландцами участках (Juknevičius 1990: 6). До середины XVII в. почти все принадлежавшие шотландцам участки возле Большой рыночной площади и улицы Пилес были застроены каменными или полукаменными домами (БВУ, ф. 4, А215, 16891). Несмотря на то, что в XIX — первой половине XX в. многие шотландские дома были снесены или реконструированы, по уцелевшим фрагментам можно предположить, что дома, построенные шотландцами в г. Кедайняй, отличались своеобразной архитектурой.

В качестве образцов шотландского строительства и застройки участков в г. Кедайняй могут служить участок с домом Дж. Арнета по ул. Радвилу (Рис. 3), участок с домами Дж. Бенета по ул. Диджиойи, а также участки с остатками строений, принадлежавшие Штиглю и Андерсону по ул. Сянойи (Старой) (Рис. 4).

На участке площадью 22×40 м, принадлежавшем Дж. Арнету, стоял двухэтажный каменный дом из двух корпусов, состыкованных в виде буквы «Г». Восточный корпус дома, шириной 6,5 м и длиной 15 м, возведен во дворе, а северный — по ул. Радвилу, называвшейся в те времена Арклю (Конной). Его ширина составляла 5,5 м, длина — 21,5 м, к тому же имелся сводообразный, длиной 5,5 м, въезд во двор с улицы. Двор был полузакрытый: в восточной и западной его частях находились хозяйственные постройки; середина двора была вымощена булыжником, были также оборудованы и стоки с выводом на улицу и в заболоченную впадину на северной окраине участка (Рис. 3).

В северном корпусе дома, расположенном вдоль улицы, были оборудованы жилые и торговые помещения, а в находящемся во дворе восточном корпусе — помещения хозяйственного назначения, в т.ч. кухня и куполообразная кладовая, сводчатый клозет возле дымовой трубы и прочие помещения. Вдоль второго этажа восточного корпуса со стороны двора оборудована деревянная галерея — поднявшись на нее по деревянной лестнице, далее можно было попасть на вторые этажи обоих корпусов. На первые этажи дома можно было попасть через сводообразные ворота и со двора. Кровля дома — отвесная, двускатная, крытая вогнутой и используемой на гребне крыши черепицей. Под домом был оборудован сводчатый подвал с двумя помещениями и двумя входами: одна лестница вела туда с улицы, а другая — со двора. Товары из подвала подавались наверх, на первый этаж, через небольшое специальное отверстие в потолке, напоминающее ствол шахты (Juknevičius 2004: 16).

На участке площадью 22×35 м, принадлежавшем Дж. Бенету, стоят два каменных дома: один — двухэтажный, состоящий из 2-х корпусов в виде буквы «Г», и другой — двухэтажный, однокорпусный, прямоугольный дом в виде буквы «I». Один корпус первого дома, длиной 11,5 м, расположен вдоль ул. Диджиойи, а другой, длиной 16,0 м — во дворе. Между двумя домами сделан сводообразный, с воротами, въезд во двор шириной 3,5 м и длиной 8 м (Рис. 4). Входы в дома расположены со стороны двора и ворот. В помещениях первых этажей — сводчатые потолки с люнетами, стены разрисованы растительным орнаментом с изображением солнца и полумесяца. Оба дома со стороны двора были соединены когда-то деревянной галереей, которая не сохранилась, поскольку в XIX в. была осуществлена реконструкция вторых этажей домов. Под домами оборудованы подвалы со сводчатыми потолками и входами со стороны улицы, двора и помещения первого этажа. Двор площадью 8,5×27 м вымощен булыжником. К упомянутым двум домам примыкают два каменных дома, построенных в XIX и XX вв., которые замыкают пространство двора. Вероятнее всего, на их месте в XVII–XVIII вв. были деревянные хозяйственные постройки.

На участке площадью $20,7 \times 32,49$ м, принадлежавшем Штиглю, стояло два двухэтажных прямоугольных каменных дома со сводчатыми подвалами. Дома были построены примерно в 1630 г. Это подтверждается датой, вычеканенной мастерами из Эльбинга на серебряном дрейперхере, обнаруженном в одном из домов: 1629 год (Juknevičius 1990: 6). Один дом стоял на северной окраине участка, другой — на южной. Оба дома были обращены торцовым фасадом к улице Сянойи. Дом на северной стороне участка по ул. Пилес, составлял 7,0 м в ширину и 19,0 м в длину. К нему примыкала хозяйственная постройка. Вместе с домом она занимала все пространство участка в длину, что составляло в целом 32,49 м. Дом, стоявший на южной стороне участка, составлял в ширину 7,2 м и в длину 10,7 м. Оба дома по ул. Сянойи были соединены сводообразным въездом во двор шириной 5,8 м и длиной 10,7 м. Двор шириной 13 м и длиной 21 м был вымощен булыжником, там имелись тщательно оборудованные стоки в направлении ул. Сянойи (Juknevičius 1994: 14, Рис. 5).

Участок Штигля граничил с участком Андерсона, в северной части которого стоял двухэтажный, прямоугольной планировки, состоящий из двух корпусов каменный дом со сводообразным подвалом. Торцовой стороной, составляющей 7,2 м, он выходил на нынешнюю ул. Сянойи, а длинной стороной (19 м) — во двор. В тыльной стороне дома стояли две небольших хозяйственных постройки (Рис. 5). Как была застроена южная часть участка Андерсона, пока не установлено, поскольку она еще не исследована.

Остается неясным, строили ли шотландцы в г. Кедайняй дома, характерные для городов Шотландии, ибо их архитектура не исследована. Факты свидетельствуют о том, что чужеземные общины в г. Кедайняй строили своеобразные, в духе своих национальных традиций дома или же дома, характерные для тех мест, откуда они прибыли. Например, евреи, жившие в северной части города, в районе Старой рыночной площади (Рис. 1) строили одноэтажные деревянные дома без подвалов прямоугольной планировки площадью $5,5\text{--}7,5 \times 13,0\text{--}16$ м. Их торцовые фасады были ориентированы на улицы, ведущие к рыночной площади, а основные боковые фасады домов, расположенных возле рыночной площади, были обращены в ее сторону. Территория, заселенная евреями с середины XVII в. до Второй мировой войны, отличалась наиболее плотной застройкой. Это объяснялось тем, что евреям разрешалось жить на строго отведенной для них территории, площадью всего около 1 га (Juknevičius 2002: 11–12).

Дома немцев-лютеран, переселенцев из Пруссии и Саксонии, построенные в западной части г. Кедайняй (Рис. 1), где обосновались немцы, не сохранились. Однако, согласно городским инвентарным описям, это были здания фахверкового стиля, которые в упомянутых документах назывались «домами сакскими» или «домами прусской кладки» (БВУ, ф.4, А215,16891,16661; Puodžiukienė 1988: 39).

Судя по виду уцелевших шотландских домов и по тому, как сами шотландцы относились к местному населению, можно предположить, что новопоселенцы, обосновавшиеся в г. Кедайняй, имели обыкновение подчеркивать свою исключительность: в разного рода документах рядом со своими фамилиями они делали приписку о своей национальности по-латыни „ex gente scotica“ или по-польски „z nasziej szkockej“ (Collecta 1939: 103; Lukaszewicz 1842: 28). Они отдельно праздновали обедню, причащались, проводили церковную службу на английском языке, а в крестные для своих детей приглашали исключительно соотечественников (Collecta 1939: 58).

Вместе с тем, обнаруженные на участках шотландцев находки свидетельствуют о том, что быт этих людей был традиционно городским и ничем не отличался от жизненного уклада остальных горожан. Их дома так же, как и жилища местных зажиточных горожан, отапливались печами, покрытыми зелеными глазурованными пластинчатыми и рельефными карнизными изразцами, которые получили распространение в г. Кедайняй в середине XVII — начале XVIII вв. В декоре изразцов главенствовали растительный орнамент и сюжетные мотивы: васильки, тюльпаны, клевер, их групповые композиции, «ковры» из стилизованных растений, ангелы, сатиры, грифоны, львы (Рис. 5).

Кастрюли, кувшины, тарелки, блюда, бокалы шотландцы использовали, как импортные, так и изготовленные местными ремесленниками, иными словами, те же, что и остальные горожане. К числу импортных изделий относились тонкостенные горшки, кувшины, тарелки из белой и светло-серой глины, покрытые светло-зеленой, бледно-желтой и коричневой глазурью. Плечики горшков и кувшинов гладкие или декорированные тисненым орнаментом «в сеточку». Тарелки украшены стилизованной растительной росписью, покрыты белой и синей глазурью (Рис. 6). Посуду работы местных ремесленников составляли изготовленные из розовой глины горшки, кувшины, тарелки, блюда, подвергнутые обжигу в редуцированной или окисленной среде. Они покрыты темно-зеленой, бледно-желтой и коричневой глазурью. Плечи горшков и кувшинов декорированы орнаментом, представляющим собой тисненую «сеточку», треугольные насечки, горизонтальные волнистые линии (Рис. 7). Тарелки украшены геометрическими орнаментами, мотивами стилизованных растений, сочетани-

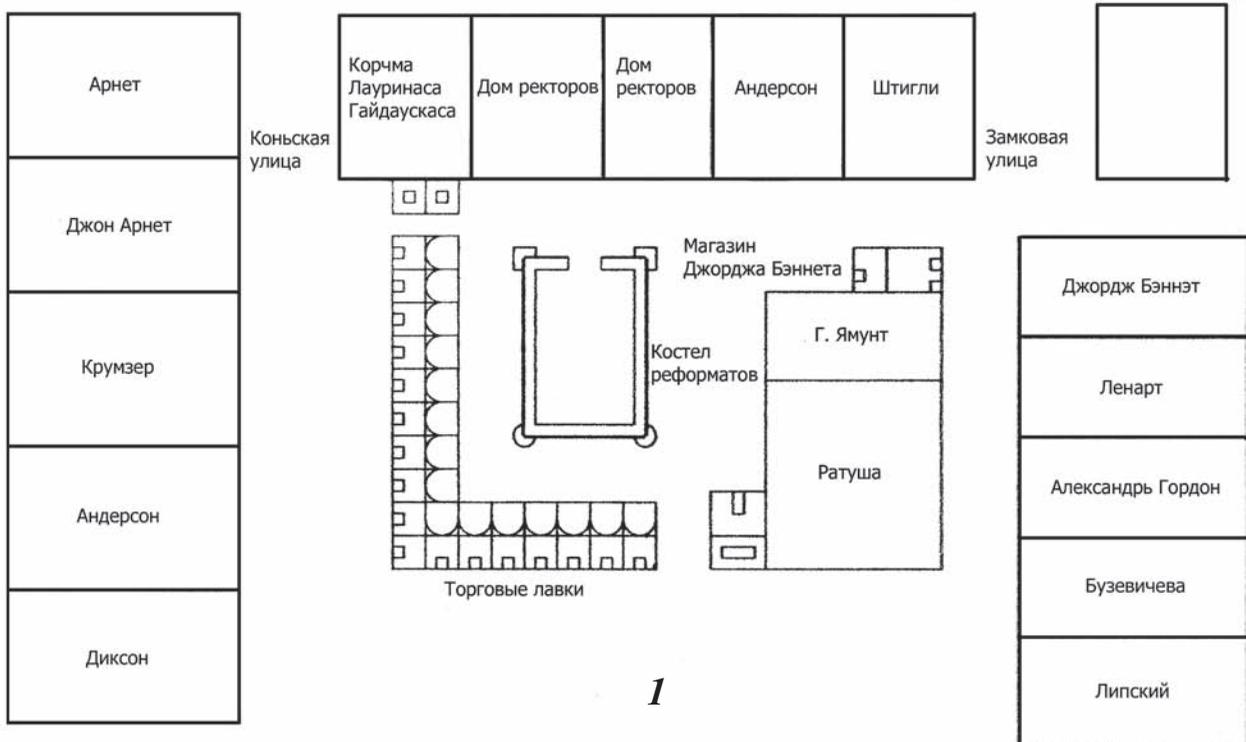

Рис. 1. План старого города Кедайнiai

ем тех и других. Они покрыты разноцветной (полихромной) глазурью: зеленой, серой, коричневой, бледно-желтой, синей. Таким образом, не обнаружено никаких археологических находок, свидетельствующих о том, что быт шотландцев, проживавших в г. Кедайнiai в XVII–XVIII вв., был иным, чем у остальных горожан (Juknevičius 1999: 22–27).

Шотландцы покидают г. Кедайнiai

Влияние шотландской общины на жизнь города Кедайнiai стало ослабевать в конце XVII в., когда умерли последние их покровители — представители биржайско-дубингяйской ветви протестантского княжеского рода Радзивиллов. В начале XVIII в. в протестантском городе Кедайнiai стали обосновываться монахи-кармелиты. Получив разрешение городского владыки — Невбургского князя-католика Карла Филиппа, монахи-кармелиты захватили принадлежавшие горожанам-реформатам земельные участки в центре города, возле ул. Пилес, и приступили к строительству церкви и монастыря. Монахи силой захватили дом шотландца В. Купера, участок Я. Грея и винный погреб жены шотландца Р. Ливингстона. Хотя решением суда дома шотландцам были возвращены, но, поскольку деньги за эту недвижимость впоследствии так и не были выплачены, упомянутое имущество у шотландцев отобрали снова.

1

2

Рис. 2. Территория Большого рынка г. Кедайняй в середине XVII в. (по рисунку старосты города Л. Коханского, 1661 г.)

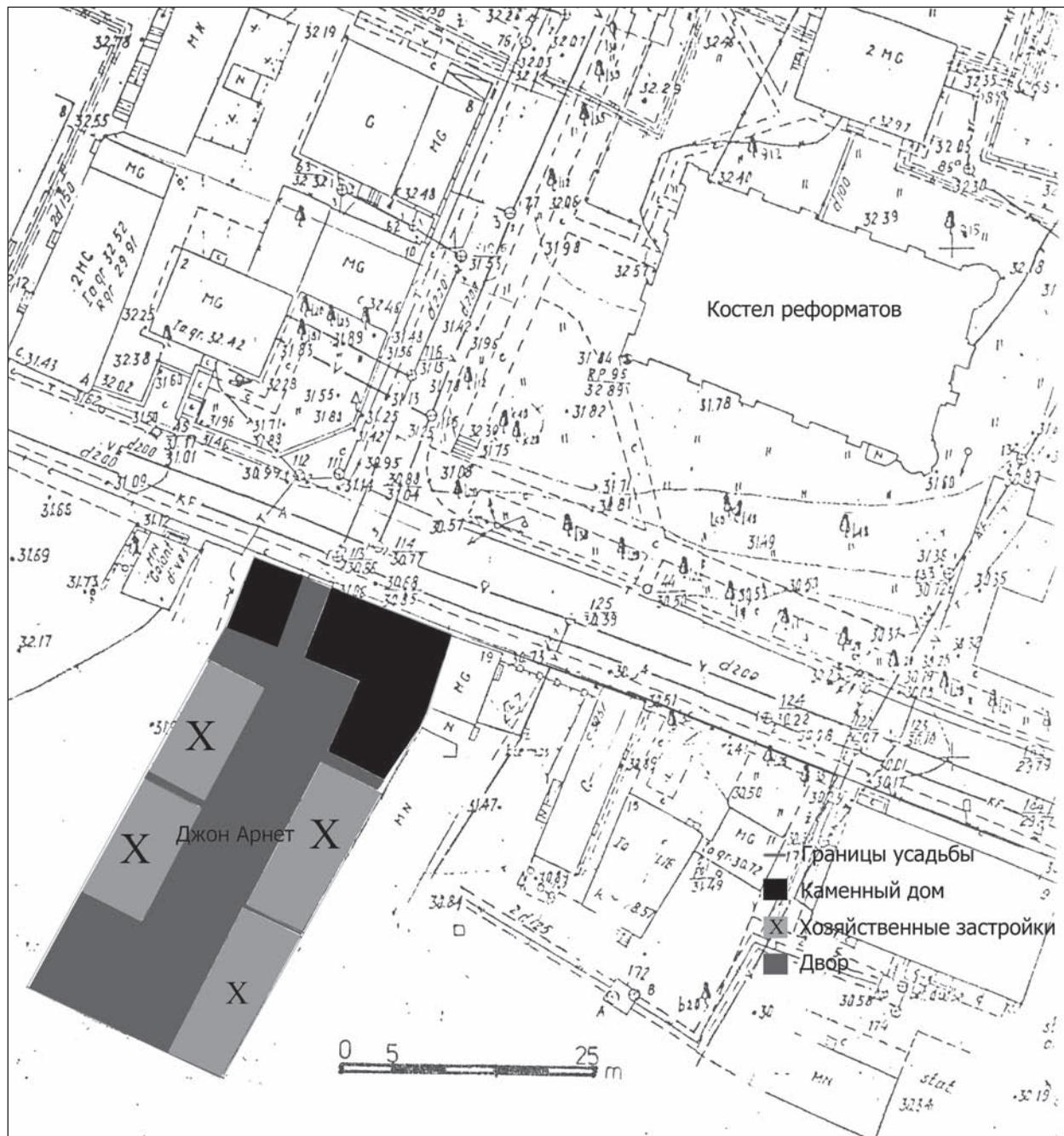

Рис. 3. Усадьба шотландца Джона Арнета на плане г. Кедайняй

Таким образом, шотландцы, оказавшись не в состоянии удержать свое имущество, были вынуждены уступить свои права на него монахам-кармелитам.

Шотландская община окончательно обнищала во время Северной войны 1700–1709 гг. и свирепствовавшей в 1709–1711 гг. чумы. О бедственном положении шотландцев, живших в г. Кедайняй в первой половине XVIII в., свидетельствует письмо, написанное соотечественникам в 1731 г. В нем говорится: «В г. Кедайняй, одном из важнейших городов Жемайтского княжества в Литве, в Польском королевстве, живет много протестантских семей, состоящих в основном из англичан и шотландцев или же наследников тех, кто поселились тут ранее и кто в религиозном отношении по-прежнему остается с Великобританией. В этом городе имеются две замечательных протестантских церкви, а также протестантская коллегия, где молодежь обучают всем полезным наукам. Эти протестанты во время последних войн между Швецией,

Рис. 4. Крупные усадьбы шотландцев Штигли, Андерсона и Джона Бэннета на плане г. Кедайняй

Польшей и Москвой, которые начались в 1699 г.¹, перенесли столько невзгод, что, в конце концов, очутились на краю пропасти. Наряду с присущими войне бедствиями, волею судьбы на этот бедный город наслан был 1709 г. страшный голод; а на следующий год началась ужасающая чума, покосившая множество жизней и безумно разгуливая по всему Жемайтскому краю. Это сродни тому, как если бы солдаты совершили тройной поджог для того, чтобы ограбить и заставить платить ужасные контрибуции не только за себя, но и за другие города; знатные горожане, желая избежать ограбления, переселились со своим добром в более безопасные места. С тем, чтобы более успешно заставить этот несчастный город выплачивать столь

¹ Война между Речью Посполитой, Швецией и Москвой происходила в 1655–1661 гг.

жуткие контрибуции, нескольких довольно известных горожан заковали в цепи и держали в подвалах. Эти жестокие решения привели к почти полному краху торговли, а торговали тут прежде широко: льном, коноплей, кожей, воском, жиром, всеми хлебными злаками, а также прочими товарами. Жители города владели 20 с лишним парусными судами вместимостью 120 и более бочек, вели торговлю с Кёнигсбергом в Пруссии, причем большинство из них были протестантами, в то время, как ныне таковым является лишь один, да и тот относится к числу папских слуг. Люди, которые продавали эти товары, а также торговцы из Кёнигсберга, с большей охотой торговали бы с кедайнцами, имей те достаточно запасов, чем с евреями и прочими купцами, с которыми они ведут торговлю сейчас, ибо кедайнские торговцы пользуются репутацией честных людей, которые в случае любого несчастья могут без труда получить поддержку (Pamphlets Series 1.469).

В связи с тем, что численность шотландской общины сократилась, а ее экономические возможности явно ослабели, шотландцы стали искать помощь на родине. В 1727 г. в Англию отправились кедайнские шотландцы В. Росс, Я. Грей и А. Рейнгольд, которые намеревались собрать там средства для местных обнищавших соотечественников (Kiegeisen 1996: 136). Так и не выяснено, была ли эта миссия успешной, поскольку в 1730 в г. Лондон снова отбыли Я. Грей и реформатский священник Я. Гордон, которые должны были изыскать источники финансовой помощи бедствующим соотечественникам. Они возлагали надежды на Англию еще и потому, что это государство поддерживало протестантов во всей Европе, особенно тех, кто жил в окружении католиков (Žirgulis 2005: 240). Деньги в поддержку малоимущих кедайнских шотландцев собирали по всей Англии и Шотландии, а на собранные средства в Кёнигсберге закупались железо, стекло, свинец, соль, сельдь и другие ходовые товары. Часть собранных денег предназначалась для нуждающихся соотечественников, а остальные деньги под 6 % годовых оставались в Данциге — их предполагалось вложить в долговременное развитие торговли в г. Кедайнай (Nishikawa 2000: 307). С этой целью 7 июля 1731 г. было создано коммерческое общество „Societatis Commerciolum“ (Tworek 1966: 195). Его основателями были бургомистр города Кедайнай А. Катберт, советник Э. Лейтич, вайт Дж. Форсай, члены магистрата У. Росс, Р. Ливингстон, Д. Андерсон, Я. Грей, члены децемвирата Д. Митчелл и Дж. Хэлибортон. В документе, подтверждающем факт основания Общества, подчеркивается, что его члены являются по своей национальной принадлежности британцами „nationis Magna Britannija“. Члены Общества ставили своей целью оживление торговли в г. Кедайнай, поддержку евангелическо-реформатской церкви, содержание ее служителей, оказание материальной помощи беднякам и обнищавшим соотечественникам. В него могли быть приняты должностные лица Кедайнского магистрата, сеньоры реформатской церкви и все имевшие принадлежность к „nationis Magna Britannija“ (Tworek 1966: 195). Члены Общества были обязаны постоянно отчислять часть своих доходов в его пользу; им надлежало присягнуть в этом, а в дальнейшем выполнять свои обязательства и способствовать приумножению капитала Общества. В целях организации торговли были налажены связи с торговыми людьми Кёнигсберга, Риги, Данцига, в основном с этническими шотландцами. Их также намеревались вовлечь в деятельность коммерческого общества „Societatis Commerciolum“. Считается, что именно оно стало первым акционерным обществом в Литве, хотя и с ярко выраженной религиозной направленностью. Однако просуществовало оно недолго, поскольку не хватило оборотных средств для развития его деятельности. Кроме того, численность членов Общества сдерживалась требованием соответствовать конкретной национальной и религиозной принадлежности, а именно необходимостью быть шотландцем-реформатом, к тому же личные интересы членов Общества ставились выше интересов шотландской общины в целом (Там же: 195–201). Так или иначе, ни собранные обществом средства, ни его усилия по оживлению экономики так и не улучшили положения кедайнских шотландцев. В 1731 г. при пожаре сгорели все хранившиеся в магазине и на складах Я. Грея товары (Nishikawa 2000: 307). Эта дата стала для шотландцев роковой еще и потому, что в том же году город Кедайнай перешел под власть представителей католической несвижской ветви княжеского рода Радзивиллов, и на сто с лишним лет в бывшем протестантском городе стало укореняться и брать верх католичество (Žirgulis 2002: 242).

Контрреформация, религиозная нетерпимость и экономический кризис стали причиной сокращения численности шотландской общины в г. Кедайнай. Так в 1735 г. из восемнадцати принадлежавших реформатской церкви магазиновосьемью управляли шотландцы, а десятью — евреи (РОНБ, ф. 93–95, С. 35).

В 1739 г., согласно городской инвентарной описи, из 408 упомянутых в ней собственников городских земельных участков 68 были шотландцы. Еще 25 участков у шотландцев переняли или выкупили новые собственники: литовцы, поляки и евреи (AGAD, dzial XXV, sygn. 1663). Бытует мнение, якобы шотландцы чаще всего передавали торговлю в руки евреев, в силу определенной близости этих народов. Это вызывало зависть и неприязнь со стороны местных литовцев и поляков (Žirgulis 2002: 243). К при-

Рис. 5. Археологические находки из усадьбы шотландца Андерсона.
1–2 — фрагменты плоских изразцов местных мастеров. 3–4 — карнизные изразцы местных мастеров

Рис. 6. Археологические находки из усадьбы шотландца Андерсона.
1–3 — фрагменты импортных кувшинов и горшков. 4 — фрагмент импортного бокала

Рис. 7. Археологические находки из усадьбы шотландца Андерсона.
Фрагменты тарелок местных мастеров

меру, в конце XVII в., когда в г. Кедайняй начался экономический спад, в доме шотландца Андерсона по ул. Пилес проживал торговец-еврей Гирш; на той же улице в доме шотландца Хэлибортона поселился еврей-цирюльник; в доме шотландца Гордона по улице Арклю гнал домашнюю водку еврей Зельман; в доме Патерсона жил еврей Вигдер; а в доме Маккенана — еврей Левек, торговавший мелким товаром (БВУ, ф.4, А217,17212).

Начиная с 1750 г., в документах реформатской церкви и инвентарных описях г. Кедайняй шотландские фамилии не встречаются. Согласно некоторым утверждениям, шотландцы переселились из этого города в Кёнигсберг и Мемель, где занимались сплавом древесины и ее продажей (Labuda 1958, с. 361).

Литература

- Alexandrowicz S. 1966: Zaludnienie miasteczek Litwy i Białorusi w XVI i pierwszej połowie XVII w. // Roczniki dziejów społecznych i gospodarczych, Białystok.
- Biegańska A. 1991: In Search of Tolerance: Scottish Catholics and Presbyterians in Poland // Scottish Slavonic Review, XVII. Edinburgh.
- Eriksonas L. 2000: The Lost Colony of Scots: Unravelling Overseas Connections in a Lithuanian Town“ // Macinnes A.I., Riis T. and Pedersen F.G., eds., „Ships, Guns and Bibles in the North Sea and the Baltic States, c. 1350 — c. 1700, East Linton.
- Fischer Th. 1903: The Scots in East and West Prussia, Edinburgh.
- Jaroszewicz J. 1844: Obraz Litwy pod względem jej cywilizacji od czasów najdawniejszych do końca wieku XVIII, t.2, Wilno.
- Juknevičius A. 2002: Kėdainių senamiesčio kultūrinis sluoksnius // Lietuvos muziejų rinkiniai, V mokslinė konferencija, Kėdainiai.
- Kriegseisen W. 1996: Ewangelicy Polscy i Litewcy w Epoce Saskiej, Warszawa,
- Labuda G., Ruffmann K.H. 1958: Engländer und Schotten in des Seestädten Ost- und Westpreussens, Zeitschrift für Ostforschung, Jg VII, Gdansk.
- LMMPA 2002: Lietuvos magdeburginių miestų privilegijos ir aktai (Привилегии и акты магдебургских городов Литвы): Kėdainiai, t. 3. — Vilnius.
- Lukaszewicz J. 1842: Dzieje kościołow wyznania helweckiego w Litwie, t. 1, Poznan.

- Meilus E. 1997: Žemaitijos kunigaikštystės miesteliai XVII a. II pusėje — XVIII a. (raida, gyventojai, amatai, prekyba), Vilnius.
- Miškinis A., Grinevičius H. 1975: Kėdainių urbanistinė raida. // Architektūros paminklai, t. III, Vilnius.
- Murdoch S. 2001: The Scottish Community in Kėdainiai in its Scandinavia and Baltic Context. //pranešimas, perskaitytas tarptautinėje mokslinėje konferencijoje “Colloquium Balticum. Baltijos regionas Europos mastu”, Šeteniai.
- Nishikawa S. 2000: Across the Continent: The Protestant Network Between The Society for Promoting Christian Knowledge (SPCK) and Kėdainiai.// Kultūrų sankirtos, Vilnius.
- Oksas J. 1990: Kėdainių senamiesčio regeneracijos istoriniai tyrimai, Mašinarštis, Kaunas.
- Puodžiukienė D. 1988: Kai kurie XVII a. Kėdainių architektūros bruožai // Lietuvos TSR architektūros klausimai. T. 9 (1), Vilnius.
- Seredyka J. 1976: Dzieje zatargów i ugody o kościół kiejdański w XVI–XVII w // Odrodzenie i reformacja w Polsce, XXI, Warszawa.
- Šinkūnas P. 1928: Kėdainių miesto istorija, Kaunas
- Tomkowič S. 1899: Przyczynek do historii szkotow w Krakowie i w Polsce // Rocznik, II Krakowski, Krakow.
- Tworek S. 1966: Z dziejów kalwinizmu w Wielkim Księstwie Litewskim w XVIII w.// Annales Universitatis Mariae Curie — Skłodowska, Lublin — Polonia, vol. XXI, 8, Lublin.
- Žirgulis R. 2005: The Scottish Community in Kėdainiai C.1630 — C.1750 // Scottish Communities abroad in the Early Modern Period, Leiden–Boston.

Источники

- AGAD, Archiwum Radziwillowskie. Dział XXV. Sygn. 1663.
- Collecta zboru Kiejdańskiego, Wilno, 1939.
- Juknevičius A. 1990: Kėdainių senamiestis. Didžiosios ir Senosios gatvių kampas. Archeologinių tyrimų ataskaita, Kaunas.
- Juknevičius A. 1994 šb: Kėdainių senamiestis. Namų Didžioji g-vė Nr. 7 ir Nr.9 kieme atliktų archeologinių kasinėjimų ataskaita // LIIR, F.1, Nr.2176.
- Juknevičius A. 1998ša: Kėdainių senamiestis. Sklypo Didžioji g. 9 pietinė dalis. 1998 m. archeologinių kasinėjimų ataskaita // LIIR. F.1, Nr.3163.
- Juknevičius A. 2004: G280K namų kompleksas vad. Senjorų namais, Kėdainiuose. 2003 metų archeologinių tyrimų ataskaita, Kėdainiai, Ataskaita saugoma Kėdainių krašto muziejuje.
- NMBR, f.93–95,1.35
- Pamphlets Series 1.469, National Library of Scotland
- VUBR, f 4, A 215, 16891, 1666, 1
- VUBR, f .4, A1723
- VUBR, f 4, A1724
- VUBR, f .4,A217,17212,1.1

The Scottish community in Kedainiai in the XVII–XVIII-th centuries

From the first half of the XVIIth c. to the middle of the XVIIIth c. in Kedainiai there was a community of the Scottish Calvinists that conditioned the town's economy, social and religious life. The Scots were influential members of Kedainiai multicultural community: privileged immigrants, wealthy burgesses, leading members of the Calvinist community and sponsors of the Church. They belonged to the elite of Kedainiai burgesses and called themselves ‘*ex gente scotica*’. It is maintained that Kedainiai Scottish community was the second largest one in the whole Baltic — Scandinavian region. More Scots lived only in Bergen (Norway).

There is no detailed picture of Scots life in Kedainiai in the XVIIth – XVIIIth c. Moreover, it remains unclear, whether the Scots came to Kedainiai with some economical interests, because of confessional persecution in their homeland, or they had a hope to implement the Utopian dream of the ‘promised land’. It is also unclear what kind of trading the Scots did in Kedainiai and in what extent. One of the most interesting issues concerning the Scots is the building of the Scottish stone houses, as a boom of the stone houses in Kedainiai started as soon as the Scots appeared in the town about 1630. Did the Scots of Kedainiai build houses typical of Scotland towns, or their houses were specific to the Protestant towns of the Eastern Europe, remains unclear.

Specimens of the Scottish building in Kedainiai are John Arnet House in Radvilu Street, George Bennet House in Didžioji Street and remains of Stigley and Anderson Houses in Senoji Street. The most typical feature

of the Scottish houses is their layout and position in a site. The houses have a layout of L shape, two-storied with steep, span roof and wooden galleries inside a yard. Underneath the houses there were spacious vaulted cellars. In the houses' bulks that faced a street there were commercial and residential rooms, while the household ones were in bulks facing yards. Ceiling of the ground floors were spanned with wooden beams or with stone arches and painted with vegetable ornaments. The yards were paved with stones, entries were about 3.5–5.5 m in width through arched gates.

The Scottish houses were built in sites of 6–10 are in size that had been planned out at the end of the XVIth c. The Scots used to buy sites in the profitable places of the town from the Lithuanian burgesses.

Findings discovered in the Scottish sites showed that their daily life was traditional townish and did not differ from other communities that lived in Kedainiai: Lithuanians, Germans and Jews.

The influence of the Scottish community in Kedainiai fell into decline at the end of the XVIIth c. when the Dukes of the Radziwill Protestant family of Birzai — Dubingiai branch, owners of the town and patrons of the Scots had died out. The Scottish community beggared during the North War in 1700–1709 and plague in 1709–1711.

From 1750 there are no Scottish family names in documents of Kedainiai Calvinist Church as well as in lists of the town inventory. It is maintained that the Scots of Kedainiai moved to Königsberg and Klaipeda where they were in the trade of timber.

Становление плановой структуры Вильнюса: геоморфологический аспект (тезисы доклада)

О. Валёнене

Институт истории Литвы, Вильнюс

Лицо каждого города и направление его развития зависят от ряда доминирующих факторов (социологических, экономических, экологических) и их динамики. Несмотря на множество возможных вариантов развития, универсальность и взаимозависимость структурных составляющих характерна для всех типов городов.

Плановая структура города состоит из универсальных элементов: городских узлов, территориальных районов и дорожно-коммуникационной сети.

Выразительным и объективным источником познания развития города являются дороги и коммуникационная сеть в целом, поскольку она: а) формируется и изменяется на основе функциональных приоритетов существовавшей плановой структуры; б) рационально связана с природным окружением; в) оптимизирует технические возможности общества своего времени. Таким образом, дорожная сеть отражает функциональные связи между структурными элементами города, используя природные оси рельефа. Связуемые сетью узлы находятся в доминантных точках визуальных пространств.

Следы коммуникационной структуры сохраняются даже после ее исчезновения, как в археологическом, так и в архитектурном материале. В свою очередь, коммуникационная система, как один из основных функциональных элементов, помогает воссоздать и понять динамику и характер развития плановой структуры.

Анализ коммуникационно-уличной сети Вильнюса позволяет выявить 4 этапа в становлении плановой структуры города:

Конец XIII – первая половина XIV в.

Первая половина XIV в. – третья четверть XIV в.

Третья четверть XIV в. – 1390 год.

1390 г. – начало XVI в.

Список сокращений

АВ – Археологические Вести. С.-Пб.

БВУ – Библиотека Вильнюсского университета

ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Л.

ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН. С.-Пб.

ИЗ – Исторические записки. М.

М. – Москва

НА КГОМА – Научный архив Курского государственного областного музея археологии

НГОМЗ – Новгородский Государственный объединенный музей-заповедник, Новгород

НИС – Новгородский исторический сборник. Новгород.

ННЗИА – Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород.

СлРЯ XI – XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. М.

СлРЯ XVIII вв. – Словарь русского языка XVIII вв. С.-Пб.

С.-Пб. – Санкт-Петербург

РОНБ – Рукописный отдел Национальной библиотеки им. М. Мажвидаса

AGAD – Archiwum Główny Akt Dawnych w Warszawie

Collecta – Collecta zboru Kiejdańskiego, Wilno, 1939

LIIR – Lietuvos istorijos institutas. Rankraštynas

LMMPA – Lietuvos magdeburginių miestų privilegijos ir aktai

VUBR – Vilniaus Universiteto Bibliotekos Rankraštynas

Содержание

От редколлегии.....	5
---------------------	---

Раннее средневековье

<i>О.В. Шаров (ИИМК РАН)</i> Находки римской эпохи на Северо-Западе России.....	7
<i>А.Н. Кирпичников, С.В. Белецкий (ИИМК РАН)</i> Новые находки памятников древнерусской сфрагистики в Старой Ладоге.....	21
<i>А.В. Плохов (ИИМК РАН)</i> Орнаментация лепной керамики Рюрикова городища	52
<i>А.В. Борисик, В.И. Кашкевич (ФГУНПП «Геологоразведка»), Н.И. Платонова (ИИМК РАН), Н.Н. Блохин, А.А. Анисимов (ФГУНПП «Геологоразведка»), М.П. Кашкевич (СПбГУ)</i> Комплексные геофизические исследования кургана «Шум-Гора»	80
<i>А.В. Клеева (Гос. Эрмитаж), Н.И. Платонова (ИИМК РАН)</i> Золотое ювелирное изделие из Передольского погоста.....	89
<i>Р. Йонайтис, В. Вяжявичене (Институт истории Литвы)</i> «Русский город», исторически сформировавшийся в Вильнюсе в XIV–XV вв.	94

Позднее средневековье

<i>Г. Рацкявичюс (Центр исследований замков Литвы «Замки Литвы») Стрелки из Генуи (Genewel) при осаде Вильнюсского замка в 1394 году.....</i>	104
<i>Г.Ю. Стародубцев, А.В. Зорин (Курский государственный областной музей археологии)</i> Городище «Царский Дворец» — замок на восточных границах Великого княжества Литовского (предварительные результаты исследований 2004–2006 гг.).....	113
<i>А.В. Курбатов (ИИМК РАН)</i> Торговля кожевенными товарами в средневековой России или феномен «русской кожи»	122
<i>М.В. Рымша (Гос. Эрмитаж)</i> Служилые литовские князья в Новгороде: военная помощь или политическая поддержка?.....	134
<i>А.И. Сакса (ИИМК РАН)</i> Средневековый Выборг: начало городской истории (по итогам раскопок 1999–2006 гг.)	139
<i>И. Каплунайте (Институт истории Литвы)</i> Периферийные замки-резиденции литовской знати в XVI веке.....	147
<i>А. Юкнявичюс (Кедайнский краеведческий музей)</i> Шотландская община в г. Кедайняй в XVII–XVIII вв.	157
<i>О. Валёнене (Институт истории Литвы)</i> Становление плановой структуры Вильнюса: геоморфологический аспект.....	171

Научное издание

**Археология и история Литвы
и Северо-Запада России
в раннем и позднем средневековье**

Доклады Международного российско-литовского семинара
Санкт-Петербург, 4-8 декабря 2006 г.

Компьютерная верстка *Л. Философова*
Оформление обложки *Л. Философова*

Подписано в печать 14.10.09. Формат 60x84/8
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Newton
Усл.-печ. л. 21,75.
Заказ №

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
тел.: (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
СПб., ул. Розенштейна, д. 21
тел.: (812)622-01-23